

ЧЕЛО

альманах

№ 1[43] 2009

Издаётся с 1995 года

Новгородский государственный
университет им. Ярослава Мудрого

ВЕЛИКОГОРОДСКОЙ СТАРИНЫ РИСОВАЛЬЩИК

«Шумливо колоритное жизнелюбие ухватистых горожан покоряет своим оптимизмом и будит естественный интерес к их жизни. Великий Новгород в преддверии своего юбилея вполне может гордиться деятельным соучастием удивительного мастера, чьё искусство золотыми крупницами возвращает нашу драгоценную историческую память в сокровищницу российской культуры...»

Статью В.С. Булыгина читайте на с. 88.

СОДЕРЖАНИЕ:

эхо

- И.В. Хохлов* — Новгородские полки армии Петра I 3
Я.Н. Рабинович — Порхов, Псков и Столбово в 1615—1617 гг. 7
Священник Александр Панкратов — Новгородское старообрядчество XVIII века в трудах «энциклопедистов» церковной истории 12

архив

- И.В. Киселёва* — Званский Знаменский монастырь и Державинское училище Новгородской епархии 15
С.В. Кулик — Православная церковь на оккупированной территории Северо-Запада России в 1941—1944 гг. 20
Б.Н. Ковалёв — Испанские военнопленные в Боровичском лагере 28
С.А. Козлов — Первый послевоенный 41
Л.А. Вавилова, Е.В. Откидач — Страницы истории 48

кафедра

- И.Н. Извеков* — История семьи — история страны 52
Г.Н. Ботвинин — Память о прошлом — основа будущего 52
И.В. Падусел — Что сказать потомкам о предках? 58
Ж.С. Леонтьева — Долговечны ли семейные легенды о предках? 62
И.А. Мельников — 200 лет роду Мельниковых 66

имена

- Л.В. Антонова* — Пётр Хрисанфович Оболянинов 71

слово

- А.П. Донченко, В.В. Иваницкий* — Здравый смысл и моральные ценности 77

колокола

- О.И. Москвина* — У истоков новгородских песенных традиций 80

мастера

- В.С. Булыгин* — Великогородской старины рисовальщик 88

вернисаж		
<i>С.Н. Левандовский</i> — Свечение духа		91
эрмитаж		
<i>А.В. Конивец</i> — Первое мая 1920 года		99
extranea		
<i>М.М. Сафонов</i> — Новгород в дневнике Жильбера Ромма		102
перо		
<i>А.А. Игнатьев</i> — Мария-Каролина-Лорелея...		104
<i>Тамара Сигалова</i> — Стихи		110
<i>Алёна Олейникова</i> — Стихи		111
exlibris		
<i>Г.М. Коваленко</i> — Новгород и новгородцы на развилке истории. Между Москвой и Стокгольмом		112
<i>Священник Александр Панкратов</i> — «Лавинка» к «остальцам благочестия»		114
<i>Н.И. Морылёва</i> — «И, пыль веков от хартий отряхнув, правдивые сказанья перепишет...»		115
<i>P.M. Schrader</i> — Vladimir Yarish, Flo Hoppe, Jim Widess. Plaited Basketry with Birch Bark		119

Редакционная коллегия:

Барканова Е.В.
(главный редактор)

Бурьяк М.К.
Витушкин С.Ф.
Данько Т.А.
Дудкин В.В.
Зозуленко Т.Б.
Коваленко Г.М.

Морылёва Н.И.
Петрова Л.А.
Поветкин В.И.
Савинова И.Д.
Сакса А.И.
Секретарь Л.А.
Сигалова Т.Н.
Ядрышников В.А.
Ярыш В.И.

НОВГОРОДСКИЕ ПОЛКИ АРМИИ ПЕТРА I

В работах, посвящённых истории Новгорода в эпоху Петра I и участию новгородцев в Северной войне 1700—1721 гг., достаточно часто можно встретить описание действий Новгородского пехотного полка в Полтавском сражении. Описание это сводится в общих чертах к следующему: перебежавший к шведам накануне сражения солдат рассказал неприятелю, что один из русских полков, укомплектованный неопытными новобранцами, будет одет в серые мундиры. Карл XII решил атаковать в первую очередь именно этот полк. Однако Пётр I, узнав об измене, приказал переодеть в серые мундиры один из самых боеспособных полков — Новгородский. В ходе боя два шведских батальона потеснили первый батальон новгородцев и прорвали первую линию русской позиции. Однако второй батальон под непосредственным командованием царя пошёл в контратаку и в упорном бою ликвидировал прорыв. Этим, в общем-то, и ограничиваются наши знания о вкладе жителей Новгорода и Новгородской земли в победу над Швецией в начале XVIII в.

Между тем достоверность приведённого эпизода с переодеванием ставится некоторыми исследователями под сомнение¹. Более того, указанный полк непосредственного отношения к Новгороду не имел. Сформирован он был в феврале 1700 г. в Москве из даточных людей и первоначально получил название по имени своего командира — солдатский полковника Николая Николаевича Балка полк. Сменив несколько командиров и, соответственно, названий, полк в 1708 г. был назван Новгородским солдатским (или пехотным)². Нужно отметить, что присвоение тому или иному полку имени какого-либо города или территории отнюдь не означало, что полк обязательно размещался в этом городе (тем более что в то время полки ещё не имели постоянных квартир), был сформирован в нём или укомплектовывался его уроженцами. Примером этому служит и Новгородский полк.

Правда, в 1727 г. была предпринята попытка связать названия полков с провинциями, где им были отведены «вечные» квартиры, и Новгородский пехотный полк был переименован в Тобольский. Тогда же Ладужский пехотный полк стал 1-м Новгородским, Архангелогородский пехотный — 2-м Новгородским, Галицкий пехотный — 3-м Новгородским, а Ярославский драгунский — Новгородским драгунским. Однако попытка эта не увенчалась успехом, так как обеспечить полки «вечными» квартирами в то время было очень сложно, и в том же году полкам вновь были возвращены их прежние названия. Соответственно, Тобольский полк опять стал Новгородским. Под этим именем полк просуществовал ещё около века (лишь во время правления Петра III и Павла I полк именовался по именам шёфов). В 1805 г. Новгородский мушкетёрский полк печально «прославился» в сражении под Аустерлицем — солдаты полка бежали с поля боя (кстати, этот эпизод описан Л.Н. Толстым в романе «Война и мир»: князь Андрей Болконский безуспешно пытался увлечь за собой солдат именно Новгородского полка). За этот позор офицеры полка лишились темляков на холодном оружии, а солдаты —

тесаков. Кроме того, было приказано офицеров «в чины не производить и не увольнять, пока не исправятся», а нижним чинам добавить пять лет военной службы. Правда, через пять лет, в 1810 г., во время Русско-турецкой войны 1806—1812 гг., во время штурма крепости Базарджик полк загладил свою вину, и его чины снова получили право на ношение темляков и тесаков³. За год до этого, в 1809 г., полк был преобразован в 43-й егерский и таким образом лишился своего «новгородского» имени, так как егерские полки в русской армии имели лишь номера. 21 марта 1834 г⁴. 43-й егерский полк был расформирован, два его батальона влились в Апшеронский пехотный полк. Именно 81-й пехотный Апшеронский полк в конце XIX — начале XX вв. официально считался наследником истории и традиций Новгородского полка (в 1884 г. ему было присвоено старшинство 43-го егерского (бывшего Новгородского) полка с 25 июня 1700 г.)⁵.

Настоящие же новгородцы сражались со шведами в составе четырёх сформированных в Новгороде и Новгородской земле полков — двух пехотных и двух драгунских.

В первую очередь началось формирование пехотных полков. Создавая регулярную армию, Пётр I в ноябре 1699 г. повелел произвести сбор даточных людей (крепостных крестьян и представителей иных сословий, зависимых от землевладельцев) и «вольницы» (добровольцев из неимущих и лично свободных людей) для формирования регулярных пехотных полков. Формирование проходило в подмосковном селе Преображенском, двадцати «низовых» городах (Нижнем Новгороде, Казани, Пензе, Самаре, Саратове и др.), а также в Новгороде.

В солдаты набирались преимущественно дворовые люди светских землевладельцев, а также «служки», «служники» и конюхи монастырей и церквей, «не старые и не увечные». Количество поставляемых в ряды армии даточных зависело от числа дворов, принадлежавших землевладельцу. За каждого недостающего даточного землевладелец

должен был внести 11 рублей серебром, что равнялось годовому жалованью «новоприборного» солдата. Кроме того, воеводам были разосланы «*послушные грамоты*» для сбора «*вальнищы*» (добровольцев) из «*детей боярских*», недорослей, казачьих и стрелецких детей и родственников, и иных людей, исключая, однако, московских стрельцов и тяглых крестьян.

При осмотре поступавших в полки людей в особые тетради проставлялись пометки: «*глух*», «*дурак*», «*стар*», «*урод*». Если человек признавался годным к службе, ставилась пометка «*солдат*». Возраст новобранцев колебался от 15 до 35 лет. Для предотвращения побегов и иных преступлений каждые 50 солдат связывались круговой порукой и «*приводились к кресту*»: «*Великому государю служить верно и над казною дурна и хитрости никакой не учинять, ружья и стрелецкого платья не продавать и не терять, из службы не бегать, вином и табаком не торговать, зерну и карты не играть и с воровскими людьми не знаться и никакого дурна или озорничества не чинить и пьяным не напиваться*»⁶.

В Новгороде формированием полков руководил ближний боярин и воевода князь Иван Юрьевич Трубецкой. Для обучения этих «новоприборных» солдат в его распоряжение были присланы четырнадцать дворян-недорослей, прошедших курс военного обучения под руководством генерала А.А. Вейде и пожалованных 10 января 1700 г. царём в сержанты⁷.

Через несколько месяцев два вновь сформированных полка, названных по именам своих командиров полками Ивана Кулома и Романа Брюса, были готовы к выступлению в поход. Командирами обоих полков стали иностранцы. Сведения об Иване Куломе сохранилось мало, а вот Роман Брюс — личность достаточно известная. Он происходил из старинного шотландского рода (среди его предков, по преданию, были шотландские короли начала XIV в. — Роберт I и Давид II). В России представители рода Брюсов появились в 1647 г. в качестве профессиональных военных. Роман Брюс служил сначала в потешных войсках Петра I, затем капитаном в Преображенском полку, а в 1700 г. был назначен командиром одного из сформированных в Новгороде пехотных полков (командовал им до 1702 г.). Позднее Роман Брюс участвовал во многих сражениях Северной войны, был обер-комендантом и одним из первых строителей Петербурга, членом Военной коллегии. Скончался он на 53 году жизни в 1720 г.⁸

1 сентября 1700 г. оба полка в составе отряда князя И.Ю. Трубецкого вышли по направлению к Нарве⁹. В печально знаменитом сражении, произошедшем у этого города 19 ноября 1700 г., они получили боевое крещение.

В этом несчастливом для русского оружия сражении полк Ивана Кулома, как утверждает полковая история, сражался стойко¹⁰. Косвенным подтверждением этому служит смертельное ранение в бою первого командира полка — Ивана Кулома, в то время как многие другие иностранцы

офицеры русской армии перешли на сторону шведов. Князь И.Ю. Трубецкой, формировавший полк в Новгороде, во время боя попал в плен к шведам. В плену в Стокгольме ему пришлось томиться восемнадцать лет — лишь в 1718 г. его вместе с генералом А.М. Головиным обменяли на шведского генерал-фельдмаршала графа Реншильда, взятого в плен под Полтавой¹¹.

В последующие годы Северной войны обоим полкам ещё не раз приходилось встречаться со шведами на полях сражений. Вот лишь краткий перечень сражений Северной войны, в которых принял участие полк Ивана Кулома (с 1701 г. — полк Инглиса, с 1710 г. — Выборгский полк): Нарва (1700 г.), Рига (1701 г.), Ниеншанц (1703 г.), Нарва (1704 г.), Полтава (1709 г.), Выборг (1710 г.), Гельсингфорс, р. Пелкина (1713 г.), д. Лаппола (1714 г.), окрестности Стокгольма (1719 г.)¹².

Полк Романа Брюса (несколько раз сменивший командиров и названия, с 1708 г. — Вологодский полк) сражался под Нарвой (1700 г.), Ниеншанцем (1703 г.), Нарвой и Дерптом (1704 г.), Полтавой (1709 г.), Ригой (1710 г.), Гельсингфорсом (1713 г.), Гангутом (1714 г.), в окрестностях Стокгольма (1719 г.)¹³.

Как видно из приведённых перечней, оба полка сражались под Полтавой. Полк Инглиса, например, в начале сражения находился в укреплённом лагере, а затем участвовал в атаке на колонну шведского генерал-майора К.Г. Рооса в лесу у д. Яковцы и в преследовании её остатков¹⁴. Эта колонна из шести батальонов пехоты откололась от главных сил шведской армии после атаки на русские редуты и отошла в Яковецкий лес, где была атакована русским отрядом генерал-лейтенанта Ренцеля. В лесу завязался короткий, но кровопролитный рукопашный бой. Участник этого боя, фельдфебель шведского Далекарлийского пехотного полка И. Вальберг так описывает его ход: «*Всё было тщетно, острия вражеских тик вонзились в наши тела, смертельно ранив большинство из нас*»¹⁵. Остатки шведского отряда, потерявшего до 80% личного состава, храбро сопротивлялись и отступали к Полтаве. Последние 400 солдат Рооса капитулировали между 10 и 11 часами утра.

В полку Инглиса в ходе боя было убито семь рядовых и два офицера — прапорщики О.А. Кубцов и В.Е. Поспелов; ранено 44 солдата (из них трое позднее умерли от полученных ранений) и пять офицеров: командир полка полковник Андрей Юрьевич Инглис, подполковник Коррет, майор И.Г. Кочев (из-за ран вышел в отставку), капитан-поручик В.Ф. Сегайлов и поручик Н.К. Саблин (умерли от ран)¹⁶.

Дальнейшая судьба двух сформированных в Новгороде полков полна войн и сражений. Они приняли участие в большинстве военных кампаний, которые вела Россия в XVIII в.: с турками, шведами, пруссаками, поляками. В начале следующего столетия оба полка сражались против турок и французов. Позднее Астраханский гренадерский полк (бывший полк Романа Брюса) принимал участие в подавлении Польского восстания 1830—1831 гг. и в Русско-турецкой войне 1877—1878 г. Последней для 12-го гренадерского Астраханского полка войной стала Первая мировая.

Судьба Выборгского полка в 1864 г. вновь привела его в Новгород. С этого года 22-я пехотная дивизия, в состав которой входил полк, была расквартирована в Новгородской губернии. 85-й пехотный Выборгский полк расположился в губернском центре. За время своей стоянки в городе полк дважды отправлялся в поход — в 1904—1905 гг. в Маньчжурию против японцев и во время Первой мировой войны в 1914—1918 гг.

Иван Юрьевич Трубецкой

Однако вернёмся в начало XVIII столетия. Помимо пехотных, в Новгородской земле в начале Северной войны было сформировано два драгунских полка.

Для ведения успешной войны с мощной армией Карла XII, обладавшей хорошо обученной и снаряжённой кавалерией, Петру I необходимо было создать свою регулярную конницу. Именно с этой целью началось формирование драгунских полков — десять из них набирались в «низовых» городах, ещё два — в Новгородской земле, из новгородцев.

Формируя драгунские полки, Пётр I столкнулся со множеством трудностей — не хватало обученных кавалерийской службе офицеров и солдат, подходящих лошадей, соответствующего снаряжения. Вот как описывал царю состояние драгунских полков вскоре после их формирования Б.П. Шереметев: «В драгунских полках много не достаёт людей, да и лошадей почти нет, а где они на корму, там поморены, и не только на них идти в поход, отчего Боже сохрани, но если б был приход неприятеля к Новгороду, то и отпора дать не на чем...»¹⁷. В другом письме он описывает поход этих полков: «Люди шли пеши, и из начальных людей не было среди них никого, что бы знал строй драгунский». Самые разномастные лошади, собранные у населения, гнались отдельно табунами¹⁸.

Так или иначе, но формирование драгунских полков шло своим чередом. В начале июня 1702 г. по указу Петра I в Новгород, Водскую, Деревскую, Бежецкую, Обонежскую и часть Шелонской пятины, а также в города Тверь, Новый Торжок и Старичи были посланы царедворцы, которым было указано пересмотреть и разобрать всех дворян, детей боярских и ратных конных людей разных чинов, то есть сотенной службы, гусар, копейщиков, рейтар и детей их недорослей, и тех, кто окажется годным к конной службе, выслать в Ладугу к воеводе, ближнему окольничему П.М. Апраксину. 17 июня вышел новый указ, повелевавший выслать в Ладугу всех попавших в смотренные списки ратных конных людей, как разобранных, так и неразобранных, «и которые у разбору не были, разобрать в полку ему, окольничему и воеводе, по статьям, каковы к нему посланы». К 20 октября 1702 г. в Ладуге собралось 3245 новгородцев: сотенной службы — 734, гусар — 240, копейщиков — 177, рейтар — 2094. Все они были приведены в лагерь П.М. Апраксина при р. Назье¹⁹.

7 ноября П.М. Апраксин донёс, что он «Новгородского розряду ратных людей конных, кроме московских чинов, всех, которые в полку у него по приезду были, разобрал, и которые добры и человечны, лет по 35 и ниже, которым без жалования служить немочно, написал в драгуны 1440 человек и ростисал на 2 полка, по 720 человек в полк, и начальных людей выбрал к ним добрых и знатных, и у тех драгунских полков велел быть полковником французским, которые, по именному ж Его Великого Государя указу, в полк к нему присланы: Денису Девгериному, Людвигу Бодевину. А которым, по разбору, с поместей своих служат мочно, тех написал в сотню и служить без жалования, и велел по ним собрать поручные записи, чтоб всегда у них служба была справная. А которые лет по 50 и выше, так ж и худых и нечеловечных, с тех написал вместо службы имат по поместьям их денги, а драхлых в отставку...»²⁰.

Командирами драгунских полков на первых порах стали два французских полковника — Денис Ильич Девгерин и Людвиг Вальмат Бодевий, выехавший из Франции и поступивший на русскую военную службу в 1702 г. Последнего вскоре сменил ещё один француз — Андрей Иванович Морель Декарьер²¹.

Говоря о командном составе формировавшихся драгунских полков, Б.П. Шереметев даёт следующую характеристику командиру одного из них, полковнику Девгериному: «Думаю только о грабежах и своих прибытках»²². Ещё более развёрнуто описывает деятельность командиров двух сформированных в Новгороде полков П.М. Апраксин: «При сем тебе, Государю, доношу о драгунских полковниках Девгерином и Морелле (Морель Декарьер — **И.Х.**); трудное моё дело, которого и впредь управить с ними невозможно; ныне, где поставлены, уезд Ямской и Сомерскую волость разоряют в конце, и мужики бегут врознь, берут себе великие взятки и всякие зборы нагло збирают правеем, чего никто не смеет делать; писал к ним много и посылал твои Государевы указы, ни во что не ставят и никого не слушают, и меня во ответствованных своих письмах толко лают и грозят, а что они делают и как о разоренье от них пишут, и как Девгирин (Девгерин — **И.Х.**) ко мне пишет, те письма послал к тебе, Государю, истину тебе, Государю, доношу: есть ли им быть, не будет от них полкам управления, и драгуну великая тягость в работе и во взятках, того и смотрят, чтоб свое управлять и прибытки чинить, и прежде сего об них мучился, а ныне и быть не знаю как, есть ли твоей Государевой милости не будет...»²³. 6 августа 1704 г. по указу Петра I полковник Андрей Иванович Морель Декарьер «...за многие ево худые дела и полковые неисправления» был отпущен от командования полком. Вместо него был назначен подполковник Иван Васильевич Болтин.

Вскоре молодым полкам пришлось впервые сразиться с неприятелем. Полк Морелля, носивший с 1708 г. название Нижегородского, участвовал в сражениях при Калише (1706 г.), Лесной (1708 г.), под Полтавой (1709 г.), в 1711 г. был в составе Русской армии во время Прутского похода. В 1716—1717 гг. полк действовал в Кексгольмском и Выборгском уездах против неприятельских партий²⁴.

В Калишском сражении 18 сентября 1706 г. русские драгуны действовали как в конном, так и в пешем строю. Нижегородский полк (тогда он назывался полком Шомбурга) потерял в бою 16 человек²⁵. Поручику Ушакову «пожалован за оную баталию рубль», а капитану Чоглокову — «золотой портрет»²⁶.

В битве при Лесной 17 сентября 1708 г. нижегородцы вместе с другими драгунскими полками атаковали шведский обоз, опрокинули защищавший его шведский отряд, в результате чего дрогнули и остальные силы неприятеля. В полку были ранены вахмистры Ефим Баринов и Афанасий Висленев²⁷.

Во время Полтавского сражения Нижегородский полк в составе отряда Боура находился на левом фланге армии и участвовал в жестокой кавалерийской сече. В бою был ранен прапорщик полка Афанасий Висленев. Вахмистр Иван Ушаков, получивший удар палашиком в голову, был произведён за отличие в офицеры. Особенно отличился вахмистр Аврам Иванович Антонов, захвативший шведское знамя²⁸.

Вечером того же дня Нижегородский полк вместе с пятью другими драгунскими полками под командованием генерала Боура устремился в погоню за остатками шведской армии. Настигнутые у р. Переволочны, шведы капитулировали. Но Карлу XII удалось скрыться. Вдогонку ему был послан отряд из четырёх драгунских полков, в который снова вошли и нижегородцы. 8 июля у р. Буг, на самой турецкой границе, остатки шведов были уничтожены, но король всё-таки сумел бежать²⁹.

Нижегородцы сумели отличиться даже во время неудачного Пруцкого похода 1711 г. В то время, когда царь с основными силами был осаждён турками в лагере, Нижегородский полк в составе отряда генерала Ренне был послан к крепости Браилов. В этой крепости было сосредоточено большое количество военных припасов, так необходимых русским войскам. 12 июля начался штурм, и через два дня остатки турецкого гарнизона капитулировали. Во время штурма отличились премьер-майор Богданов (произведён в подполковники) и поручик Нижегородсков, который по ошибке был вторично произведён в поручики, но по челобитью произведён в капитаны. Однако через два дня, 16 июля, в связи с заключением мира крепость была возвращена туркам³⁰.

Затем на протяжении XVIII в. Нижегородский драгунский полк, сменив несколько названий, сражался во многих войнах, которые вела тогда Россия. Но самые славные страницы истории этого полка связаны с Кавказом, куда полк впервые попал в конце столетия. Последующая более чем вековая служба полка была тесным образом связана с этими неспокойными землями. В многочисленных стычках и сражениях с горцами, персами и турками Нижегородский полк заслужил все существовавшие в Русской армии коллективные награды. Так что когда после окончания Русско-турецкой войны 1877—1878 гг. вновь встал вопрос о награждении полка за боевые отличия, императору Александру II пришлось учредить специально для нижегородцев новый вид коллективного отличия — широкие Георгиевские ленты на штандарт³¹.

Драгунский полк Дениса Ильича Девгерина (с 1706 г. — Вятский драгунский) также не раз сходил со шведами

на поле боя. В 1708 г. он воевал под Лесной, в 1709 г. — под Опошней и Полтавой, в 1709—1710 гг. — под Ригой и Ревелем, в 1713 г. — в Финляндии. Об участии полка в сражениях этой войны говорят его потери: под Лесной погибли 37 драгун, два офицера были ранены. Получил ранение и драгун Григорий Познахов, захвативший шведское знамя (за это он был произведён в прапорщики особым именным царским указом)³². В 1709 г., в год Полтавской битвы, полк понёс самые тяжёлые годовые потери за всю его историю: погибли 10 офицеров и 138 солдат, ещё 11 получили смертельные ранения. 27 солдат получили настолько тяжёлые раны и увечья, что не смогли продолжать службу. Один драгун был расстрелян за бегство с поля сражения³³.

Позднее полк, многократно сменив название, воевал на полях сражений многочисленных войн. В начале XX в. наследником истории и боевых традиций Вятского драгунского полка являлся 12-й уланский Белгородский полк.

Таким образом, можно говорить о существенном вкладе, который внесли в общую победу над Швецией в ходе Северной войны 1700—1721 гг. жители Новгорода и Новгородской земли. На начальном периоде войны Новгород был крупной базой русской армии, где проходило формирование новых регулярных полков, сосредоточивались значительные запасы продовольствия и военных припасов. Новгород имел важное стратегическое значение в самый тяжёлый для России начальный период Северной войны. Многие уроженцы Новгорода и Новгородской земли сражались против неприятеля в рядах полков, сформированных на Новгородчине, внося свой посильный вклад в победу над мощным и опытным врагом.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См., например: Павленко Н., Артамонов В. 27 июня 1709. М., 1989. С. 229.

² Рабинович М.Д. Полки петровской армии. 1698—1725. Краткий справочник. М., 1977; historyscps.ru/petr/rab01.htm.

³ Дуров В. Русские боевые награды эпохи Отечественной войны 1812 года. Знамена и штандарты (www.genstab.ru/nagr1812_flag.htm).

⁴ Все даты приводятся по старому стилю.

⁵ Кроме названных, в Русской армии за всю её историю существовало ещё три полка, носивших наименование Новгородских, — Новгородский драгунский полк, сформированный в 1701 г. и прекративший своё существование в 1775 г.; Новгородский кирасирский полк, сформированный в 1811 г. (с 1860 г. — драгунский), а также сформированный во время Первой мировой войны из ополченческих дружин третьёочередной 433-й пехотный Новгородский полк. История всех этих полков также не была непосредственно связана с Новгородом.

⁶ Леонов О., Ульянов И. Регулярная пехота. 1698—1801. М., 1995. С. 14—15.

⁷ ГАН. Ф. Р-1280. Оп. 4. Д. 121. Л. 106. Письмо В.Р. Апухтина в Новгородское общество любителей древности. **Автор выражает признательность Д.А. Федченкову за указание на этот источник.**

⁸ Саранчов Е.Е. 12-й гренадерский Астраханский его величества полк в походно-

вой службе царю и отечеству. Чтения для солдат. М., 1889. Приложения. С. 3—4.

⁹ Очерки из 200-летнего прошлого Выборгского полка. Новгород, 1900. С. VIII.

¹⁰ Там же. С. X—XI.

¹¹ Бантыш-Каменский Д.М. Биографии российских генералиссимусов и генерал-фельдмаршалов. Ч. 1. СПб., 1840. Репр. воспр. М., 1991. С. 173.

¹² Бекер А.В. Перечень главных военных дел и подвигов Выборгского полка в течение его 200-летнего существования. Новгород, 1900. С. 3—10.

¹³ Рабинович М.Д. Полки петровской армии...

¹⁴ Очерки из 200-летнего прошлого... С. XXX—XXXI.

¹⁵ Цит. по: Энглунд П. Полтава. Рассказ о гибели одной армии. М., 1995. С. 131.

¹⁶ Списочное состояние нижних чинов Инглисова-Выборгского полка с 1 января 1709 г. по 28 марта 1720 г. включительно // Игнатович Д. История 85-го пехотного Выборгского императора германского короля прусского Вильгельма II полка. Вып. 1 (1700—1725 гг.). СПб., 1900. С. 38; Списки гг. офицеров и чинов Ивана Кулома — Инглиса — Выборгского полка с 1709—1726 гг. // Игнатович Д. Ук. соч. С. 52; Очерки из 200-летнего прошлого... С. XXXIII.

¹⁷ Цит. по: Потто В. История 44-го драгунского Нижегородского Его Императорского

Высочества государя Наследника Цесаревича полка. Т. 1. СПб., 1892. С. 5.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Волынский Н.П. Новые данные о времени формирования Нижегородского драгунского полка и критический обзор первых двух глав истории этого полка // Журнал Императорского русского военно-исторического общества. 1911. Кн. 1. С. 2.

²⁰ Цит. по: Волынский Н.П. Новые данные... С. 2.

²¹ Там же. С. 7.

²² Потто В. История 44-го... С. 5.

²³ Цит. по: Волынский Н.П. Новые данные... С. 3.

²⁴ Рабинович М.Д. Полки петровской армии...

²⁵ Потто В. История 44-го... С. 28.

²⁶ Там же. С. 183.

²⁷ Там же. С. 34—35.

²⁸ Там же. С. 37.

²⁹ Там же. С. 48—49.

³⁰ Там же. С. 57.

³¹ Полевой А. Широкие Георгиевские ленты на знамена и штандарты // Цейхгауз. № 10 (1/2000). С. 32.

³² Червинский П.Е. История 35-го драгунского Белгородского Его Величества Императора Австрийского Короля Венгерского Франца-Иосифа I полка. Киев, 1901. С. 7.

³³ Там же. С. 45.

Я.Н. Рабинович

ПОРХОВ, ПСКОВ И СТОЛБОВО в 1615–1617 гг.

В конце февраля 1609 г. Василий Шуйский для борьбы с Лжедмитрием II заключил союзный договор со Швецией. В течение 1609 — начале 1610 гг. союзному русско-шведскому войску Михаила Васильевича Скопина-Шуйского и Якоба Делагарди удалось освободить северные и замосковские города от тушинцев. В марте 1610 г. русско-шведские войска торжественно вошли в Москву. Ближайшей задачей становится деблокада Смоленска, осаждённого поляками. Но через месяц, в апреле 1610 г., Скопин-Шуйский умирает, а 24 июня русско-шведское войско терпит тяжёлое поражение от поляков при Клушино, после чего Якоб Делагарди даёт слово польскому гетману Жолкевскому разорвать союз с царём Василием и отступает к Новгороду.

Все дальнейшие действия бывших союзников следует расценивать как начало шведской интервенции на Северо-Западе Русского государства. При этом Делагарди действовал в соответствии с инструкциями шведского короля, который ещё 30 июня 1609 года дал прямые указания своему военачальнику занять крепости на Северо-Западе России.

Обстановка в России благоприятствовала осуществлению захватнических планов шведов. В это время главные события происходили под Москвой, где жители в августе 1610 г. присягнули польскому королевичу Владиславу, в город был введён польский гарнизон. После неудачного восстания в Москве против поляков (март 1611 г.) все усилия русских людей были направлены на освобождение столицы от польских захватчиков. С этой целью лидер Подмосковского ополчения Ляпунов в 1611 г. и руководители Нижегородского ополчения Минин и Пожарский в 1612 г. вступили в союзные отношения со шведами.

Уже летом 1610 г. шведские войска под руководством Якоба Делагарди *«видя в Московском государстве такое нестроение»*, приступили к планомерному захвату Новгородской земли. В течение 1610–1612 гг. шведы оккупировали не только Новгород, но и ряд русских городов: Старую Ладугу, Тихвин, Старую Руссу, Орешек, Порхов, Ям, Копорье, Гдов, Ивангород, *«и во всех посадиша воевод немецких»*. Воеводой в Порхове в это время стал Бургиньон де Коробелл (de Corobell, Jacob Bourgia), француз, служивший ротмистром у шведов. В подчинении Коробелла находился русский воевода Иван Афанасьевич Мещерский с небольшим отрядом стрельцов и детей боярских.

После захвата Новгорода (16.07.1611 г.) между Делагарди и правителями Новгорода (митрополит Исидор и воевода И.Н. Одоевский) 25 июля 1611 г. было заключено соглашение. Новгородцы признали покровительство шведского короля Карла IX, вступили с ним в союз против Польши и гарантировали избрание на русский трон одного

из его сыновей. До ратификации договора обеими сторонами (Швецией и Россией) Делагарди оставался в Новгороде в качестве главного воеводы. Союз новгородских воевод со шведами против «воров», впервые заключённый в 1609 г. в Выборге, по существу восстановился. Вместе с отрядами новгородцев шведы вели борьбу с Лжедмитрием III («Псковским вором Сидоркой») и предприняли неудачную попытку захватить Псков. В союзе с лидерами Нижегородского ополчения шведы и новгородцы весной — летом 1612 г. разгромили казаков Псковского вора Сидорки. К концу лета 1612 г. в Новгородской земле, в частности в Порховском уезде Шелонской пятины, установилось относительное спокойствие. Между предводителями Нижегородского ополчения, занятыми освобождением Москвы от поляков, а в дальнейшем — избранием нового царя, и правительством Делагарди — Одоевского были налажены дружеские отношения.

Весной 1613 г., сразу же после избрания царём Михаила Романова, в пограничные районы Новгородской земли были отправлены из-под Москвы отряды русских войск, прежде всего казаков Подмосковского ополчения, которые начали военные действия против шведов и новгородцев. Правительство Михаила Романова было не намерено мириться с потерей Новгорода. Оплотом нового московского правительства в Новгородской земле становятся Псков, который так и не подчинился шведам, и Тихвин, чьи жители первыми восстали 25 мая 1613 г. против чужеземцев. Летом 1613 г. восстания произошли также в Гдове и Порхове, при этом большую помощь восставшим оказал Псков. Шведский гарнизон Коробелла сумел удержать в своих руках Порховскую крепость, псковичи вынуждены были отступить от города. Однако все попытки шведов установить контроль над Псковом и Тихвином завершились неудачей.

Шведский король Густав Адольф после захвата Гдова в сентябре 1614 г. планировал начать наступление на Псков, не без основания полагая, что москвичи, потеряв такую важную крепость, сразу согласятся на продиктованные им шведами условия мира, в котором Швеция нуждалась не меньше, чем Россия. В этой борьбе за Псков важная роль отводилась Порховской крепости как главной тыловой базе шведов.

Осенью 1614 г. после отъезда Якоба Делагарди в годовой отпуск в Швецию власть на Новгородской земле сосредоточил в своих руках Эверт Горн. Прибыв в декабре того же года в Новгород, Эверт Горн сразу разворачивает кипучую деятельность, действуя в нескольких направлениях. Ещё накануне своего приезда в Новгород он отправил грамоту в Москву, предлагая начать переговоры о мире. Одновременно Э. Горн пытается принудить новгородцев

к присяге королю. Однако предложение унии со Швейцарией было решительно отвергнуто новгородцами. Э. Горн готовит к отправке в Москву посольство новгородцев во главе с архимандритом Киприаном.

Выполняя указания Густава Адольфа, Э. Горн в январе 1615 г. предпринимает очередную попытку захвата Пскова. Перед этим шведы пытались создать в Пскове свою агентурную сеть, и это им удалось. Шведские воеводы посылали туда лазутчиков, чтобы знать о состоянии дел в непокорном городе. Для этого использовались некоторые жители Порхова, которые ездили в Псков под видом торговцев. Товар им выдавали шведские начальники из числа конфискованных вещей, хранившихся в Порховской крепости. Воевода Порхова И.А. Мещерский писал в Новгород: «...да тот же, государи, лен и пенька давали во Псков лазутчикам, которых посылали для вестей во Псков немецкие воеводы, чтобы им с чем было приехать в город».

За два дня до отправки посольства Киприана в Москву, т.е. в середине января 1615 г., Э. Горн совершил короткую поездку в Порхов. При этом он взял с собой почти весь личный состав новгородского гарнизона. Легенда о том, будто в Новгороде невозможно прокормить войска, никого не ввела в заблуждение. Ещё 31 декабря 1614 г. псковские воеводы узнали от выходца из Новгорода Матвея Евреева о приготовлениях к походу Э. Горна под Псков, о сборе в Новгороде шведских отрядов из разных острожков: *«Ивер Горну с немецкими людьми однолично быти подо Псков вскоре, и запасы... в Порхове про него пасли»*. Из слов перебежчика видно, что в Порхове были сосредоточены крупные запасы для целого войска.

Второй перебежчик, Степан Воронов, 18 января 1615 г. сообщал уже более подробные сведения о численности вражеского войска, выступившего из Порхова. В составе этого войска были шведы, запорожские казаки (черкасы), поступившие на службу к шведскому королю, и новгородцы. Степан Воронов сообщил также о планах шведов в случае неудачи штурма начать длительную блокаду Пскова. Порховский воевода Иван Мещерский также участвовал в этом походе. Припасы из Порхова везли следом за войском. Данные о численности войска, выступивших из Порхова к Пскову, несколько завышены: *«...ис Порхова немецкой воевода Ивер Горн да князь Иван Мещерской с немецкими и с литовскими людьми идут на осад подо Псков... а с ним немецких людей идет четыре тысячи oprичь литовских людей и черкас, а те литовские люди и черкасы пришли в Порхов из Старые Русы а запасы за ними из Нова города и ис Порхова везут»*.

Первые шведские отряды Роберта Мюра и Пауля Готтберга прибыли из-под Порхова к Пскову примерно 20 января. О составе этих войска, а также о пребывании Эверта Горна в середине января в Порхове сообщил псковским воеводам вышедший на «государево имя» 24-го января 1615 г. «литвин Индрик Брезнинский». По рассказу Брезнинского, *«Ивер де Горн остался в Порхове, а с ним немецких людей в Порхове осталось конных и пеших с пятьсот человек; а для чего остался, про то де он не ведает»*. В расспросе Брезнинский сказал: *«Пришли из Порхова на Промешицу ото Пскова за три версты немецкой воеводка Каптемир»* (генерал-вахтмейстер Robert Moor, или Роберт Мюр, которого русские называли «капитан Мир» — **Я.Р.**) *да Павел Готтберг* (полковник-лейтенант Paul Gottberg, или Пауль Готтберг — **Я.Р.**). По рассказу Брезнинского, в шанце у Пскова скопилось всего (конницы и пехоты) 1430 человек.

Посол от московских бояр в Новгород Яков Епанчин рассказывал по возвращении в Москву в феврале 1615 г., что его, по прибытию из Осташкова в Старую Руссу, *«рохмистр Лаврентей Иванов из Старой Русы послал в Порхов с немцы к Ивер Горну»*. Но Эверта Горна в Порхове уже не было. В Новгороде Епанчин узнал, что *«Ивер Горн был под Псковом и его побили»*.

Из дальнейшего рассказа Епанчина выясняется, что Эверт Горн рассчитывал на измену в Пскове. Сторонники шведов (*«десять псковских мужиков»*) должны были взорвать крепостную стену. По-видимому, это были те самые лазутчики, которых посылали ранее из Порхова с товарами. Однако эта операция не была выполнена в полном объёме. К моменту прибытия шведского войска псковичи успели заделать пролом в стене.

Новая попытка шведов в январе 1615 г. изгоном захватить Псков также не удалась, как и предыдущие, в 1611 и 1612 годах. Оставив часть сил для блокады Пскова, Э. Горн быстро вернулся в Новгород. Между 25 и 27 января 1615 г. он уже принимал в Новгороде гонца из Москвы Якова Епанчина.

Гарнизон Порхова пережил зиму 1614—1615 гг. благополучно. Видекинд сообщает об этом, сравнивая обстановку в Новгороде и Порхове: *«В Новгороде в это время распространилась тяжёлая болезнь (30—50 чел. ежедневно умирали). Среди конницы — тоже (многие рейтары умерли). В пехоте, которая зимовала в Старой Русе, Порхове, Тесове... все обстояло хорошо»*.

Воевода Порхова И.А. Мещерский вскоре после зимнего похода к Пскову вернулся в свой город. Однако уже летом 1615 г. он вновь оказался под Псковом. Теперь главные силы шведов во главе с самим королём Густавом Адольфом двигались к Пскову со стороны Нарвы, а Эверт Горн шёл из Новгорода через Порхов на соединение с королевским войском. В Порхове вновь, как и зимой 1615 г., в качестве гарнизона остался для охраны крепости небольшой отряд коменданта крепости Гённинга Грасса.

Этот грандиозный поход шведов к Пскову летом—осенью 1615 г. под личным руководством короля Густава Адольфа завершился провалом, как и все предыдущие. Отступившим от Пскова шведам ничего другого не оставалось делать, как вступить в переговоры о мире, к тому же при значительно ослабленных позициях Швеции. Король и канцлер Оксеншерна в секретных указаниях своим комиссарам (от 14 ноября 1615 г.) определили те границы уступок, на которые могли пойти шведы. Героизм защитников Пскова в 1615 г. сохранил для России Новгород, Старую Руссу и Порхов. Что касается Ладоги и Гдова, то здесь ещё предстояла длительная борьба военных и дипломатов.

Голландский посол Альберт Иоахими, находившийся в последние дни осады крепости в шведском лагере под Псковом, 25 октября 1615 г. отправился к месту предполагаемых переговоров — в Старую Руссу, в сопровождении крупного отряда для охраны. По пути он посетил Порхов и оставил интересные воспоминания о состоянии крепости и её окружении. Посол пишет о трудностях в обеспечении лошадьми и повозками. Здесь ему большую помощь оказал Иван Мещерский, *«соградоначальник Порхова»*, который сопровождал посла по дороге из Пскова в Порхов. Посла охранял от нападений сторонников Москвы большой отряд шведов. Вместе с голландцами ехали и новгородцы, союзники шведов, которых *«вместе с прислугой было до 150 человек. Кроме них отправилось 5 конных взводов и 3 роты пехоты, потому что*

дороги были очень опасны из-за казаков и шишей (эти последние — суть крестьяне, скитающиеся в лесах, грабящие и убивающие проезжих)».

Из письма голландского посла мы узнаём о действиях партизан (казаков и крестьян-шишей), которые в Порховском уезде представляли серьёзную угрозу для шведов и их союзников. Посол почувствовал себя в безопасности только возле самой Порховской крепости. Он также пишет о том, что гать в миле от Порхова была неисправна. Возможно, это тоже дело рук партизан.

29 октября 1615 г. А. Иоахими прибыл в Порхов, «маленький городок с каменными стенами». Он пишет: «Город населен русскими, кроме гарнизона, который содержится королем шведским под командой немецкого губернатора. Прежде в нем было значительное укрепление, где жило много купцов и крестьян, ибо окружающие его поля весьма приятны и плодородны». «Значительное укрепление» — это острог, сгоревший во время осады крепости псковичами в 1613 г. Воевода Иван Мещерский прислал голландскому послу «через своего сына 3 бутылки водки и 2 корзины — одну с белым и другую с ситным хлебом». Далее посол описывает свой визит домой к Мещерскому и говорит о том, как хозяйка дома принимала и провожала посла: «Когда я дал ему визит, то при приходе и уходе моем он дал мне случай увидеть свою хозяйку и поговорить с ней; это у русских считается за самую большую честь, которую они могут оказать друзьям своим». Эти русские обычаи поразили голландца.

1 ноября 1615 г. посол отправился из Порхова в Старую Руссу. Он пишет, что «оба градоначальника, Иван Мещерский и барон Лаврентий Грасс проводили меня со многими дворянами и боярами на полмили за город». Посол жалеет, что дальше к Старой Руссе его сопровождал конвой значительно меньше прежнего: «Из конвоя, пришедшего с нами из лагеря (из Пскова — **Я.Р.**), пошло далее не более одной полуроты рейтаров, из них 40 человек оставили нас в 2 милях от Порхова». Далее посол рассказывает о зверствах партизан-шишей в этой местности: «На этой неделе шиши захватили в этой местности 4 рейтаров, посланных военачальником с письмами. Они связали им руки за спину, отрубили им головы... Затем двое слуг бросили жребий, кто из них отрубит голову другому». Но для голландского посла всё обошлось без происшествий, и 5 ноября 1615 г. Иоахими прибыл в Старую Руссу, где произошла его встреча с другими послами. Отсюда послы направились к месту переговоров в село Дедерино.

Шведские послы ещё накануне этих переговоров в Дедерино писали королю о невозможности далее «удерживать Новгород, Старую Русу и Порхов и продовольствовать на них войска и гарнизоны». В дальнейшем король согласился с мнением своих послов. Поэтому вопрос о судьбе Порхова решился относительно быстро. Уже к моменту завершения Дедеринских переговоров (февраль 1616 г.) шведы соглашались уступить Новгород, Старую Руссу и Порхов, а также не упоминать о шведском королевиче как кандидате на московский престол. Труднее решался вопрос о Ладогe и Гдове, которые шведы требовали оставить в качестве залога, а также о размерах контрибуции. Русские послы соглашались уступить шведам только крепость Корелу с уездом. В итоге было заключено перемирие до 1 июня 1616 г.

Однако во время этого перемирия обстановка для жителей Порховского уезда не была спокойной. Комендант Порхова Геннинг Грасс в апреле 1616 г. жаловался псковским

воеводам, что Иван Косицкий со своими людьми из Пскова совершает набеги к Порхову «и ходя ворует, православных крестьян мучает, побивает и грабит». Интересен ответ псковских воевод, которые сообщают, что эти разбойники уже давно живут на шведской территории («Косицкий из Опочки сошел в Порховский уезд 1 марта»), им, воеводам, известно об этих набегах от самих порховцев. Воеводы рекомендуют Геннингу Грассу: «И вам бы велети тех воров имать и казнить». Со своей стороны псковские воеводы пишут: «Мы велим тем ворах по сыску наказание учинить за их воровство, не для твоего письма, но чтоб иным ворах неповадо было воровать и государя нашего, его царского величества земли пустошить и крестьян побивать и грабить». Псковские воеводы пишут о Порхове, как о своей земле. Для того, чтобы эта земля, которая должна вскоре отойти к Москве, не подвергалась разорению, воеводы согласны действовать заодно со шведами. Здесь также содержится намёк на то, что шведам не следует обижать местных жителей и грабить перед уходом (по принципу — «после нас хоть потоп»). Одновременно воеводы выражают неудовольствие Геннингу Грассу за нарушение в написании царского титула: «Нам таких листов не пригоже и принимать, но только принимали для покоя крестьянского, а в дальнейшем велим ваши листы отсылать к вам». Эти сведения о переписке порховского коменданта Геннинга Грасса с псковскими людьми сообщили боярам в Москве псковские посадские люди, прибывшие в столицу в июне 1616 г.

Летом 1616 г. боевые действия возобновились. Шведский военачальник Карл Йолленгейм пытался в очередной раз овладеть Псковом. Основные свои силы шведы направили к Пскову со стороны Нарвы и Гдова. В то же время источники ничего не сообщают об активизации боевых действий со стороны Новгорода и Порхова. Складывается впечатление, что комендант Порхова продолжал соблюдать условия перемирия: сам не нападал на Псков и пресекал попытки псковских казаков грабить порховские земли. Возможно, такими своими действиями Геннинг Грасс заслужил уважение местных жителей Порховского уезда. Не с этим ли связан один странный документ 1617 г., который по-иному заставляет взглянуть на деятельность последнего шведского коменданта в Порхове?

В архиве Деллагарди в Тарту сохранилось донесение священников, старост и волостных людей трёх погостов Порховского уезда (Карачунского, Болчинского и Ясенского) на имя Якоба Деллагарди. Этот документ был написан в тот момент, когда Столбовский мир был уже заключён и происходила процедура передачи Порхова московским представителям (конец марта 1617 г.). Так что особого давления шведов на подписавших этот документ русских людей не могло быть (если только эти русские люди не собирались уезжать жить вместе с «любимым комендантом» к нему в Ревель).

В этом документе скрупулёзно перечисляются все налоги, которые русские люди платили Геннингу Грассу в течение полутора лет, с 11 октября 1615 г. по 20 марта 1617 г. Всего с трёх перечисленных погостов выплачено около 500 рублей, примерно 260 четвертей ржи, 20 четвертей ячменя и 78 четвертей овса. Эти деньги и корма жители поставляли регулярно — помесечно. Далее в этом же документе подписавшие его три попа, три дьячка, три старосты и девять волостных людей расхваливают поведение воеводы Геннинга Грасса в период его правления в Порхове. По их словам, воевода ничего лишнего с них не брал, защищал жителей от грабежей: «А больше того у нас воевода денег и хлеба не имывал,

насильства и грабежу никакого над нами не делывал, без пени никого в тюрьму не саживал и не мучивал, и кунци и лисиц не имывал, и денег никаких на себя не правивал, и пашины на него не пахивали, и дела никакого не делывали, опроч дворового дела, что на него в Порхове двор поставили. А немецким людям солдатам также воевода вольности и насильства никакого делати не давал, и в деревни наши немецким людям ходити не велел, делал нам все добро, и от сторон нас от казаков и шишов оберегал».

Возможно, комендант Г. Грасс просил прислать в Порхов продовольствие, чтобы не разорять до конца местных жителей. В одном из писем Якоба Делагарди Геннингу Грассу 1616 г., которое было перехвачено партизанами под Порховом и отправлено в Москву, шведский военачальник сообщал, что он не может удовлетворить просьбу Г. Грасса о снабжении Порховского гарнизона провиантом, т.к. в Новгороде в нём нуждаются ещё больше.

Катастрофа шведского войска Карла Полленгейма под Псковом в декабре 1616 г. ускорила подписание Столбовского договора на условиях, более выгодных для русской стороны, чем рассчитывали сами русские к моменту начала переговоров в Столбово. Известие о капитуляции шведов в устье реки Великой (шанец в Устье, где в настоящее время находится церковь Николы) и о взятии псковичами шведского наряда привёз в Столбово 7 января 1617 г. новгородский сын боярский Докучай Харламов. По его словам, он был отпущен из Пскова 27 декабря 1616 г.: ехал он «на Дубровку, да на Порхов, да на Новгород». Таким образом, жители Порхова в последние дни декабря первыми узнали о победе под Псковом.

27 февраля 1617 г. был подписан «великими послами» первый в царствование Михаила Романова договор о вечном мире. Главная цель — возвращение Новгорода с уездом — была достигнута. Шведы обязаны были уже через две недели очистить Новгород, Старую Руссу, Порхов с их уездами и Сумерскую волость. В четвёртой статье Столбовского договора говорилось, что при уходе из городов, в том числе из Порхова, шведы обязывались «*никаких русских людей не выводить, насильства им и грабежа не чинить и наряду не вывозить*».

Особых споров между русской и шведской сторонами по поводу возвращения Порхова не было. Видекинд пишет, что Якоб Делагарди дал указания Карлу Полленгейму, «*чтобы тот без задержек и препятствий согласно условиям договора в течение 14 дней сдал уполномоченным Великого князя Новгород, Старую Русу и Порхов и следил, чтобы солдаты не чинили русским никаких насилий, грабежа или оскорблений, чтобы освобождение занятых мест прошло спокойно и в полном порядке. Так все это произошло в марте месяце*». Шведский историк ничего не пишет о конфликте из-за пушек и колоколов в ряде русских городов, в том числе и в Порхове.

В десятой статье Столбовского мирного договора говорилось, что пушки, воинский запас, колокола и всё другое, что было вывезено шведами до 20 ноября 1616 г., остаётся за ними. Но тот наряд, который всё ещё находился в городах, возвращаемых царю, там и должен оставаться. В данной статье уже заложен конфликт из-за пушек и колоколов, которые шведы начнут экстренно вывозить с 20 ноября 1616 г. и до середины марта 1617 г., когда в эти крепости придут русские послы.

Прибыв в Порхов, московские представители выяснили, что из города в декабре 1616 г. вывезено по указанию

Геннинга Грасса несколько колоколов и две пушки: «*А ныне писали к нам, великим послам, царского величества их городов из Ладого и из Порхова приказные люди, что после договору... из Порхова сослал воевода Геникзрас в Свюю в декабре месяце два колокола Михайловского погоста с полоном, вымуча на дворцовом крестьянине на Нестерке, да з города с стены два колокола, да в генваре месяце сослал в Свюю ж две пушечки полковых*». Этот вопрос о порховских пушках и колоколах также поднимался русскими послами в 1618 г. в Стокгольме при ратификации Столбовского договора.

Сейчас трудно восстановить, как проходила передача Порхова московским представителям в марте 1617 г. Можно предположить, что некоторые наиболее уважаемые жители Порховского уезда были 13 марта в Новгороде на торжественной встрече московских послов. Порховчане уже знали о царских словах из грамоты, которую привезли незадолго до этого послы: «*Мы великий Новгород от неверных для того освободили, чтобы вас всех православных христиан видеть в нашем царском жалованье по-прежнему, а не для того, чтоб наши царские опалы на кого-нибудь класть*». Актуально звучат слова царя Михаила Фёдоровича Романова о всепрощении: «*А которые люди, будучи у свейских людей, им доброхотали и служили, и во всем были им покорны, и волю их творили волею и неволею, и тех по нашему царскому милостивому нраву жаловать хотим, никто бы ничего от нас не опасался; как было, будучи у свейских людей в руках, воли их не творить?*».

В Псковской летописи кратко подведён итог Столбовского мира: «*Немцы с Государем помирились и отдаша города Новгород, и Порхов, и Ладугу*».

Как же сложилась судьба порховского воеводы Ивана Афанасьевича Мещерского? В соответствии с грамотой Михаила Фёдоровича о прощении всех, служивших шведам, он также не был наказан. Правительство действовало разумно. Большинство русских воевод, которые служили шведам и воевали против Михаила Романова, были отправлены (на всякий случай) воеводами в дальние волжские и сибирские города. Многие дворяне и дети боярские сразу же направлялись на борьбу против поляков. Королевич Владислав уже начал поход на Москву, поэтому московским боярам нужны были все воины. Бывшие новгородские сторонники шведов не испытывали никакого угрызения совести, воюя против Польши (общего врага их прежних хозяев — шведов, и нынешних хозяев — московских бояр). В декабре 1617 г. в поход под крепость Белую, которую осадили поляки, идти из Москвы был назначен «*Иван князь Офанасьев сын Мещерский*». Сохранился и наказ от 9 декабря, который получил И.А. Мещерский. Однако этот поход фактически не состоялся. Прибыв в Торопец, И.А. Мещерский узнал, что дворяне и дети боярские на службу сюда не явились, «*и к Белой ему идти не с кем. А он, князь Иван лежит в Торопце болен, и государь бы о том велел указ учинити*». Бояре указали И.А. Мещерскому «*ехать к Москве, а под Белую ходити ему не велено*». Дальнейших сведений о нём пока не найдено.

Первым московским воеводой Порхова после Смуты стал Игнатий Харитонович Харламов, который в трудное время переговоров в Столбово был воеводой в Тихвине. По-видимому, правительство доверяло такое ответственное назначение в возвращаемые крепости тем воеводам, которые уже зарекомендовали себя с положительной стороны. В Книгах разрядных приводится состав порховского

гарнизона в 1617 г.: «В Порхове Игнатий Харитонов сын Харламов; а с ним детей боярских Шелонской пятины 9 ч., стрельцов 50 ч., посадских людей 11 ч.». Эти же сведения приводятся за следующие 1618—1620 годы: «...всего в Порхове всяких людей 70 ч.».

Некоторое время после Игнатия Харламова в Порхове был воеводой Василий Клепик Фёдоров сын Бутурлин, которого вскоре, в 1619 г., отозвали в Москву. Следующим порховским воеводой стал известный деятель Смуты Матвей Шаврук Муравьёв, участник посольства архимандрита Киприана в Москву в 1615 г. Матвея Муравьёва в 1621 г. сменил вновь Игнатий Харламов, после которого в крепости были воеводами Иван Аничков, Андрей Нащокин и Афанасий Дубровский. Состав порховского гарнизона за эти годы значительных изменений не претерпел. Так, за 1625 г. в книгах разрядных записано: «В Порхове дворян и детей боярских Шелонской пятины 12 ч., пушкарей и затинщиков и воротников 13 ч. с сотником стрельцов 49 ч.; и всего в Порхове всяких людей 75 ч.».

После бурных событий Смутного времени Порховская крепость постепенно утрачивает военное значение. С тех пор она ни разу больше не подвергалась осаде. События Смоленской войны 1632—1634 гг., а также войн России с Польшей и Швецией во второй половине XVII в. происходили далеко от Порхова. В конце XVII в. крепость находилась уже в довольно запущенном состоянии. Опись 1699 г. свидетельствует, что в Порхове были воевода, 50 стрельцов, пушкарь, два воротника и «посадских людей, которые в службе Великого князя написаны 190 человек», при общей сумме «всяких чинов жителей 444 человека». В это время на трёх башнях (Псковской, Средней и Никольской) находилось три медные пушки (по одной в каждой башне), крепость имела также 27 пищалей. Сохранилось описание

небольшого подземного хода, служившего для водоснабжения крепости. Вывод уже тогда был неутешительный: «И ныне тот тайник стоит порушився, и в осадное время водою прожить немочно. А в городе Порхове колодезей, опричь того тайника, нет никакого».

В 1766 г. Порховскую крепость собирались даже совсем разобрать. Но, к счастью, ограничились только устарением тех деталей, которые могли обрушиться. Поэтому значительная часть оборонительных сооружений Порхова сохранилась.

Герб Порхова был утверждён в 1781 г. В верхней половине щита был изображён барс (герб Пскова), в нижней части — древний, много претерпевший от осад замок, начинающий возобновляться. Одна из башен замка показана в окружении строительных лесов. Однако изображение на гербе не соответствовало реальному положению дел. Именно в XVIII в. происходили наибольшие разрушения Порховской крепости.

Хочется надеяться, что приведённые здесь сведения откроют для многих людей, интересующихся героическим прошлым родного края и страны в целом, новую страницу в истории Порхова — древнего русского города, пробудят интерес к событиям Смуты в данном регионе у местных краеведов, помогут привлечь новые потоки туристов в этот небольшой районный центр Псковской области. Ведь до настоящего времени история Порховской крепости во времена Смуты начала XVII в. остаётся тайной для исследователей. При внимательном изучении источников выясняются новые причины восстания в Порхове против шведов в 1613 г. Многие даже не догадываются о той роли, которую играла в Смутное время, в период противостояния Пскова и Новгорода, Порховская крепость, самая древняя из сохранившихся каменных крепостей Руси.

ИСТОЧНИКИ

Дворцовые разряды. Т. 1. СПб., 1850.
Книги разрядные. Т. 1. СПб., 1853.
Лыжин Н.П. Столбовский договор и переговоры, ему предшествующие. Приложение № 13.
Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1830. Т. 1. Проезжая по Московии (Россия XVI—XVII веков глазами дипломатов). М., 1991.
Псковские летописи. М., 1837.
Саблер Г. Собрание русских памятников, извлечённых из

семейного архива графов Деллагарди // Учёные записки Императорского Юрьевского университета. Юрьев, 1896. Документы № 6, 10, 12.
СПГД. Т. III. СПб., 1822. № 34.
Юхан Видекинд. История десятилетней шведско-московитской войны. М., 2000.
Якубов К. Россия и Швеция в первой половине XVII в. М., 1897.
Якубов К. Русские рукописи Стокгольмского Государственного архива // ЧОИДР, 1890. Книга первая. М. 1890.

ИССЛЕДОВАНИЯ

Богусевич В.А. Порховская крепость // НИС. 1936. Вып. 1.
Замятин Г.А. «Псковское сиденье»: героическая оборона Пскова от шведов в 1615 г. // ИЗ. 1952. Т. 40.
Киртичников А.Н. Каменные крепости Новгородской земли. Л., 1984.
Козляков В.Н. Михаил Фёдорович. М., 2004.
Лебедев Е.Е. Город Порхов и его окрестности. Новгород, 1915.

Соловьёв С.М. История России с древнейших времён // Сочинения. В 18 кн. Кн. V. Т. 9—10. М., 1995 (также — другие издания).
Фигаровский В.А. О грамоте новгородского правительства в Москву 1615 г. // НИС. Вып. II. Л., 1937.
Фигаровский В.А. Партизанское движение во время шведской интервенции в Московском государстве в начале XVII в. // НИС. Вып. VI. Новгород, 1939.

Священник Александр Панкратов

Новгородское старообрядчество XVIII века в трудах «энциклопедистов» церковной истории

Рубеж XVIII и XIX столетий был отмечен деятельностью выдающихся церковных историков, авторов фундаментальных справочных изданий, не потерявших значения до настоящего времени. Речь об архимандрите Амвросии (Орнатском), составителе шеститомной «Истории Российской иерархии» (изд. 1807—1815), митрополите Евгении (Болховитинове) с его «Словарем историческим о бывших в России писателях духовного чина» (1-е изд. — 1818), а также об одном из последних представителей выговской литературной школы, петербургском старовер-беспоповце Павле Онуфриеве Любопытном. Труды первых двух (биографии которых были тесно связаны с Новгородской епархией), насколько мне известно, практически не рассматривались ранее как содержащие сведения о старообрядчестве, тем более — о новгородском. Между тем сведения о нём в указанных сочинениях имеются.

Данное обстоятельство связано с тем, что во второй половине XVIII — начале XIX вв. российское староверие в известной степени находилось на подъёме благодаря достаточно либеральному законодательству «о расколе» Петра III и Екатерины II. В частности, старообрядческие монастыри существовали вполне открыто, имея порой заметное значение в духовной жизни страны. Вероятно, поэтому о. Амвросий (Орнатский) включил ряд обителей староверов в свои очерки прошлого всех монастырей России. Они помещены в третьей—шестой частях «Истории Российской иерархии». Так, здесь содержится статья о Выговской пустыни (в окрестностях оз. Выг в карельском ныне Заонежье)¹. По объёму (три страницы) это самый крупный из всех находящихся в данном издании очерков о старообрядческих монастырях. К тому же это, скорее всего, первая в истории статья о «Выгореции» в общероссийском справочнике энциклопедического характера.

Прежде всего здесь обращает на себя внимание точное обозначение географического положения пустыни. Далее, при рассказе о её основании, приводятся выдержки из сочинений Андрея Денисова, знаменитого «большака» (настоятеля) обители начала XVIII в., а также синодального автора второй половины указанного столетия, священника

Виды старообрядческих монастырей на р. Лекса (слева) и р. Выг (справа). Рис. XVIII века

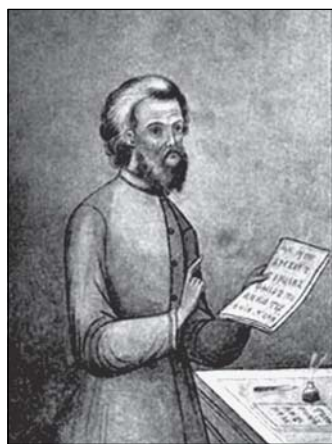
Андрея Иоаннова Журавлёва. Упомянуты получение названным Денисовым образования в Киево-Могилянской «академии» и пребывание его брата Симеона в заключении в Новгороде при митрополите Иове (1713—1717). Рассказывается о сборе выговцами по всей стране древних книг, икон и других предметов церковного обихода. Это собрание охарактеризовано как «единственное в России». Завершается статья описанием способа содержания монастыря, состоявшего в пожертвованиях «единомышленников» и торговле на «разных водоходных судах». Общее количество жителей Выговской пустыни определил в три с небольшим тысячи человек. И хотя данная статья, увы, не свободна от «недружественной» старообрядцам фразеологии, в ней всё же ощущается некоторое уважение к собирателям и хранителям русской церковной старины. А такие особенности заметки, как точно приведённые координаты пустыни и характеристика выговской библиотеки как уникальной в своём роде, наводят на предположение, что Амвросий

ВХОД. 623
 ния мужская пустыня находилась в Ржевском уезде при озере Велгух, по которому и название свое имела. До учреждения духовных в 1764 году принадлежала она к Синодальной области, а потом упразднена.
 ВХОДЕРУСАЛИНСКАЯ упраздненная женская пустыня находилась до 1764 года в Рязанской Епархии в Муромском Стародубском уезде, а по штатам упразднена.
 ВХОДЕРУСАЛИНСКИЙ Спаский город мужской в 1764 году упраздненный монастырь, до учреждения Московской Епархии, состоял в ведомстве Святителем Синода; по духовным в 1764 году штатам, обращён в приходскую церковь. Синод. Деревянный Спаский.
 ВЫГОРЬСКАЯ Старообрядческая пустыня, отстоящая от Новгорода к Северу чрез Онежское озеро в 800, от Онеги же к Востоку в до верстах, у самой реки Выги, где река Сосновка впадала в Выг реку, а Выг течёт отсюда к Северу и впадает в Северный Океан. Сия пустыня, называвшаяся и Выгорьский раскольников монастырь и скит, построена в царство Государя Императора ПЕТРА Великого. Из сего монастыря всегда выходили и до ныне выходят

Амвросий, архимандрит.
 История Российской иерархии.
 М., 1807—1815. Т. 3. С. 623

мог или сам посещать обитель, или общаться с теми, кто там бывал.

«История Российской иерархии» содержит и некоторые другие, более скромные по объёму данные, имеющие отношение к новгородскому старообрядчеству XVIII века. Здесь описано самосожжение староверов-беспоповцев, происшедшее в 1765 г. в Мартирьеве-Зеленецком монастыре (ныне — в Ленинградской обл.)², а также содержится упоминание о часовне, которую построил «сыщик Самарин» в заонежском Палеостровском монастыре. Видимо, она являлась своеобразным памятником, связанным с возглавлявшимся названным лицом известным следствием 1737—1739 гг., ведшемся по доносу на Выговскую пустынь Ивана Крутлого³. Приведена и довольно подробная биография викария Новгородской епархии епископа Олонецкого Иоанникия (Микрицкого), которого некоторые староверы считали склонным к переходу в старообрядчество⁴. Правда, о склонности этой у Амвросия сведений нет. Однако он сообщает, что Иоанни-

Семён Денисов

кий был уроженцем Тихвина⁵. Это обстоятельство, возможно, объясняет интерес староверов к архиерею. Ведь он родился и, вероятно, провёл молодость в городе, с которым в течение всего XVIII века было связано немало следственных дел о «явных и тайных раскольниках»⁶. То есть Иоанникий мог считаться старообрядцами более близким, чем другие синодальные иерархи.

Писательские труды архиереев и других представителей российского духовенства явились темой сочинения митрополита Евгения (Болховитинова) «Словарь исторический о бывших в России писателях духовного чина Греко-Российской Церкви». Его первое издание вышло, как уже говорилось, в 1818 году. Здесь в алфавитном порядке собраны сведения о произведениях различных иерархов, начиная со времён Крещения Руси до начала XIX века. Имеются и очерки об авторах «противораскольнических» сочинений. Однако следует отметить, что в «Словаре» в несколько завуалированном виде приведены сведения о «Поморских ответах» 1723 года, выдающемся памятнике старообрядческой апологетики, созданном в Выговской пустыни. История этого труда, с указанием авторства, изложена в статье об иеромонахе Неофите. Причём из её содержания становится ясно, что сам он, кроме 106-ти вопросов староверам, никаких литературных трудов не оставил. Здесь же говорится не только о названных выше «Ответах», но и об их авторах, братьях Андрее и Симеоне Денисовых. При этом отмечаются короткий срок, за который «Ответы» были составлены, а также высокий уровень «словесных наук», которым обладали писатели-старообрядцы. Таким образом, статья о Неофите фактически оказывается более повествовающей о творчестве его оппонентов⁷.

Митрополиту Евгению принадлежит также «Описание жизни и подвигов преосвященного Тихона, епископа Воронежского и Елецкого» (1724—1783). В этом очерке упоминается и о контактах названного архиерея (канонизирован

Синодом, известен как Тихон Задонский) со старообрядцами. Как и Иоанникий (Микрицкий), он был уроженцем Новгородской земли, с. Короцко близ Валдая. Вероятно, уже само это обстоятельство привлекло внимание староверов, занимавшихся поисками епископа.

В 1768 г. Тихон оставил воронежскую кафедру и удалился на покой. Первоначально он проживал в Толшевской пустыни, затем переселился в Задонский монастырь. Любопытно, что в качестве причины этого переезда Евгений называет «заражённость неисцельным расколом» толшевского настоятеля. Обращает на себя внимание, что епископ (!) ничего не смог сделать с этим игуменом, а просто переселился. Не исключено, что почти весь Толшевский монастырь (формально — совершенно «официально-церковный») поддерживал своего начальника.

В Задонске к Тихону обратился некий саратовский купец-старовер с предложением перейти в качестве архиерея

Житие Андрея Денисова с его портретом. Выговская рукопись второй половины XVIII в.

в старообрядческую Церковь. Ссылаясь на упоминавшуюся выше книгу А. Журавлёва, Евгений говорит, что Тихон ответил решительным отказом. Дата этого события не приводится. Несколько ранее говорится об общей истории поисков епископа староверами, причём даны сведения о случаях посвящения духовных лиц для них греческим митрополитом Крымским. Также изложена вкратце история епископа Епифания, принятого старообрядцами на Ветке, но окончившей жизнь в киевской монастырской тюрьме⁸.

Тенденция к составлению справочников по церковной истории и, в частности, по литераторам духовного звания, проявлялась в начале XIX века и непосредственно в среде «древлеправославных». В 1828—1829 гг. были написаны «Исторический словарь Староверческой Церкви» и «Каталог или библиотека Староверческой Церкви» (впоследствии изданы в Москве в 1866 г.). Их автором являлся Павел Онуфриев Любопытный (Светозаров), старообрядец поморского согласия из Санкт-Петербурга, воспринявший традиции выговской литературной школы. Его произведения написаны в доведённой почти до крайности поздневыговской стилистике, изобилующей вычурными речевыми оборотами. Среди этих громоздких словесных конструкций порой довольно трудно отыскивать конкретное содержание. Однако от этого произведения Любопытного не перестают быть уникальными в своём роде.

Здесь содержатся сведения о большинстве активных деятелей старообрядчества, преимущественно поморского, с конца XVII по начало XIX вв.

Амвросий (Орнатский).
Портрет периода его епископства в Пензе

Приведены их биографические данные, а также перечислены принадлежащие им сочинения. Иногда упоминаются их названия, в других случаях указана лишь тематика, зачастую же — только общее количество. Места хранения рукописей не названы нигде (безусловно, по, так сказать, цензурным соображениям). Но и один перечень трудов старообрядцев представляет собой значительную ценность. Современным исследователям удалось выявить в хранилищах ряд произведений, известных прежде лишь по справочнику Любопытного. Таким образом, была подтверждена его достоверность⁹.

Среди писателей, о которых рассказано в сочинениях Светозарова, мною выявлено 44 лица, жизнь и деятельность которых непосредственно связана с Новгородской епархией. Так, рассказывается об Алексее Самойлове (1691—1771), который, будучи сыном священника из Великого Новгорода, выпускником местной семинарии (!), в течение 15-ти лет возглавлял общину беспоповцев-федосеевцев, тайно действовавшую в городе¹⁰. Говорится и о шести его сочинениях. Представляет интерес и упоминание о письменной полемике Гавриила Скачкова, известного поморского наставника из Москвы, и митрополита Санкт-Петербургского и Новгородского Гавриила (Петрова)¹¹.

Евгений (Болховитинов),
митрополит Киевский и Галицкий. Гравюра XIX века

О «северной столице» и её старообрядцах у Любопытного рассказывается вообще немало. Повествуется о попечителях тамошних моленных, среди которых

были и духовные писатели. Перечисляя собственные труды, Светозаров упоминает «Историю о поморской часовне на Моховой улице» и описание современного автору состояния этого храма¹². Небезынтересно, что в перечне сочинений, которые Павел планировал написать, значатся всеобъемлющая история старообрядчества Санкт-Петербурга, а также обозрение его староверческих библиотек, вкуче с книжными собраниями староверов Москвы и Выга¹³. Неясно, были ли реализованы эти намерения. Возможно, какие-то ранее неизвестные труды данного автора ещё могут быть обнаружены исследователями будущих времён.

Подводя итог вышесказанному, хочу отметить, что церковно-исторические и церковно-библиографические справочники начала XIX века содержат больше информации по истории старообрядчества, в том числе новгородского,

чем обычно предполагается. Некоторые из этих данных не встречаются в прочих изученных мною историографических памятниках. В этом отношении наиболее ценны сведения в книгах Павла Любопытного. В целом же работы исследователей вышеназванного периода являются подготовительным этапом к масштабным публикациям источников по истории старообрядчества, имевшим место во второй четверти — конце позапрошлого столетия. Вместе с тем труды, которым посвящена настоящая статья, во многом сохраняют совершенно самостоятельное значение и научную актуальность даже в настоящее время, спустя почти два века после их создания.

Павел Любопытный.
Гравюра XIX в.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Амвросий (Орнатский), архимандрит. История Российской иерархии. В 6-ти тт. М., 1807—1815. Т. 3. С. 623—626.

² Там же. Т. 3. С. 171—174.

³ Там же. Т. 5. С. 413, 476.

⁴ Журавлёв А.И., протоиерей. Полное историческое известие о древних стригольниках и новых раскольниках. СПб., 1855. С. 81.

⁵ Амвросий (Орнатский), архимандрит. Указ. соч. Т. 1. С. 88.

⁶ Анисимов Е.В. Дыба и кнут. Политический сыск и русское общество XVIII в. М., 1999. С. 80.

⁷ Евгений (Болховитинов), митрополит. Словарь исторический о бывших в России писателях духовного чина Греко-Российской Церкви. СПб., 1872. Переизд.: М., 1995. С. 226.

⁸ Там же. С. 364—365.

⁹ Юхименко Е.М. Выговская старообрядческая пустынь. Духовная жизнь и литература. В 2-х тт. Т. 1. М., 2002. С. 117.

¹⁰ Любопытный П. Исторический словарь и Каталог или библиотечка Староверческой Церкви. М., 1866. С. 68—70.

¹¹ Там же. С. 96.

¹² Там же. С. 154.

¹³ Там же. С. 165.

Памятный поклонный крест на месте соборной часовни
Выговской пустыни. Современное фото

В конце мая 2008 года в Новгородской областной универсальной научной библиотеке состоялась научно-практическая конференция «И слава возрастёт моя, не увядая», посвящённая 265-летию со дня рождения Г.Р. Державина и 1150-летию Великого Новгорода, собравшая учёных, сотрудников музеев и архивов Санкт-Петербурга и Великого Новгорода.

В конференции приняли участие преподаватели и научные сотрудники НовГУ им. Ярослава Мудрого. Кандидат филологических наук, преподаватель кафедры русской литературы А.В. Кошелев прочитал доклад «Г.Р. Державин и „Скупой рыцарь“ А.С. Пушкина». Д.Б. Терешкина, кандидат филологических наук, доцент этой кафедры представила сообщение «Не живём, живя в забвении...», с анализом ситуации о том, как читают Г.Р. Державина сегодня, основанном на опросе студентов НовГУ. С.Д. Дзюбанов, главный специалист музея Г.Р. Державина и русской словесности его времени (г. Санкт-Петербург), проанализировал связь Г.Р. Державина с архитектором П.И. Левенгагенем. Сотрудники музея Н.П. Морозова и В.В. Губернский представили проект виртуального музея «Званка». По имеющемуся плану дома и описанию мебели того времени уже созданы каркас здания и изображения предметов обстановки. На основании этого впоследствии будет разработан макет, по комнатам которого можно будет «побродить» с помощью компьютера.

И.В. Киселёва, зав. отделом научно-справочного аппарата и информационных технологий ГАО прочитала доклад об истории Званского Знаменского монастыря и Державинского епархиального училища, за период с 1833 г. — времени составления завещания Д.А. Державиной, их открытия в 1869 г. и заканчивая крушением в 1924 г.

В рамках конференции работала выставка печатных изданий, посвящённых Г.Р. Державину — «И времени полёт его не сокрушит». Для участников конференции была организована экскурсия в Спасо-Преображенский Варлаамо-Хутынский монастырь, где находится могила Г.Р. Державина.

И.В. Киселёва

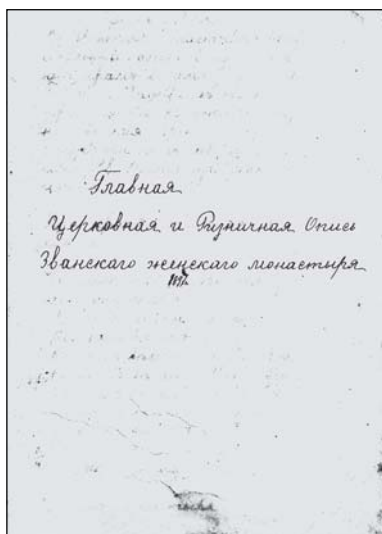
Званский Знаменский монастырь и Державинское училище Новгородской епархии 1869—1924 гг.

С именем Г.Р. Державина на Новгородской земле связано имение Званка и образованный впоследствии на основе имения Званский Знаменский монастырь, архивный фонд которого в составе двух дел находится на хранении в ГАО. Публикаций о монастыре удалось обнаружить только две. Это «Очерк Званского Знаменского монастыря», составленный священником А. Ваучским в 1894 г. и опубликованный в «Новгородских епархиальных ведомостях»¹, и статья «Званский монастырь» Н.Н. Жервэ в журнале Новгородской епархии «София»². В архивных фондах ГАО

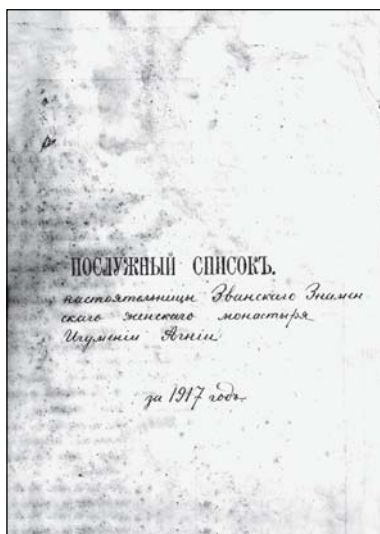
имеются документы, позволяющие воссоздать историю этого центра духовной культуры и просвещения, существовавшего в новгородской глубинке³.

Званский Знаменский женский 3-го класса монастырь находился в 65 км к северо-востоку от Новгорода в с. Званка на левом берегу р. Волхов. Имение Званка принадлежало второй жене Г.Р. Державина Дарье Алексеевне, урождённой Дьяковой (куплено на деньги её приданого — 10 000 руб.), и было довольно богатым. В нём находились две фабрики: суконная и ковровая. Державиным принадлежали три деревни,

составляющие Званско-Вознесенский приход: Залозье, Дымно и Ангушево. В 1817 г., через год после смерти Г.Р. Державина, Дарья Алексеевна приступила к строительству каменной церкви во имя Обновления Храма Воскресения Христова, которая в 1821 г. была освящена архимандритом Фотием.

Титульный лист Главной Церковной и Ризничной Описи Званского женского монастыря.
ГАО. Ф. 517. Оп. 1. Д. 1. Л. 1

Титульный лист Послужного списка настоятельницы Званского Знаменского женского монастыря игуменьи Агнии.
ГАО. Ф. 517. Оп. 1. Д. 2. Л. 1

В завещании, составленном в 1839 г., Д.А. Державина выразила желание устроить в своём имении женскую обитель с училищем для девиц духовного звания. На это она завещала господскую усадьбу со всеми строениями и принадлежащими ей угодьями и 150 000 руб. ассигнациями. Сенатором Бороздиным, уполномоченным со стороны наследников Г.Р. Державина, для этой цели предоставлен был капитал 98 279 руб.⁴

3 июля 1858 г. вышел указ Правительствующего Сената «Об устройстве в с. Званка Новгородской епархии монастыря с освидетельствованием по акту существующих строений и разбором ветхих... с наймом для сего на время работ опытного десятника»⁵.

В 1867 г. по указу митрополита Исихора (Никольского) вызваны были из Тверского Христо-Рождественского монастыря две монахини: Поликсения (дочь генерал-лейтенанта Н.П. Ушакова) и Софья. Первая — чтобы быть настоятельницей монастыря и начальницей училища, а вторая — казначеей. Для монашествующих и для предполагаемого училища построен был небольшой каменный корпус и к нему из остатков державинских служб были присоединены по бокам две пристройки. Помещение было тесное

Должность, звание, степень и имя.	Кем и когда.	Где и чему обучалась.	Из какого звания, как из мундштата, давана или монашеством и т.д.	Какие проходила и проходить послушания, не совершила ли особенных каких-либо по службе дел и в чём была награждена.	Была ли в отпусках, когда именно и на сколько времени, являлась ли в срок, и если пропускала, то когда, сколько и была ли причина пропуска признана уважительною	Не была ли в отпусках, когда именно и на сколько времени, являлась ли в срок, и если пропускала, то когда, сколько и была ли причина пропуска признана уважительною	Какие качества, и способности к послушаниям, если были, то почему.
Настоятельница Званского Знаменского монастыря и Начальница Державинского женского училища Игуменья Агния	52.	В Новгородском городском старшине Николае Ивановиче Яковлеве училась в 1880.	Дога умершего старшине Николае Ивановиче Яковлеве училась в 1880.	Служила в м.т. в Новгородском духовном монастыре, где и обучалась в духовном училище. По окончании курса учения поступила в Новгородский Свято-Духов монастырь. Определена в число указ. послушания. Проходила клиросное и занималась по монастырю. Востановила училище в Новгородском Свято-Духов монастыре в 1908 г. В поучении любви и ее достоинства получила в благословении от Св. Синода и книгу "Видения".	1873. 1875. 1880. 10. 1881. 25. 1894. 1. 1899. 30. 1907.	Жила в отпусках, когда именно и на сколько времени, являлась ли в срок, и если пропускала, то когда, сколько и была ли причина пропуска признана уважительною	Воспитательница в Державинском женском училище. Софья. Поликсения.

Послужной список настоятельницы Званского Знаменского женского монастыря игуменьи Агнии.
ГАО. Ф. 517. Оп. 1. Д. 2. Л. 106.-2

и неудобное. Также не имелось никаких служб и помещений для скота.

12 апреля 1869 г. последовал указ Св. Синода об открытии в селе Званка женского монастыря под именем Знаменского с десятью монахинями, причтом, состоящим из священника, диакона и причетника, и об открытии при монастыре училища для 30 бедных девиц духовного звания с наименованием его Державинским. Содержаться монастырь должен был на доходы с имения, а училище — на проценты с капитала, завещанного вдовью действительного тайного советника Гавриила Державина. 31 августа 1869 г. монастырь и училище были открыты в присутствии преосвященного Феофиста, епископа Старорусского и викария Новгородского. Сестёр, явившихся из разных мест, было около 30 человек, из которых две были монахинями, а остальные — послушницы и живущие на испытании. На первый курс в училище приняли 12 воспитанниц. Сёстры и воспитанницы помещались в одном здании. Преподаванием наук занимались члены причта. Курс был шестилетний: три класса с двумя отделениями в каждом. Программа была такая же, как и в епархиальных женских училищах, только это училище было частным учебным заведением, и поэтому окончившие его не получали никаких прав. Впоследствии училище утратило сословный характер, и в нём могли учиться девочки не только духовного звания, но и других сословий, и число воспитанниц возросло до 30. В 1883 г. Державинское училище было преобразовано в епархиальное, причём первые три класса оставлены в Званке, а три старших перенесены в Деревяницы⁶.

Сразу же после открытия обители развернулось строительство. Под руководством настоятельницы Поликсении был возведён двухэтажный каменный корпус с двумя флигелями. В нём располагались три класса в верхнем этаже, зала, столовая и спальни — в нижнем; во флигелях — кельи для сестёр. Строительство обошлось в 25 000 руб. серебром, что составило лишь небольшую часть державинского капитала⁷.

В 1880 г. был построен полукаменный трёхэтажный корпус для сестёр монастыря, перестроены старые постройки, сделан водопровод. В 1886 г. с благословения митрополита Исидора (Никольского) был сооружён новый храм с тремя приделами: главный — во имя Знамения Божией Матери; второй — во имя великомученика Пантелеимона; третий — во имя преподобного Исидора Пелусиота. В иконостасе этого храма находились две иконы, перенесённые из старого (Державинского) храма: одна в честь пресвятой Богородицы Скоропослушницы в серебряной позолоченной ризе, а другая икона св. великомученика и целителя Пантелеимона в такой же ризе, в которой находился ковчег с частицей его мощей, присланный из Афонского Пантелеимонова монастыря по просьбе игуменьи Софьи. Первую икону пожертвовал в 1869 г. иеромонах Афонского Пантелеимонова монастыря Малахия в благословение вновь открывшейся обители; вторую — в 1879 г. первой гильдии купец Ефрем Сивохин из Санкт-Петербурга. Обе эти иконы почитались чудотворными и привлекали богомольцев и больных. Рядом с церковью иконы Божией Матери «Знамение» была построена каменная колокольня, а за оградой — часовня во имя св. бессребренников Космы и Дамиана. На территории монастыря были разведены сад и цветник⁸. В описи церковного и ризничного имущества за 1897 г. упоминается о возведении вокруг монастыря каменной стены⁹.

Большую помощь обители и училищу оказывал митрополит Исидор (Никольский), нередко посещавший Званку и много жертвовавший на строительство и другие нужды.

По ведомости о Званском монастыре за 1894 г. в нём находилось 185 человек: одна настоятельница, девять монахинь, 22 послушницы и 40 проживающих по паспортам, 102 сироты на воспитании, 12 посторонних лиц, пользовавшихся монастырскими средствами. Сёстры пользовались от монастыря кельями, отоплением и общей трапезой.

Почётным блюстителем по хозяйственной части являлся архимандрит Леонид — настоятель Иверского монастыря. Учительский персонал состоял из трёх учителей с семинарским образованием и трёх воспитательниц. Всего было 46 воспитанниц (в I классе — 20, во II — 14, в III — 12)¹⁰.

По сведениям о монастыре за 1894 г. в нём имелись: каменная одноэтажная церковь во имя Обновления Храма Воскресения Христова; вторая каменная одноэтажная церковь во имя Знамения Божией Матери с приделами с северной стороны во имя великомученика и целителя Пантелеимона и с южной — во имя преподобного Исидора Пелусиота; две каменные колокольни; каменный двухэтажный корпус, в котором размещалось Державинское училище и кельи настоятельницы; полукаменный трёхэтажный корпус для проживания монашествующих; здание пекарни; три одноэтажных деревянных флигеля; деревянный одноэтажный корпус с четырьмя мезонинами для проживания посетителей монастыря или училища; гостиница для богомольцев; два деревянных двухэтажных дома для священнослужителей; надворные постройки: здание с баком для накачивания воды, баня, амбар, ледник, погреб, птичник, сараи, скотный двор и конюшни с избами для рабочих. В 1894 г. на переливку старых колоколов на новые с добавлением материала было затрачено 1500 рублей, и от неизвестного лица поступило пожертвование в виде колокола в 216 пудов. Всего колоколов было девять. Общий расход на содержание училища и монастыря в течение года не превышал 5000 руб.¹¹

В 1895—1896 гг. Державинское училище состояло под архипастырским покровительством архиепископа Новгородского и Старорусского Феофноста. Председателем совета училища был протоиерей новгородского Зверина монастыря Алексей Рождественский. За учебной частью наблюдал помощник инспектора классов протоиерей Василий Сарцедотский, закончивший семинарию и являвшийся законоучителем. Арифметику преподавал диакон Николай Гиляровский, русский язык и географию — священник Фёдор Знаменский, оба — студенты семинарии. Воспитательницами были три выпускницы этого же училища. Одна из них — Екатерина Тихомирова, пожалованная за труды по народному образованию серебряной медалью для ношения на груди на Александровской ленте. Вторая — Екатерина Петровна Герасимова, более 25 лет отдавшая детям и в 1904 г. пожалованная от Св. Синода благословением и Библией¹². Церковному пению обучала рясофорная послушница монастыря Варвара Журавлёва. Экономкою состояла казначея монахиня Ангелина. В библиотеке по хронологическому каталогу числился 3101 экземпляр в 625 названиях; в том числе — в ученической библиотеке 369 названий в 2375 экземплярах, в фундаментальной библиотеке 256 названий в 726 экземплярах. Из журналов выписывались: «Церковные ведомости», «Новгородские епархиальные ведомости», «Народное образование», «Русский паломник», «Родник», «Кормчий» и «Воскресный день». В этом же году было начато

строительство больницы на средства, выделенные епархиальным свечным заводом, в сумме 2961 руб. 80 коп.¹³

20 августа 1901 г. в Званском монастыре состоялось торжественное освящение архиепископом Новгородским и Старорусским Гурием вновь выстроенной каменной ограды протяжением 400 сажень¹⁴.

Не миновали Званку и неприятности. Так, с октября до начала декабря 1901 г. в училище была эпидемия скарлатины: заболели 23 человека, но смертельных случаев не было¹⁵.

Державинское училище успешно развивалось. Для детей проводились различные мероприятия. Так, 12 декабря 1905 г. в училище прибыл совет епархиальных женских училищ: председатель — протоиерей М. Тихомиров, инспектор — протоиерей А. Вихров и священник Ф. Знаменский. Они привезли с собой «волшебный фонарь», и детям было предложено чтение с теневыми картинками, на котором присутствовали семьи преподавателей училища и сёстры из монастыря. Чтение открылось пением молитвы «Царю Небесный», затем были показаны картины о Каине и Авеле, Сампсоне, путешествии на Афон, из Житий Нины — просветительницы Грузии — и св. Пантелеимона, которые сопровождались объяснениями. Всё это длилось около часа и закончилось чтением тропаря и величанием св. Пантелеимона.

В конце 1905—1906 учебного года переведённым в 4 класс 25 ученицам было предложено во время каникул написать автобиографии с указанием, кем они были до поступления в училище, кем стали и к чему будут стремиться.

На 1906—1907 учебный год в училище числилось 111 воспитанниц. При поступлении в училище было отказано в приёме из-за неудовлетворительных ответов на испытании девяти девицам, по состоянию здоровья — четырём¹⁶.

В монастыре постоянно проводились строительные и ремонтные работы. Так, 30 января 1911 г. состоялось освящение возобновлённого храма Званского Знаменского монастыря, восстановленного в его первоначальном виде. Проводилось оно на средства жертвователей. Одним из них был фабрикант И.Е. Кузнецов. Он дал 200 пудов смеси цемента с алебастром для заливки наката для утепления пола. Другой — купец из Санкт-Петербурга Михаил Алексеевич С. прислал бесплатно мастера для воспроизводства фресок и лепки, как было при Д.А. Державиной.

Не оставалась община Знаменского монастыря в стороне и от общественной жизни. Руководителем местного общества трезвости, в которое вступило около 1000 человек, являлся священник о. Пётр Сергеев¹⁷.

В «Новгородских епархиальных ведомостях» за 1913 г. публиковались описания проводимых в монастыре церковных праздников. Священник Николо-Полистьской церкви о. Михаил Сарцедотский описывал праздник Рождества Христова, состоявшийся 28 декабря 1912 г. Архиепископ Арсений пожертвовал на проведение ёлки 25 рублей и 100 рублей на «недостаточных» воспитанниц. Было пропето многолетие владыке, затем тропарь Рождеству и поставлены живые картины. Во втором отделении ученицы читали стихотворения. Третье отделение состояло из пения девочками песен. Ёлка закончилась раздачей гостинцев детям, а гостям был предложен чай.

Священник церкви при Волховской фабрике Кузнецова о. Виктор Осипович сообщал, что 26 июля 1913 г. — праздник в честь целителя Пантелеимона в Званском женском монастыре начался в 7 часов вечера крестным ходом из церкви при Волховской фабрике Кузнецова

к монастырским воротам и был встречен крестным ходом с чудотворной иконой целителя Пантелеимона во главе с благочинным монастырей архимандритом Иувеналием. Оба крестных хода направились вокруг собора с пением монастырского хора. Всенощное бдение закончилось в 12-м часу ночи. Тропари канона читала прибывшая из Москвы игуменья Покровской общины (бывшая настоятельница монастыря и начальница училища). После литургии 27 июля духовенство во главе с архимандритом, при большой толпе народа, с крестными ходами, монастырским и фабричным, обошло вокруг храма с пением молебна целителю, после чего направились к воротам, где была прочитана молитва целителю, произнесены обычные многолетия, и фабричный крестный ход направились домой, а монастырский — в храм.

Настоятельница монастыря игуменья Агния сообщала, что 9 ноября 1913 г. состоялся праздник в честь иконы Божией Матери Скоропослушницы. Накануне были отслужены параклисис и всенощное бдение. На правом клиросе пели сёстры обители, на левом — ученицы Державинского училища. О. Михаил в своём слове на литургии высказал радость, что девочки воспитываются в св. обители вдали от суеты, и в этом отношении сравнил их воспитание с воспитанием Богоматери. По случаю праздника воспитанницам был дан кофе, пряники и конфеты. На второй день, в воскресенье, 10 ноября в училище был устроен детский домашний театр: ученицы 3-го класса сыграли две пьесы.

Также игуменья Агния описала посещение Званской Знаменской обители архиепископом Арсением (Стадницким) 29 мая 1913 г. Прибывший в монастырь около 10 часов вечера с поезда владыка проследовал в храм. Благословив сестёр и училищную корпорацию (воспитанницы уже уехали на каникулы), нанёс визит настоятельнице. В пять часов утра следующего дня владыка посетил горку «Державинскую», сад, ремонтируемый храм Знамения Богоматери. После литургии, начавшейся в 6 часов утра, побывал на квартире протоиерея Сарцедотского и второго священника о. Алексея Храповицкого. В 9 часов утра владыка отбыл на моторной лодке в Новгород¹⁸.

Настоятельницами Званского монастыря были игуменьи: Поликсения (1869—1877 гг.), Софья (1878—1905 гг.), Нина (1908 г.), Агния (Васильева) (9 января 1909—1924 гг.).

В 1917 г. в монастыре находилось 144 человека: настоятельница, 22 монахини в возрасте от 46 до 82 лет, 93 послушницы в возрасте от 24 до 76 лет и 28 проживающих по паспортам и другим видам¹⁹.

С установлением советской власти в жизни Званского монастыря произошли коренные перемены. 10 (23) июля 1918 г. Державинское епархиальное женское училище с тремя первыми классами было передано в ведение Новгородского уездного Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов, а в начале 1918/1919 учебного года было реорганизовано в двухклассное народное училище.

В это время во владении монастыря находилось 7,18 десятин усадебной, 16,8 — пахотной, 176,33 — сенокосной земли и 716,31 — леса. Из скота имелось пять лошадей и 26 голов рогатого скота²⁰.

По ведомости за 1918 г., в составе причта вторым священником был Алексей Тимофеевич Храповицкий, поступивший на службу в Званский женский монастырь в 1912 г. Он преподавал русский язык и географию в Державинском училище. В 1914 г. был избран председателем

приходского попечительского совета о семьях лиц, призванных в ряды армии.

21 мая 1919 г. исполнилось 50 лет служения в священном сане протоиерея Званского монастыря Василия Михайловича Сарцедотского, поступившего на службу в Званскую церковь псаломщиком в 1867 г. Затем он стал священником и преподавателем гражданской и церковной истории, педагогики и русского языка Державинского училища и законоучителем Дыменской церковно-приходской школы. Сёстры во главе с игуменьей Агнией поднесли юбиляру икону Богоматери, написанную в живописной мастерской монастыря. Сын юбиляра — священник Николо-Полистьской церкви о. Михаил поднёс отцу икону Николая Чудотворца²¹.

С 24 августа 1919 г. продолжились мероприятия новой власти по лишению монастыря принадлежащего ему имущества. Комиссия, в состав которой входили члены Новгородского губисполкома, заведующая Званским детским приютом Л. Митецкая, игуменья Званского монастыря Агния и др., произвела осмотр имущества монастыря и составила акт. После этого было решено передать жилые здания для размещения детей, а монахини и послушницы должны были освободить помещения в три дня. Нетрудоспособные были переданы отделом соцобеспечения в дома престарелых и инвалидов, трудоспособные оставлены в обители. Вещи, принадлежащие монахиням, а также весь инвентарь разрешено было оставить при монастыре²².

К сентябрю 1919 г. решением Новгородского губисполкома Званский монастырь был уплотнён²³, а 2 сентября зарегистрирована Званская трудовая коммуна. В состав коммуны входили 24 монахини, 121 послушница и четыре работника — пастух, перевозчик, плотник и ночной сторож. Из акта обследования Званской трудовой сельскохозяйственной коммуны за 1919 г. следовало, что *«на скотном дворе, тчельнике и птичнике наблюдался образцовый порядок. Члены коммуны, как молодые так и почтенного возраста, выполняли все сельскохозяйственные работы и могли обеспечить продуктами не только себя, но и 17 нетрудоспособных»*. Отмечалось, что *«путём организации строгой трудовой дисциплины, применением науки и техники, женщины поставили*

сельское хозяйство на должную высоту». При этом постановлением земельного отдела Новгородского уездного исполнительного комитета от 15 декабря 1919 г. председательница игуменьи Агния была уволена из числа членов сельскохозяйственной общины, лишена права проживания в её пределах и в трёхдневный срок должна была её покинуть²⁴.

Постановлением административного отдела Новгородского губисполкома от 2 августа 1924 г. был расторгнут договор об аренде земли с сельхозартелью «Званка», состоящей из монахинь Званского монастыря, а монастырь ликвидирован²⁵. Одной из причин этого являлось влияние *«на социальное воспитание детей»* детского дома имени К. Маркса, находящегося в районе расположения монастыря, совершение ежедневных богослужений. Другой причиной послужило то, что в монастыре было обнаружено 50 экземпляров журналов «Заволжский летописец» контрреволюционного содержания, по поводу чего ГПУ возбудило уголовное дело. Церкви были переданы в ведение Губмузея²⁶.

В 1925 г. помещения бывшего Званского монастыря передали фарфоро-фаянсовому тресту для размещения в них рабочих фабрики «Коминтерн», а детский дом им. К. Маркса расселён в другие детдома губернии²⁷. В 1925—1926 гг. на территории монастыря действовал совхоз «Званка», находящийся в ведении Новгородского уисполкома²⁸. 26 марта 1926 г. губернскому отделу союза химиков было разрешено разобрать на кирпич стены Званского монастыря для строительства клуба фабрики «Коминтерн»²⁹. Решением малого президиума Новгородского губисполкома от 22 ноября 1926 г. церковь бывшего Званского монастыря была открыта по просьбе группы верующих и передана в их пользование³⁰.

В годы Великой Отечественной войны во время наступления Волховского фронта постройки Званки были разрушены.

Однако памяти о Званском Знаменском монастыре не суждено было кануть в Лету. В июле 1993 г. в дни празднования 250-летия со дня рождения Г.Р. Державина на Званском холме был установлен и освящён архиепископом Новгородским и Старорусским Львом (Церпицким) памятник по эскизу художника Ф. Шишова³¹. В конце XX века в обновлённой России воскресла память о Званской обители.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Ваучский А. Очерк Званского Знаменского монастыря // Новгородские епархиальные ведомости (далее — НЕВ). 1894. № 22. С. 1133–1140.

² Жервэ Н. Званский монастырь // София. 1998. № 2. С. 18–20.

³ ГАНО. Ф. № 480 Новгородская духовная консистория, № 481 Новгородское епархиальное управление, № Р-822 Новгородский уисполком, № Р-218 Новгородский уисполком.

⁴ Ваучский А. Очерк Званского Знаменского... С. 1135.

⁵ ГАНО. Ф. 480. Оп. 1. Д. 3180. Л. 138–138об.

⁶ Ваучский А. Очерк Званского Знаменского... С. 1137–1138.

⁷ Жервэ Н. Званский монастырь // София. 1998. № 2. С. 20.

⁸ Ваучский А. Очерк Званского... С. 1139.

⁹ ГАНО. Ф. 517. Оп. 1. Д. 1. Л. 1.

¹⁰ ГАНО. Ф. 480. Оп. 1. Д. 3563. Л. 1об.–2.

¹¹ Там же. Д. 3562. Л. 1–9.

¹² Из Званки // НЕВ. 1905. № 7. С. 371.

¹³ Отчёт о состоянии Державинского училища за 1895/1896 учебный год // НЕВ. 1896. № 22. С. 1695–1698.

¹⁴ Освящение каменной монастырской ограды в Званке // НЕВ. 1901. № 16. Л. 1053.

¹⁵ Отчёт о состоянии Державинского училища за 1900/1901 учебный год // НЕВ. 1901. № 24. С. 1492.

¹⁶ НЕВ. 1906. С. 30–31, 712–713, 1067.

¹⁷ НЕВ. 1911. С. 168–169, 307.

¹⁸ НЕВ. 1913. С. 59, 778–779, 1221, 1578–1588.

¹⁹ ГАНО. Ф. 518. Оп. 1. Д. 2. Л. 1–60.

²⁰ ГАНО. Ф. 481. Оп. 1. Д. 170 Л. 1–12.

²¹ НЕВ. 1919. С. 16.

²² ГАНО. Ф. Р-822. Оп. 1. Д. 157. Л. 32–35, 38–41.

²³ Там же. Д. 163. Л. 272.

²⁴ Там же. Д. 155. Л. 167.

²⁵ Календарь знаменательных дат, связанных с историей Чудовского района на 2004 год / Составил Э. Ольховский. Режим доступа: <http://1.chudovo.peterhost.ru/texiii.php?id=227>.

²⁶ ГАНО. Ф. Р-822. Оп. 1. Д. 549. Л. 109.

²⁷ Там же. Д. 671. Л. 111.

²⁸ ГАНО. Ф. Р-218. Оп. 1. Д. 532. Л. 2, 4.

²⁹ ГАНО. Ф. Р-822. Оп. 1. Д. 293. Л. 26.

³⁰ ГАНО. Ф. Р-218. Оп. 1. Д. 495. Л. 264.

³¹ Жервэ Н. Званский монастырь // София. 1998. № 2. С. 20.

С.В. Кулик

Православная церковь на оккупированной территории Северо-Запада России в 1941—1944 гг.

Роль и место Русской Православной Церкви в идеологическом противостоянии на оккупированной территории России ещё не получила должного освещения в отечественной науке. В фундаментальных исследованиях Д.В. Поспеловского, Б.Н. Ковалёва и М.В. Шкаровского речь идёт, в основном, о коллаборационизме — различных формах сотрудничества духовенства с немецкими захватчиками¹. В недавно вышедшей работе последнего — «Церковь зовет к защите Родины»² — предпринята попытка всестороннего рассмотрения религиозной жизни Ленинграда и Северо-Запада России в годы Великой Отечественной войны. К сожалению, серьёзного, объективного исследования, посвящённого этому вопросу применительно оккупированной территории нашей страны, пока нет.

Об участии православного духовенства в советском Сопротивлении кратко упоминается в воспоминаниях И.И. Сергунина и И.В. Виноградова. О некоторых, наиболее ярких представителях церкви, сотрудничавших с партизанами, иногда появляются материалы на страницах научной и публицистической периодической печати³.

К 1941 году священников Русской Православной Церкви почти не осталось на свободе. Их начали арестовывать ещё в 20-е годы. Советская власть видела в них своих потенциальных противников. Немногие оставшиеся на свободе были вынуждены работать конюхами, счетоводами, сторожами. Но даже смена деятельности бывших духовных лиц не являлась для НКВД препятствием для репрессий против них.

Заккрытие храмов часто сопровождалось действиями, которые должны были преднамеренно оскорбить и унижить чувства верующих. Церкви приспособлялись для складов, конюшен и хлебов, иконы сжигались, на предметы культа испражнялись, священнические ризы надевались на свиней и собак⁴.

В условиях начавшейся войны немецкие оккупанты возлагали в своей пропаганде на религиозный фактор особую надежду. Тем более, что Западная Россия оказалась в числе наиболее пострадавших от насильственной атеизации. На всех уровнях населению нацистскими оккупантами внушалась мысль, что религия, нравственность и советская власть — понятия несовместимые. Открытие церквей предварялось следующими словами священников и немецких пропагандистов, присутствующих при этом: «Или есть Бог, тогда должны быть уничтожены злодеи-большевики, или есть большевики, и будут уничтожены храмы». Особенно сильное впечатление на население произвёл факт открытия кафедрального собора в Псковском кремле, где до этого размещался музей безбожников⁵.

О месте религии в своих оккупационных планах в открытом отчёте «Об отношении к русскому гражданскому населению» от 26 ноября 1941 года командующий тыловой

армией северных областей сообщал: «Церковь начинает приобретать в народной жизни растущее значение. С успехом и усердием трудится население над восстановлением церквей. Церковная утварь, припрятанная от ГПУ, вновь начинает находить своё место. Старое поколение через церковную жизнь входит в сношение со старыми привычками и обычаями, с реальностью, которая, само собой разумеется, присуща русским в религиозных вещах. Молодое поколение, выросшее при большевизме, относится к старому поколению с любопытством. Различие между старым поколением (до мировой войны) и молодым (послевоенное поколение и позже) очень резкое»⁶.

В августе 1941 года по инициативе патриаршего экзарха в Прибалтике митрополита Сергия (Воскресенского) была создана «Псковская православная миссия». Она руководила всей церковной деятельностью на оккупированной территории Северо-Запада нашей страны. Её создание произошло с ведома и полного согласия немецких властей.

«Православная миссия» занималась изданием журнала «Православный христианин», выпускала листовки и брошюры, а также помещала многочисленные статьи и обращения в газетах.

Официальной задачей «Миссии» было руководство деятельностью церквей на правах епархиального управления с подчинением прибалтийскому экзархату. Однако, поставив в руководство миссии преданных им людей, германское командование превратило её в политическую организацию, основной задачей которой являлось проведение антисоветской пропаганды и широкой контрразведывательной работы. Через миссию полиция безопасности СД получала

обширную информацию о политических настроениях гражданского населения, партизанах, коммунистах и подпольщиках. Германское командование, используя влияние духовенства, осуществляло проведение хозяйственно-политических мероприятий.

За 30 месяцев своей деятельности «Миссия» открыла 136 церквей. Только на территории Новгородчины было открыто 40 новых церквей, на территории Псковского края — более 60. В самом Пскове стали действовать шесть храмов⁷.

Детальное расследование деятельности «Православной миссии», проведенное УНКГБ ЛО в 1944 г., показало, что всей её работой руководило немецкое командование и СД.

Органы СД, подчинив всю практическую деятельность «Православной миссии» интересам своей контрразведывательной работы, вели через церковь активную борьбу против Советского Союза. С этой целью СД проводило широкую вербовку, как среди руководства «Миссии», так и среди подчинённого «Миссии» духовенства. Так, К.И. Зайц перед его назначением на должность начальника «Православной миссии» был вызван в органы СД в Риге, завербован в качестве секретного агента и получил задание вести через «Миссию» пропаганду и контрразведывательную работу в пользу немцев. О своей вербовке органами СД и полученных заданиях Зайц показал: «В беседе с начальником отдела СД последний поставил передо мной вопрос о необходимости полного контакта в работе „Миссии“ с СД и неуклонном выполнении „Миссией“ всех указаний СД по беспощадной борьбе с большевизмом.

Говоря о задачах „Миссии“, начальник отдела СД указал, что миссия обязана:

а) всяческими путями оказывать помощь немецкой армии в её „освободительной“ миссии против большевистского ига;

б) развернуть через членов миссии активную пропагандистскую работу, направленную против советской власти и восхвалению фашистского порядка;

в) через священнослужителей Псковской, Новгородской и Ленинградской губерний выявлять из местного населения лиц неблагонадежных и враждебно настроенных против немцев и немедленно сообщать о них в СД.

В конце беседы начальник отдела СД предложил подписать обязательство о сотрудничестве с СД, содержание которого было примерно следующим: „Я, Зайц Кирилл Иванович, обязуюсь оказывать всяческое содействие СД и немецкой армии в их борьбе с большевизмом. Я обязуюсь строго выполнять все указания и задания СД, а также хранить в тайне мою связь с СД“.

К.И. Зайц подтвердил, что предложенное ему обязательство о сотрудничестве с СД он подписал. Показания К.И. Зайца по вопросам связи «Миссии» с органами полиции безопасности СД и ведения контрразведывательной работы были подтверждены показаниями ряда других арестованных органами НКГБ членов «Православной миссии»⁸.

С целью активизации контрразведывательной и пропагандистской деятельности «Миссии» против советской власти органы СД созывали совещания духовенства, на которых обсуждались вопросы усиления антисоветской работы. В частности, об одном из таких совещаний арестованный К.И. Зайц показал: «На этом совещании я выступил с большим докладом, в котором призывал членов миссии и всех священнослужителей развернуть активную пропагандистскую деятельность против советской власти,

призывать население оказывать всяческую помощь германскому командованию в проведении работ по строительству оборонительных сооружений.

Я также предложил проводить среди верующих разъяснительную работу о необходимости сдачи для нужд немецкой армии хлеба и другого продовольствия, предложил установить на местах тесное сотрудничество с СД и всячески содействовать СД в выявлении неблагонадежных для немцев лиц.

В конце моего доклада на совещании выступил представитель СД, который призвал духовенство к более тесному сотрудничеству с немецкими органами безопасности»⁹.

«Псковская православная миссия»

Как признал позднее бывший сотрудник германских спецслужб Д. Каров: «Вообще говоря, Абвер пришёл к выводу, что всех лиц, прикасавшихся или участвующих в религиозно-духовной жизни населения, более целесообразно использовать в качестве источников информации, чем как штатных агентов. Там они оказывали ценные услуги, часто даже не отдавая себе отчёта в этом. Как правило, некоторые стороны работы агента в контрразведке противоречили их религиозным и нравственным убеждениям, а потому их и не использовали в качестве агентов»¹⁰.

Помимо ведения активной пропаганды и сбора сведений о политическом и экономическом состоянии районов, «Православная миссия», по предварительным данным, предала в руки немецких контрразведывательных органов 144 партизан и советских патриотов, проводивших активную борьбу против немцев»¹¹.

Широко отмечались религиозные праздники, участие в которых иногда стимулировалось освобождением от работы. Каждое сколько-нибудь значительное мероприятие захватчиков, будь то введение «нового аграрного закона» или торжества по случаю годовщины «освобождения» того или иного города или населённого пункта, неизменно сопровождалось богослужением и крестным ходом. В Псковском же районе, например, «в память освобождения от ига большевизма» помпезно отмечалось открытие Никандровской пустыни. Как отмечала СД, проповеди носили «исключительно религиозный характер, хотя в каждой упоминался фюрер, немецкое правительство и вермахт»¹².

Взаимоотношения между «Псковской православной миссией» и германскими спецслужбами до сих пор вызывают дискуссии между историками. Советские исследователи однозначно считали миссионеров «агентурой фашистской разведки»¹³. Другие авторы, категорически отвергающие эту точку зрения, считают подобные утверждения и приводимые факты клеветой и наветом¹⁴.

Следует отметить, что уже с 1942 г. действия многих священнослужителей «Миссии» находились под контролем партизан. Эти контакты не прошли мимо внимания оккупационных властей. Согласно показаниям на допросе секретаря Управления «Миссии» в июне 1942 — феврале 1943 г. протоиерея Н. Жунды, в июне 1942 г. он впервые посетил по вызову псковское отделение СД, где ему сказали, что «Миссия» должна проводить работу по выявлению партизан, главным образом в Псковском, Карамышевском и Середкинском районах: *«На мои наивные возражения, что она не подходит для священников, сотрудник СД не обратил внимания и просил передать начальнику и другим членам миссии, что если священники сами не в состоянии выполнить эту работу, то пусть порекомендуют светских лиц, с которыми СД могло бы вступить в связь»*¹⁵.

Этот разговор был обсуждён в «Миссии» только в конце июля и вызвал неоднозначную реакцию. В результате Управление «Миссии» не решилось идти на прямой конфликт с немцами, но и не стало открыто отвергать требование СД. Было решено не издавать циркуляра, а вызывать священников и благочинных лично в канцелярию «Миссии» и проинформировать их о предложении СД. В итоге дело затянулось на месяцы и не дало почти никаких результатов¹⁶.

Среди миссионеров нашёлся один (псаломщик Виталий Караваев), недовольный таким решением. Он написал донос митрополиту Сергию, что Управление «Миссии» отказалось сообщать сведения о партизанах и *«вообще подвергает критике действия Экзарха»*. Митрополит, получив это сообщение, объявил строгий выговор руководству «Миссии», а специальным циркуляром от 15 сентября 1942 г. даже временно распустил Управление «Миссии»¹⁷.

Тем не менее, прибывших по вызову в Псков в общей сложности 18 священнослужителей лишь проинформировали о задании СД и предложили действовать в отношении его выполнения *«по личному усмотрению без всяких письменных обязательств»*.

11—14 декабря 1942 г. экзарх приехал в Псков, и после его бесед с представителями СД они уже больше не требовали от «Миссии» представлять сведения о появлении партизан и других неблагонадёжных лиц. Митрополиту удалось убедить оккупационные власти, что более целесообразно поступление письменных отчётов священников о встречах с партизанами непосредственно к самому экзарху¹⁸.

Часто один батюшка служил в двух-трёх храмах. Открытые церкви остро нуждались в священниках. Некоторые из них приезжали из Прибалтики, но большинство были местными жителями. В предвоенные годы они были вынуждены «сменить профессию». Теперь бывшие конюхи, скотники и сторожи вновь пришли в храм. Некоторые из них являлись агентами НКВД. Но далеко не все были готовы помогать советскому Сопротивлению. Завербованные чекистами под страхом репрессий, они в новых условиях стали искренне помогать немцам, видя в последних «освободителей от безбожной власти».

При открытии церкви в деревне Муссы Селецкого района Ленинградской области присутствовавший от комендатуры немецкий офицер, выступая перед верующими, заявил на ломаном русском языке: *«Вот, русские господа, германский мундир освободил вас от ига большевизма. Он дал возможность открыть церковь, а церковь для вас по русскому обычаю, как пища, в церковь у вас попадает каждый человек, который нарождается и умирает»*¹⁹.

Данная политика оккупантов проводилась по ряду причин. Во-первых, экономически она практически не затрагивала интересы вермахта и Германии. Во-вторых, церковный амвон был идеальным местом для проведения своей пропаганды и, в-третьих, это была хорошо задуманная контрпропагандистская акция, ибо в первые месяцы войны советская сторона по инерции считала церковь своим злейшим врагом. При этом немецкие солдаты часто относились к православию с презрением и пренебрежением. Мирные жители рассказывали партизанам о том, что *«показывая своё лицемерие к религии, заходя в церкви, немцы на деле не соблюдают никаких религиозных обрядов и обычаев. При занятии гитлеровцами деревень, очищая избы, они выбрасывают вместе с ненужными вещами и иконы, часто используя их при растопке печей. Церкви фашисты посещают очень редко и то ради простого интереса. В церквях гитлеровцы фотографируют народ, отдельных старушек, усердно молящихся, относятся к ним с ничем не прикрытым презрением»*²⁰.

Особым доверием оккупантов пользовались священники, пострадавшие от советских репрессий. Бывший благочинный Лужского округа, репрессированный до войны советской властью, протоиерей Завлоцкий на допросе показал: *«К 1943 году в округе было открыто около десяти церквей. В числе священников были: Образцов Михаил, который отбывал наказание на Беломорканале. В качестве дьякона Казанского собора из числа находившихся в лагере военнопленных был по предложению коменданта лагеря взят военнопленный Самгин Сергей. Самгин ранее отбывал наказание в лагере под Москвой»*.

Кроме того, в качестве священников в «Миссии» работали ранее репрессированные советской властью: настоятель Вырицкой церкви Успенский, иеромонах Анатолий Стальников, протоиерей Гатчинского собора Василевский, бежавший с немцами настоятель церкви в селе Рождественно протоиерей Пётр Кудринский и другие²¹.

Летом 1942 года на оккупированной территории Северо-Запада России в массовом порядке гитлеровцами и их пособниками проводились различные торжества. Так, в Волотовском районе священник Михаил Никитин, выступая перед прихожанами с проповедью, восхвалял немецкую армию, а в конце провозгласил: *«Вождю германского народа — освободителю Адольфу Гитлеру, многие лета!»*²².

Его поддержал начальник района Мановский: *«Граждане! Благодаря немецкому командованию вы находитесь в церкви. Большевики к церкви относились варварски, разрушали её, а немецкие власти во всех освобождённых районах открыли церкви. Мы должны идти с германским народом рука в руку»*²³.

Никитин ранее имел лишь сан диакона, но благодаря близости к начальнику района Мановскому и немецкой комендатуре, а также к главе «Православной миссии» в Пскове протоиерею Кириллу Зайцу, он был направлен

в Ригу. Там патриарх Сергей (Рижский) рукоположил его в священники²⁴.

В церкви города Солицы после религиозных служб регулярно выступал немецкий пропагандист «профессор» Андриевский. В одной из своих речей перед верующими он заявил: *«Будет трижды проклят тот, кто ждёт прихода красных!»*²⁵.

Однако далеко не все верующие были готовы слушать антисоветские проповеди с церковного амвона. Так, священник-самозванец Амозов, активный пособник гитлеровцев, однажды в приходе Камно получил удар в голову кирпичом за то, что сообщил в СД о неблагонадёжности волостного старшины и церковного старосты. Рассматривая этот случай, руководство «Псковской православной миссии» было вынуждено признать: *«Крестьяне, очевидно, ценили этих сельских работников, не изменивших большевизму, о чём они, конечно, знали»*²⁶.

Силы советского Сопротивления в начале войны, хотя и признавали в своих донесениях в Центр, что церковная политика оккупантов находит поддержку у большинства населения, боролись с ней, в основном, физическими методами. В ряде населённых пунктов священники, не взирая на степень их вины, были расстреляны²⁷. Подобное негативное отношение к церкви сохранялось у представителей органов государственной безопасности вплоть до конца войны. Уже после освобождения, в 1943—1944 гг., составлялись специальные сборники материалов «О немецких разрушениях и зверствах, деятельности разведывательных и контрразведывательных органов противника в районах, подвергавшихся оккупации». В них обязательно содержался специальный раздел «Церковь на службе у немцев».

В этом разделе давалась информация о количестве церквей до войны, во время войны и о священниках, служивших там. Так, например, о Батецком районе Ленинградской области писалось следующее: *«До войны в районе действующих церквей не было. В период оккупации немецкими властями в районе открыто шесть церквей...»*

В Городненской церкви служил некий отец Николай, в Сабленской — отец Пётр, до войны работавший учителем, в Черновской — отец Павел, в Хоченской — отец Валентин и в Косицкой — отец Иоанн из Новгорода. Четыре священника выехали с немцами.

*В настоящее время (1945 г. — С.К.) функционируют три церкви...»*²⁸.

Хотя официальное примирение Русской Православной Церкви и советской власти произошло лишь в 1943 году, уже с начала 1942 года партизаны и подпольщики, отрезанные от Центра, не имевшие с ним надёжной связи, пытались наладить связь со служителями культа. Они отлично осознавали важность этих контактов. Первоначально через своих агентов определялся тот круг священников, которые в своих проповедях занимали по отношению к немцам нейтральную, выжидательную или отрицательную позицию. Затем им рассылались письма, где говорилось о том, что данная война является Отечественной, как и война 1812 года, и для победы над злейшим врагом русского православного народа требуется объединение всех, кто любит Россию²⁹.

По воспоминаниям комиссара Пятой партизанской бригады И.И. Сергунина, трагизм положения православного духовенства заключался в том, что многие священнослужители, не принимая фашистской идеологии, не верили и боялись

партизан. Они, доверяя немецкой пропаганде, считали их бандитами. Нужно признать, что этот страх не был исключительно результатом успешной деятельности подчинённых Геббельса.

Реакция участников зарождавшегося партизанского движения на бурное развитие церковной жизни оказалась далеко не однозначной и первоначально, в основном, враждебной. Многие из партизанских отрядов, действовавших в первые месяцы оккупации, возглавляли специально оставленные после отступления партийные работники или сотрудники НКВД, прошедшие закалку антирелигиозных гонений 1930-х гг. В своих воспоминаниях протоиерей Алексей Ионов так описывал отношение к религии со стороны советского Сопротивления: *«Кругом — партизаны. Встреча с ними — конец. Им не втолкуешь, что мы проповедуем Христа Распятого. Мы на этой стороне — значит враги. Людей, исколотых итыками партизан, мы хоронили неоднократно»*³⁰.

Нередко священники слышали угрозы в свой адрес или были вынуждены прятаться в случае прихода партизан. В воспоминаниях другого миссионера из Латвии, протоиерея Георгия Тайлова, служившего в с. Печане близ Пушкинских Гор, говорилось, что когда 4 июля 1942 г. через это село проходил направлявшийся в Латвию заброшенный с самолета отряд партизан под командованием В. Самсона, священника пересели и спрятали в алтаре церкви. Служившего в Казанской церкви Пушкинских Гор иеромонаха Иоасафа (Дмитриева) однажды по дороге в соседний приход задержали партизаны и угрожали расправой, если он не прекратит заниматься своей пастырской деятельностью³¹.

Как уже отмечалось, в 1941 году имели место многочисленные факты физического уничтожения служителей культа партизанами. Несмотря на это, некоторые священники соглашались в своих проповедях говорить о неизбежности победы русского оружия и служили молебны за здоровье односельчан, находящихся в Красной армии³².

Попытка примириться с государством перед лицом злейшего врага русского народа была предпринята самой Православной Церковью ещё в первые часы войны. Московский митрополит Сергей уже 22 июня 1941 года призвал верующих встать на защиту своей Родины от захватчиков. Но на практике приступить к исполнению своих патриотических обязанностей в тыловых районах Советского Союза Русская Православная Церковь смогла лишь с лета 1943 года (исключение составили проводившиеся с 1941 года сборы в фонд обороны)³³.

На оккупированной территории советское Сопротивление полностью осознало важность консолидации всех антифашистских сил уже с начала 1942 г. Всё православное духовенство делилось партизанами и подпольщиками на несколько категорий:

1. Священнослужители, активно помогавшие партизанам: используя свой сан и определённое доверие со стороны оккупантов, они осуществляли разведывательные, а иногда и террористические акции.

2. Священнослужители, оказывавшие содействие в области агитации и пропаганды: они распространяли в церквях советские листовки и газеты, вели патриотические проповеди.

3. Священнослужители, представившие свои средства в фонд обороны. Последних, по данным партизанских отчётов в Ленинград, было более половины от общего числа служителей культа³⁴.

Таким образом, можно сделать вывод, что формы антифашистского сопротивления среди служителей церкви были достаточно разнообразны. Целый ряд священнослужителей активно помогал партизанам. Используя свой сан и определённое доверие со стороны оккупантов, они собирали разведывательную информацию, участвовали в подготовке диверсий и т. п. Значительно большее количество священников предоставляло партизанам пищу, одежду, ночлег. Некоторые из них вели активную антифашистскую пропаганду и агитацию: произносили патристические проповеди, распространяли в храмах послания митрополита ленинградского Алексия и Патриаршего Местоблюстителя митрополита Сергия, советские газеты и листовки. Другие отказывались служить молебны в честь германской армии, призывали население сопротивляться насильственной эвакуации немцами.

Многие священники собирали деньги и ценности среди верующих или жертвовали свои личные средства в советский фонд обороны. Так, например, протоиерей Казанской церкви пос. Вырица Михаил Ноздрин во вторую годовщину взятия немцами посёлка заявил с кафедры: *«Радоваться нечему, когда повсюду кровь и страдания людей»*³⁵. Судя по всему, такие публичные антигерманские высказывания о. Михаил делал неоднократно. По свидетельству священника Иоанна Молчанова, в августе 1943 г., начальник местного СД говорил ему, что Ноздрин среди населения проводил агитацию против властей и *«разжигал недовольство»*. А диакон Александр Максимов в апреле 1944 г. писал ленинградскому митрополиту, что начальник района через немецкое командование добивался высылки о. Михаила из Вырицы, так как тот в проповедях обличал действия этого начальника³⁶.

Наконец, часть священников молилась о победе русского воинства над захватчиками. Конечно, невозможно разграничить все эти виды патриотической деятельности, но в любом случае они подвергались смертельной опасности и, порой, отдавали за Родину свою жизнь. Более десяти священнослужителей Северо-Западных российских епархий были казнены оккупантами³⁷.

В партизанских листовках и сообщениях с 1943 года всё чаще стала упоминаться патриотическая деятельность священников Русской Православной Церкви: *«Население партизанских краёв открывает свои церкви. Партизаны и население одного из оккупированных районов чтят память священника, принуждавшегося немцами читать проповеди, прославляющие германское оружие, и затем расстрелянного. Этот достойный патриот Родины вместо восхваления германского оружия читал верующим проповеди о Дмитрии Донском, Александре Невском, Сергее Радонежском и о том, как они от насильников и поработителей отстояли землю русскую»*³⁸.

В феврале 1943 г. начальник канцелярии экзархата И.Д. Гримм написал в Псковскую православную миссию священнику Кириллу Зайцу: *«Приезжающие из России миссионеры дают противоречивые сведения об отношении партизан к священникам и вообще к Церкви. По словам одних, партизаны считают священников врагами народа, с которыми стремятся расправиться. По словам других, партизаны стараются подчеркнуть терпимое и даже благожелательное отношение к Церкви и, в частности, к священникам... Ввиду большой важности этого вопроса, которым интересуются также и германские учреждения, прошу сообщить все относящиеся к нему*

факты и Ваши по их поводу соображения. В частности, меня интересует, верит ли народ агитационным сообщениям об изменении церковной политики большевиков и как он на эти сообщения реагирует.

*Прошу Вас также предложить подчинённым Вам священнослужителям при всякой возможности письменно докладывать Вам об относящихся к этому вопросу фактах и наблюдениях для дальнейшего препровождения мне этой информации»*³⁹. Доклады отдельных священников поступали сначала к К. Зайцу, а затем от него экзарху. Митрополит Сергей, в свою очередь, на их основе написал для отдела политики рейхскомиссариата «Остланд» три докладных записки «Отношение партизан к Церкви» от 19 марта, 30 апреля и 18 июня 1943 г.⁴⁰

Всего, согласно показаниям К. Зайца и Н. Жунды, в 1942–1943 гг. сведения о контактах с партизанами в письменной или устной форме были получены от 26 священнослужителей. Шесть из них передали информацию непосредственно в органы СД, большинство же подавали рапорты или устно сообщали сведения экзарху или К. Зайцу⁴¹.

Практически одновременно с активизацией деятельности Русской Православной Церкви в Советском Союзе на оккупированной территории шёл процесс становления Русской освободительной армии под командованием генерал-лейтенанта А.А. Власова. Первоначально в беседе с экзархом Сергием (Рижским) он заявил, что *«религия — личное дело каждого русского человека. Религия должна быть свободной. Верить — дело личной совести каждого»*. Через несколько дней во Пскове во время выступления перед горожанами им было сказано, что *«нет ничего прекраснее обрядов Православной церкви. За две тысячи лет христианство сделало так много хорошего»*. В августе 1943 года во время встречи с клиром Стругокрасненского района Власов заявил о необходимости создания института полковых священников в Русской освободительной армии⁴².

Летом 1943 года партизаны получили указание из Москвы активизировать свои контакты со священнослужителями. Им предписывалось заниматься следующим: *«Работа среди верующих, установление контакта с честными по отношению к Родине священнослужителями; проповеди священников, отрицательно относящихся к немцам, о земле русской, о святом князе Александре Невском, Дмитрии Донском, иноках Пересвете и Ослабле, сразивших вражеское чудовище, о святом Владимире, давшем веру православную нашему народу...*

*Разъяснять населению важность и значение книги „Правда о религии в СССР“ в тылу и её международное значение. Активное распространение священниками партизанских листовок, распространение церковных листовок. Распространение гектографированной листовки „Изумительное пророчество схимонаха Иоанна от 1600 года“»*⁴³.

В последней листовке говорилось о том, что о фашизме, Адольфе Гитлере и его нашествии на Россию было предсказано ещё в начале XVII века: *«Настоящий антихрист будет один из диктаторов страны Лютера, он будет выдавать себя за посланника Бога. Этот князь лжи будет принимать клятву на евангелии и будет называть себя рукой всевышнего, призванной покарать народы»*⁴⁴.

Активная деятельность с двух сторон привела к определённому расколу среди духовенства. Это наиболее ярко

проявилось в вопросе отлучения от церкви и проклятии московского митрополита Сергия рижским митрополитом Сергием. Однако большая часть духовенства отказалась это делать. Более того, некоторые священники открыто заявляли о том, что *«Митрополит Московский есть настоящий патриот Православной церкви. Помолитесь Богу за его здоровье»*⁴⁵.

Подобная позиция не могла быть незамеченной нацистами и их пособниками. Деятельность сторонников московского патриарха изображалась оккупационной прессой как предательство и подлое забвение того, что большевики сделали с церковью за годы своей власти. Сбор пожертвований в фонд обороны, который часто проходил в церквях, назывался *«утончённым обиранием трудящихся»*⁴⁶.

Гитлеровцы и русские коллаборационисты выпустили несколько листовок и обращений к русскому населению и партизанам, в которых «рассказывалась правда» об истинном положении религии в Советском Союзе. В этих прокламациях писалось о том, что Сталин по-прежнему постоянно говорит о своём презрении к религии: *«В связи с этим пишет журнал его английского союзника „Тэ Сион“: „Только определённые соображения, но не искренние побуждения определяют последнюю политическую игру Сталина в области религии»*.

Изменение политики Сталина по отношению к русской православной церкви ни в коем случае не означает, что Сталин вдруг заделался верующим христианином. Ведь не зря же он ещё недавно разъяснял одному американскому дипломату: *«Я всегда буду презирать религию, но это ни в какой степени не означает, что мы не можем изменить свою тактику на какое-то время»*⁴⁷.

Вывод из этих обращений делался однозначный: *«Партизаны! Таково мнение английского союзника Советов! И он — этот союзник должен же знать, как обстоит дело с этим вопросом! Таким образом — обман Сталина в области религии разгадан! Ведь вы должны погибать не за отечество и не за церковь!»*

*Вам приходится умирать исключительно ради жидовско-большевистской системы. Кончайте! России нужен мир! Вам надо жить! Жить для России!»*⁴⁸.

Однако широкомасштабный пропагандистский натиск гитлеровцев никакого существенного результата им не принёс. Не только рядовые граждане, но и многие священнослужители всё активнее вставали на путь борьбы с оккупантами. Честные пастыри были со своим народом до конца. Так, мученическую смерть принял от рук немецких захватчиков семидесятилетний священник Александро-Невской церкви в деревне Видони Уторгошского района Мефодий Белов. Он благословил свою дочь Руфу на паперти храма идти в партизаны, а сам стал разведчиком.

Стремясь сорвать планы оккупантов по насильственной эвакуации русского населения в немецкий тыл, в Германию и Прибалтику, батюшка отправился из расположения партизан на станцию Уторгош. Схваченный гитлеровцами, отец Мефодий ничего на допросе не сказал и после издевательств был фашистами расстрелян⁴⁹.

Священник Фёдор Андреевич Пузанов начал помогать партизанам ещё в 1942 году. Он выполнял много ответственных заданий и поручений народных мстителей. Отец Фёдор служил в с. Бродовичи-Заполье Псковского округа, и однажды во время карательной операции по доносу старосты нацисты сожгли его храм. Батюшку спрятали местные жители, его прихожане, и затем переправили к партизанам.

В течение 1943 г. священник собирал среди верующих средства для строительства церковной танковой колонны «Дмитрий Донской». Ему удалось собрать целую котомку золотых монет, серебряной церковной утвари (в том числе из сожжённого храма) и денег. Эти пожертвования на общую сумму около 500 000 рублей были переданы партизанами на «Большую землю». Народные мстители называли его *«наши полковой священник»*. За активное участие в движении советского Сопротивления его наградили медалью «Партизану Отечественной войны» 2-й степени. Также его отметил и митрополит Алексей. После освобождения Ленинградской области отец Фёдор получил серебряный наперсный крест и был назначен благочинным Порховского района⁵⁰.

Награждение священника Фёдора Пузанова

Документы свидетельствуют, что помощь партизанам на оккупированной территории Ленинградской области оказывали несколько десятков священнослужителей. Вот лишь некоторые примеры. Настоятель Успенской церкви с. Тагино Плюсского района о. Дмитрий Евдокимов 19 мая 1944 г. писал митрополиту Алексею: *«Я имел связь с партизанами с 1941 г., помогал им, служа в с. Боротно, от Струг Красных 45 вёрст, партизаны приходили ко мне ночью целыми отрядами, я их кормил, помогал материально, чем только мог»*.

*Мне давали задания, которые я исполнял, рискуя своей жизнью. В 1943 г. мне немцы предлагали выехать в Германию, для чего вызывали в штаб три раза. Я от поездки отказался категорически. Ввиду отказа поехать в Неметчину, мне пришлось скрываться в лесу, где я пробыл 10 дней, захватив с собой всё ценное имущество церкви»*⁵¹.

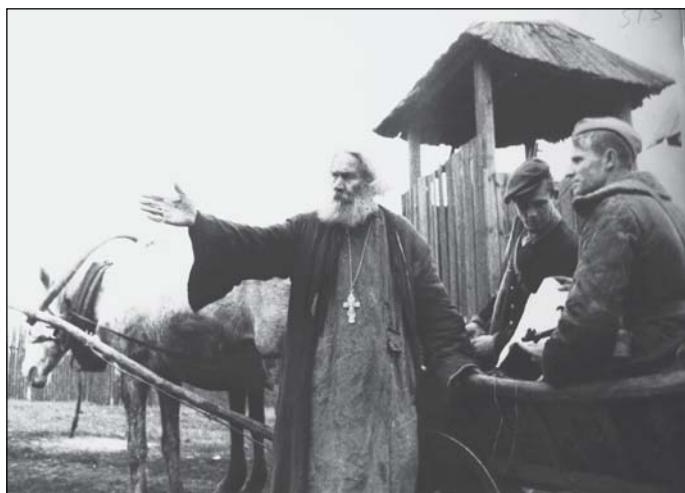
Также в мае 1944 г. отправил письмо митрополиту Алексею священник Михаил Никитин. По его словам, священники во время оккупации *«скорбели душой и всегда слёзно молились о спасении русской земли и народа от нечестивых людей-фашистов»*.

Оба сына батюшки служили в советской армии. Свидетельство о. Михаила подтверждает письмо прихожан Гордеевской церкви Владыке Алексею: *«Находясь под властью немцев, мы всегда страдали душой и вместе с нашим любимым пастырем о. Михаилом Никитиным возносили горячие молитвы за освобождение русской земли от фашистов»*. Верующие сообщали также относительно участия жителей в «фашистских торжествах», что это было принудительно, они «не торжествовали», и «наши священники в подобных акциях не участвовали»⁵².

Некоторые священники выполняли особые задания советской разведки. Так, будущий епископ Кировский

и Слободской Иоанн (в миру Иван Спиридонович Иванов) во Пскове в 1941—1944 гг. активно сотрудничал с партизанами, затем по заданию Москвы отступил с беженцами в Литву, где установил связь с местными партизанами. После прихода советских войск священник был награждён за участие в партизанском движении орденом Красного Знамени. Такая необычно высокая для не воевавших в армии священнослужителей награда свидетельствует о важности проделанной им работы⁵³.

Имена некоторых священников, погибших от рук гитлеровцев, неизвестны. Они не имели связи с партизанами, но по мере сил выполняли свой долг. Так, в чекистском сборнике материалов о немецких разрушениях и зверствах, деятельности разведывательных и контрразведывательных органов противника в районах Ленинградской области, подвергшихся оккупации, есть такая информация:

Партизаны и священник. 1943 г.

«В Уторгошском районе священниками работали два местных жителя, которых немцы впоследствии расстреляли во время богослужения, так как они помолились за спасение населения от немецкой расправы»⁵⁴.

Летом—осенью 1943 года на Северо-Западе России имели место случаи, когда руководство партизанских отрядов «назначало» священников в церкви. Так, Николай Соловьёв в конце ноября 1943 г. вместе со всеми жителями при сожжении оккупантами сёл Илемно и Заплеменье был заключён в лагерь «Блудово». Через пять дней его отпустили. Здесь его задержали представители советского Сопротивления и передали в особый отдел 5-й партизанской бригады. Через три дня отец Николай по предложению председателя чрезвычайной тройки штаба бригады возглавил приход с. Дубенки. Священник собрал среди верующих 7500 рублей на танковую колонну, а также много подарков бойцам Красной армии и сдал всё собранное в партизанский штаб. Так он служил до прихода в феврале 1944 г. советских войск и лишь после этого смог обратиться за благословением к митрополиту ленинградскому Алексею⁵⁵.

Священник Жуковской церкви Невельского района И.Я. Щемелев призывал молодежь идти в партизанские отряды: *«Если вас будут брать немцы на работы или в армию, то смело уходите к партизанам, а к немцам ни в коем случае не уходите»⁵⁶.*

В Карамышевском районе Псковского округа настоятель церкви деревни Дубановичи о. Кирилл, оказывая

помощь партизанам, ходил в разведку. По окончании богослужения священник зачитывал верующим в храме сводки Совинформбюро. Кроме того, он собрал в фонд обороны 50 тыс. рублей⁵⁷.

С лета 1943 года Ленинградский штаб партизанского движения наладил регулярные поставки печатной продукции издательского отдела Русской Православной Церкви в тыл врага. Доставлялись первые номера журнала Московской патриархии, листовки и воззвания к населению, подписанные иерархами Православной церкви, в том числе митрополитом ленинградским Алексием.

Ленинградский митрополит Алексий, понимая всё значение народного сопротивления в тылу немецких войск, неоднократно обращался к своей пастве, оказавшейся на оккупированной территории, с соответствующими призывами. Он писал о Козьме Минине, о героях Отечественной войны 1812 г., о партизанах Белоруссии, призывая взяться за оружие и отомстить за поругание своей земли и русских святых⁵⁸.

Особенное значение имело его пасхальное «Архипастырское послание к пастырям и пастве в городах и сёлах области, пока ещё занятых вражескими войсками» от 25 апреля 1943 г. В нём говорилось: *«Знаем мы и слышим, что многие и многие из Вас, пренебрегая опасностями, со всех сторон Вас окружающими, не щадя жизни, всеми силами борются с врагом, помогая этим нашим доблестным защитникам — воинам нашей Красной Армии в их беззаветной борьбе за честь и свободу Родины...»*

Объемлю всех Вас с горячим чувством любви Христовой, вручаю Вас покрову Матери Божией и святым угодников земли Новгородской и земли Псковской и со всем усердием молю воскресшего Господа о помощи Вам, моей возлюбленной пастве, и всем нам в нашей святой и правой борьбе с врагом. И твёрдо, непоколебимо верую, что Господь нам поможет. Христос Воскрес!»⁵⁹.

Обращения митрополита Алексия в листовках активно переправлялись через линию фронта и распространялись среди населения. О силе их воздействия свидетельствует письмо бойца 2-й партизанской бригады А.Г. Голицына митрополиту: *«Ваш агитационный листок сыграл немалую роль среди оккупированного населения в деле оказания помощи партизанам, а вместе с этим и борьбе против фашизма. Этот листок среди населения — как Божье письмо, и за него немецкие коменданты в своих приказах грозили смертной казнью, у кого он будет обнаружен»⁶⁰.*

К началу наступления советских войск под Новгородом и Ленинградом зимой 1944 года Русская Православная Церковь Московского патриархата имела в рядах своих сторонников большинство клира оккупированных областей. Это можно объяснить не только её активной патриотической деятельностью, но и усилением партизанской борьбы.

В большинстве случаев священство было вместе со своими прихожанами, стойко перенося все тяготы и невзгоды. Выезжавший в сентябре—октябре 1943 г. в ряд районов Ленинградской области по заданию Кирилла Зайца для наблюдения за ситуацией П.И. Зубор докладывал, вернувшись, что члены некоторых приходских советов Уторгошского района настроены просоветски и враждебно к немцам. Они не желают эвакуироваться сами и не дают вывозить церковные ценности. В Середкинском районе вообще *«все священники... разбежались с работниками районного управления по лесам, и во многих местах уже организованы сельсоветы, и население ожидает прихода Красной Армии»⁶¹.*

Английский журналист А. Верт, посетивший в 1944 г. освобождённые Красной армией районы, позднее написал: *«Вопреки ожиданиям немцев, что церкви превратятся в центры антисоветской пропаганды... они превратились в активные центры русского национально-го самосознания»*⁶².

После освобождения священники, показавшие себя стойкими борцами с фашистами и их союзниками, были отмечены, награждены как советскими, так и церковными наградами, выдвинуты на руководящую работу в Церкви⁶³.

Религиозная жизнь на оккупированной территории нашей страны сразу же стала сферой острой идеологической, пропагандистской борьбы между нацистской Германией, с одной стороны, и советским государством, Московской патриархией, с другой.

Советское командование своими методами пыталось оказать влияние на религиозную деятельность в оккупированных областях: через партизан, разведку, внедрение своих агентов и т. п.

На первом этапе пропагандистской борьбы перевес имела Германия, но затем она стала всё больше и больше

проигрывать её. С 1943 г. советское командование и Московская патриархия согласованно перешли к наступательным действиям. Резко активизируются попытки расширить влияние на религиозную жизнь оккупированной территории.

После изгнания германских войск подавляющая часть православных приходов относительно безболезненно вошла в состав Московской патриархии. Очень точно подметил в 1945 году митрополит Алеутский и Североамериканский Вениамин: *«Какая сила терпения нужна для того, чтобы перенести невероятные страдания во время войны. Не раз я слышал здесь от иностранцев, что они не смогли бы долго выдержать такого перенапряжения...»*

И в этой общей работе „на армию“, „на победу“ слились и Церковь, и государство, и верующие, и маловерующие, и неверующие.

*Любовь к Отечеству, борьба за свободу от немецкого ига, которое грозило России и всему миру, сплотила здесь всех в единый, могучий, несокрушимый фронт»*⁶⁴.

Орфография и стиль документов сохранены

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Поспеловский Д.В. Русская Православная Церковь в XX веке. М., 1995; Шкаровский М.В. Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущеве. М., 1999; Ковалёв Б.Н. Нацистский оккупационный режим и коллаборационизм в России (1941—1944). Великий Новгород, 2001; Ковалёв Б.Н. Нацистская оккупация и коллаборационизм в России. М., 2004.

² См.: Шкаровский М.В. Церковь зовет к защите Родины. СПб., 2005.

³ См.: Санкт-Петербургские ведомости. 2001. 5 мая.

⁴ Государственный архив Новгородской области (далее — ГАНО). Ф. Р. 1244. Оп. 1. Д. 432. Л. 12.

⁵ Ковалёв Б.Н. Нацистский оккупационный режим... С. 435.

⁶ Российский государственный архив социально-политической истории (далее — РГАСПИ). Ф. 69. Оп. 1. Д. 911. Л. 69—70.

⁷ Ковалёв Б.Н. Нацистский оккупационный режим... С. 435.

⁸ Ломагин Н.А. Неизвестная блокада. Кн. I. СПб., 2002. С. 356.

⁹ Там же. С. 358.

¹⁰ Там же. С. 372.

¹¹ Там же. С. 358.

¹² Там же. С. 404.

¹³ См.: Веверс Я.Я. Православная духовная миссия — агентура фашистской разведки. Рига, 1973.

¹⁴ См.: Корнилов А.А. Преображение России. О православном возрождении на оккупированных территориях СССР (1941—1944). Нижний Новгород, 2000.

¹⁵ Шкаровский М.В. Церковь зовет... С. 398.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Архив Управления ФСБ по Новгородской области (далее — АУФСБНО). Ф. 7 Д. 33 Л. 51.

²⁰ РГАСПИ. Ф. 625. Оп. 1. Д. 7. Л. 570.

²¹ Ломагин Н.А. Неизвестная блокада... С. 398.

²² АУФСБНО. Ф. 7. Д. 33. Л. 18.

²³ Там же.

²⁴ Там же. Л. 19.

²⁵ Там же. Л. 51.

²⁶ Шкаровский М.В. Церковь зовет... С. 407.

²⁷ Государственный архив новейшей истории Новгородской области (далее — ГАНИНО). Ф. 260. Оп. 1. Д. 191. Л. 56.

²⁸ АУФСБНО. Ф. 7. Д. 33. Л. 8.

²⁹ Там же. Д. 201. Л. 67.

³⁰ Цит. по: Шкаровский М.В. Церковь зовет... С. 397.

³¹ Там же.

³² АУФСБНО. Ф. 7. Д. 33. Л. 66.

³³ Великая Отечественная война (энциклопедия). М., 1985. С. 624.

³⁴ ГАНИНО. Ф. 260. Оп. 1. Д. 201. Л. 67—68.

³⁵ Ломагин Н.А. Неизвестная блокада... С. 407.

³⁶ Шкаровский М.В. Церковь зовет... С. 415.

³⁷ Там же. С. 394.

³⁸ РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 911. Л. 43.

³⁹ Шкаровский М.В. Церковь зовет... С. 399.

⁴⁰ Там же. С. 400.

⁴¹ Там же.

⁴² Ковалёв Б.Н. Нацистский оккупационный режим... С. 468.

⁴³ РГАСПИ. Ф. 625. Оп. 1. Д. 7. Л. 552.

⁴⁴ Там же. Л. 553.

⁴⁵ ГАНИНО. Ф. 260. Оп. 1. Д. 201. Л. 68.

⁴⁶ Центральный государственный архив историко-политических документов. Санкт-Петербург. Ф. 0-116. Оп. 9. Д. 1717. Л. 29.

⁴⁷ РГАСПИ. Ф. 625. Оп. 1. Д. 7. Л. 558.

⁴⁸ Там же. Л. 558об.

⁴⁹ ГАНИНО. Ф. 260. Оп. 1. Д. 201. Л. 67.

⁵⁰ Там же.

⁵¹ Шкаровский М.В. Церковь зовет... С. 410.

⁵² Там же.

⁵³ Шкаровский М.В. Церковь зовет... С. 396.

⁵⁴ АУФСБНО. Ф. 7. Д. 33. Л. 64.

⁵⁵ АУФСБНО. Д. 1а/14687. Л. 12—33.

⁵⁶ Якунин В.Н. Вклад Русской Православной Церкви в победу над фашизмом и изменение государственно-церковных отношений в годы Великой Отечественной войны 1941—1945. Тольятти, 2002. С. 150.

⁵⁷ Ломагин Н.А. Неизвестная блокада... С. 406—407.

⁵⁸ Колоненко В. Память блокады // Наука и религия. 1988. № 15. С. 13.

⁵⁹ Шкаровский М.В. Церковь зовет... С. 404—405.

⁶⁰ Там же. С. 405—406.

⁶¹ Там же.

⁶² Верт А. Россия в войне 1941—1945. М., 1967. С. 501—502.

⁶³ ГАНИНО. Ф. 260. Оп. 1. Д. 201. Л. 67.

⁶⁴ Цит. по: Козлов Н.Д. С волей к победе. СПб., 2004. С. 282.

Б.Н. Ковалёв

ИСПАНСКИЕ ВОЕННОПЛЕННЫЕ В БОРОВИЧСКОМ ЛАГЕРЕ

Испанские солдаты оказались в России в качестве союзников нацистской Германии. Большинство из них мечтали возратить Советскому Союзу «долг» за его участие в гражданской войне на Пиренеях на стороне республиканского правительства, но объективность требует расставить все факты по местам. Описываемые события относятся к концу 40-х — началу 50-х годов XX века. В это время на карте Европы появилось два германских государства: Федеративная Республика Германия и Германская Демократическая Республика. Из советских лагерей военнопленных потянулись на запад железнодорожные эшелоны. Многие тысячи бывших солдат и офицеров вермахта возвращались к себе домой. Однако этот процесс практически не затронул испанских граждан, которые находились в Боровичском лагере военнопленных № 270.

Основную массу военнопленных, находившихся в СССР после Второй мировой войны, составляли граждане Германии и её стран-сателлитов (Италии, Финляндии, Румынии и др.). Но также в составе германской армии находилась и воевала под Новгородом, а затем и под Ленинградом (Красный бор) испанская «Голубая дивизия». В ходе боёв на советско-германском фронте часть её солдат попала в плен.

Немало испанских военнослужащих было пленено советскими войсками 10 февраля 1943 г. у Колпино в Ленинградской области: они направлялись в лагерь НКВД № 270 (Новгородская область). Особенно ожесточённые бои велись в этом районе в марте–апреле 1943 г. Среди солдат «Голубой дивизии» были и перебежчики. Так, в фондах Центрального архива Министерства обороны России сохранились протоколы опросов военнопленных из 250-й дивизии, которые перешли на сторону Красной армии добровольно или были захвачены в плен. Зафиксированы показания капрала Франциско Борреро Эскудеро, рядовых Лусило Корреса Рекивитиса, Хуана Наварро, Хозе Фернандеса Арместо, Антонино Альгано Молеры, Аурелио Гомеса Чаморро, Доминго Ромеро Ортиса и др.¹

Факты пленения имели место в разное время под Новгородом, Ленинградом, Красным Бором и др. городами и сёлами Советского Союза. Пленённые испанские добровольцы, пройдя пункты для приёма пленных в Озерках (Ленинградская область), Ленинграде и др., направлялись в лагерь: приёмно-пересылочный № 157 г. Бокситогорска, № 158 г. Череповца.

В разное время испанские военнопленные находились в лагерях: № 58 (г. Саранск), 62 (г. Киев), 99, 144 (Ворошиловградская область), 159 (г. Одесса), 182, 437, 476 (Свердловская область)².

В лагере № 270 на 1 января 1950 г. было 240 испанских граждан. Кроме того, в лагере находились граждане

Испании, интернированные Красной армией уже за пределами границ СССР. И, наконец, там находились убеждённые противники генерала Франко — испанские республиканцы. Последние добровольно въехали на территорию СССР во время гражданской войны на территории своей Родины (1936–1939 гг.).

По данным советского военного исследователя В.П. Галицкого, после войны в лагерях СССР находилось 452 военнопленных испанцев³.

Специально истории «Голубой дивизии» посвящена книга её второго командира, генерала Эмилио Эстебан-Инфантеса. По его словам, 80% испанцев-военнопленных стали таковыми после сражения в Красном Бору и попали в лагерь в Колпино и вблизи Ленинграда. Первым местом их концентрации был Череповец, откуда они были распределены по разным местам, в том числе в лагерь № 27 в окрестностях Москвы. Группа офицеров и солдат до июля 1946 г. находилась в лагере № 6 в Суздале, где произошли первые инциденты из-за отказа испанцев выходить на работы. С конца 1946 и весь 1947 год большинство испанцев находилось в районе Тулы и в Потье. В 1949 г. их значительная часть оказалась в Боровичах⁴.

Кроме бывших солдат «Голубой дивизии», генерал Эстебан-Инфантес упоминает о находившихся в заключении моряках, выехавших из Испании в 1937 г., 33 пилотах-республиканцах, которые попали в лагерь за стремление покинуть СССР. Из них, как он утверждает, пятеро были расстреляны в Красноярске, остальные направлены в Боровичи⁵.

Боровичский лагерь военнопленных № 270 был образован на основании приказа НКВД СССР 28 июля 1944 года. В этот день фронтовой приёмно-пересылочный лагерь, созданный 14 июля 1942 г., был преобразован в стационарный лагерь. 30 декабря 1944 г. управление лагеря

передислоцируется из деревни Егла в город Боровичи. В июне 1949 г., на основании приказа МВД СССР № 00604, лагерь был реорганизован в режимный с лимитной численностью в 3100 человек военнопленных⁶.

В лагере находились лица различных национальностей. Среди них были немцы, австрийцы, венгры, румыны, поляки и даже американцы⁷.

К моменту реорганизации лагеря в режимный, к июню 1949 г., в его составе находилось три лагерных отделения.

Лагерное отделение № 1 дислоцировалось в посёлке Устье, около города Боровичи. Жилищный фонд состоял из деревянных барачных каркасно-засыпного типа, стены были оштукатурены с двух сторон известково-глиняным раствором. В бараках стояли сплошные двухъярусные нары. Водоснабжение осуществлялось через местный водопровод из реки Крупа, электрическое освещение — от дизельной станции шахтоуправления треста «Новгородуголь».

Лагерное отделение № 3 дислоцировалось в одном километре от Боровичей. Жилищный фонд состоял из барачных полуземляного типа и наземных деревянных барачных каркасно-засыпного типа. Водоснабжение шло через городской водопровод, электричество — от комбината «Красный керамик».

Лагерное отделение № 16 располагалось в трёх километрах от деревни Опочно. Его жилой фонд — барачные полуземляного типа, оборудованные сплошными двухъярусными нарами. Водоснабжение осуществлялось через колодцы, освещение — керосиновыми лампами. С 1946 года подводится электрическое освещение от установленного локомотива⁸.

В 1947 году сплошные двухъярусные нары во всех лагерных отделениях были переоборудованы на нары вагонного типа. Отопление барачных было печное. Топливом лагерные отделения обеспечивались хозорганами за плату, а также за счёт самозаготовок.

Данные, представленные в отчёте о работе лагеря в 1950 году, показывают, что советский лагерь для военнопленных санаторием, конечно, не был. Но при этом нужно учитывать условия проживания в первые послевоенные годы абсолютного большинства советских граждан.

Анализ суммарного движения в лагере военнопленных и интернированных за 1942—1950 гг. (прибыло 57 160 человек, убыло 55 341) позволяет сказать, что лагерь НКВД (МВД) № 270 являлся одним из наиболее крупных лагерей постоянного пребывания на Северо-Западе России⁹.

Военнопленные рассматривались в качестве рабочей силы, которой так не хватало в процессе восстановления разрушенного войной хозяйства. Смертность в лагере, безусловно, была, но руководство лагеря стремилось максимально её сократить. Для этого потребовалось провести целый ряд санитарно-профилактических и оздоровительных мероприятий, была создана сеть амбулаторий

и стационаров, санпропускников. Военнопленные, у которых наблюдались симптомы заразных болезней, изолировались.

Практически вся деятельность медицинских работников направлялась на выполнение задачи — быстрого оздоровления контингента, восстановления их физического состояния и трудоспособности: в оздоровительных лагерных отделениях устанавливался особый режим, питание и лечение. Эффективно использовались летние месяцы для укрепления и восстановления, в частности, практиковались солярии, купания и трудотерапия.

В производственных лагерных отделениях были организованы комнаты отдыха, куда направлялись лучшие производственники-военнопленные и контингент, начинавший ослабевать на производстве. Под них отводились наиболее благоустроенные помещения: отдыхающие в них находились под постоянным наблюдением медицинских работников.

Если в 1945 г. смертность среди военнопленных составляла 11,5%, то к 1948 г. её удалось снизить до 0,23%¹⁰.

Все заключённые обеспечивались продовольствием. Нельзя сказать, что его количество и качество полностью спасали от голода. По воспоминаниям многих бывших заключённых Боровичского лагеря, жили они в советском плену впроголодь. Хотя иногда военнопленные питались даже лучше, чем местное население: многие после войны не имели и той малости, которую получали они. За хорошую работу испанцы могли получать талоны, которые давали им право приобретения

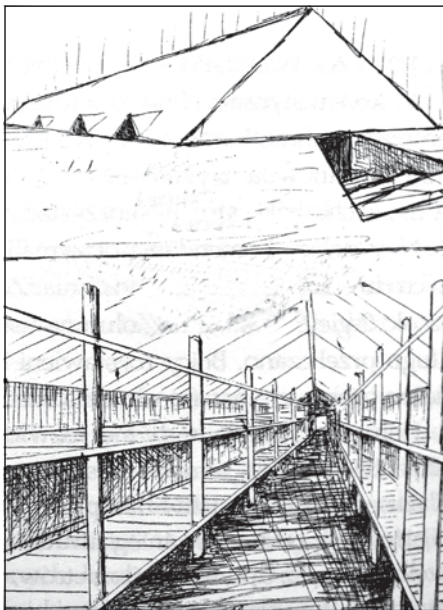
водки или табачных изделий.

Ежегодно в весенне-летний и осенний периоды в массовом порядке самими военнопленными производился сбор дикорастущей зелени: крапивы, щавеля, дикого чеснока, грибов и ягод.

Все кухни были обеспечены столово-кухонным инвентарём: у каждого военнопленного — котелок или миска, кружка и ложка. Выдача положенного продовольствия со складов на кухни производилась по нормам, в присутствии дежурного офицера и медицинского работника лагеря, которые осуществляли контроль за правильным отпуском и качеством продуктов. По итогам каждого дня составлялись акты. Данные мероприятия должны были исключить возможность недостачи продуктов со склада или хищения военнопленными продуктов с кухни¹¹.

В начале 50-х годов, в условиях усиливающейся «холодной войны» между странами Запада и Советским Союзом, испанские граждане стали использоваться как мелкая разменная монета в большой политической игре.

22 марта 1950 г. начальник управления лагеря получил из Москвы приказ № 00201 «О репатриации немецких военнопленных, подлежащих репатриации путём высылки за пределы СССР»¹². Но через две недели на имя генерал-лейтенанта Кобулова¹³ был направлен список

Вид барака в Боровичах

с фамилиями испанских заключённых, ходатайствующих о предоставлении им права политического убежища на территории СССР. В нём значилась 101 фамилия¹⁴.

Как уже отмечалось выше, в Боровичском лагере военнопленных находились не только люди, воевавшие с Красной армией. Были среди них и бывшие республиканцы, приехавшие в конце 30-х годов получать в СССР специализированное военное образование. Они стали лётчиками и танкистами, но не успели вернуться домой. В гражданской войне в Испании победил генерал Франко. Далеко не все из них захотели принять советское гражданство: некоторые стали просить отправить их в другие страны, например в Мексику или Францию. Эта просьба советским руководством удовлетворена не была. После начала Великой Отечественной войны их интернировали. Позднее они заняли соседние места на нарах со своими бывшими врагами по гражданской войне: фашистами и фалангистами.

Советская пропаганда всячески доказывала мировой общественности, что испанских республиканцев в советских лагерях нет. В апреле 1950 года руководству лагеря стало известно, что ещё зимой кто-то из немецких солдат принёс испанцам журнал «Новое время». Этот журнал выходил в СССР в том числе и на немецком языке. В номере от 18 августа 1948 г. под рубрикой «Против дезинформации и клеветы» была помещена статья М. Миклашевского «Бесстыдство врагов испанского народа»¹⁵. В этой публикации автор утверждал следующее: «...5 августа 5 испанских республиканцев, вырвавшихся из франкистской каторги, тайно перешла границу, надеясь найти приют во Франции. В конституции этой страны записано право убежища на французской земле для жертв фашизма. Но Францией управляет сейчас американская партия. Обержандарм Жюль Мок¹⁶, социалистический министр внутренних дел дал приказ: вернуть беглецов в руки фашистской полиции Франко...»

Однако пресса «американской партии» замолчала этот вопиющий факт. Страницы этой продажной прессы заняты другим — инсинуациями по адресу Советского Союза. Кампания против нашей страны, очевидно, включена в программу французского правительства согласно с планом Маршалла. В качестве одного из поводов к таким инсинуациям, для отвлечения внимания общественности о действиях палача Мока и от всей антинародной авантюристической политики правительства, эта пресса раздувает несуществующий «вопрос о заключении в Советском Союзе испанских республиканцев».

Действующая в Париже кучка прямых и косвенных агентов Франко в испанской эмиграции всерьёз именующая себя «испанской федерацией политических высланных и интернированных» созывает митинги, на которых произносятся клеветнические речи по поводу, якобы, «интернированных в Караганде 59 испанских республиканцев». Раздаются лицемерные требования «вернуть их на родину», т.е. очевидно в лапы Франко. А деголлевские, шумовские и бланковские газеты широко печатают и сочувственно комментируют эти провокационные речи...

Действительность, как небо от земли далека от всей этой злобной дезинформации... В 1937—1938 гг. неоднократно приезжали по служебным делам испанские республиканцы. Советское правительство, разумеется, и не подумало выслать этих республиканцев и отдать их на растерзание фалангистским разбойникам...

Испанские республиканцы, приехавшие в Советский Союз и оставшиеся в нашей стране, никогда не были ни интернированы, ни заключены в лагерь. В СССР часть испанских республиканцев жила в Одессе в гостиницах, другие — под Москвой, в предоставленных советским государством и общественными организациями помещенных домов отдыха...

Сейчас, как и раньше, все испанские республиканцы в Советском Союзе находятся на свободе. В своё время им было предоставлено право выезда из Советского Союза, но подавляющее большинство из них не захотело уехать из страны, правительство и народ которой от чистого сердца дали им приют и оказали всестороннюю помощь. В Советском Союзе, ставшем для них второй родиной, ни одному испанскому республиканцу не грозят ни нищета, ни безработица, на которые обречены тысячи людей, бежавших от франкистских тюремщиков в другие страны...

Те из испанских республиканцев, которые по семейным или другим причинам захотели бы выехать из Советского Союза, могут беспрепятственно это сделать в любое время, как только получают разрешение на въезд от правительства тех стран, куда они изъявляют желание переехать...»¹⁷.

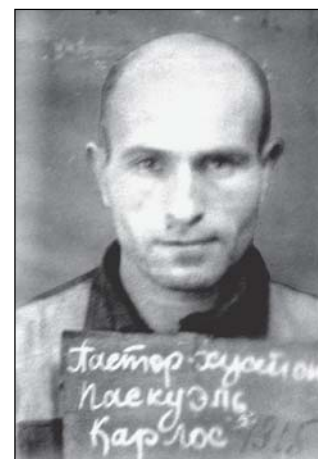
С большим интересом с этой статьёй ознакомились находящиеся в Боровичском лагере бывшие испанские республиканцы. Чтение советского журнала было воспринято руководством лагеря как опасное преступление. Ведь текст, опубликованный там, по сути своей сводил к нулю всю политическую работу лагерной администрации среди испанцев.

Паскуэль Пастор-Хустон (1915 г.р.) служил в республиканской армии с 1933 по 1938 год в звании старшины. В 1938 году прибыл в СССР учиться в авиационной школе. Там он пробыл до конца 1939 г., откуда ЦК МОПР¹⁸ был направлен в дом отдыха под Москвой, 15 июня 1941 г. был интернирован. С 7 октября 1949 года он находился в лагере № 270.

В постановлении на арест говорилось следующее: «Пастор-Хустон за время пребывания в лагерях МВД СССР показал себя врагом по отношению к Советскому Союзу и странам народной демократии.

Находясь во втором лагерном отделении УМВД Новгородской области с 16 июля 1951 г., он совместно с интернированными Вильянуэво-Флорес и Ромеро-Коррейра систематически проводит враждебную деятельность, направленную против Советского Союза. Призывает военнопленных испанцев к организованному неподчинению администрации лагерного отделения, к массовому отказу от выхода на работу.

Собирает вокруг себя реакционно настроенных военнопленных испанцев и убеждает их, что только

Паскуэль Карлос Пастор-Хустон

общими силами в борьбе против русских можно добиться репатриации на родину в Испанию»¹⁹.

Итак, перед нами человек, который никогда с оружием в руках не воевал против Советского Союза, но его судьбе трудно позавидовать. Свободно владея русским языком, он сам рассказывает следователю о своей жизни в Советском Союзе:

«По соглашению испанского республиканского правительства с правительством СССР я прибыл в группе из 84 человек для поступления в Кировобадскую военно-воздушную школу. Там меня готовили в качестве летчика для республиканской армии.

В 1939 году Франко победил, и необходимость в военных кадрах отпала. В начале сентября 1939 г. меня вместе с теми испанцами, которые не пожелали остаться в Советском Союзе на постоянное место жительства, перевели в дом отдыха под Москвой. Там мы ожидали отправки в Мексику, так как там находилось республиканское правительство в изгнании.

25 июня 1941 г. мне в числе других испанцев, находившихся в доме отдыха, было объявлено, что отправить нас в Мексику невозможно из-за начавшейся войны, поэтому мы подлежим интернированию. После этого я со своими товарищами содержался в тюрьмах Новосибирска и Красноярска.

В октябре 1942 г. я вместе с другими интернированными испанцами был переведён в лагерь № 39, в Караганду. Там я работал столяром и плотником.

В июне 1948 г. я вместе с другими интернированными испанцами был переведён в Одесский лагерь военнопленных, где пробыл до мая 1949 г. При отправлении из Караганды нам объявили, что нас везут в Одессу для дальнейшей отправки на родину. Однако вместо депортации в Испанию я был отправлен в город Череповец, а затем в лагерь № 270 в Боровичи».

Паскуэль Пастор-Хустон признал, что ему несколько раз предлагалось принять советское гражданство: первый раз — в 1939 году, затем — в 1948. Это бы означало немедленное освобождение из лагеря: «Мне было хорошо известно, что

советское гражданство приняли около 170, отказались — 25. Никого из них нельзя было назвать противником советской власти, более того, они сражались против фашизма с оружием в руках в годы гражданской войны в Испании. Почти все они были членами левых партий — коммунистами и социалистами. Возникает вопрос, почему же они так стремились уехать из СССР? Обратимся снова к показаниям Пастор-Хустона: «В Советском Союзе я не остался изначально потому, что считал, что я должен находиться там, где находится моё республиканское правительство. Потом, когда этого правительства не стало, для меня, после пребывания более 10 лет в лагерях за проволокой, осталось только одно желание: попасть в любую страну, лишь бы я мог знать о своей матери и отце»²⁰.

Практически то же самое заявил и его товарищ по несчастью, бывший комиссар бронепоезда республиканской армии Ромеро-Коррейра Хосе Сесарио: «Когда мне предлагали остаться в СССР, мне давали 1000 рублей, одедали и обещали отправить в Крым, где я должен был устроиться на работу. Но я не желал остаться в Советском Союзе, так как очень хочу уехать к своим родным»²¹.

Трагифарс ситуации, сложившейся в Боровичском лагере, заключался в том, что активное сопротивление среди испанцев, направленное на их возвращение на родину, возглавили бывшие коммунисты и социалисты. Они смогли организовать своих бывших политических и военных противников. В этой борьбе использовались различные методы: голодовки, забастовки, письма протеста. Об особой роли бывших республиканцев говорят следующие показания одного из военнопленных: «Со времени соединения интернированных вместе с нами они проводят агитационную работу среди испанских военнопленных для того, чтобы добиться своей цели.

Раньше дисциплина среди испанских военнопленных была хорошая, они не нарушали лагерный режим, ходили на все работы. Но как только к нам прибыли интернированные, тогда военнопленные быстро сменили свои взгляды.

Впервые я встретился с интернированными на футбольном матче среди военнопленных. Я был вместе со своими друзьями. Когда интернированные увидели, что мы надёжные люди, они посоветовали нам поднять над баракком испанский флаг и таким образом начать борьбу за своё освобождение.

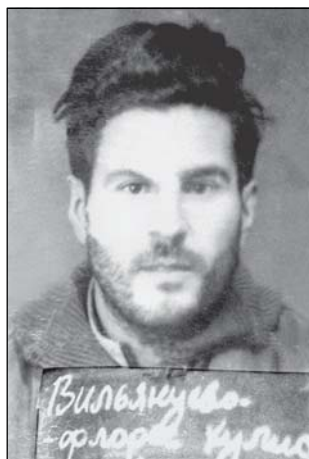
За отказ выйти на работу интернированные были помещены в карцер. Там они объявили голодовку. Когда они очень сильно физически ослабли, их перевели в лазарет, где их стали кормить насильственно»²².

Если верить показаниям бывших солдат «Голубой дивизии», то организаторами акций неповиновения в лагере выступили их бывшие противники по гражданской войне: «Я лично спросил у Пастора, готов ли он помочь нам? Пастор ответил: „Мы, интернированные, готовы помочь вам. Но вы должны выполнять наши указания и стойко держаться“».

В традициях политзаключённых есть такая форма борьбы, как голодовка. Испанские коммунисты это хорошо знали: «Когда в третьем лагерном отделении началась голодовка, в первый день в ней принимали участие 40 человек. Я спросил у военнопленного Саламанка: „Что вы, сорок человек, можете сделать?“ Саламанка ответил, что по плану будет голодать гораздо

Хосе Сесарио Ромеро-Коррейра

Хулио Вильянуэво-Флорес

испанцы, которые дали своё согласие остаться в Советском Союзе, были устроены на работу и жили хорошо. Но независимо от этого, я оставаться в СССР не захотел».

Как видно из его рассказа, из 200 испанцев, обучавшихся вместе с ним на одном курсе в лётной школе,

большие, главное, чтобы русские не заметили, что интернированные по сути своей руководят нами.

На второй день я беседовал с Родригесом, который заявил мне, что он гордится тем, что принимает участие в голодовке и что все, кто любит Испанию и свою мать, должны принять участие в голодовке...

Когда голодовка началась, Родригес лежал в лазарете вместе с Мануэлем Лозано. Лозано также отказывался принимать пищу, он от этого сильно заболел. Когда врач спросил его, зачем он это делает, Лозано ответил, что лучше умереть, чем жить как рабы».

Во время массовой голодовки для переговоров с администрацией лагеря была отправлена специальная делегация. Понятно, что администрация лагеря в этом вопросе ничего не решала. Вопросы о пребывании испанцев в Советском Союзе решались на самом высшем уровне. Поэтому репрессии против зачинщиков последовали не сразу. Это вызвало у участников голодовки некоторую надежду. Один из переговорщиков, Хозе Рамирес, после встречи с руководством лагеря заявил в бараке: «Надо порядок, нужна организованность. Без организованности мы не добьёмся никакого результата»²³.

После чего последовал отчёт о встрече с советским полковником. Было принято решение продолжать голодовку до окончательной победы.

Массовая голодовка в октябре 1951 года не привела к позитивным последствиям, её организаторы были арестованы и привлечены к уголовной ответственности. Паскуэль Пастор-Хустон военным трибуналом войск МГБ Новгородской области был приговорён к десяти годам лишения свободы. Свой приговор он обжаловать отказался²⁴.

У большинства людей со временем вырабатывается определённое привыкание к существующим условиям. Даже в условиях лагерной жизни у человека есть место для маленьких радостей. Иногда эти радости могут быть придуманными, нафантазированными. Заключённые, в большинстве своём, были молодыми мужчинами. Применительно к испанским военнопленным — молодые мужчины с «южным темпераментом». Военнопленный Негро поведал своим товарищам о своих успехах на любовном фронте. Трудно сказать, насколько они соответствовали действительности, но администрация лагеря об этом быстро узнала.

Значительная часть работников лазарета были женщинами. Время от времени между военнопленными и работниками лагерной администрации складывались неформальные отношения. Понятно, что любые романы между ними рассматривались руководством лагеря как серьёзное нарушение дисциплины. С «провинившимися» проводились серьёзные профилактические беседы о недопустимости подобных действий. Санитар лазарета Хуан Негро так рассказал на допросе о своих взаимоотношениях с врачом Ниной Березовой (фамилия изменена — **Б.К.**): «Врача по имени Нина я знаю с первых дней моей работы в лазарете. У меня к ней всё время была любовь. Мой первый разговор с ней состоялся, когда она заменяла врача Юлию. Она заполняла истории болезней совместно с врачом Верой, где находился и я. В тот момент, когда врач Вера ушла и я остался с врачом Ниной наедине и тогда же я говорил ей о том, что я её люблю. На это она мне ответила, что я военнопленный и мне так говорить нельзя. На второй день я повторил врачу Нине те же самые слова, на что она ответила: „Не надо любить меня“.

Третий раз она пришла в перевязочную лазарета специально, так как приём больных проводила врач Юлия. В этот день мы находились с ней наедине минут 15–20 и беседовали на различные темы. Я ей сказал, что люблю её, но она мне опять ответила: „Зачем ты любишь меня, ты военнопленный. Да и притом через два дня уйду из этого лагеря“. Перед уходом она пообещала мне завтра прийти снова»²⁵.

На следующий день свидание состоялось вновь: «Примерно в 19 часов вечера 27 января 1950 года, я находился совместно с больным Фернандесом в перевязочной лазарета. В это время в нашу комнату вошла врач Нина и села на стул около окна, а я сел напротив неё. С приходом Нины в комнату перевязочной больной Фернандес сразу вышел и оставил нас наедине, где мы находились с ней примерно 30 минут. Мы вели беседу о моих занятиях после освобождения из лагеря и на другие темы жизни. Нина посмотрела на часы и сказала мне: „Мы больше не увидимся, так как я ухожу в другой лагерь, и мне будет очень скучно“. Я попросил у неё адрес, но она ответила, что адреса дать не может и что всё то, что было между нами, нужно забыть. Подала мне руку, я пожал её, затем мы поцеловались, и она ушла. На этом у нас всё закончилось»²⁶.

Во время беседы с руководством лагеря доктор Березова признала, что между ней и военнопленным Негро «имели место недельные разговоры, встречи наедине и разговоры любовного характера, однако тот факт, что встречи сопровождались поцелуями и другими близкими взаимоотношениями, она отрицает»²⁷.

Судя по имеющейся официальной переписке, врачи лагерного отделения доставляли немало проблем руководству. То ли они слишком буквально понимали «клятву Гипократа», то ли не видели в испанских военнопленных закоренелых и опасных преступников. Так, главный врач Гуслина в январе 1950 г. дала распоряжение подчинённым ей врачам не пускать в амбулаторию и лазарет, где находились военнопленные испанцы, оперативных работников. При этом она заявила заместителю начальника лагеря по оперативной работе о том, что «никто не давал права оперативным работникам вести следствие по личному составу и при этом прибегать к допросам военнопленных»²⁸.

Следует отметить, что со всеми военнопленными регулярно проводились различные пропагандистские мероприятия. Нельзя сказать, что безуспешно. Об антифашистской работе среди военнопленных, в том числе испанцев, свидетельствуют планы, которые регулярно получал начальник управления МВД по Новгородской области.

Так, в плане работы на март–апрель 1950 г. значились следующие мероприятия:

- а) оборудовать клуб, оформив его наглядной агитацией на испанском языке;
- б) оформить наглядной агитацией жилые помещения и создать в каждом из них уголки культурного отдыха;
- в) оборудовать помещение для библиотеки и комнаты-читальни;
- г) оборудовать доску показателей социалистического соревнования²⁹.

Перед лагерным контингентом должны были регулярно проводиться лекции на следующие темы: «Советская избирательная система — самая демократическая в мире», «СССР в авангарде борьбы за мир», «Провал плана Маршалла

в странах Западной Европы»³⁰, «Испанские патриоты в борьбе с франкистским режимом», «Как советский народ построил социализм», «Страны народной демократии на пути к построению социализма»³¹.

Среди военнопленных предполагалось сформировать актив и через него организовать работу политкружков, разработав тематику занятий. Политкружки должны были собираться раз в неделю на два часа, три раза в неделю предлагалось проводить политинформации. В газетах и журналах необходимо было подбирать наиболее актуальные политические статьи и организовывать групповые читки.

Как видно, идеологическая обработка военнопленных и интернированных являлась важной составной частью работы с ними. При этом определённое внимание уделялось и повышению их культурного уровня. Так, в одном из пунктов плана предлагалось: избрать редколлегии и организовать выпуск стенгазет, создать кружок художественной самодеятельности и подготовить несколько концертов, организовать демонстрацию кинофильмов по графику политотдела, подготовить и провести литературные вечера, посвящённые классике испанской литературы Сервантесу и творчеству испанского писателя-патриота Федерико Гарсиа Лорка³².

Трудно сказать, что сыграло решающую роль — советская пропаганда или просто желание выйти из лагеря, но очень многие испанские военнопленные в начале 50-х годов подали прошения о предоставлении им советского гражданства. Каждое такое заявление рассматривалось, и по нему давалось соответствующее заключение. Так, 16 февраля 1950 г. начальником Управления МВД по Новгородской области было рассмотрено заявление военнопленного Антонио Алмендроса (1919 г.р.). Из его биографической справки видно, что он был членом социал-демократической партии, в 16 лет добровольно вступил в республиканскую армию. В 1938 году был взят в плен франкистами и находился в их лагерях до марта 1940 года. Выйдя на свободу, Антонио несколько месяцев проработал в хозяйстве своих родителей. В 1941 году его вновь призвали в армию — на этот раз франкистскую. В апреле 1942 г. оказался в «Голубой дивизии», был пленён Красной армией зимой 1943 года.

Пробыв в советском плену почти семь лет, Алмендрос подал заявление с просьбой освободить его из лагеря и разрешить проживать на территории СССР, пока в Испании у власти находится Франко. По имевшимся у руководства лагеря сведениям, он это сделал от отчаяния, считая, что его никогда не отпустят домой. Однако при этом было принято решение Алмендроса из лагеря освободить.

Его сослуживец Рехино Эрнандес, бывший коммунист, бывший солдат республиканской армии, также прошёл через франкистский лагерь, был выпущен на свободу, призван в армию и оказался в России. Он также подал заявление с просьбой оставить его в СССР³³.

При этом далеко не все заявления военнопленных, просивших предоставить им убежище в СССР, удовлетворялись. Так, Сотеро Гарсия (1918 г.р.), бывший батрак, перешедший на сторону Красной армии добровольно, получил отказ. Из его справки следует, что: «Будучи безработным, он в 1941 г. со своими товарищами, занимался спекуляцией сельскохозяйственной продукцией. С целью этого регулярно нелегально переходил испано-португальскую границу. В это же время он с целью грабежа

принимал участие в убийстве одного зажиточного крестьянина и его семьи. Желая избежать преследования полиции, переехал в город Кадис. Там он проживал по подложным документам на имя Франциско Континенто и пытался нелегально на пароходе выехать в Америку. Это ему сделать не удалось, и он в апреле 1943 г. добровольно поступил в «Голубую дивизию». Осенью 1943 г. из состава «Голубой дивизии» был сформирован «Испанский легион». В нём Гарсия получил место личного шофёра командира Легиона, полковника Антонио Гарсия Наварро, бывшего начальника штаба «Голубой дивизии». 27 декабря того же года Сотеро Гарсия, вместе со своими двумя товарищами перешёл линию фронта около города Волхов и сдался в плен. Его продержали шесть месяцев в Бутырской тюрьме, а потом отправили в лагерь военнопленных. Согласно показаниям свидетелей, за время нахождения в лагере Гарсия показал себя как «симулянт и дезорганизатор производства, который неоднократно в разных выражениях высказывал своё неудовольствие по поводу пребывания в лагере, а также делал враждебные высказывания по адресу Советского Союза»³⁴. На основании вышесказанного было принято решение оставить Сотеро Гарсия в режимном лагере³⁴.

Следует признать, что людям, находящимся в плену, больше всего хочется скорее вернуться домой. Испанцы не были исключением. Многие из них пытались показать себя лицами, сочувственно относящимися к советской власти. Так, в характеристике на Гонсалеса Сантоса говорилось следующее: «Военнопленный Гонсалес с первых дней после пленения был в хороших отношениях с военнопленными антифашистами. Но как оказалось позднее, он это делал умышленно, из корыстных чувств. В 1947 году в лагере № 158 (город Череповец) он заявил одному реакционеру: «Я всегда буду с вами, так как я думаю как вы, и не забыл вас, однако теперь я вынужден притворяться антифашистом, чтобы жить хорошо материально»».

Далее старший инструктор по антифашистской работе среди испанского контингента Пульгар так оценивал своего соотечественника: «В апреле 1948 года Гонсалес был переведён в лагерь № 99 (город Караганда), где он уже открыто вёл себя как профашист. Например, когда военнопленный Перес, занимавший тогда должность старшины зоны назначил Гонсалеса старшиной барака, последний оказался от такой должности, говоря при этом: «Я не желаю помогать русским, я желаю помочь своим товарищам, но из-за тебя я не могу помочь другим товарищам, так как ты являешься старшиной зоны.»

Затем он со своими единомышленниками Мораль, Пестанья и др. проводил среди испанских военнопленных агитацию, чтобы те отказались от выхода на работу.

Кроме того, в том же лагере он принимал участие в чествовании дня победы Франко с поднятием франкистского знамени в бараке»³⁵.

Можно предположить, что для многих испанцев подача заявления с просьбой оставить их в Советском Союзе не являлась проявлением искреннего желания. Это была своего рода попытка вырваться из лагеря. При этом некоторые военнопленные говорили своим товарищам о том, что «русские собирают заявления не для того, чтобы освободить из лагеря, а для того, чтобы показать общественному мнению всего мира, что испанцы не желают уезжать из СССР»³⁶.

Многие из тех, кто просил оставить его на постоянное место жительства в Советском Союзе, впоследствии были судимы и перешли в категорию осуждённых. Немалая часть вернулась в Испанию на корабле «Семирамис» в 1954 году. Надо принять во внимание и ведущую среди них пропаганду, и естественное стремление как-то облегчить условия существования в плену.

Советская пропаганда к началу 50-х годов во многом уже исчерпала лимит доверия у испанских военнопленных и интернированных: этим людям на протяжении почти десяти лет давались различные обещания и практически ни одно из них (за исключением, конечно, обещания выпустить из лагеря в случае принятия советского гражданства) выполнено не было. В этих условиях рождались разного рода слухи, распространение которых интерпретировалось как преступление. Так, некоторые интернированные и военнопленные *«высказывали надежду на освобождение после будущей войны между СССР и Америкой»*³⁷.

Эстебан-Инфантес упоминает в своей книге митинги протеста, голодовки и отказы от работы со стороны военнопленных испанцев 5 апреля 1951 г. с требованиями улучшить их положение.

На январь 1950 года в Боровичском лагере находилось 239 испанцев. 34 из них являлись интернированными. Лагерная администрация таким образом характеризовала их на тот момент: *«Испанцы разделяются на следующие группы:*

1) *Группа примерно 70 человек, которые в период войны добровольно перешли на сторону советских войск. Как ранее, так и сейчас они изъявляют желание остаться жить и работать в Советском Союзе, имеют дружественные отношения к советскому народу и его правительству. Они ненавидят режим Франко и не желают ехать в Испанию, пока там существует фашизм.*

2) *Группа примерно 20 человек, также бывшие перебежчики, но они симулянты, боятся физического труда, в Испании являлись мелкими буржуа. Эта группа не проводит антисоветской линии, но и не поддерживают Франко. В Советском Союзе оставаться не желают, хотят ехать во Францию, Америку и т.д.*

3) *Группа примерно около 35 человек. Военнопленные, которые пошли на службу к Франко по причине тяжёлых материальных условий. Они ранее были настроены в фашистском духе, но, будучи в плену, осознали, что их обманывали. Поэтому они сейчас желают остаться в Советском Союзе.*

4) *Группа 50—60 человек. Эти люди не высказывают своих настроений, но имеют твёрдое намерение ехать в Испанию.*

5) *Группа около 30 человек. Это бывшие члены фаalangистской партии и фашистских молодёжных организаций. Они остались верными фашизму и хотят вернуться к Франко. Они желают войны Америки с Советским Союзом, считая, что это ускорит их освобождение.*

6) *Группа интернированных, около 25 человек. Многие из них имеют близкие отношения с фашистски настроенными лицами и плохо относятся к военнопленным-перебежчикам. Эта группа склонна к поддержке англо-американской политики и желает ехать только в Испанию»*³⁸.

Как видно из документа, статистика, в целом, вполне благоприятная для советских пропагандистов. Почти половина заключённых готова (по крайней мере, на словах) остаться в СССР на постоянное место жительства. Однако по-прежнему все испанцы находились в лагере. Об этом с тревогой сообщало руководство лагеря в Новгород: *«В числе испанцев, содержащихся в лагере, имеется 107 человек, подавших заявления об оставлении их на жительство в СССР. Но решений по ним не принято, что вызывает с их стороны нездоровые настроения, о чём они при всяком удобном случае заявляют офицерам лагеря»*³⁹.

Понятно, что судьба военнопленных испанцев решалась не в Новгороде, а в Москве. Здесь была замешана большая политика, столь далёкая от проблем конкретного человека.

Подобная ситуация способствовала активизации лиц, настроенных профаalangистски: *«О перебежчиках-испанцах они говорят, что это предатели родины и по возвращении они будут расстреляны фаalangистскими властями. Предателями являются и антифаalangисты-испанцы. Они также должны быть наказаны по прибытии на родину.*

*Те, кто подал заявления об оставлении в СССР — это люди без чести и плохие испанцы, а не патриоты родины...»*⁴⁰.

Наиболее активно антисоветской пропагандой занимался капитан Рока. Так, 27 февраля 1950 года он заявил следующее: *«Антифаalangисты никогда не будут освобождены для проживания в СССР, так как в Советском Союзе тяжёлый режим, нечеловеческие законы. По этим причинам и инструктора по антифаalangистской работе посажат за колючую проволоку»*. С ним согласился один из собеседников: *«В СССР говорят, что в Испании царит капитализм. Но в СССР тоже есть капитализм, и существует эксплуатация человека человеком, как и в Испании. Единственно правильный — это закон Христа. Закон „каждому по труду“ в СССР не осуществляется, а является простой фальшивкой»*⁴¹.

Если говорить о личности капитана Антонио Йозефа Рока, то он, безусловно, являлся убеждённым и фанатичным противником любых левых идей. В июле 1941 г. он добровольно поступил на службу в «Голубую дивизию», чтобы с оружием в руках вести борьбу против коммунизма. На фронте Рока находился с октября 1941 г. по март 1942 г., когда «Голубая дивизия» базировалась под Новгородом. Затем его отозвали обратно в Испанию, где он учился в течение полутора лет в высшей партийной школе в Мадриде. После её окончания капитан Рока был назначен командиром батальона политической полиции в испанской столице.

В октябре 1943 г. Рока вместе с тремя своими товарищами по партии совершил покушение на военного министра Испании Барелла за то, что по приказу последнего были расформированы батальоны политической полиции. После покушения эмигрировал в Германию, где в ноябре 1943 года принял германское подданство.

Став подданным Третьего рейха, он прошёл краткосрочное военное обучение, после чего ему было присвоено звание капитана германской армии. С февраля по 3 мая 1945 г. Рока проходит службу в батальоне, сформированном из испанских добровольцев, в составе которого принял участие в боях против Красной армии под Берлином.

Его последняя военная должность — связной при штабе по охране Рейхстага.

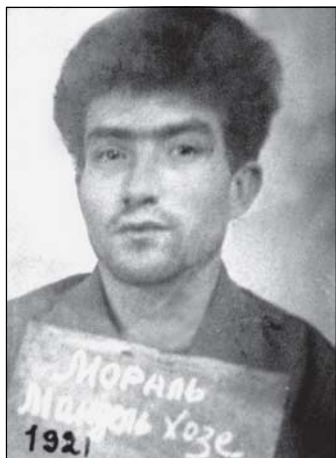
При капитуляции немецких войск Рока переоделся в гражданскую одежду и обманным путём проник в колонну лиц различных национальностей, попавших на принудительный труд в Германию. Следуя с этой колонной по

Рока не выполняет приказа МВД СССР по трудоустройству. Он категорически отказывается от выхода на работу, мотивируя это тем, что он офицер бывшей немецкой армии и работать не будет»⁴³.

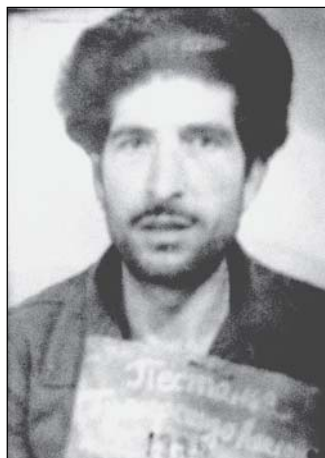
Все эти действия послужили поводом к привлечению капитана Антонио Рока к уголовной ответственности.

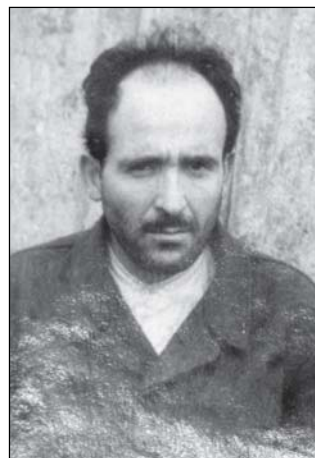
Анхел Хулио Саламанка

Мануэль Хосе Мораль

Гумерсандо Пестанья

Антонио Йозеф Рока

Потсдаму, сбежал к своей жене, находившейся там в то время. До июля 1945 г. он проживал по поддельным документам в Германии, пока не был разоблачен бывшей узницей концлагеря, которая узнала в нём немецкого офицера.

Нужно признать, что капитан Рока всеми доступными ему средствами боролся с советским режимом. Один из военнопленных рассказал следующее: «...14 апреля 1950 года, по случаю девятнадцатой годовщины провозглашения испанской республики в лагерном отделении была организована постановка политического характера для военнопленных и интернированных испанцев. С целью противодействия этой постановке Рока агитировал своих земляков не ходить на спектакль, а на другой день обратился к участникам постановки с угрозой, заявив, что по возвращении в Испанию он заставит сыграть эту пьесу там, где они получат по заслугам»⁴².

В постановлении на арест Антонио Рока отмечаются факты его неоднократных попыток нарушения лагерной дисциплины: «Находясь в лагере № 270 МВД, Рока систематически не выполняет приказаний начальника лагерного отделения о выходе на работу и склоняет к этому других военнопленных испанцев.

В феврале 1950 г. за невыполнение приказа о выходе на работу он подвергнут дисциплинарному взысканию — 3 суток строгого ареста.

25 ноября 1950 года Рока за отказ от работы был арестован на 5 суток.

25 февраля 1951 года за нарушение лагерного режима посажен в карцер на 10 суток строгого режима.

За время нахождения его в других лагерях он так же систематически не выполнял приказаний руководства лагерных отделений и подвергался дисциплинарным взысканиям и содержанием в карцере.

Находясь в лагере г. Череповец, за отказ от работы он был подвергнут дисциплинарному взысканию на 20 суток строгого ареста, и после отбытия наказания в течение трёх месяцев содержался в штрафном подразделении.

В архиве Новгородского Управления ФСБ находится несколько десятков дел на испанских военнопленных, совершивших различные преступления. Большинство из них связаны с попытками побегов и нарушением внутрилагерной дисциплины.

23 апреля 1951 года был арестован военнопленный Анхел Хулио Саламанка (1919 г.р.). Согласно биографической справке, он родился в деревне Торрихос около Толедо. Образование — шесть классов. Вступил в фалангистскую партию в 1936 году. Неоднократно награждался испанским правительством Франко: железным крестом, двумя красными крестами, медалью похода за военные заслуги. Попал в плен 10 февраля 1943 года около деревни Красный Бор Новгородской области.

Саламанка обвинялся в том, что он «организовал вокруг себя реакционно-фашистскую настроенную группу из военнопленных бывших солдат 250 „Голубой дивизии“ немецкой армии — Пестанья Гумерсандо, Гонсалес Сантос, Мораль Мануэль и других. Систематически среди военнопленных испанцев проводил враждебную работу, направленную на нарушение внутрилагерного режима, к отказу от работы, к групповому отказу от приема пищи и невыполнение приказаний командования лагеря»⁴⁴.

Сопrotивление военнопленных принимало разные формы. Так, 28 марта 1951 г. Саламанка вместе со своими товарищами «в бараке № 5 проводил совещание по подготовке к групповому отказу от приёма пищи. Аналогичное совещание было им также проведено 1 апреля 1951 года».

Акция продолжалась больше недели: «4 апреля Саламанка давал распоряжения военнопленному Марио Антонио, чтобы последний организовал групповой отказ от приёма пищи военнопленных испанцев, содержащихся в 4-м бараке зоны 3 лагерного отделения, а их групповой отказ от приёма пищи военнопленных, содержащихся в 5-м бараке, Саламанка взялся организовать лично.

5 апреля группа военнопленных испанцев в количестве 43 человек отказались принимать пищу.

8 апреля дополнительно отказались от приёма пищи 163 человека».

Постановление на арест констатировало, что «в течение восьми дней не принимали пищу 206 человек военнопленных испанцев. Кроме этого, отказавшиеся от приёма пищи, 7 апреля с.г. совершили нападение на карцер, сломали окно и решётку в карцере, освободили содержащихся в карцере военнопленных, нарушавших внутрилагерный режим и отказавшихся от приёма пищи, пытались совершить нападение на проходную будку зоны лагерного отделения с целью побега из лагеря»⁴⁵.

Анхел Саламанка всегда позиционировал себя как убеждённый антикоммунист. В его характеристике отмечается, что он «на всём протяжении его пребывания в лагерях для военнопленных проводил среди испанских военнопленных профашистскую агитацию, за что неоднократно привлекался к дисциплинарным взысканиям.

В лагере № 158 он избил военнопленного антифашиста Педро Гарсия за то, что последний проклинал режим Франко. При этом Саламанка говорил другим военнопленным: „Надо убивать всех, которые говорят против вождя моего государства”.

В 1948 году в Одессе, в лагере № 159, являясь членом антифашистского комитета испанских военнопленных, Саламанка проводил агитацию против СССР и испанских демократов.

Кроме того, он систематически саботировал распоряжения лагерной администрации о проведении среди испанских военнопленных различных мероприятий по антифашистской работе. В частности, 21 января 1948 года по случаю 24-й годовщины со дня смерти Ленина, он, с целью совершить насмешку в отношении вождя прогрессивного человечества, вместе со своими друзьями Гонсалесом, Кинтелло и другими организовал пьянку, во время которой пели различные фашистские песни...

И в других лагерях Саламанка неоднократно организовывал коллективные голодовки испанских военнопленных с целью добиться их освобождения из карцера в тех случаях, когда последние водворялись в карцер за нарушение лагерного режима»⁴⁶.

Многие из бывших солдат «Голубой дивизии» искренне ненавидели Советский Союз и не скрывали своих убеждений. Так, в характеристике военнопленного Пестанья говорится о том, что он «призывал всех испанцев из числа военнопленных поддерживать политику фашистского людоеда Франко. Он утверждал, что скоро всех испанцев освободят из лагеря путём новой войны, где Россия полностью будет уничтожена».

В 1948 году Пестанья, будучи в лагере № 99 МВД города Караганда, праздновал дату победы фашистского режима над республиканской Испанией и в общежитии с другими военнопленными вывесил фашистский испанский флаг. Когда же антифашист Эмилио Перец взял этот флаг, то Пестанья его всячески обругал и пытался последнего избить»⁴⁷.

Были среди организаторов беспорядков также и люди, не имевшие прямого отношения к «Голубой дивизии». Испанская франкистская пропаганда внушала своим согражданам, что Советский Союз первым напал на их страну, поддерживав в гражданской войне республиканское правительство и направив за Пиренеи не только воен-

ную технику, но и многие сотни «добровольцев». Однако после Сталинградской битвы генерал Франко стал думать о возможности отзыва «Голубой дивизии» с Восточного фронта. Делал он это при постоянном давлении на него со стороны англо-американских дипломатов. После успехов Красной армии в ходе летней кампании 1943 года в начале октября Франко объявил о переходе Испании от статуса «невоюющей страны» к нейтралитету.

Вывод дивизии с линии фронта начался 12 октября; к 20-м числам она была снята с фронта и временно отведена в район Нарвы, а затем в район Кенигсберга.

При этом экстремистские элементы фаланги повели энергичную агитацию за вербовку добровольцев в «Германский иностранный легион», который должен находиться исключительно под немецким командованием. В результате «Голубая дивизия» была расформирована, но в составе вермахта остался «Голубой легион» — 2500 человек. До конца января 1944 года он находился в районе неподалёку от железнодорожной станции Любань, где в ходе начавшегося вскоре наступления Красной армии был практически стёрт с лица земли⁴⁸.

После этого убеждённые испанские антикоммунисты воевали с частями Красной армии на всей протяжённости фронта: от Балтийского моря до Чёрного.

Ромон Перес стал одним из организаторов акций протеста в Боровичском лагере. Он родился в 1923 году в городе Сантандер. С марта по сентябрь 1944 года добровольно проходил службу при батальоне «Халь Тироль». Попал в плен 15 сентября 1944 года в Трансильвании (Румыния).

12 апреля 1951 года совместно с военнопленными Бруно Климентом и Хозе Халао он воспрепятствовал Хуану Барриосу выполнить приказ руководства лагеря о доставке обеда для объявивших голодовку. В постановлении на арест говорится следующее: «Перес заявил Барриосу: „Забери суп обратно, уходи отсюда, предатель, бандит!”

Не давая возможности военнопленным, желающим принимать пищу, Перес взял два ведра с супом и вынес их на помойку. После чего зашёл в барак и призвал военнопленных испанцев, из числа отказавшихся от приёма пищи, напасть на карцер.

С группой около 100 человек он вышел из барака и совершил попытку напасть на карцер и проходную будку.

Принятыми мерами попытка нападения была пресечена»⁴⁹.

Подобные поступки служили поводом для привлечения к уголовной ответственности. Приговоры им выносились самые суровые — до двадцати пяти лет заключения. В лагерях они провели практически столько же, сколько их товарищи, оставшиеся в Боровичах. Вернувшись в Испанию, некоторые из них написали книги о своём пребывании в России⁵⁰.

Стремление вернуться домой любой ценой иногда приводило к трагифарсовым ситуациям.

Антонио Гомес (1924 г.р.), уроженец деревни Алатоз, провинции Алвасете, попал в плен в сентябре 1944 года в Румынии. За время нахождения в плену сделал карьеру — стал бригадиром. Он получил право свободно передвигаться вне лагеря. Но мечта обрести подлинную свободу оказалась сильнее логики. В постановлении о возбуждении уголовного дела говорится следующее: «Гомес, будучи бригадиром, на подкомандировке в районе деревни

Велачево, Боровичского района, с заранее задуманной целью 18 июня 1950 года у жительницы данной деревни Ниловой Александры Фёдоровны похитил из кладовой велосипед. Последний был использован им в совершённом побеге. Таким образом, он совершил преступление, предусмотренное ст. 1 Указа Президиума Верховного Совета от 4 июня 1947 года «Об усилении охраны личной собственности граждан»».

Показания Гомеса о неудавшемся побеге вызывают противоречивые чувства. Здесь одновременно может быть и удивление, и смех, и определённое уважение к этому человеку, который ради свободы совершил этот почти безумный поступок: «Я в качестве бригадира находился на лесозаготовках с 7 мая 1950 года. Через несколько дней я у гражданина этой деревни, фамилии которого не знаю, увидел велосипед и решил при первой возможности украсть его и совершить побег. Сделать это свободно я мог потому, что ходил по деревне свободно, без конвоя»⁵¹.

Взаимоотношения между военнопленными и охраной выстраивались в духе лёгкой деревенской пасторали: «Мы жили все в одном доме. Наша охрана жила напротив через улицу, в другом доме. Мы часто свободно ходили по деревне, в магазин за покупками и играть в футбол. Так военнопленные проводили время часов до 10 вечера, конвоиры в это время ходили с девушками по деревне.

Русский офицер, руководивший нами, проживал в деревне Петухово. К нам он приходил только тогда, когда мы работали в лесу, а когда мы находились дома, он нас не проверял.

Один раз военнопленный Веласко Франциско с ватёром из охраны пришли сильно выпившие. Водку они вместе распивали в магазине»⁵².

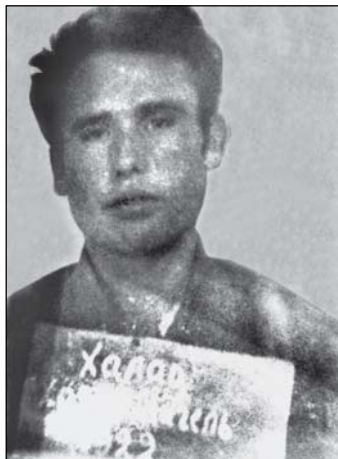
Несмотря на всю эту «идиллию» Гомес думает о побеге: «Для ориентировки я избрал путь следования на город Ленинград. Для этого, зная, что у военнопленных Гарсиа Хуан и Гарсио Энрике имеется карта Советского Союза, я за несколько дней до побега попросил их показать мне её. Но ориентироваться по ней было невозможно, так как у этой карты был очень маленький масштаб.

12 июня 1950 года утром, приблизительно в 6 часов 30 минут я встал, побрился и, имея при себе 75 рублей денег, полученных накануне, решил совершить побег. Об этом я никому ничего не говорил.

Первым делом я пошёл на квартиру к человеку, у которого я ранее видел велосипед. Когда я пришёл туда, дома находился только мальчик лет двенадцати, которому я сказал, что пришёл ремонтировать велосипед. Мальчик открыл замок с двери кладовки. Я вывел велосипед со двора, сел на него и поехал по направлению к деревне Петухово. Когда я проезжал по деревне, я услышал, что

мне кричит что-то военнопленный Корсано, но я ему ничего не ответил и продолжал ехать дальше.

Продвижение моё на Ленинград было по следующему маршруту: деревни Петухово, Волгино, Быково, Кончанское, Любытино, Б. Заборовье, Зайково, Б. Вишера, Окзола, Гряды, Дубцы и Волхов, где при переходе через реку на мосту я был задержан охраной и под конвоем доставлен в город Чудово»⁵³.

Хосе Халао

Рамон Перес

Сантос Гонсалес

Таким образом, военнопленный Гомес, толком не зная русского языка, практически без денег и какого-либо снаряжения, проехал на украденном велосипеде без малого 200 километров!

Про своё неудавшееся путешествие из Боровичей в Мадрид Гомес рассказал следователю следующее: «Ехал я все время до станции Большая Вишера просёлочными дорогами и тропами, а после продвигался вдоль железной дороги до станции Волхов.

В пути следования в магазине деревни Кончанское я купил себе маргарин, хлеб и пачеты.

Первую ночь в пути я ночевал в сарае на окраине какой-то деревни. Вторую ночь я встретил приблизительно в 10 километрах от Любытино, я ночевал в поле у костра, так как не мог найти никакой деревни из-за темноты.

Проезжая через населённые пункты, я никуда не заходил и при встречах вопросы никому не задавал. На окраинах деревень я 3–4 раза покупал молоко. На вопросы, откуда я еду, отвечал, что из города Боровичи еду в Ленинград».

Вариантов побега из лагеря было множество. Некоторые из них заключённые пытались осуществить на практике.

Габриель Серафим Мартинес (1923 г.р.), уроженец города Мерес, провинции Астурия, попал в плен 7 ноября 1942 года под Колпино. В августе 1951 года задумал вместе со своими друзьями бежать из лагеря. По его словам, дело обстояло так: «18 августа, т.е. в субботу вечером до отбоя я вместе с военнопленным Альфредо Кареньо ходил по зоне и беседовал. Во время беседы я сказал ему: „Как долго мы находимся в лагере, поэтому нужно как-то совершить побег“. На это Кареньо согласился со мной. Я ему сказал, что лучшим способом совершить побег, это сделать подкоп под зону, потому, что грунт здесь подходящий — песок.

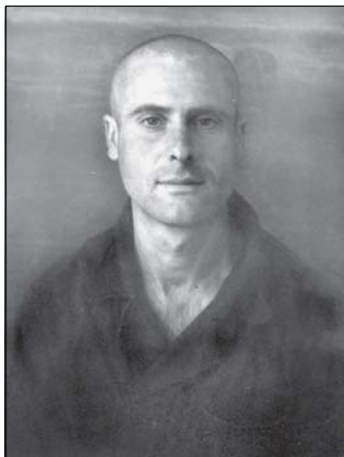
Затем мы вдвоем ходили по зоне и искали подходящее место, откуда начать подкоп, и остановились на том, что подкоп лучше всего начинать из уборной, т.к. это будет скрыто от посторонних глаз. В субботу мы условились с ним, что на второй день в воскресенье, когда испанцы будут на стадионе, во время футбольной игры мы вдвоем спустимся в уборную и определим, от какой стенки начать рыть подкоп.

В воскресенье мы так и сделали, однако голыми руками у нас ничего не получалось, так как нам предварительно

стальной проволоки, гвоздь и подвесить на ниточке.

Затем, после перехода польской границы, решили мы, каждый будет двигаться в желаемом направлении: кто на Испанию, кто на Францию, т.е. кто куда пожелает.

В дороге мы намеревались питаться, главным образом, подачками, просить милостыню у жителей малых населенных пунктов, преимущественно расположенных в глухих местах. От лагеря до Новгорода мы намеревались двигаться лесом вдоль речки, которая протекает и здесь»⁵⁵.

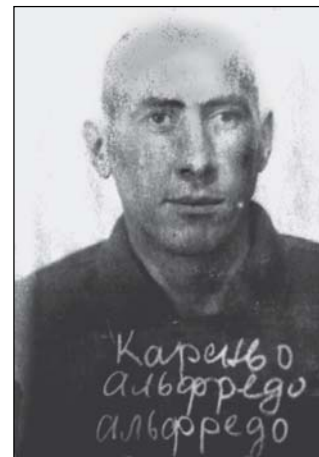
Антонио Гомес

Энрике Хосе Гарсия

Мартин Галипе

Альфредо Кареньо

было необходимо проломить стенку в уборной, внизу, где нечистоты, под люком, через который выносят нечистоты.

В понедельник, примерно в 12 часов ночи я и Кареньо повторно опустились в уборную, проломили ножом стенку, удалили доски и начали рыть. В эту первую ночь я и Кареньо прорыли ножом проход 50 на 60 сантиметров в ширину и 2 метра в длину. Копали поочередно: один копал, а другой выбрасывал землю. В два часа ночи мы вышли из уборной, вымылись и легли спать. На следующие дни мы снова копали, укрепляя подземный проход досками, как в шахте»⁵⁴.

Понятно, что побег из лагеря — мероприятие серьезное и опасное. Но что же дальше? Куда пленные испанцы собирались идти, выйдя на столь относительную свободу, за многие сотни километров от своей родины? Из допроса Мартынеса: «Когда я с Кареньо договорился о подкопе, мы хотели только того, чтобы выбраться за зону. Для этого мы решили вырыть проход примерно 50–60 метров таким образом, чтобы выход оказался далеко от зоны — в кустах. Уже во время работы мы договорились о наших дальнейших планах. Мы решили, что будем держать направление на Новгород. Двигаться будем пешком или на каком-либо транспорте, а от Новгорода держать направление на польскую границу. Военноплемному Кареньо дорога от Новгорода до Польши хорошо знакома, так как во время войны он прошёл её пешком в составе маршевого батальона.

Что касается питания, то мы должны были иметь запас хлеба и сахара на 2–3 дня. Для этого мы намеревались в день, когда должны были бежать, занять у своих товарищей хлеб и сахар под предлогом якобы, что через 2–3 дня мы им всё возвратим.

Для определения частей света (юг и север) мы намеревались сделать простой компас: намагнитить кусок

Безусловно, это географическое невежество вызывает усмешку. Несложно представить, насколько далеко смогли бы уйти беглецы, даже если их подкоп оказался успешным. Хотя их стремление обрести свободу любыми средствами понятно. О чём ещё может думать человек, столько лет оторванный от дома?

Габриэль Серафим Мартинес был осуждён 16 октября 1951 г. на десять лет исправительно-трудовых работ, Альфредо Кареньо осуждён 12 ноября 1951 г. на 10 лет ИТЛ⁵⁶. Они были осуждены по ст. 193-2, п. «в» УК РСФСР и содержались до 1954 г. в лагере № 476 Свердловской области.

Были среди испанских военнопленных и люди, которые не гнушались и мелкой уголовщиной. Так, Мартин Галипе (1920 г.р.), 18 сентября 1950 года около 23 часов проник в лазарет 3 лаготделения и, пользуясь отсутствием дежурного санитаря, похитил оттуда две простыни, стоимость которых составляла 123 рубля 30 копеек.

Похищенные простыни Галипе пытался продать гражданскому населению во время работы на шахтах треста «Новгородуголь». Через четыре дня похищенные простыни у него были обнаружены и изъяты»⁵⁷.

Этот военнопленный был привлечён к уголовной ответственности согласно I статье Указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества»⁵⁸. Можно, конечно, говорить о незначительности похищенного имущества. Но следует отметить, что страна существовала тогда в условиях тотального дефицита практически всех промышленных товаров.

За хорошую работу испанцы могли получать талоны, которые давали им право приобретения водки или табачных изделий. Любые заявления о том, что военнопленные недодают, воспринимались администрацией лагеря достаточно болезненно. Так, в каждом уголовном деле обязательно

содержалась справка о суточном пищевом рационе. Согласно приказу № 0751 МВД СССР на одного человека в сутки полагалось в граммах⁵⁹:

Хлеб ржаной 95%	670
Мука пшеничная 85%	10
Макароны	10
Крупа разная	90
Мясо говяжье	30
Рыба	70
Жиры твёрдые	15
Масло растительное	5
Сахар	15
Чай суррогат	2
Картофель	600
Овощи	320
Соль	30
Мыло хозяйственное в месяц	300
Спички в месяц	1,5 коробки
Соевая мука	30

Среди служащих лагеря были и испанцы. Так, в Череповецком лагере военнопленных с марта 1944 г. по июль 1946 г. работал в должности политического инструктора антифашистской работы испанский эмигрант Фелиппе Пульгар. Руководство характеризовало его следующим образом: *«За период своей деятельности показал себя дисциплинированным и исполнительным, к порученному участку работы относится честно и добросовестно, требователен к подчинённым, желает повышать свой политический и общеобразовательный уровень, но это ему удаётся слабо, ввиду того, что почти не владеет русским языком»*⁶⁰. В дальнейшем Пульгар был переведён в Боровичи. Именно он переводил показания своих земляков, арестованных МГБ. Многие военнопленные обвиняли его в недобросовестности и нечестности. Об этом они писали в своих многочисленных письмах, адресованных советским руководителям. Так, Мартин Галипе, обвинённый в краже простынь, направил на имя председателя трибунала войск МВД Ленинградской области жалобу, в которой написал следующее: *«Пульгар Филиппе, сержант Красной армии, политический инструктор испанских военнопленных занимается систематической продажей вещей, принадлежащих советскому государству, используя меня и других военнопленных в качестве агентов для продажи»*⁶¹. Насколько это обвинение соответствовало истине — трудно сказать. В тяжелейших условиях послевоенного времени далеко не всегда сотрудники лагерной администрации вели себя по отношению к военнопленным безукоризненно: выявлялись во время проверок пьянство, халатность.

Отношение местного населения к испанцам несколько отличалось от отношения к немцам. Историки В.Б. Конасов и А.В. Терещук описывают в своей статье условия содержания испанских военнопленных на Вологодчине. Можно признать, что подобные явления имели место и в Новгородской области. Конасов и Терещук отмечают, что «итальянцы, а ещё в большей мере граждане Испании вызвали у русских неоднозначные чувства, среди которых находилось место даже для чувства и проявления симпатии. Весьма примечателен в этом отношении эпизод, связанный с организацией в Вологде в 1949 г.

футбольного матча между местной командой „Динамо” и командой, сформированной из испанских военнопленных, служивших в „Голубой дивизии”. История сохранила

для потомков как счёт этого беспрецедентного матча (5:1 в пользу хозяев), так и то, что после игры испанские военнопленные-футболисты за образцовое поведение были освобождены из лагерей, „расконвоированы” и вплоть до последовавшей репатриации на родину получили разрешение жить практически на свободе»⁶².

Однако нельзя считать, что испан-

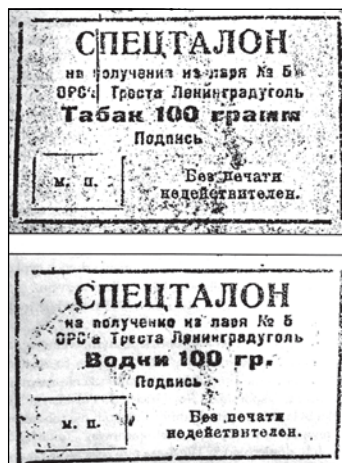
ские военнопленные находились на каком-либо привилегированном положении. Так, В.Г. Сидоров отмечает, что практически весь послевоенный период испанские военнопленные не имели переписки с родственниками. Этим правом активно пользовались военнопленные немцы, австрийцы, венгры, румыны, итальянцы и японцы. Только лишь Инструкция от 24 июля 1953 г. (приказ МВД СССР № 00576) разрешила переписку военнопленным всех национальностей, но только с близкими родственниками, указанными в личном деле осуждённого»⁶³.

Ещё раз следует отметить, что сложно не понять чувства людей, которые в 20–25 лет оказались в советском плену, провели в нём почти 10 лет и, самое главное, не могли добиться ответа от руководства лагеря: когда же их отпустят домой. Испанцы видели, как пустеют лагерь, как эшелоны с немцами, румынами, венграми идут на запад. И даже определённые послабления в содержании не могли даже в малой степени компенсировать мечту о родном доме.

Проблема с испанскими гражданами стала решаться только после смерти И.В. Сталина. В список осуждённых военнопленных и интернированных граждан Испании, которым по Указу Президиума Верховного Совета СССР от 27 марта 1953 г. «Об амнистии» срок наказания сокращается наполовину, составленный 9 апреля 1953 г., включён 31 человек. Все они были осуждены по ст. 193-2, п. «в» УК РСФСР и содержались в это время в лагере № 476 Свердловской области и в лагере МВД № 280 Сталинской области. В нём встречаются фамилии и бывших «боровичан».

Первой крупной и основной партией репатриированных испанских военнопленных была экспедиция на пароходе «Семирамис». Репатриированные были переданы по акту и списку работниками советского Красного Креста Шароновым и Сидоровым представителям французского Красного Креста М. Барри и Рене ла Флош «согласно соглашению между Красным Крестом Советским и Красным Крестом Французским». В списке указывались фамилии и имена, год рождения и воинское звание 286 репатрируемых.

Генерал Эстебан-Инфантес приводит в своей книге следующие статистические данные о судьбе военнопленных и интернированных испанцев: репатриированные

в апреле 1954 г. — 286 человек (имеются в виду прибывшие в Испанию на «Семирамисе»); умершие в заключении — 118 человек; освобождённые для работы в Советском Союзе — 66 человек; пропавшие без вести — 14 человек; всего — 484 человека⁶⁴.

Таким образом, при посредничестве французского Красного Креста репатриированные испанские военнопленные были отправлены из Одессы в Испанию. Это произошло почти через девять лет после окончания Великой Отечественной войны — 26 марта 1954 г.

Орфография и стиль документов сохранены

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Рыбалкин Ю.Е. Испанские военнопленные Второй мировой войны в СССР // Проблемы военного плена: история и современность. Часть 2. Вологда, 1997. С. 249.

² Там же.

³ Галицкий В.П. Вражеские военнопленные в СССР (1941—1945 гг.) // Военно-исторический журнал. 1990. № 9. С. 46.

⁴ Цит. по: Елпатьевский А.В. Военнопленные и интернированные испанцы в СССР // Международный исторический журнал. № 17. 2002; http://history.machaon.ru/all/number_17/analiti4/elpatievsky_print/index.html#1.

⁵ Там же.

⁶ Архив УВД по Новгородской области (далее — АУВД по Новгородской области). Ф. 74. Оп. 1. Д. 235. Л. 4.

⁷ Там же. Д. 236. Л. 144.

⁸ Там же. Л. 5–7.

⁹ Иоффе В. К истории лагеря № 270 НКВД (МВД) в Новгородской области (г. Боровичи) // Вестник мемориала. 2001. № 6. С. 45.

¹⁰ АУВД по Новгородской области. Ф. 74. Оп. 1. Д. 235. Л. 15.

¹¹ Там же. Л. 22.

¹² Там же. Д. 237. Л. 38.

¹³ Кобулов Богдан Захарович (1.03.1904, Тифлис — 23.12.1953, Москва), один из руководителей государственной безопасности.

¹⁴ АУВД по Новгородской области. Ф. 74. Оп. 1. Д. 237. Л. 42–44.

¹⁵ Там же. Л. 63.

¹⁶ Мок Жюль Сальвадор (1893–1985, Париж), французский политический и государственный деятель.

¹⁷ АУВД по Новгородской области. Ф. 74. Оп. 1. Д. 237. Л. 64–65.

¹⁸ Международная организация помощи борцам революции (МОПР) — коммунистическая благотворительная организация, созданная по решению Коминтерна.

¹⁹ Архив Управления Федеральной службы безопасности по Новгородской области (далее — АУФСБ РФ по Новгородской области). Д. 1/9214. Л. 6.

²⁰ АУФСБ РФ по Новгородской области. Д. 1/9214. Л. 14–17.

²¹ Там же. Л. 36.

²² Там же. Л. 188.

²³ Там же. Л. 189.

²⁴ Там же. Л. 358.

²⁵ АУВД по Новгородской области. Ф. 71. Оп. 1. Д. 232. Л. 32–33.

²⁶ Там же. Л. 33.

²⁷ Там же. Л. 34.

²⁸ Там же. Л. 37.

²⁹ Там же. Ф. 74. Оп. 1. Д. 235. Л. 67.

³⁰ План Маршалла (англ. Marshall Plan, официальное название

European Recovery Program — «Программа восстановления Европы») — программа помощи Европе после Второй мировой войны.

³¹ АУВД по Новгородской области. Ф. 74. Оп. 1. Д. 235. Л. 67–68.

³² Там же. Л. 68.

³³ Там же. Д. 237. Л. 34–35, 37.

³⁴ Там же. Л. 100.

³⁵ АУФСБ РФ по Новгородской области. Д. 1/9230. Л. 231.

³⁶ Там же. Л. 167.

³⁷ Там же. Д. 1214. Л. 157.

³⁸ АУВД по Новгородской области. Ф. 74. Оп. 1. Д. 238. Л. 32, 38–39.

³⁹ Там же. Л. 188.

⁴⁰ Там же. Л. 187.

⁴¹ Там же.

⁴² Там же. Д. 224. Л. 215–218.

⁴³ Там же. Д. 238. Л. 3.

⁴⁴ АУФСБ РФ по Новгородской области. Д. 1/9230. Л. 25.

⁴⁵ Там же. Л. 26.

⁴⁶ Там же. Д. 1/9230. Л. 231.

⁴⁷ Там же. Л. 232.

⁴⁸ Крестовый поход на Россию. М., 2005. С. 348.

⁴⁹ АУФСБ РФ по Новгородской области. Д. 1/9230. Л. 79–80.

⁵⁰ См.: Salamanca Angel y Torres Garcia Francisco. Esclavos de Stalin: el combate final de la Division Azul (memoria historia de un prisionero en la URSS). Madrid, 2002.

⁵¹ АУФСБ РФ по Новгородской области. Д. 1/9235. Л. 20.

⁵² Там же. Л. 25.

⁵³ Там же. Л. 21–22.

⁵⁴ Там же. Л. 24–25.

⁵⁵ Там же. Л. 61.

⁵⁶ Там же. Л. 98, 99.

⁵⁷ Там же. Д. 1/9233. Л. 7.

⁵⁸ Там же. Л. 21.

⁵⁹ Там же. Д. 1/9215. Л. 210.

⁶⁰ Цит. по: Елпатьевский А.В. Военнопленные и интернированные...

⁶¹ АУФСБ РФ по Новгородской области. Д. 1/9233. Л. 93.

⁶² Конасов В.Б., Терещук А.В. Узники войны (из истории иностранных военнопленных в России и СССР) // Новый часовой. СПб., 1994. № 1. С. 36–37.

⁶³ Сидоров В.Г. Военнопленные и интернированные в СССР, 1939–1956 гг.: связь с Родиной // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Философия. Вып. 3. Волгоград, 1998. С. 40.

⁶⁴ Цит. по: Елпатьевский А.В. Военнопленные и интернированные...

С.А. Козлов

Первый послевоенный

К 155-летию Новгородского академического театра драмы им. Ф.М. Достоевского

Пожелтевшие газетные вырезки да приказы о сдаче спектаклей — вот практически всё, что может рассказать о театральной жизни в Новгороде в первые послевоенные годы. Время пощадило только то, что было вовремя отдано на хранение в архив. Из рецензий тех лет мало можно извлечь полезного. Жёсткие, тесные и удушающие рамки, в которые было поставлено искусство тех лет, поддерживались и газетными авторами.

Вслед за опубликованием указа Президиума Верховного Совета СССР об образовании Новгородской области и превращении Новгорода в областной центр (июнь 1944 года) 20 сентября 1944 года, был издан приказ Комитета по делам искусств при СНК СССР о направлении в город Новгород на постоянную работу ленинградского Малого драматического театра. В годы войны труппа этого театра совместно с артистами Ленинградской филармонии организовала концертную бригаду и выступала на фронте. Помимо концертов, коллектив показывал по Ленинградской области и целые спектакли. Возглавлял бригаду главный режиссер театра Виктор Шимановский. Он же был назначен художественным руководителем нового новгородского театра, в состав которого вошли опытные ленинградские актёры, долгое время составлявшие основной костяк новгородской труппы: А.А. Мирзоева, М.А. Модестова, Н.И. Непокойчицкий, В.В. Рубцов, В.М. Алексеев, Е.Я. Любина, И.П. Алфимова, Ф.Л. Грязнов, К.И. Тягунов, А.И. Верный, С.Л. Веденский и другие. Из вновь принятых — В.А. Гайдар, Н.А. Дувакина, Т.Е. Острогорская и группа молодежи из окончивших в 1945 году Ленинградский институт сценических искусств. В качестве постоянного художника театра приглашён был Н.А. Мамонов¹.

Открытие Новгородского областного театра драмы произошло в Боровичах 1 января 1945 года спектаклем «Так и будет» по пьесе К. Симонова «Возвращение». Первый же спектакль в Новгороде в полувосстановленном тогда ещё здании стационара театра в кремле (помещение бывших архиерейских покоев, ныне Областная филармония) — был показан 6 ноября 1945 года. Позднее представить удалось только две постановки (пять спектаклей), и коллектив вернулся в Ленинград.

Но уже 14 декабря этого же года техническое состояние восстанавливаемого здания позволило начать постоянную деятельность. И деятельность эта была весьма бурной, несмотря на множество препятствий. Вот как об этом пишет сам художественный руководитель театра

Виктор Шимановский: *«За время своего пребывания в 1945/46 г. в помещении стационара театр работал в чрезвычайно тяжёлых условиях: отсутствие зимних рам и дверей, неисправное паровое отопление, бездействующие канализация и водопровод, частое отсутствие света, технически необорудованная сцена, тяжёлые бытовые условия, всё вместе взятое — театр поставил себе задачей: перетерпеть все неудобства, — включился в творческую работу. В феврале 1946 г. театр показал зрителю две премьеры: «Последняя жертва» Островского, «Школьный товарищ» (правильное название пьесы — «Школьные товарищи» — С.К.) Ласкина.*

За 1946 г. — зимний период — с января по июнь выпустил 6 премьер, закончив сезон 8/VI «Хитрая вдовушка» сразу же выехал в гор. Псков»².

Именно этот человек обеспечил первые успехи Новгородского областного театра. Виктор Владиславович Шимановский был художественным руководителем коллектива в течение первых шести сезонов (1945—1952 гг.). И его предшествующая творческая биография заслуживает отдельного внимания. Он начал свой театральный путь в канун революции в «Общедоступном и Передвижном театре» в Петрограде, где работал актёром вместе с П.П. Гайдебуровым и Н.Ф. Скарской (1916 год). Этот театр в годы Гражданской войны пытался донести театральное искусство до массового зрителя, организовывая показы спектаклей по пьесам из мирового репертуара для разных слоёв населения. Одно время П. Гайдебуров увлекался символическими опытами, но вскоре вернулся к реалистическому театру и вместе со своей труппой стал активным пропагандистом политики новой власти в искусстве.

Молодой выпускник университета из аристократической семьи, Шимановский принимает участие в спектаклях театра как актёр. Гайдебуров вводит его на роли в старых спектаклях, а также занимает в новых центральных ролях. К сожалению, даже единственный биограф Шимановского Сергей Сергеевич Данилов не совсем ясно излагает манеру его игры, ссылаясь, в основном, на отзывы других актёров театра. Можно сказать, что Шимановский отличался особой лиричностью, вызывавшей в душах зрителей и партнёров по сцене самые высокие чувства. Но при этом он стремился к реалистичному прочтению роли, отвергал всякую декламацию. Одно из самых ярких впечатлений очевидцев — это роль Тузенбаха в «Трёх сёстрах».

Вместе с другими авторами в 1919 году В.В. Шимановский участвует в создании сценария «Свержение самодержавия» для массовых представлений на площадях Ленинграда. Как отмечает Данилов, он был страстным сторонником злободневного актуального искусства: в дни Кронштадтского мятежа в его спектакле «Волынка» художественными средствами разоблачалась контрреволюционная сущность мятежа, в четвёртую годовщину Октябрьской революции совместно с М.В. Соколовским он ставит инсценировку «Наша дума в Октябре», а в январе 1924 года — первую театральную композицию в Ленинграде, посвящённую В.И. Ленину, — «Памяти Ленина»³. Это были первые режиссёрские опыты в агитационных театрах.

В рукописи, хранящейся в архиве театра, Александр Владимирович Васильев, бывший в 1950—1960 гг. его директором, даёт свою характеристику Шимановского: «Назначение такого режиссёра на пост художественного руководителя Новгородского театра сказалось на дальнейшей деятельности творческого коллектива. Он умело направил театр по пути неуклонной связи с современностью, видя в театральном искусстве возможность глубокого воспитательного воздействия на массы»⁴.

В качестве руководителя театра режиссёр уходит от тяги к агитационной форме театра и формирует традиционный для того времени репертуар. На этом этапе в своих работах он неукоснительно следовал заветам К.С. Станиславского в духе той системы режиссуры и воспитания актёра, которую продиктовала власть. Главное внимание Шимановский уделял точному определению идеи пьесы. Застольные периоды проходили в мучительном поиске путей наиболее действенного её выражения. Для него особенно важно было, чтобы актёры сознательно подошли к работе над спектаклем. Он стремился воспитывать актёра-мыслителя, и когда он добивался этого, то результат был очевиден и по-настоящему значителен. Так, среди подобных результатов А. Васильев и С. Данилов называют «Вишнёвый сад» 1947 года. В одной газетной публикации режиссёр упомянул личное представление об этой пьесе: «Для Чехова, бесконечно влюблённого в жизнь, глубоко чувствовавшего подлинную высоту человеческих переживаний, идейный смысл пьесы не исчерпывался изображением „хозяйства жизни“. „Вишнёвым садом“ Чехов ставит вопрос о ценности переживаний, возвышающих человека, о нектенности истинного ощущения красоты, о любовном отношении к миру»⁵. С одной стороны, это была бледная тень МХАТовской постановки, а с другой — искреннее желание показать, что жизнь не исчерпывается борьбой: в ней есть моменты, когда можно остановиться и созерцать красоту мгновения, не забывая при этом о пресловутом счастливом будущем. Первый сезон работы в новгородском театре подготовил Шимановский к такому решению спектакля.

Много внимания уделял режиссёр работе «над диалогом и фразировкой». Признавая на сцене только мыслящего актёра, он стремился привить молодёжи хороший вкус, передать ей свой опыт. С такими актёрами он мог репетировать даже по ночам, чувствуя, что они понимают его с полуслова. «Когда актёр начинал точно нести мысль своей роли, режиссёр переходил к кропотливому труду — к борьбе за целостное звучание ансамбля»⁶.

Ансамбль в данном случае представлялся Шимановскому вполне традиционно — симфонический оркестр, в котором не должно быть произнесено фальшиво ни одной фразы, ни одного слова, ни одной буквы. В его спектаклях были какие-то неуловимые краски, присущие только ему одному, что волновало и пленяло зрителя. «Он сравнивал „Вишнёвый сад“ с музыкой, которая нежно, вкрадчиво, постепенно входит в сердце зрителя...», — свидетельствует Васильев⁷.

Несмотря на то, что лучшими спектаклями Шимановского считаются постановки современных советских пьес, режиссёра всегда тянуло к русской и зарубежной классике. В статье «К открытию театра в Новгороде» он пишет о планах на 1946 год: «Из русской классики намечены к постановке „Маскарад“ — Лермонтова, „Доходное место“ — А.Н. Островского и „Месяц в деревне“ — И.С. Тургенева. Западноевропейские драматургии будут представлены следующими пьесами: „Нора“ — Ибсена, „Тартюф“ — Мольера, „Он пришёл“ — Пристли»⁸. Но из всех этих прекрасных планов удалось осуществить только постановку «Тартюфа» в 1947 году и «Норы» в 1948 году. Условия, в которых оказалось театральное искусство после постановления от 26 августа 1946 года, не могли способствовать формированию действительно достойного репертуара. Критики повсеместно осуждали стремление театров к классическому репертуару. Но существующие на тот момент современные пьесы не могли работать на формирование положительного образа советского человека и соответствовать при этом высокому художественному уровню. Вилка, в которую попали актёры и режиссёры, преодолевалась с большим трудом. С одной стороны, требовалась современная драматургия, с другой — постановки осуждались по причине низкой художественной ценности, главным образом из-за драматургического материала.

Положение ещё и усугублялось такими ситуациями, как случай с пьесой Зощенко «Очень приятно». «На одной из <...> встреч М.М. Зощенко прочёл всему составу театра новую комедию „Очень приятно“, — пишет Шимановский в той же статье. — Это весёлая пьеса о советских людях в послевоенной обстановке. Пьеса М.М. Зощенко принята к постановке, она войдёт в репертуар театра в 1946 году»⁹. Но в мае 1946 г. Комитет по делам искусств при СМ СССР по Новгородской области отказывает Шимановскому в постановке этой пьесы¹⁰. Спектакль всё же прошёл десять раз, после чего был снят с репертуара. Васильев отмечает, что постановка не имела успеха у зрителей по причине «безыдейности пьесы»¹¹. Но очевидны другие причины. Обвинение в «безыдейности» было произнесено не зрителями, а известным постановлением «О журналах „Звезда“ и „Ленинград“» от 14 августа 1946 года: «Редакции „Звезды“ известно, что Зощенко давно специализировался на писании пустых, бессодержательных и пошлых вещей, на проповеди гнилой безыдейности, пошлости и аполитичности, рассчитанных на то, чтобы дезориентировать нашу молодёжь и отравить её сознание»¹².

В продолжение темы классического репертуара «Новгородская правда» писала: «Эта тенденция уйти от современности обнаруживается и в возведённом руководителями театра репертуаре на осень 1946 года. Из намеченных четырёх постановок — только

одна пьеса нашего времени. Мы, конечно, отнюдь не хотим сказать, что театр должен отказаться от классического наследия. Но, нам кажется, что пьеса сегодняшнего дня должна занимать должное место в репертуаре театра»¹³. Надо отметить, такая резкая критика репертуара всё же не привела к коренному изменению художественной политики театра. Позднее зрители могли наблюдать преобладание мировой драматургической классики. Даже в «идейных» пьесах Шимановский находил живые человеческие чувства. За что опять же подвергался критике: «На наш взгляд, недостаточно поработала режиссура и над пьесой Афиногенова „Машенька“. Здесь на первый план были слишком выпячены „любовные“ мотивы. А это неправильно. Идея пьесы — крепкая дружба советских людей»¹⁴.

В 1951 году В.В. Шимановский ушёл из театра из-за тяжёлого заболевания. И, как это часто случается, после ухода сильного и уважаемого коллективом руководителя театр испытывал трудности с вновь появляющимися режиссёрами.

В наследство от Ленинградского Малого драматического театра новгородской труппе достался достаточно обширный репертуар военных лет. В подведённых итогах¹⁵ деятельности театра за 1945 год можно ознакомиться с выездным репертуаром коллектива: всего одиннадцать спектаклей, четыре из которых планировалось показать на новой сцене: «Возвращение» К. Симонова (постановка заслуженного деятеля искусств Л.С. Рудника), «Давным-давно» А. Гладкова (режиссёр В.С. Ефимов), «Стакан воды» Э. Скриба (режиссёр Пиршгори), «Мачеха» О. Бальзака (режиссёр А.В. Николаев)¹⁶. Шли ли остальные постановки в Новгороде впоследствии, сейчас сказать трудно. Помимо представлений в Новгороде, известно, что «Без вины виноватые» А.Н. Островского, «Стакан воды» Э. Скриба и «Мачеха» О. Бальзака были представлены на летних гастролях 1946 года во Пскове. В. Иванов, обозревая в «Псковской правде» эти гастрольные дела, делает следующие замечания: «Артистка Любина А.Е. создала <...> образ <...> хитрой, льстивой интриганки Коринкиной („Без вины виноватые“) <...>. Следует отметить актрису Мирзоеву А.А., создавшую сильный образ любящей матери Кручининой („Без вины виноватые“). Хороша Мирзоева и в роли Гертруды („Мачеха“). Актриса Алфимова И.П. имеет ряд актёрских удач, к которым можно отнести создание тёплого и задушевного образа девушки Полины („Мачеха“»¹⁷.

Что из себя представлял спектакль «Возвращение», сейчас сказать невозможно, а вот рецензия на постановку «Давным-давно» сохранилась. Её автор Б. Михайлов на протяжении долгого времени являлся практически единственным театральным рецензентом. В газетных статьях этого автора не проявляются специфические театроведческие методы, скорее, литературоведческие. Возможно, это был один из тех журналистов, который считал себя вправе писать о культуре и диктовать театру «правила поведения».

Патриотическая водеvilльная история Александра Гладкова с музыкой Тихона Хренникова, ставшая хитом благодаря постановке Алексея Попова в 1942 году, прочно вошла в репертуар советских театров и концертных бригад. Чистота и ясность авторской мысли, подлинный

патриотизм и лиризм поднимали боевой дух и после окончания войны. Вариант новгородской труппы в целом рецензент Михайлов за хороший, бодрый темп оценивает положительно и отмечает весёлые реакции и интерес зрителей к сюжету. В отношении исполнителей он тоже ограничивается малозначительными характеристиками. В роли Шуры Азаровой Михайлов видит большую сложность, поскольку «актриса на протяжении четырёх актов почти всё время находится на сцене, и не просто находится, а ведёт за собой всё действие»¹⁸. Его также заботят «элементы трансформации» — необходимость создания образов бравого корнета и миловидной русской девушки. Преодоление этих трудностей актрисой Гайдар приводит автора статьи в восторг: «Зрителю передается волнение девушки, стремящейся на поле брани принести наибольшую пользу родине. И когда, услышав, что Кутузов разрешает ей остаться в полку, Шура забывает „военную выправку“ и по-девичьи радостно вскрикивает, зрители от всего сердца награждают её аплодисментами»¹⁹.

Примерно в таком же тоне критик отзывался и о других исполнителях. Роль Ржевского играл Непокойчицкий, бывший до самой смерти ведущим артистом театра. Можно предположить, что стройность, красота и аристократичные манеры, свойственные самому актёру, и в этой работе проявились, помогая создать образ лихого гусара, не пытающегося комиковать, хотя автор пьесы и подбрасывает весьма привлекательные возможности для реприз. Но Михайлову не хватило в Ржевском лирических ноток в объяснении с Шурой: «Эту же сцену Непокойчицкий проводит в том же несколько грубоватом тоне, как и первое объяснение со своей будущей невестой»²⁰.

В этом спектакле художественный руководитель Шимановский сыграл роль Азарова, чем вызвал неудовольствие рецензента. По его мнению, артисту не хватило темпераментности. Но замечание кажется несправедливым, поскольку эта эпизодическая роль по богатству красок и актёрских возможностей у драматурга значительно уступает другим.

Думается, что весь спектакль «Давным-давно» был построен исключительно на актёрском исполнении, и участие режиссёра В. Ефимова заключалось только в разводе пьесы по ролям. Это было типичное фронтальное представление первой половины 40-х годов для развлечения и поднятия боевого духа.

Постановление «О репертуаре драматических театров и методах по его улучшению» вышло только 24 августа. Но уже осенью этого года театрам настоятельно рекомендовалась современная советская пьеса об актуальных проблемах, и в конце 1945 года режиссёру А.П. Бурлаченко было поручено выпустить спектакль «Чрезвычайный закон» по пьесе братьев Тур и Льва Шейнина.

Кратко о содержании пьесы. На консервном заводе отделом сбыта заведует некий Клембовский. Он занимается всевозможными тёмными комбинациями, крадёт и перепродаёт продукцию с завода. В свою преступную деятельность ему удастся втянуть и директора завода. Тот подписывает подложный наряд на отпуск 100 ящиков консервов. Жулики продают эти консервы по спекулятивной цене

и разницу кладут себе в карман. Но Клембовский допускает промах: он вносит за консервы наличными в кассу, упуская из виду, что банк за перечисление взыскивает комиссионные. Бухгалтер завода Синицын при составлении баланса обнаруживает излишки по кассе и доискивается до подложного наряда. И, несмотря на то, что директор завода является мужем его дочери Леночки, чувство долга советского гражданина берёт верх. Синицын заявляет о преступлении следственным властям. Преступники изобличены²¹.

Противостояние жульничества и честности обыкновенного гражданина — тема далеко не новая в мировой литературе, но, вероятно, театру именно эта пьеса потребовалась по причине возможностей, которые открывала непритязательная детективно-сатирическая комедия.

Как отмечал рецензент, сатирическая сторона постановки актёрам удалась. Клембовского сыграл В. Рубцов, показав в первом акте подхалима, стремящегося угождать начальнику, но с каждой сценой всё больше и больше распускающегося. Правда, и здесь Михайлов находит отрицательные стороны: «...в отдельных местах он (Рубцов — **С.К.**) играет с „нажимом“, хотя текст роли и без того доходчив до зрителя»²². Пафос, который допускал в своём исполнении актёр, диктовался общим острохарактерным решением спектакля, что, как по всей вероятности считал рецензент, противоречило реалистическому духу современного театра. А далее он отмечает, что свою линию «в хорошем гротесковом стиле» вела артистка Лидина в роли жены Клембовского. Отпуская похвалы артистки, Михайлов, увы, не увидел в спектакле чётко обозначенного классического комедийного дзюта.

Трубников — А. Верный — слабовольный человек, и в то же время фразёр. Решение его образа было выдержано совсем в другой манере. Актёр вёл двойную игру. Даже в мимолетных эпизодах, где директор завода кажется человеком, невольно запутавшимся в сетях мошенника, он не вызывал сочувствия. Внешне эффектные слова о долге перед Родиной лишь заставляли зрителя почувствовать «гнилое нутро» персонажа.

Но в центре спектакля, как замечает автор статьи, оказался не Клембовский, а Синицын (артист Горчаков). Это типичный старый служака, для которого вся жизнь сосредоточена в труде. То, что зрителям не казалось смешным волнение героя, обнаруживающего излишек в кассе, убеждает в том, что Горчаков существовал в традиционной психологической манере. Так же, как и М. Модестова в роли его дочери. Когда Леночка узнаёт, что её муж мошенник, «артистический такт ей не изменяет» и она не «сбивается на дешёвый мелодраматический тон».

Но если «Чрезвычайный закон» критик считает «в общем удачным», то вторую постановку Бурлаченко прямо называет неудачей. С оговоркой «почти», но в данном случае её не стоит воспринимать серьёзно. Посредственная пьеса Б. Ласкина «Школьные товарищи» не понравилась не только строгому рецензенту, но и публике. Спектакль прошёл девять раз и был снят с репертуара.

Примечательно, что в связи с этим спектаклем Михайлов впервые говорит о работе, проделанной режиссёром: «Постановщик как будто распределил исполнителей по полочкам. <...> И поэтому в плане чистой

комедии играют лишь Модестова (штурман) и Разгуляев (секретарь горсовета). Остальные, начиная с героини пьесы лётчицы Кати (артистка Гайдар) и кончая самыми второстепенными персонажами, старательно разыгрывают авантюрно-драматическую пьесу»²³. Сложность реконструкции этого спектакля заключается и в том, что Михайлов с трудом представлял себе «путь, который выбрал постановщик» (как он сам это определяет).

Далее следует традиционный разбор актёрской игры, тоже, по мнению автора статьи, неудовлетворительной. А. Верный придаёт своему персонажу нарочитую таинственность вместо легкой иронии, старается предстать перед зрителем «загадочным простаком», чем отяжеляет роль и «выхолащивает из образа Павла самое ценное — молодость»²⁴. Катя — Гайдар не соответствует замыслу драматурга, она не только не подражает мужчинам, но и тоже утяжеляет роль, представляя «какой-то странной девушкой». Затем критик обвиняет Шимановского в плохой дикции, а ведь его персонаж является чем-то вроде ведущего, рассказчика, объясняющего поведение остальных героев. Резонёрство артиста также не удовлетворяло рецензента, видевшего у автора пьесы иронию. Несколько благосклонных откликов досталось на долю Модестовой и Разгуляева. Водивильный немецкий староста (исполнитель неизвестен) в этой работе, по его мнению, видимо, соответствовал «чистой комедии». Но зато не соответствовал образу врага, отличающегося «коварством и злобой, а отнюдь не придурковатой простотой»²⁵.

Тем не менее Михайлов говорит о «почти неудаче», потому что «театр все же нашёл неплохой темп спектакля, отдельные исполнители правильно поняли характер пьесы»²⁶.

Из классической драматургии с военных лет до 1949 года сохранялась постановка пьесы А.Н. Островского «Поздняя любовь». С этим автором у театра всегда были особые отношения, сохраняющиеся и по сей день. Спектакль можно считать первым в ряду работ, представивших новгородскому зрителю всё каноническое наследие драматурга.

«Поздняя любовь» была довольно мелодраматичным, но не пошлым спектаклем. Традиционное прочтение пьесы не могло помешать актёрам создавать приподнятые, благородные характеры. Алфимова в роли Людмилы Маргаритовой показывала мягкую, возвышенную девушку, впервые горячо полюбившую. Её целомудренная, чистая любовь и готовность к самопожертвованию завоевали симпатию зрителя.

Роль Шаблова не случайно была поручена Н. Непокойчицкому. С первых же сцен требовалось показать, что «Николай не может лгать, что обстановка, в которую он попал, угнетает его и он ищет правильный путь в жизни»²⁷. Какими средствами актёру удавалось преодолеть «трудности роли» в начале спектакля, где Шаблов «выведен как бы отрицательным персонажем», остаётся неизвестным. Но видно, что решение этого персонажа было вдохновляемо представлением о воспитательной функции театра, его идеологическим воздействием на молодого зрителя. Нелегкая психологическая нюансировка драматурга, связанная с мелодраматическим «перерождением» в финале, была упрощена, чтобы

показать героя, борющегося с враждебным миром, изначально обладая правильными нравственными установками.

Фоном для невинности Людмилы и поисков Шаблова служил К. Тягунов — Маргаритов, который, как писал Михайлов, «производит большое впечатление» «задушевностью» и «хорошими реалистическими тонами». «Гротескно» (что, вероятно, следует понимать, как острохарактерно) Любина играла молодую легкомысленную вдову Лебедкину. Комичность и простота В. Рубцова — Дормедонта добавляли спектаклю ощущения высокой театральной старины, ещё ярче оттеняя прямолинейность и современность главных персонажей.

Постановка В. Шимановского «Без вины виноватые» сошла с репертуара на год раньше «Поздней любви». С чем это связано, сказать трудно. Но в отличие от этого спектакля, в работе над «Без вины виноватыми» режиссёр начисто отмёл малейшую возможность поверхностной мелодраматичности. В спектакле была снята всякая декламация в монологах Кручининой и Незнамова. «Просто, жизненно ведёт финальную сцену узнавания сына артистка Мирзоева, без трафаретного надрыва, свойственного исполнительницам этой роли во многих провинциальных театрах»²⁸.

Непокойчицкий же играл Незнамова, израненного жизненными обстоятельствами, нервного и раздражительного, но не потерявшего веры в людей. Его Незнамов в то же время был борцом за правду и справедливость, всегда готовым к отпору злу и насилию, непременно подразумевающимися в любых постановках театра тех лет. Конфликт обострялся социально-идеологической борьбой пусть с воображаемым противником, сила которого сродни дьявольской. Так что если даже в спектакле отсутствовала декламация, революционно-патриотический пафос присутствовал.

Примечательно, что только в этом спектакле Михайлов благосклонно отнесся к работе В. Рубцова (Шмага). Рецензент увидел «человека, выброшенного беспощадной действительностью торжества неравноправия и власти денег на дно жизни»²⁹. Он не смешил, а заставлял плакать зрителей.

Но несмотря на такие нетрадиционные, как показалось критику, образы, общее решение спектакля трактовалось режиссёром в известном духе. «Постановщику удалось заострить социальную идею „униженных и оскорбленных“, раскрыть тему „маленького человека“, его беззащитного положения в эксплуататорском обществе»³⁰.

Противостоянию «эксплуататорскому обществу» был посвящён и другой спектакль Шимановского, поставленный уже специально для новгородского театра — «Последняя жертва» А.Н. Островского. Душевная чистота Юлии Тугиной противопоставлялась окружающей среде. Вполне возможно, что приёмы, найденные А. Мирзоевой для роли Кручининой, получили развитие при работе над этой пьесой. Юлия в её исполнении была романтически приподнята, оставаясь в то же время земной женщиной. Есть свидетельство Васильева, беседовавшего с актрисой, которая рассказывала, что режиссёр тактично удерживал её от излишнего нажима. В сцене, когда героиня приходит просить денег у Флора Федулыча, Мирзоева показывала, как, переломив себя, Тугина старается очаровать богатого старика, садясь на

ручку его кресла. «Актриса рассказывает, что после слов Флора Федулыча (артист Ф.А. Грязнов) о том, чтобы она изволила „сидеть на кресло“, она чувствовала себя так, будто сидела на раскалённых углях. А.А. Мирзоева вспоминает, что каждый спектакль „Последняя жертва“ был для неё настоящим праздником. Она заранее настраивала себя, стараясь с утра, в день спектакля, быть мягкой, уравновешенной. При первом же появлении Юлии на сцене она показывала в ней сочетание умиротворённости с огорчением»³¹. О каком огорчении, даже в сочетании с умиротворением в начале спектакле идёт речь — остается непонятным. Вплоть до упоминания Глафиры Фирсовой о приезде Флора Федулыча Юлия как раз «романтически приподнята». Возможно, под этим подразумевалась мягкость и уравновешенность исполнения, которых не оценил Михайлов: «Единственный упрёк, который можно сделать артистке — это некоторая скованность в движении. Ведь у Островского Юлия — молодая вдова и поэтому в сценах её с Дульчиным хочется видеть порывистость, страстность. Этого в игре Мирзоевой не хватает»³². Требуя порывистости, рецензент обнаруживает страсть к крайнему пафосу, доселе присутствовавшему в других постановках. Но именно в «Последней жертве» Шимановский постарался заглянуть в глубину страдающей души, а для этого требовалась совсем другая манера исполнения, лишённая страстных порывов, рискующих привести мелодраматизм и банальность. Внутреннее благородство не могло позволить Тугиной даже в страстных словах опускаться до Дульчина, в котором, возможно, уже чувствовала изъяз.

В образе Флора Федулыча Шимановский увидел историю перерождения под воздействием благородной натуры. Ф. Грязнов в своём персонаже «обнажил и известное сластолюбие старика-миллионера и в то же время ярко показал его благородное и сильное сердце»³³. От акта к акту раскрывались всё новые положительные качества Флора Федулыча, составляя пару Тугиной в борьбе с «бульдогами» «эксплуататорского общества».

Художник спектакля Д. Попов не стал отступать от ремарок драматурга и для каждой сцены создал убедительную бытовую обстановку. В комнате Дульчина стоял огромный полукруглый диван, буквально во всю сцену висел огромный ковер. Дульчин (А. Верный) выходил в восточном халате, курил трубку. Во всём чувствовалась лень и барственность. Иная обстановка у Флора Федулыча, говорящая о том, что это европеизированный купец: массивная мебель, тяжёлые статуэтки, показной блеск. И среди таких бытовых подробностей разворачивалась романтическая история о женщине, сумевшей сохранить чувство собственного достоинства, проявить гордость, которую не смогли сломить авантюристы типа Дульчина («этого своего рода Кречинского», по замечанию Михайлова).

Успех этих двух постановок, видимо, ободрил Шимановского на постановку ещё одной комедии А.Н. Островского — «Счастливые дни», написанной в соавторстве с Н.Я. Соловьёвым. Об этом спектакле, к сожалению, сохранилось совсем небольшое свидетельство в «Новгородской правде». Спектакль выпускался очень быстро (весна 1946 года), и режиссёр на этот раз не заболел о глубоком раскрытии образов. Для него важно

было показать динамичную, бодрую, поучительную историю. Отдельные актёрские неудачи Михайлов объяснял недостатками пьесы, замечая, правда, в Нивине «что-то чеховское». А про оформление спектакля С. Мамоновым, главным художником, можно сказать, что зрители видели «при ограниченных материальных ресурсах приятную для глаз декорацию»³⁴.

Из зарубежной классики для первого сезона в Новгороде была выбрана пьеса Карло Гольдони «Забавный случай». В репертуаре требовался лёгкий, жизнерадостный спектакль, в котором можно было «побуффонить», где «всегда любовь торжествует» и где «всегда кто-то остается одураченным»³⁵.

Какой-то интерес может представлять назначение на роль Филиберта артиста Грязнова, участвовавшего до этого только в серьёзных, «драматических» постановках (например, Флор Федулч — «Последняя жертва»). Понятно, что и роль старика, считающего себя хитрее других и оказавшегося в конце концов одураченным влюблённой парой, актёр играл несколько сдержанно. Мягкий юмор и отсутствие грубого шаржа, излишнего комикования по выражению рецензента составляли основу образа.

Особо автор статьи выделяет женский состав исполнителей. Действительно, контраст, который составляла Жаннина — Т. Острогорская (дочь Филиберта, воплощающая и девичье лукавство, и девичью чистоту) и Марианна — М. Модестова (камеристка Жаннины, хитрая и разбитная, типично гольдониевская служанка), подкупал зрителя, заставляя его радоваться неприязнительному, но мастерскому актёрскому исполнению.

И если лиричность Констанции — Ефимовой и Де Лакотри — Непокойчицкого пришлась Михайлову по вкусу, то два сатирических персонажа комедии подверглись строгой критике. По мнению автора заметки, «У Гольдони слуга — это всегда на вид простоватый, но с хитрым умом малый, что позволяет ему чувствовать даже превосходство над господами»³⁶. Но исполнитель роли Гасконя Введенский решал персонажа только через внешний, утрированный пластический рисунок, «посредством скороговорок и беотни по сцене». С внешним выражением переусердствовал и В. Алексеев в роли откупщика Рикарда, игравший «прямолинейно и грузно».

Успех этого спектакля, видимо, побудил Шимановского поставить в конце сезона ещё одну комедию Гольдони. «Хитрая вдовушка и её четыре поклонника» шла до 1948 года, уступив место в репертуаре «Хозяйке гостиницы». Режиссёр так себе представлял эту пьесу: «Это карнавальная комедия-шутка на тему о наказанном непостоянстве в любви и вознаграждённой верности, с замысловатой фабулой, с сатирически очерченными персонажами, отчасти напоминающими традиции „Комедии масок“, с весёлыми отзвуками венецианских карнавалов и беззаботно-счастливым чувством жизни»³⁷.

Как можно судить по заметке в газете³⁸, художнику Н. Мамонову удалось создать на сцене ощущение карнавала, изобразив Венецию с её каналами. Что касается актёрского исполнения, то дух итальянской комедии сохранял только Арлекин — А. Верный. Это был традиционный слуга, ловкий, остроумный, высмеивающий других персонажей. Неудачи четырёх поклонников

опять же были связаны с распределением ролей. Грязнов (мсье Ле Бло) и Непокойчицкий (дон Альваро) пытались найти глубокий психологический тон в карикатурных персонажах. Верный (граф Браско Неро) вообще привносил в спектакль неоправданный драматизм, так же, как и Любина в главной роли Розауры. Доверять непрофессиональному взгляду автора заметки об этом спектакле сложно, но очевидно одно, что не было найдено общего решения спектакля, и актёры разностилевым исполнением разрушали ансамбль.

Последний спектакль, выпущенный в этом сезоне, был поставлен актёром новгородского театра К. Тягуновым, оформлением занималась Острогорская (актриса театра). Можно смело предположить, что «Лгунья» по пьесе Мейо и Эннекена была выбрана в качестве спектакля для гастролей по области, не требующего больших затрат и привлекающего к работе молодой состав труппы. Тягуновым был придуман своеобразный пролог, в котором зрители знакомились со всеми действующими лицами. «Режиссёр и исполнители показали весёлый и жизнерадостный спектакль»³⁹, — писал Михайлов.

Таким образом, за первый сезон своей работы новгородский театр показал 15 постановок, шесть из которых были премьерными. Собрав скудные сведения о том, как выглядели эти спектакли, можно сказать, что главный художник театра Н. Мамонов и другие оформители находили пути скромного, но убедительного сценографического решения. Обстановка «Последней жертвы» и венецианские каналы «Хитрой вдовушки» не могли захватывать воображение, но вкус, который отмечали рецензенты, всё же поддерживал работы на достойном уровне.

О передовом и сильном искусстве приходилось только мечтать, так как, несмотря на неудовольствие критики, публика требовала в первую очередь развлечения. Хотя уже спустя два сезона в репертуаре театра начнут преобладать значительные пьесы, такие как «Коварство и любовь» Ф. Шиллера, «Нора» Г. Ибсена, «Маленькие трагедии» А.С. Пушкина (так называемый «Пушкинский спектакль», подсказанный, вероятно, известной работой МХАТа), и даже работе над классическими комедиями будет уделяться больше внимания, с учётом индивидуальности и возможностей актёров. Нельзя сказать, что в постановке классики Шимановский делает какие-либо художественные открытия. Слишком жёстко диктовались рамки трактовок того же А.Н. Островского. Поэтому своей задачей режиссёр ставил донесение до зрителей традиционных, но глубоких прочтений живых характеров, вызывающих подлинное сочувствие. Помочь зрителям пережить тяжёлые годы, поверить в то, что выбранный путь — правильный, поддержать верой в прекрасное — хотя бы за это стоит благодарить художественного руководителя новгородского театра. Тем более, что нелёгкое материальное положение заставляло его решать свои спектакли в намеренно минималистичном духе, как свидетельствует С. Данилов. Но иногда в рецензиях находила отражение впечатляющая работа художника.

Ныне Новгородский академический театр драмы им. Ф.М. Достоевского уже вступил в новый век, позволяющий открывать новые горизонты творчества. Скромная история первых послевоенных лет — важный этап в жизни этого театра, как память о традициях, людях

и спектаклях, которые помогали людям не терять оптимизм и веру в завтрашний день. Можно много спорить о художественной ценности театральных произведений

той эпохи, но несомненно то, что зрители видели лучшее в условиях маленького областного города силами талантливой, заново формирующейся труппы.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Шимановский В. К открытию театра в Новгороде // Новгородская правда. 1945. 16 декабря.

² Отчёт о работе театра за 1947 год. ГАНО. Р-1794. Оп. 2. Д. 22. Л. 20.

³ См.: Данилов С.С. Тридцать лет в театре. Новгород. 1948.

⁴ Васильев А. Творческий путь Новгородского областного театра драмы. Рукопись.

⁵ Шимановский В. Творческие перспективы Новгородского театра драмы // Новгородская правда. 1946. 14 апреля.

⁶ Васильев А. Творческий путь...

⁷ Там же.

⁸ Шимановский В. К открытию театра...

⁹ Там же.

¹⁰ Отчёт о работе театра за 1947 год... Л. 17.

¹¹ Васильев А. Творческий путь...

¹² Постановление Оргбюро ЦК ВКП(б) «О журналах „Звезда” и „Ленинград”» 14 августа 1946 г. // Власть и художественная интеллигенция. Документы ЦК РКП(б)–ВКП(б), ВЧК–ОГПУ–НКВД о культурной политике. 1917–1953. М., 1999. С. 587.

¹³ Михайлов Б. К итогам театрального сезона в Новгороде // Новгородская правда. 1946. 16 июня.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Отчёт о работе театра за 1947 год... Л. 4.

¹⁶ Шимановский В. К открытию театра...

¹⁷ Иванов В. Закончились гастроли Новгородского театра // Псковская правда. 1946. 16 августа.

¹⁸ Михайлов Б. «Давным-давно» (Спектакль областного драматического театра) // Новгородская правда. 1945. 23 декабря.

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же.

²¹ Михайлов Б. «Чрезвычайный закон» // Новгородская правда. 1945. 30 декабря.

²² Там же.

²³ Михайлов Б. Почти неудача // Новгородская правда. 1946. 3 марта.

²⁴ Там же.

²⁵ Там же.

²⁶ Там же.

²⁷ Михайлов Б. Удачный спектакль («Поздняя любовь» Островского в Новгородском театре) // Новгородская правда. 1946. 13 января.

²⁸ Михайлов Б. «Без вины виноватые» // Новгородская правда. 1946. 16 марта.

²⁹ Васильев А. Творческий путь...

³⁰ Михайлов Б. «Без вины виноватые»...

³¹ Васильев А. Творческий путь...

³² Михайлов Б. «Последняя жертва» // Новгородская правда. 1946. 2 марта.

³³ Там же.

³⁴ Михайлов Б. «Счастливый день» (Новая постановка Новгородского театра драмы) // Новгородская правда. 1945. 1 мая.

³⁵ Михайлов Б. «Забавный случай» (Новая постановка Новгородского драматического театра) // Новгородская правда. 1946. 16 января.

³⁶ Там же.

³⁷ Шимановский В. Творческие перспективы Новгородского...

³⁸ Касторский С. О спектакле «Хитрая вдовушка и её четыре поклонника» // Красная искра. 1947. 6 июня.

³⁹ Михайлов Б. «Лгунья» // Новгородская правда. 1946. 2 июня.

К 75-летию филологического факультета НовГУ, используя архивные материалы, авторы статьи предприняли попытку реконструировать начальный этап развития факультета и представить имена людей, стоявших у истоков филологического образования в НГПИ–НГУИ в 30-е гг. XX века. Именно этот период оказался менее исследованным и освещённым в печати.

Л.А. Вавилова

Е.В. Откидач

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

Отделение языка и литературы НГПИ–НГУИ
в 30-е годы XX века

В 1930–1931 учебном году в стране приступили к введению всеобщего обязательного обучения в объёме школы-семилетки. Была чётко определена новая структура школьного образования: начальное, семилетнее, среднее.

Увеличение срока обучения и усложнение задач, стоявших перед народным образованием, потребовали педагогических кадров высшей квалификации. В связи с этим в сентябре 1932 года на базе педагогического техникума открылся Новгородский Государственный педагогический институт имени М.Н. Покровского, имевший четыре отделения: языка и литературы, историческое, физико-математическое, естественное.

К 1933 году в процессе формирования структуры института уже было создано шесть кафедр: языка и литературы, педагогики, истории, физики и математики, биологии и ботаники, социально-экономических наук. Кроме того, со студентами в обязательном порядке проводились занятия по физической культуре и военному делу¹.

Согласно распоряжению Наркомпроса, в феврале 1934 года был сформирован первый Совет института, регламентирующий деятельность института и его структурных подразделений², а для улучшения качества преподавания на всех отделениях института были созданы кабинеты, в том числе на отделении языка и литературы: кабинет языкознания, истории русского языка, стилистики и лексики, русского языка, мировой литературы, истории литературы³.

Продолжающаяся реорганизация системы образования, направленная на ускорение подготовки учителей, коснулась и НГПИ. В итоге 31 августа 1935 г. Новгородский педагогический институт получает статус государственного учительского института (НГУИ) с двухгодичным сроком обучения и двумя факультетами: филологическим и историческим.

На основании приказа Управления подготовки учителей Наркомпроса в обязанность двухгодичным учительским институтам вменялось обеспечение подготовки полноценных учителей-специалистов для неполных средних школ: на историческом отделении готовили учителей гражданской истории, на отделении языка и литературы — учителей языка и литературы⁴.

Несмотря на то, что в учительском институте осталось всего два факультета, число студентов ежегодно увеличивалось. Если в июне 1933 года из первого набора студентов отделения языка и литературы на второй курс было переведено 24 человека⁵, в 1935/1936 учебном году их насчитывалось 165 человек⁶, в 1936/1937 учебном году — 207, то в 1940 г. их уже обучалось 266 человек⁷.

Ускоренная подготовка учителей требовала чёткого отбора изучаемых дисциплин, о чём свидетельствуют учебные планы на 1935/1936 учебный год⁸.

1 КУРС

Название дисциплины	Вид занятий/ Количество часов		
	Всего	Лекции	Семинары
История древнего мира	28	28	
История средних веков	28	28	
История нового времени	30	30	
История СССР	86	70	16
Психология	38	38	
Педагогика	120	80	40
Общее языкознание	38	38	
Русский язык:			
а) стилистика	86	60	26
б) история русского языка	57	57	
в) грамматика и лексика	97	70	27
Теория литературы	38	34	4
Русская литература:			
а) фольклор	32	32	
б) древняя русская литература	44	44	
в) новая русская литература	120	90	30
Всеобщая литература:			
а) античная	38	30	8
б) средневековая	48	40	8
Военное дело	36		36
Педагогическая практика	48		48
Часов	1012	796	243

2 КУРС

Название дисциплины	Вид занятий/ Количество часов		
	Всего	Лекции	Семинары
История СССР	57	57	
Русский язык: а) грамматика и лексика б) история русского языка	82 57	50 57	32
Теория литературы	38	38	
Фольклор	32	32	
Русская литература: а) новая русская литература	76	50	26
Всеобщая литература: а) литература нового времени б) новая западная литература	95 44	85 40	10 4
Методика русского языка и литературы	123	63	60
Военное дело	82		82
Педагогическая практика	212		212
Часов	986	530	456

Согласно Положению Комитета по делам высшей школы от 25 декабря 1936 г. экзамены проводились в течение всего семестра непосредственно по окончании чтения лекций по всей дисциплине или по самостоятельным её разделам. Последние сроки сдачи экзаменов за текущий учебный год устанавливались, как правило, в конце мая — июне⁹.

В 1938 году во исполнение Приказа Всесоюзного комитета по делам высшей школы директорам институтов для установления должного порядка в организации курсовых экзаменов и зачётов предлагалось составлять расписание экзаменов и проводить их в установленные учебным планом сроки. В том случае, когда курс оканчивался в течение семестра, директору предоставлялось право разрешать студенту сдачу экзамена непосредственно по окончании курса¹⁰.

На основании распоряжения Всесоюзного комитета по делам высшей школы при СНК СССР от 17 января 1939 года для выпускников по специальности «Русский язык и литература» были введены следующие государственные экзамены: «История ВКП(б)», «Русский язык и русская литература», «Педагогика»¹¹.

По плану распределения студенты, оканчивающие Новгородский учительский институт, получали направления на работу в различные регионы Советского Союза: Ленинградскую, Вологодскую, Архангельскую, Новосибирскую, Читинскую, Иркутскую области, Белорусскую, Киргизскую, Туркменскую ССР, Приморский край, Карельскую, Мордовскую, Якутскую АССР.

В свободное от учебных занятий время преподаватели и студенты участвовали в «Мероприятиях единого календаря работы учебных и общественных организаций» института: в семинарах агитаторов и пропагандистов, в военных и клубных, комсомольских и профсоюзных днях, различного рода спортивных соревнованиях и конкурсах, вечерах по случаю окончания учебного года и юбилейных дат¹². Студентов награждало руководство института за отличную успеваемость, преподавателей — за упорную и настойчивую работу по повышению своей научной квалификации.

В архивах сохранились документы, позволившие составить представление и о профессорско-преподавательском коллективе института того времени.

Со времени создания отделения языка и литературы по 1940-й год его преподавателями были:

Виктор Иванович

Борковский — первый заведующий кафедрой русского языка и литературы, кандидат филологических наук без процедуры защиты. Выпускник этнолингвистического факультета Петроградского университета, специализировавшийся под руководством академика Е.Ф. Карского по языку древнерусских памятников. Вероятно, возможность работать с текстами древних памятников новгородской письменности и была причиной его переезда в Новгород.

В.И. Борковский

В Новгородском педагогическом институте он вёл курсы общего языкознания и истории русского языка, современного литературного русского языка, литературу народов СССР и занятия по фольклору. Работал в институте с 1932 по 1934 г. Из-за болезни сына семья Борковских в 1934 г. переехала в Одессу¹³.

В.И. Борковский впоследствии стал видным учёным в области языкознания. С 1950-х гг. он принимал активное участие в изучении и издании новгородских берестяных грамот. Наиболее значительные работы В.И. Борковского были посвящены изучению исторического синтаксиса русского языка. В частности, за «*Синтаксис древнерусских грамот*» в 1950 г. ему была присуждена докторская степень.

В 50—60 гг. XX вв. в качестве заместителя, а потом директора, он возглавлял Институт языкознания АН СССР. С 1960 г. в Институте русского языка АН СССР заведовал созданным им сектором сравнительно-исторических исследований синтаксиса восточнославянских языков.

В эти годы под его редакцией и при его участии была подготовлена четырёхтомная монография «*Сравнительно-исторический синтаксис восточнославянских языков*» (1968—1974 гг.). В соавторстве с П.С. Кузнецовым он выпустил в 1963 г. популярный учебник «Историческая грамматика русского языка», в составе редколлегии принял участие в подготовке издания «Историческая грамматика русского языка. Синтаксис». Виктор Иванович был главным редактором журналов «Русский язык в школе» и «Русская речь», первым заместителем председателя Советского комитета славистов; членом-корреспондентом (1958), академиком (1972) АН СССР¹⁴.

Александр Петрович Георгиевский — уроженец Боровичского уезда Новгородской губернии, выпускник Новгородской духовной семинарии и Санкт-Петербургской духовной академии. Впоследствии окончил археологический институт и славяно-русское отделение Санкт-Петербургского университета. Филолог, специалист по славяно-русской палеографии, профессор. На момент приезда в Новгород был автором 65 работ и публикаций.

С 1932 по 1940 г. Александр Петрович читал спецкурсы по истории русского языка и диалектологии, русскому фольклору, литературе периода феодализма¹⁵.

Елизавета Васильевна Митропольская — выпускница двух Ленинградских вузов: психоневрологического института и государственного университета, по окончании которого получила специальность «Преподаватель русского языка и литературы». В 1932/1933 учебном году она была ассистентом курса по литературе: «Практика устной и письменной речи»¹⁶.

Семён Анатольевич Семёнов-Зусер — известный историк-антиковед, профессор. Читал лекции по истории античной литературы¹⁷.

Геннадий Иванович Лебедев по окончании Северо-Кавказского Государственного университета и аспирантуры был направлен на работу в НГПИ по распоряжению Наркомпроса в качестве исполняющего обязанности доцента летом 1933 года. После реорганизации института в 1935 году его назначили деканом факультета языка и литературы, который он возглавлял вплоть до Великой Отечественной войны. Г.И. Лебедев вёл теорию литературы, новую русскую литературу XX века.

В марте 1938 г. Высшей аттестационной комиссией Всесоюзного комитета по делам Высшей школы при СНК СССР Г.И. Лебедев был утверждён в звании доцента по кафедре «Русская литература». В июне 1941 г. дирекция института обратилась в Наркомпрос с ходатайством об утверждении Г.И. Лебедева в должности заместителя директора института по научной и учебной работе¹⁸.

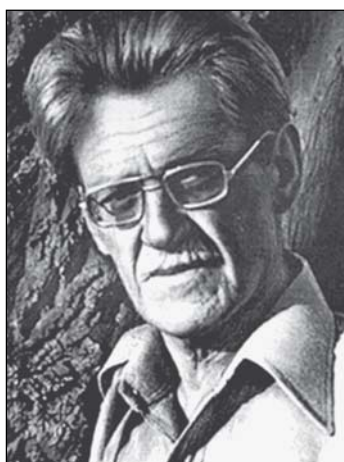
В.Н. Васильев — работал в должности ассистента и вёл курс русской литературы и истории русской литературы¹⁹.

Леонид Сергеевич Троицкий — доцент, выпускник историко-филологического факультета Санкт-Петербургского университета. Преподавал русский язык и литературу в учебных заведениях Санкт-Петербурга (Ленинграда): реальном училище, Промышленной Академии ВСНХ, Государственном педагогическом институте им. А.И. Герцена, педагогическом институте им. М.Н. Покровского.

В НГПИ—НГУИ в 1933—1936 гг. читал курс истории литературы эпохи промышленного капитализма и вёл практические занятия по русской литературе.

Автор ряда учебников и материалов по русской литературе²⁰.

Виталий Александрович Закруткин — известный советский писатель, автор произведений, среди которых наиболее известны «Матерь человеческая», «Сотворение мира». Лауреат Государственных премий.

В.А. Закруткин

В 1932 году Виталий Александрович экстерном окончил Благовещенский педагогический институт.

В архиве Новгородского учительского института в деле Виталия Закруткина сохранилось письмо, датированное 1 июня 1933 года, директору Новгородского педагогического института им. Покровского. «Если в институте с осени 1933—1934 учебного года будет иметься вакантное место ассистента при кафедре литературы, прошу известить меня, не сможет ли Дирекция принять меня

на работу. Часть моей семьи живёт в Новгороде. В настоящий момент работаю преподавателем литературы рабфака Тихоокеанского института Дальне-Восточного края и курсов по подготовке в ВУЗ». Новгородский педагогический институт, в лице его директора П.М. Кимена, сообщил Закруткину, что может предоставить ему ассистентскую работу на кафедре литературы. 15 июля 1933 года будущий ассистент уведомил дирекцию своим согласием и выслал все полагающиеся документы. В конце этого же месяца В.А. Закруткин с женой и сыном приехали в Новгород. Институт предоставил им для жилья одну из келий бывшего Антониева монастыря. Виталий Александрович был принят совместителем на кафедру литературы, вёл практические занятия по устной и письменной русской речи. В это же время он сдал экзамены в аспирантуру при педагогическом институте им. А.И. Герцена в Ленинграде. Было трудно, но аспирант сумел успешно сочетать учёбу и работу. В Новгородском институте он одно время был заведующим культурно-массовым сектором местного комитета. Последний документ из его «Личного дела» свидетельствует о том, что «преподаватель Новгородского педагогического института им. М.Н. Покровского Закруткин Виталий Александрович со снабжения при институте снят с 1 сентября 1934 года»²¹.

Григорий Васильевич Денисевич — выпускник Воронежского государственного университета и аспирантуры Воронежского государственного педагогического института. Приехал по направлению в Новгородский государственный педагогический институт на должность доцента, преподавал общее языкознание и современный русский язык. Проработал всего один учебный год.

В послевоенные годы, став учёным-диалектологом, более 30 лет руководил кафедрой русского языка Курского педагогического института, издал свыше 75 научных работ, подготовил около 20 научных работников для вузов страны²².

Александр Иларьевич Германович окончил Нежинский педагогический институт и аспирантуру Ленинградского научно-исследовательского института языкознания, защитил кандидатскую диссертацию «Междометия как часть речи в русской грамматике» (1934 г.). Вёл курс общего языкознания и истории русского языка²³.

Ю.А. Брегетова, ассистент, вела стилистику, ей же было поручено вести четыре кружка по ликвидации орфографической неграмотности среди студентов.

Руденко, доцент, читал курс лекций по древней литературе²⁴.

А.С. Григорьев, профессор, с 1935 года читал лекции по курсу мировой литературы²⁵.

А.П. Бобров, доцент, с марта 1935 года вёл методику русского языка²⁶.

Николай Григорьевич Порфиридов — уроженец Новгородского уезда, выпускник Новгородской духовной семинарии, а затем Петербургского археологического

Н.Г. Порфиридов

института. С 1918 года заведовал Управлением Новгородских губернских музеев. В 1920—1930-е годы Порфиридов занимался организацией новых музеев, сохранением и постановкой на учёт наиболее ценных памятников искусства, формированием новых музейных коллекций.

Николай Григорьевич сумел привлечь лучших российских учёных к изучению новгородских памятников.

С 1932 года работал в Новгородской секции Института истории Академии наук СССР. Был репрессирован в 1933 г., после возвращения из ссылки ему было разрешено работать в НГПИ.

В архивных документах сохранились сведения о том, что в 1937 году Порфиридов заведовал кабинетом языка и литературы, позднее был секретарём литературного отделения²⁷.

А.Н. Белоруссов — с августа 1938 года²⁸ и. о. профессора по методике русского языка и литературы.

В марте 1939 года в штате отделения языка и литературы значились преподаватели: **М.И. Козлова**, **А.Д. Сазонова**, **Е.П. Макаренко**, **П.И. Калецкий**²⁹.

Илья Сергеевич Гудков — выпускник Калининского педагогического института по специальности «Преподаватель русского языка и литературы», окончил аспирантуру. В 1937—1938 гг. работал преподавателем русского языка и литературы в Ханты-Мансийском национальном педагогическом техникуме Омской области.

В 1939 г. по направлению Наркомпроса приехал работать в Новгородский государственный учительский институт, где читал лекции и проводил практические занятия по дисциплинам: «Фольклор», «Древняя русская литература» и «Русская литература XVIII века». Был назначен руководителем педагогической практики студентов. Со студентами занимался собиранием памятников устного народного творчества. Совмещал педагогическую работу с работой над кандидатской диссертацией на тему «Хантыйское народное творчество». Работы по северному фольклору отмечены Академией наук СССР и Наркомпросом³⁰.

Преподавателем языкознания и методики русского языка и литературы 26 июня 1940 г. был принят кандидат филологических наук **М.И. Гуревич**, а преподавателем по курсу западной литературы — **И.В. Лукашенко**.

На кафедре русского языка и литературы на 18 июля 1940 года состояло шесть штатных сотрудников: два профессора, три доцента и один старший преподаватель. Нештатных сотрудников-совместителей — семь: два доцента, три старших преподавателя, два ассистента и три единицы учебно-вспомогательного персонала.

Можно с уверенностью сказать, что у истоков становления филологического образования в НГПИ—НГУИ стояла когорта высокопрофессиональных, преданных своему делу специалистов.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Архив ИГУМ НовГУ. Оп. 1. Св. 5. Д. 3737. Л. 55—61.

² Там же. Св. 5. Д. 3740. Л. 45.

³ Там же. Св. 5. Д. 3739. Л. 8.

⁴ Там же. Св. 5. Д. 3744. Л. 40.

⁵ Там же. Св. 5. Д. 3737. Л. 45—47.

⁶ Там же. Св. 5. Д. 3745. Л. 100—101.

⁷ Там же. Св. 7. Кн. 35. Л. 100—101, 103—109.

⁸ Там же. Св. 5. Д. 3743. Л. 30, 32.

⁹ Там же. Св. 7. Кн. 30. Л. 15.

¹⁰ Там же. Св. 7. Кн. 32. Л. 124.

¹¹ Там же. Св. 7. Кн. 34. Л. 70—71.

¹² Там же. Св. 7. Кн. 35. Л. 160.

¹³ Там же. Св. 5. Д. 3740. Л. 53.

¹⁴ Там же. Св. 2. Д. 110. Личное дело В.И. Борковского.

¹⁵ Там же. Св. 1. Д. 36; Св. 1-а. Д. 296. Личное дело А.П. Георгиевского.

¹⁶ Там же. Св. 1. Д. 63. Личное дело Е.В. Митропольской.

¹⁷ Там же. Св. 5. Д. 3737. Л. 55—58.

¹⁸ Там же. Св. 1. Д. 56. Личное дело Г.И. Лебедева.

¹⁹ Там же. Св. 5. Д. 3737. Л. 55—58.

²⁰ Там же. Св. 5-д. Д. 670. Личное дело Л.С. Троицкого.

²¹ Там же. Св. 3. Д. 182. Личное дело В.А. Закруткина.

²² Там же. Св. 2. Д. 120. Личное дело Г.В. Денисевича.

²³ Там же. Св. 19. Д. 2387. Личное дело А.И. Германовича.

²⁴ Там же. Св. 5. Д. 3739. Л. 22, 115.

²⁵ Там же. Св. 5. Д. 3746. Л. 19.

²⁶ Там же. Св. 5. Д. 3746. Л. 67.

²⁷ Там же. Св. 7. Кн. 32. Л. 115.

²⁸ Там же. Св. 7. Кн. 34. Л. 79.

²⁹ Там же. Св. 7. Кн. 34. Л. 170б.—18.

³⁰ Там же. Св. 26. Д. 2683. Личное дело И.С. Гудкова.

³¹ Там же. Св. 52. Д. 3915. Л. 43, 54об.

ИСТОРИЯ СЕМЬИ – ИСТОРИЯ СТРАНЫ

Человеку свойственно хранить память о предках, обращаясь, например, к знаменательным датам истории семьи, поддерживать родственные, кровные и свойственные связи с современниками и потомками. По мере того как эти действия проявляются в повседневной практической деятельности личности, они и определяют индивидуальное сознание и формируют генеалогическую культуру человека.

С другой стороны, человек, являясь частью общества, проявляет себя в сфере общественных ценностей и отношений. В этом случае его личные убеждения попадают под влияние общей морали и становятся составной частью общественного сознания.

Чаще всего человек стремится сохранить в памяти эпизоды из жизни предков, воспроизводимые по разрозненным уцелевшим документам, фотографиям, устным легендам, которые передаются из поколения в поколение, но, к сожалению, редко обращение к ним иницирует у потомка желание воспроизвести историю семьи в том или ином письменном (литературном) изложении.

Ушедший 2008 год был объявлен в России Годом семьи. Значимость этой гражданской акции не осталась незамеченной в НовГУ им. Ярослава Мудрого: здесь в течение года проходил конкурс студенческих работ-исследований «История семьи — история страны». Подведение его итогов состоялось в Центре творческой интеллигенции им. В.В. Сороки во время открытия выставки, посвящённой Году семьи. Победителями конкурса стали Г.Н. Ботвинин, И.В. Падусеп, Ж.С. Леонтьева и И.А. Мельников.

И.Н. Извеков

Г.Н. Ботвинин

Память о прошлом — основа будущего

Генеалогия и её духовно-нравственный ресурс как философская основа жизни, воспитания гражданственности и патриотизма

Элективный курс «Генеалогия и история семьи»¹ — новшество школы, в которой мне предстоит завершить среднее образование. Он разработан учителями школы И.Н. Извековым, М.А. Смирновой и А.Г. Померанцевым. По программе данного курса мы, будучи учениками 10 класса, на основе проводимых каждым из нас в течение учебного года целенаправленных генеалогических разысканий пробовали сформировать систематизированные подборки документов для своих домашних архивов. Результатом этой работы стало участие в конце учебного года в итоговом генеалогическом школьном коллоквиуме «Знаю ли я историю своей семьи?».

Сначала вряд ли кто из учеников класса всерьёз воспринял этот курс: показалось, что следует только расспросить сопряжённых родственников о предках — и ответ будет найден. Однако по мере того, как мы начали учиться составлять свои родословные, пытаясь постичь тайну возникновения фамилий кровных родственников и свойственников в поколениях, разыскивать, собирать и систематизировать необходимые документы, подтверждающие устные домашние гипотезы и легенды, к курсу генеалогии мы стали относиться уважительнее. Во всём

классе не нашлось ни одного человека, который смог бы воспользоваться поколенной росписью семьи от основателя фамилии из дореволюционной России по нисходящей схеме, составленной кем-либо из предков. Практически мы стали исследователями историй своих семей от себя по восходящей схеме, посредниками между прошлым и будущим. Я, наверное, буду объективным, если отмечу, что большинство из нас в классе не смогли, даже после многочисленных разговоров и бесед в семьях, называть предков не только в пятом, но и в четвёртом (на уровне прадедов) колене в своей восходящей ветви. А поскольку в самостоятельной жизни мы ровесники нового столетия, то наши предки, родившиеся в XX веке, были свидетелями и прямыми участниками советского периода истории России.

С позиции вступившего в XXI век россиянина мне трудно объяснить причину относительно слабых родственных связей между сопряжёнными поколениями современников. Для написания же истории семьи крайне необходимо разыскать информацию о затерявшихся предках за минувшие сто лет от себя. Многим из ныне

живущих неизвестны приёмы разыскания предков за прошедший (советский) период. Для этого нужны определённые знания, умения и навыки. Они не столь сложны, как это порой кажется. Но без воспроизведения основного кровного и свойственного родства в сопряжённых коленах невозможно перейти к разысканию более ранних предков.

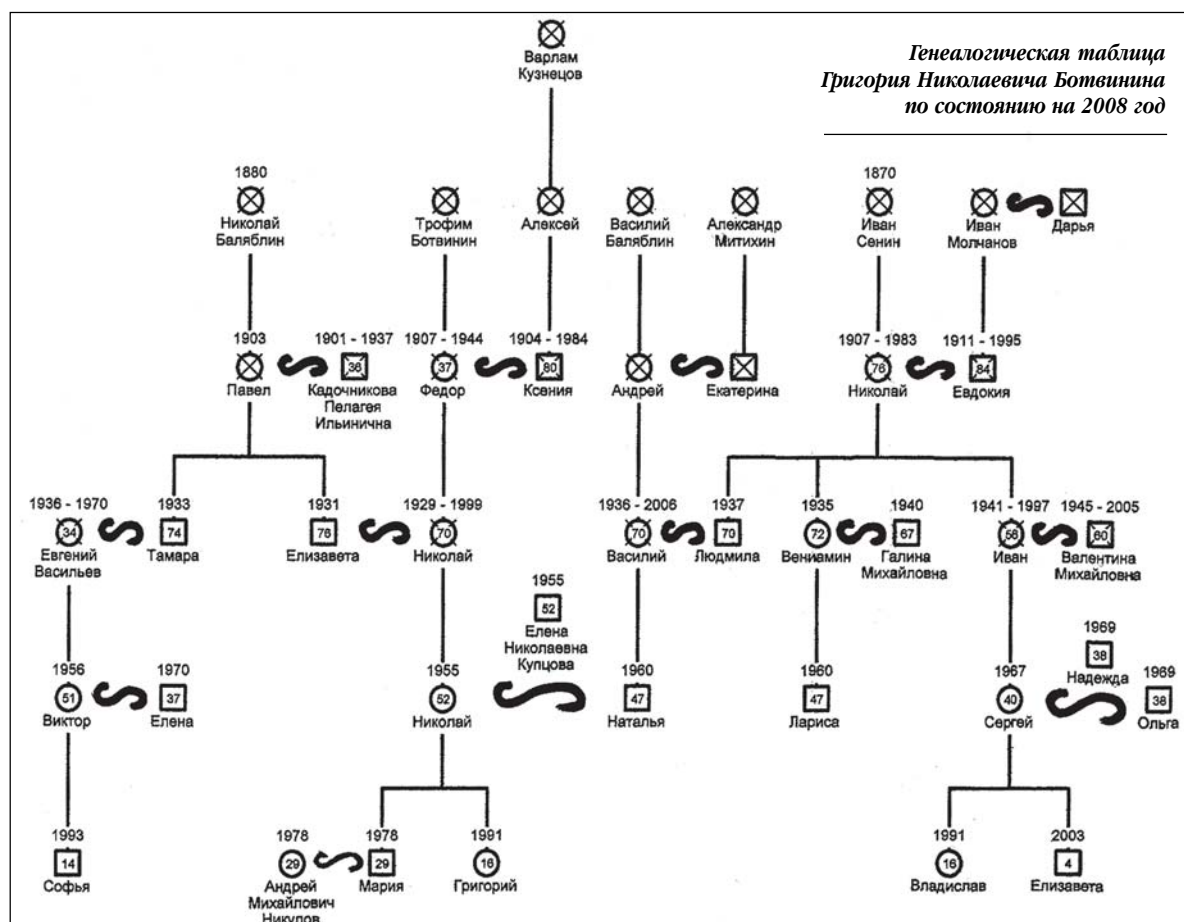
Разыскать же предков из глубины веков — это уже иной уровень знаний и навыков в практической генеалогии. Это уже конкретные поиски в различных специализированных фондах архивов разного ранга (российских, областных, ближнего зарубежья), крупных библиотеках, музеях. Однако общение с государственными учреждениями такого плана вряд ли практически возможно из-за возрастного ценза десятиклассников и сложных правил допуска к историческим источникам, материалам и документам. Да и принятие решения приступить к началу подобных разысканий требует углублённых исторических, социальных, правовых и других знаний, а также устойчивого сформированного мотивированного интереса к истории предков и духовно-нравственному возрождению России. На мой взгляд, приведённая программа элективного курса «Генеалогия и история семьи» как нельзя лучше призвана научить старшеклассников, как справиться с этими непростыми проблемами.

ПОМНИТЬ РОДСТВО СВОЁ

Я, Григорий Николаевич Ботвинин, 1991 года рождения; место рождения и проживания — Новгород; так значатся основные данные обо мне в моём гражданском

документе — паспорте, обладателем которого я стал совсем недавно. Приобщение в школе к основам генеалогии позволили составить родословную по восходящей от себя схеме. Мои родители Ботвинины Николай Николаевич (1955 г. р.) и Наталья Васильевна (урождённая Баляблина, 1960 г. р.) родились в Новгороде. Здесь они окончили среднюю школу и Новгородский политехнический институт. Работают в государственных учреждениях на инженерных должностях.

В третьем колене по восходящей от меня схеме значатся деды и бабки. По отцовской линии — Ботвинины: Николай Фёдорович (1929—1998 гг.) и Елизавета Павловна (урождённая Баляблина, 1931 г. р.), а по материнской — Баляблины: Василий Андреевич (1936—2006 гг.) и Людмила Николаевна (урождённая Сенина, 1937 г. р.). Они родились в Поозерье — удивительном историческом уголке озера Ильмень, расположенном неподалёку от Великого Новгорода. Однако в силу ряда причин их родители перед Великой Отечественной войной семьями переехали в Новгород и стали горожанами, но никогда не прерывали связи со своей малой родиной. Там до сих пор проживают их близкие и дальние родственники. Из третьего колена сейчас в полном здравии только мои бабушки: ныне они пенсионерки. Мы часто встречаемся, доверительно и душевно общаемся. Из рассказов бабушек я узнал, что они, их родители, деды и более ранние предки, а также их мужья — выходцы из близлежащих деревень Поозерья, потомственные крестьяне, в семьях которых соблюдалась традиция: удел женщин — семья и земля, удел мужчин — рыбоводство и земля.

Это значит, что воспроизведённые в моей родословной схеме прадеды, прапрадеды и прашуры: Баяблыны, Ботвинины, Кузнецовы, Сенины, Молчановы и другие испокон веков проживали в этой исторической, известной с домонгольского периода части Святой Северной Руси. Конечно, привычные в настоящее время по звучанию фамилии предков, скорее всего, возникли и связаны с крестьянской реформой 1861 года. Но это предмет моих генеалогических разысканий ближайших лет.

В 2009 году Россия торжественно отметит 1150-летие Великого Новгорода. Внушительная дата для истории Российского государства. Безусловно, я буду очевидцем этого знаменательного события. Мои разыскания уже на этом этапе дают основание считать себя и предков коренными жителями земли Новгородской. И если мне удастся к этой дате подтвердить документально собранные мной домашние легенды о судьбах моих предков, то у меня будет основание считать себя посредником между прошлым и будущим и посвятить эти исследования нынешнему юбилею.

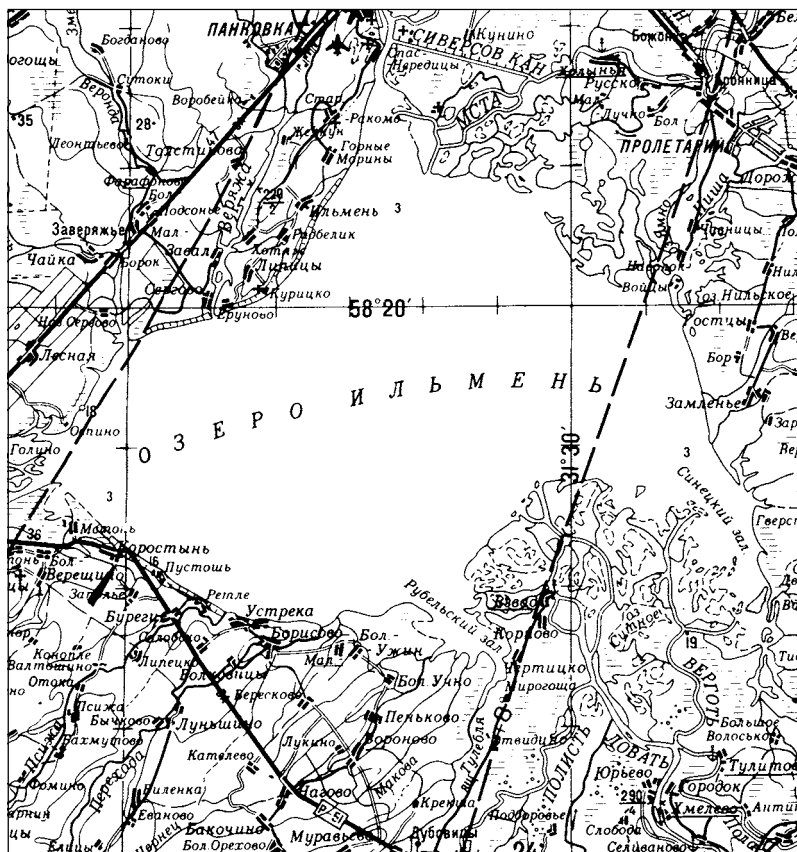
ПООЗЕРЬЕ — МАЛАЯ РОДИНА БОТВЕНИНЫХ

Итак, все мои предки, начиная с третьего колена от меня и далее в глубь веков, родом из Поозерья, одной из составных частей Приильмения. В библиографической подборке материалов отдела краеведения Новгородской областной универсальной научной библиотеки можно найти много уникальных и интересных данных о Приильмении, сосредоточенных в летописях, опубликованных писцовых книгах², научных исследованиях, повествованиях о прошлом и настоящем, о географии и топонимике. В путеводителе «По Приильмению» читаем:

«Приильмение — ядро Новгородской земли... Такие названия, как Ильмень, Волхов, Новгород, Русса, являются священными. С ними связаны начальные страницы Русского государства. Территория, примыкающая к озеру Ильмень, составляла ядро Новгородской феодально-вечевой республики. Гипнотическое притяжение людей к Новгороду и Приильмению настолько велико, что возникает непреодолимое желание проникнуть в тайны прошлых столетий, как можно больше узнать об истории этого края»³.

Что же из себя представляет Поозерье? Так с древних времен называют «северо-западную часть берега Ильменя от Перынского скита до устья реки Веряжи, его естественной границы»⁴. Об этом свидетельствуют и многочисленные писцовые книги, и многие другие архивные и библиографические источники. Протяжённость Поозерья невелика — в длину немногим более 20 километров, в ширину — около четырёх километров. Главной рекой Поозерья является река Веряжа с её многочисленными притоками, речушками, ручьями, озёрами и болотами. До сих пор эта полоса земли между Ильменем и современным шоссе Новгород—Шимск—Псков — своеобразный

этнический заповедник Новгородской земли, который до революции назывался святым Поозерьем. Его называли так из-за того, что эта полоса земли ближе всего расположена и примыкает к Великому Новгороду и связана с его историческим прошлым: Поозерье являлось самым населённым и экономически развитым районом Новгородской земли. Этим можно объяснить появление здесь в разные века многочисленных культовых построек. Так, в XIX веке на этой полосе значились десять действующих древних храмов и два монастыря. В путеводителе «По Приильмению» беспристрастно сообщается: *«...в настоящее время на территории Поозерья уцелело всего пять памятников каменной культовой архитектуры, да ещё собор и остатки ансамбля Клопского монастыря»⁵.*

Карта-схема Приильмения

Испокон веков на землях Поозерья жили крестьяне, приписанные к Дворцовому приказу⁶, к известным монастырям: Юрьеву, Клопскому и к ряду больших церквей Новгорода и Поозерья. К XIX веку в России окончательно сформировалось несколько категорий крепостных крестьян: владельческие (помещичьи), государственные⁷, удельные⁸.

Основное назначение жителей Поозерья (податных крестьян) — ловить рыбу в Ильмене, реках и многочисленных озерах, а между делом заниматься сельским хозяйством и прикладными ремёслами с тем, чтобы прокормить себя и многодетные семьи. В Поозерье практически не было владельческих крестьян. К какой тогда категории крестьян, государственных или удельных, относились мои предки? Вопрос для меня далеко не праздный. Ответить на него можно лишь на основе углублённых целенаправленных разысканий, чтобы восстановить истоки своих

ранних предков из первой половины XIX века. Пока же даже мои бабушки уверенно не могут припомнить, как звали их дедов и прадедов и каким владельцам они принадлежали (скорее всего, именно прадеды моих дедов и бабушек выкупили свою независимость у владельцев через правительство России после крестьянской реформы 1861 года).

Мои предки — выходцы из расположенных по соседству деревень Десятины, Самокража и других, названия которых сейчас не сохранились. В книге «Сто Новгородских сёл» читаем:

«Деревня Ильмень: десятка три лет назад эту деревню знали под именем Самокража, а веков пять назад она называлась „Самокраж”. Ещё раньше, возможно, Самокраж. Но от того времени свидетельств почти не сохранилось. Ныне это центральная усадьба колхоза „Ильмень”, занимающего значительную часть земель древнего „Поозерья” (по состоянию на 1990 год — Б.Г.)»⁹.

Одно из ранних упоминаний деревни «Самокраж» приводится в писцовой книге Шелонской пятины¹⁰ под 1501 год (рядом с деревнями Ондвор, Бабки, Железно и сельцо Козынево). Где-то рядом на погосте¹¹ Пискупицы с церковью Спаса Преображения¹² размещался большой «владычей двор» новгородского духовного владыки. Между Пискупицами и «Самокражей» значился «погост св. Евангелиста Луки у озера Ильмень». Исследователи предполагают, что Лукинский погост был основан вторым Новгородским епископом Лукой, причисленным к лику святых, «по прозванию Жидята или Жирята, а по некоторым данным — Вежета или Желдата. На Новгородской кафедре он служил с 1035 по 1059 годы. Умер в 1060 году»¹³.

После крестьянской реформы 1861 года деревня Самокража была людной. По какому принципу жили свободные крестьяне? Составить представление об их быте из устных рассказов потомков не представляется возможным. Ничего об этом не говорится и в письменных источниках советского периода. Узнать об этом из дореволюционных материалов пока мне не удалось. Это сложная для меня задача. По опубликованным статистическим данным за 1907 год деревня Самокража относилась к Ракомской волости¹⁴. Вот небольшой фрагмент информации о деревне Самокраже того времени:

«В ней имелось 120 жилых домов, часовня, хлебозапасной магазин. Проживало 615 человек, из них 309 мужчин. Проводились торжки 29 июня и 18 октября. В версте рядом стояло Лукино с церковью и церковно-приходской школой, на церковной земле... К Самокражскому сельскому обществу относились деревни Десятины (имели 13 жилых домов, где проживало 58 человек) при речке Спаская Курма, Лукинишина, Радбелек (бывшая Радбилицы) у Радбилицкого болота»¹⁵.

Скорее всего, в этой информации речь идёт уже о крестьянской волости, к которой волей судеб были приписаны мои предки, и общинах, образованных вскоре после реформы 1861 года. В 1932 году в Самокраже советская власть сформировала овощеводческий колхоз «16-я годовщина Октября». В послевоенные годы колхоз, в связи с укрупнением и реорганизацией, переименовали; в последние десятилетия XX века провели комплекс мелиоративных работ с целью взять курс на развитие мясомолочного товарного производства. Насколько воплотилась эта задумка — сказать трудно. Во всяком случае, после принятия конституции 1993 года эти края переживают не лучшие

времена: дома пустеют, народу в деревне мало, колхоз развалился, а сформированным рыболовецким бригадам устанавливаются такие квоты на лов рыбы, что заниматься рыбным промыслом стало нерентабельно.

МОИ ПРАДЕД И ДЕД БОТВИНИНЫ

В 1929 году в деревне Самокража в семье крестьян — молодожёнов Ботвининых Фёдора Трофимовича (1907—1944 гг.) и Ксении Алексеевны (урожденной Кузнецовой, 1901—1984 гг.) родился сын Николай (мой дед). Скорее всего, родители моего деда получили образование в Лукинской церковно-приходской школе, о которой шла речь выше. По тем временам для сельской местности это было не так уж и мало. До венчания прадеда со своей избранницей в 1928 году они жили в соседних деревнях: жених — в Десятинах, невеста — в Самокраже. Молодые не только венчались в церкви, но и зарегистрировали свой брак в местном сельском совете. Сына Николая тоже и крестили в церкви, и зарегистрировали в сельсовете.

Вновь образовавшаяся семья обосновалась в деревне Десятины в родительском доме жениха. Молодожёны по традиции предков много работали на земле, выращивали скот и птицу, а молодой глава семьи, ко всему прочему, состоял и в рыболовецкой артели. Как и в прежние годы, вновь образованная семья кормилась не столько землею, сколько рыболовством. Многообразен и сложен труд рыбака в бригаде: приходилось заготавливать не только разнообразные снасти, но и делать, и ремонтировать специальные вёрткие лодки и баркасы для плавания по бурному озеру. Да и сам процесс лова рыбы нелёгок: приходилось промыслом заниматься во все времена года и даже зимой и осенью выходить в озеро, переносить непогоду, бури и другие опасности. Поозёры поклонялись святому Николаю Чудотворцу, покровителю рыбаков. Интересно, что сына Ботвинины называли Николаем в честь этого святого.

Наверное, им казалось, что в обычных трудовых буднях с их печалями и радостями они проживут в своей деревне Десятины до глубокой старости. Но суров и обманчив климат Поозерья: периодически появлялись здесь страшные эпидемии, которые беспощадно косили жизни крестьян целыми селениями. О них знали, помнили и боялись. Например, только во второй половине XIX века холерная эпидемия в Поозерье была зарегистрирована в 1848, 1871, 1873 гг. Нечто подобное начало проявляться и в 1937 году. По настоянию старших молодой семье с восьмилетним сыном пришлось уехать на некоторое время в Новгород.

В городе жизнь для молодой семьи оказалась намного привлекательнее и перспективнее, чем в деревне, так что Ботвинины не торопились возвращаться. Пришло время определить сына в школу, да и молодым родителям открылась возможность устроиться на работу в государственные учреждения.

Только начала обустриваться жизнь на новом месте, как начавшаяся 22 июня 1941 года Великая Отечественная война перепутала все планы семьи.

Фёдор Трофимович Ботвинин по зову сердца с первых дней мобилизации записался добровольцем на фронт. Проводы новобранца на фронт были печальны и скоротечны. Враг стремительно оккупировал территории Советского Союза и оказался у стен древнего Новгорода.

Жена Фёдора Трофимовича Ксения Алексеевна с 12-летним сыном были определены в один из сформированных

эшелонов для эвакуации в Сибирь. После долгих странствий эшелон добрался до станции Чистоозёрная Новосибирской области, которая стала для многих пристанищем на долгие годы. В районе станции Чистоозёрная спешно готовился к пуску оборонный завод, и все прибывающие сюда многочисленные беженцы помогали его строить, а затем и осваивали рабочие профессии для работы в многочисленных цехах.

Люди трудились в годы войны на всех предприятиях страны — народ ковал победу не только на фронтах, но и на заводах, фабриках и пашнях в далёком тылу. На заводе под Новосибирском в военное время трудились наряду с мужчинами женщины и дети. Среди них мать и сын Ботвинины из Новгорода. Николай не только работал со старшими, но и учился в школе. Были такие напряжённые моменты, когда труженики завода большее время суток проводили на рабочих местах, за станками, выполняя любую работу. Как удалось выжить этому поколению в тяжёлые военные годы, сейчас уже с трудом можно себе представить. Сколько пришлось перенести невзгод, трудностей, невосполнимых утрат! 1944 год для Ксении Николаевны и Николая оказался зловещим: при освобождении Новгорода погиб Фёдор Трофимович Ботвинин, оставив в Сибири молодую вдову.

Трагическое известие о смерти отца укрепило в юноше решение попасть на фронт. Но это оказалось непросто. В военкомате было основное требование: овладение профессией. Он был направлен на учёбу в местную школу механизации. Николаю Ботвинину больше всего приглянулась специальность тракториста. Её он осваивал до апреля 1946 года в Чистоозёрской школе механизации, а потом по направлению, некоторое время работал трактористом. В 1947 году он был призван в армию, определён в танковые войска. Служил в части, дислоцированной в городе Черниховске Калининградской области. Освоил вторую специальность: стал классным радистом. Трёхлетняя служба в армии окончательно сформировала и закалила характер юноши. Открывались заманчивые перспективы трудоустройства после службы в армии, но Николай предпочёл вернуться к матери под Новосибирск, где она работала всё на том же заводе, что и в годы войны. По её совету он освоил на заводе профессию фрезеровщика и стал работать в одном из его цехов.

Послевоенные годы стали собирательными для разобщённых войной родственников: восстановилась связь с Новгородом и Поозерьем. Из скудных сообщений стало ясно, что Новгород восстал из руин, отстраивается заново, в нём налаживается жизнь, открываются новые промышленные предприятия. Всё чаще мать и сын возвращались к мысли вернуться на малую родину, быть ближе к месту гибели и безымянной могиле отца, воссоединиться с выжившими после войны родственниками.

И такой день настал: в 1952 году Ботвинины, спустя 11 лет, с трепетным чувством возвратились в Новгород. Ксения Алексеевна не захотела устраиваться на работу на промышленное предприятие: слишком тяжёлым для неё, пятидесятилетней, стал бы труд профессионального рабочего. Но и не работать она не могла: по закону она должна была ещё несколько лет проработать, чтобы выйти на пенсию.

Ксения Алексеевна пошла в больницу, где ещё продолжительное время работала в составе обслуживающего медицинского персонала. Она умерла в возрасте 83 лет, похоронена на Западном кладбище Великого Новгорода.

Николай Фёдорович, приехав в Новгород, долго выбирал себе место работы: состоялись встречи с представителями многих предприятий. При посещении молодого Новгородского завода «П/Я-11» Николаю Фёдоровичу предложили трудиться именно на этом заводе. Видимо аккуратный, с военной выправкой молодой человек из Сибири, с безупречными документами внушил доверие начальнику кадров, и он был принят на работу. Тогда, в далёком 1952 году, дед, с присущей ему природной скромностью, начал работать помощником фрезеровщика в одном из цехов завода. Он отдал этому заводу 37 лет жизни. Ему пришлось многому учиться, работать над собой, чтобы всегда быть востребованным временем. И это ему удавалось. Он был участником многих начинаний и преобразований завода, который со временем стал крупнейшим не только в Новгородской области, но и во всём северо-западном регионе России производителем радиоэлектронной аппаратуры и стал называться — завод «Волна».

Трудовая книжка Н.Ф. Ботвинина заполнена записями о занимаемых им должностях, выданных ему грамотах, благодарностях, поощрениях, премиях и денежных вознаграждениях. Деда с почестями проводили на пенсию с должности начальника производственного отдела в 1989 году.

Накануне его ухода на пенсию в стране наметились бурные перемены. Моя бабушка рассказывала, что это было трудное время: закрывались многие предприятия, сокращались рабочие места.

В сложных условиях руководители многих предприятий не смогли найти верных решений по выживанию отрасли. Особым образом это коснулось и предприятия «Волна». Знаменитый путч 1991 года расставил все точки над возникшими в стране противоречиями и проблемами. В кругу близких друзей, душевно переживавших за родное предприятие, Николай отметил: «Всё к этому и шло. Сначала предприятие „село на мель“, а вскоре и вовсе „приказало долго жить“. И кто же в этом виноват?..»

Много важных событий связывает Николая Фёдоровича Ботвинина с предприятием. Здесь он в 1954 году на праздновании Международного женского дня 8 марта встретился с сослуживцей, а оказалось, и с землячкой родом из Поозерья, Елизаветой Павловной Баляблиной. Молодая красивая девушка не могла не привлечь внимание Николая Фёдоровича Ботвинина. Случайность?.. Именно ей он вручал в тот день цветы от имени коллектива, которые и стали вестниками символической помолвки. А уже 1 мая молодые люди «сыграли шумную свадьбу». Для молодожёнов она оказалось счастливой. 15 марта 1955 года у них родился сын Николай (мой отец). Два важных события в жизни, связанные с мартом месяца, стали для деда особо значимыми и почитаемыми: знакомство с моей бабушкой в 1954 году и рождение моего отца в 1955-ом. В любви и согласии супруги прожили 45 лет, всегда были вместе: и дома, и на работе. О жизни с дедом бабушка рассказывает: «Он был прекрасным человеком: добрым, внимательным, чутким, и всегда ему удавалось поддерживать в семье хорошие отношения. У нас практически не было ссор, конфликтов. В доме всегда было взаимопонимание, царили гармония и уют. Мы практически не расставались, любили вместе отдыхать и путешествовать. Да и друзья у нас были общими. Для них и всех, знавших нас, мы были счастливой семьёй, любившей своих родных, свой город и свою страну, несмотря на многие трудности».

Мой дед Николай Фёдорович Ботвинин умер в 1999 году в возрасте 70 лет. Его похоронили на Западном кладбище Великого Новгорода. В последний путь его провожали родные, многочисленные друзья и знакомые.

Бабушка Елизавета Павловна, к счастью, жива до сих пор. Ей уже 76 лет. Она живёт с нами. Именно её воспоминания стали основой моей работы, за что я ей очень благодарен.

В заключение хочется сказать, что я не раз задавался вопросом: что такое патриотизм. Мне кажется, что

патриотизм, как и любое другое чувство, нельзя осознать, а можно только почувствовать. Я, например, люблю свою семью, свой дом, свою школу, свой город. Я счастлив, что родился и живу в Великом Новгороде. Для меня это лучший город на земле. Но я хочу, чтобы он стал ещё лучше, чтобы вернулась к нему былая слава, которая была у Господина Великого Новгорода с древних времён. Я думаю, что так же относились к Новгородчине и все мои предки, а значит, это во мне говорит голос крови.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Программа элективного курса «Генеалогия и история семьи» размещена на Интернет-сайте Новгородского регионального центра дистанционного образования (НРЦДО): <http://method.rcde.nov.ru/getblob.asp?id=500001587>; в изданиях: Народное образование. Российский общественно-педагогический журнал. № 5 (май). 2006. С. 208—214; Шестые Тюменские родословные чтения. Материалы и тезисы межрегиональной научно-практической конференции. Тюмень, 2006. С. 210—219.

² *Писцовые книги в Московском государстве XV—XVII веков служили основанием для податного обложения. Известны были писцовые книги и в более ранние века. С переходом сбора дани в руки князей переписывали плательщиков их «писцы» и «данищики». С 1538 года податной единицей сделали меру распаханной земли. С 1676—1678 гг. все подати были переведены на дворы. Писцовые книги имели юридическое значение для владельцев как крепостные документы. Писцовые книги — очень важный исторический источник для изучения экономической, финансовой, сословной стороны быта, этнографии и колонизации.* Малый энциклопедический словарь. Т. 2. Вып. III. Изд-во Брокгауз и Ефрон. С. 969—970.

³ Секретарь Л.А., Филиппова Л.А. По Приильменью. Л., 1991. С. 6.

⁴ Там же. С. 54.

⁵ Там же. С. 54.

⁶ *Дворцовый приказ (также приказ Большого дворца или Большой двор), учреждён в первой половине XVI в., ведал царские дворы (кормовой, хлебный и др.), города и селения в собственных землях и великих князей московских и духовенство по делам гражданским.* Малый энциклопедический словарь. Т. 1. Вып. II. Изд-во Брокгауз и Ефрон. С. 1463.

⁷ Класс государственных крестьян образовался при Петре Великом из разного рода полусобственных землевладельцев, не находящихся в частной собственности владельцев. К ним принадлежали старые черносошные крестьяне и половники севера России, одновдворцы, казаки, бывшие солдаты, сибирские крестьяне и другие. При Екатерине II к ним присоединились монастырские, малороссийские и поиезутские крестьяне польских областей.

⁸ *Удельные крестьяне значились в так называемых уделах, которые представляли собой совокупность земель, удельных имуществ (виноградники в Крыму и на Кавказе, рыбные ловли, фруктовые сады, мельницы, фабрики и заводы, чайные плантации в Закавказье) и доходов, назначенных в 1797 году императором Павлом I на содержание членов императорской фамилии.* Извеков И.Н., Извеков А.И., Баранов С.Ю. 500 лет на службе России: дворянский род Извековых от вяземских вотчинников до наших дней. СПб., 2002. С. 236.

⁹ Сто Новгородских сёл: Памятники-символы Родины в идейно-воспитательной работе. Новгород; Старая Русса, 1990. С. 94. Вып. 2.

¹⁰ *Пятины, пять частей, на которые делилась Новгородская земля: Вотская, Шелонская, Обонежская, Деревская и Бежецкая. Полагают, что пятины очень древни и по управлению были связаны с пятью концами Новгорода. Исследователь Неволлин предположил, что их устроил Иван III, а Грозный, вводя губные учреждения, разделил их на половины. Пятины исчезли с возникновением губерний.* Малый энциклопедический словарь. Т. 2. Вып. II. Изд-во Брокгауз и Ефрон. С. 1463.

¹¹ *Погост: 1) сельский податный округ в древней Руси; 2) главное селение округа с церковью. С конца XIX века обозначает церковь с кладбищем.* Малый энциклопедический словарь. Т. 2. Вып. III. Изд-во Брокгауз и Ефрон. С. 998.

¹² Церковь Спаса Преображения ныне перевезена в музей под открытым небом Витославицы около Юрьева монастыря (реставрирована по рисункам 1595 года).

¹³ Святые Новгородской земли, или История Святой Северной Руси в ликах X—XVIII вв. В 2-х т. СПб., 2006. Т. 1. С. 34.

¹⁴ *Волость, по положению 19 февраля 1861 года, низшая административная единица крестьянского самоуправления, образуемая из смежных крестьянских обществ.* Малый энциклопедический словарь. Т. 1. Вып. I. Изд-во Брокгауз и Ефрон. С. 936—937.

¹⁵ Сто Новгородских сел... С. 95.

И.В. Падусеп

Что сказать потомкам о предках?

Влечёт туда неведомая сила,
истоки где моих дорог...

Г. Жукова

Когда я задумалась о том, будет ли мне что поведать своим потомкам о предках, то оказалось, что в домашнем архиве семьи собрано не так уж и много информации. И тогда я решила подробно расспросить известных мне родственников, а полученную мной информацию систематизировать и провести исследование.

В основу моего исследования лёг ряд метрических и письменных документов, а также устные истории многих моих предков, которые бережно хранятся в семьях и передаются из поколения в поколение. Многих из ныне живущих родственников волнует проблема сохранения родословия, и, наверное, неслучайно этот интерес передался и мне.

В результате сбора информации мне удалось установить предков в 6-м колене от меня по отцовской линии и выяснить, что род Падусеп происходит из бывшей Лифляндской губернии Верроского уезда Старо-Анценской волости (ныне Эстония). Скорее всего, фамилия Падусеп эстонская, происхождение же её до сих пор остаётся для меня предметом для дальнейших разысканий. Предки же по материнской линии Васильевы и породнённые с этой семьёй фамилии Семёновы и Михайловы происходят из деревень, расположенных в непосредственной близости с местечком Кувизино в Валдайском уезде Новгородской губернии. Все эти семьи до 1861 года были из крепостных крестьян.

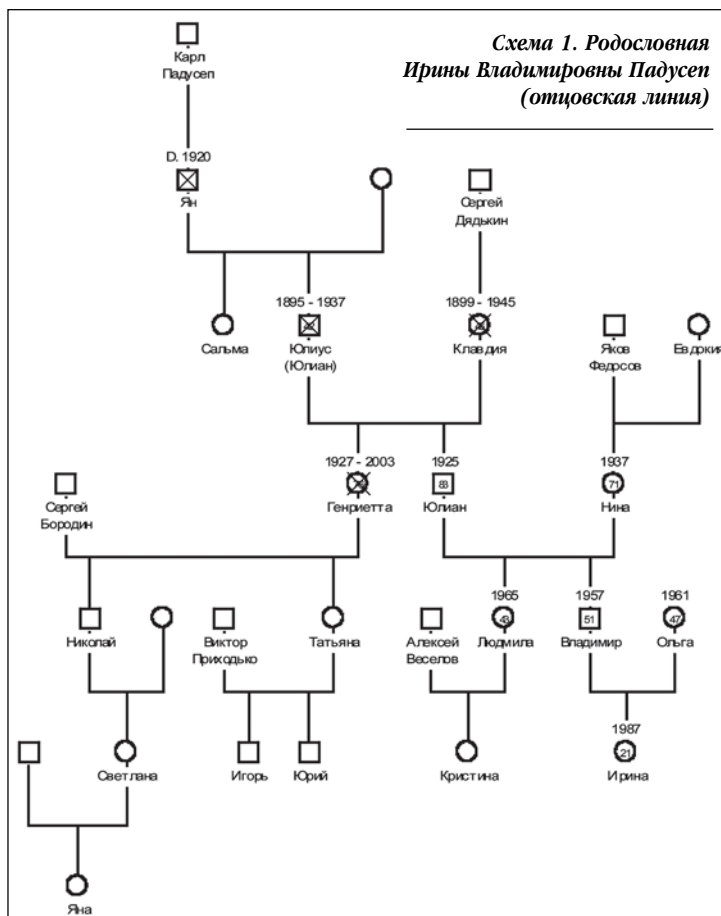
Родословную схему я воспроизвожу по восходящей от меня и моих двоюродных братьев и сестёр линии, приписывая нам 1-е колено, т.к. поиски предков из глубины веков ещё не завершены. Отрадно отметить, что эту схему теперь можно дополнить и нисходящими линиями, так как в нашем поколении, во вновь образованных семьях моих сверстников, по отцовской линии, появилась племянница Яна, а по материнской линии — племянники: Роман, Всеволод и Тимофей. В результате своих разысканий я установила, что у меня уже есть троюродные внуки, так как в двух семьях племянников по материнской линии появились дети: в одной — Михаил и Андрей, в другой — Александр и Илья.

Поскольку в моём исследовании оказалось более 120 персоналий, родословную схему пришлось разделить на три части.

Моя мама Ольга Васильевна Васильева, родилась в 1961 году. После окончания Яжелбицкой средней школы (Новгородская область) в 1978 году она сразу же поступила в Новгородский политехнический институт на факультет радиоэлектроники. Завершив обучение в институте, в 1983 году мама стала дипломированным инженером-технологом электронной техники и до настоящего времени работает на инженерных должностях в ОАО «ОКБ-Планета». В 1986 году в Новгороде она вышла замуж за Владимира Юлиановича Падусеп, сохранив свою девичью фамилию. От их брака в 1987 году и родилась я, Ирина Падусеп.

Мой отец Владимир Юлианович Падусеп родился в 1957 году в Новгороде и после окончания средней новгородской

**Схема 1. Родословная
Ирины Владимировны Падусеп
(отцовская линия)**

школы № 14 учился в ПТУ, получив специальность «слесарь КИПиА». В 1975 г. его призвали для несения службы на Северный флот. Однако завершил он её в Анголе, демобилизовавшись в 1978 году. Уместно здесь отметить, что у отца есть старшая сестра (моя тетя) Людмила (1965 г.р.).

Поскольку при рождении родители записали меня с фамилией Падусеп, то своё эссе я и начну с истории этой линии. Пока мне удалось установить моего предка по отцовской линии в 6-м колене от меня. Поэтому я привожу родословную по восходящей от меня схеме, надеясь, что мой поиск не завершён и в будущем мне удастся найти более ранних предков (см. *схему 1*).

Мой дед Юлиан Юлианович Падусеп (3-е колено от меня по восходящей схеме) родился 25 декабря 1925 года в деревне Крючково Порховского района Псковской области. В 1927 г. семья переехала в город Псков. Его отец Юлиан Иванович Падусеп (4-е колено) служил там в войсках ГПУ (Главного Политического Управления). 31 декабря 1937 года прадеда арестовали, а семье выдали предписание в течение 24 часов покинуть Псков. Семью выслали на 101-й км в город Сольцы. Там мой дед Юлиан, будучи юношей, учился в Сольцкой средней школе.

В июле 1941 года г. Сольцы был оккупирован фашистами, и дед ушёл в партизанский отряд 5-й партизанской бригады, который действовал в районе Уторгоши, Шимска, Луги. В 1943 году, когда г. Новгород был освобождён, Юлиан Юлианович был определён в действующую армию, в 314-ю стрелковую дивизию радистом. Участвовал в прорыве блокады Ленинграда. В марте 1943 года при освобождении города Выборг был тяжело ранен (четыре пулевых ранения). Весь батальон в этом сражении был разбит. Дед очнулся в полевом госпитале, откуда его потом отправили в Ленинград, где он находился на излечении два месяца. Будучи ещё в бинтах, добровольцем снова вернулся на фронт в свою 314-ю дивизию радистом гаубично-артиллерийского полка. Участвовал в наступлении на г. Хельсинки, но финны вышли из войны. Его воинскую часть перебросили на 1-й Украинский фронт, где он участвовал в освобождении Украины, Польши, Австрии и Чехословакии. Войну закончил в г. Праге. Имеет награды «За оборону Ленинграда», орден Красной Звезды, орден

Отечественной войны. После войны дед служил на Сахалине в артиллерии до 1950 года в составе отдельного истребительного противотанкового дивизиона.

Из домашних архивов семьи Падусеп я установила, что в 1945 году в Сольцах умерла моя прабабушка Клавдия Сергеевна Падусеп (урожденная Дядькина), а её дочь (моя двоюродная бабушка) Генриетта (в замужестве Бородина) уехала в составе заготконторы в Латвию.

В 1951 году мой дед Юлиан Юлианович, завершив службу в армии, приехал в Новгород. Здесь, закончив курсы киномехаников, возглавил киноремонтные мастерские, где проработал 15 лет. По рекомендации был направлен инструктором культмассового отдела в Новгородский Облсовпроф. Перед выходом на пенсию ещё 15 лет работал на киномеханическом заводе. Будучи на заслуженном отдыхе, продолжал работать до достижения 70-летнего возраста. Сейчас он на пенсии и проживает в Великом Новгороде.

О более ранних предках Падусеп из XIX начала XX веков я привожу данные из автобиографии прадеда Юлиана Яновича (Ивановича) Падусеп, написанной им 2 ноября 1934 года. Из документа следует, что родился он 8 марта 1895 года в Лифляндской губернии Верроского уезда Старо-Анценской волости на хуторе Сиббола в семье батрака, впоследствии рабочего лесопильного завода. Его отец Ян и дед Карл Падусеп (мои прапрадед и пращур — в 5-м и 6-м колене от меня) родились в семье крестьянина и были батраками у помещиков. Ян Карлович Падусеп батрачил до 1900 года, а затем стал рабочим на лесопильном заводе в Габсарском лесничестве Старо-Анценской волости.

Однако вернёмся к моему прадеду. В 1902 году Юлиус Падусеп был отдан родителями на учение в местную церковно-приходскую школу, где получил 4 класса образования. На дальнейшее светское обучение в семье не было средств. Волею случая Юлиуса приняли в Духовное Рижское училище на полный казённый пансион. Поскольку прадед был лютеранином, ему пришлось перейти в православную веру, что повлекло к изменению его имени и отчества. Будучи наречённым при рождении именем Юлиус, ему записали православное имя Юлиан. Отчество же Янович заменили на Иванович. В Риге Юлиан проучился

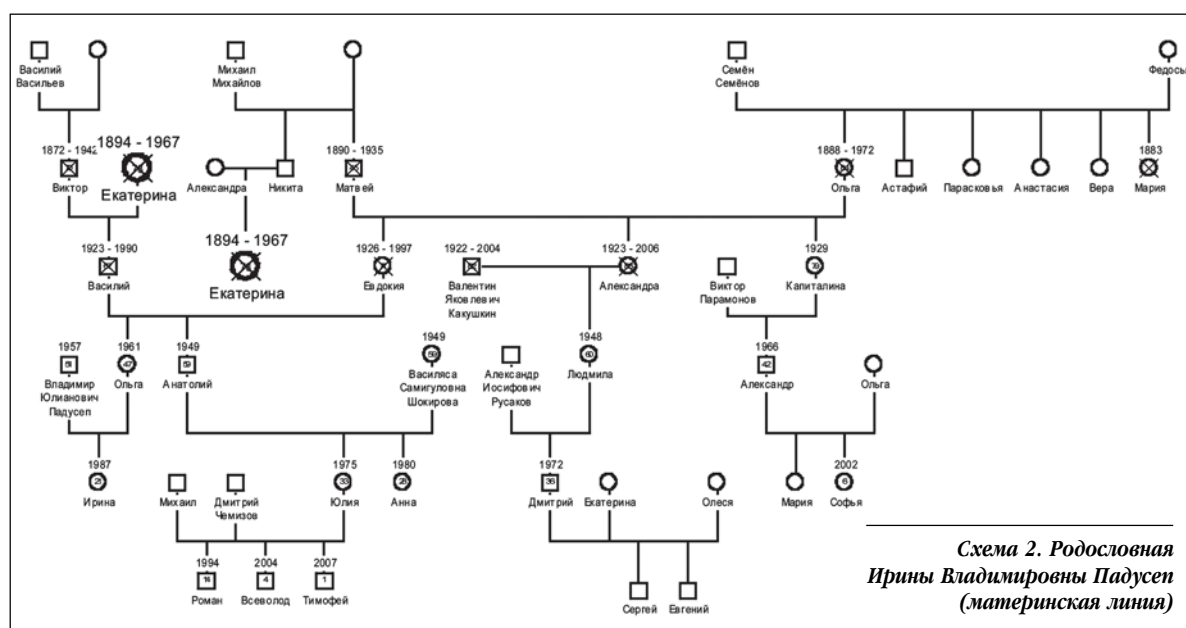

Схема 2. Родословная Ирины Владимировны Падусеп (материнская линия)

до 1914 года и, не закончив полный курс Рижского Духовного училища, «не имея никаких склонностей к богословским наукам», отказался продолжать своё богословское образование. Покинув училище, он устроился учителем Короленской сельской школы Верроского уезда и учительствовал до 1917 года. В 1915 году призывался в действующую армию, но из-за слабого зрения был освобождён от воинской повинности.

В 1917 году (после Февральской революции) он с отцом Яном Карловичем Падусеп стал организовывать рабоче-крестьянские массы к захвату власти, который произошёл в России в октябре 1917 года. 15 декабря 1918 года в Анцене, где оказалась к тому времени семья Падусеп, был избран Военно-революционный комитет, и прадед Юлиан Иванович был назначен председателем Военревкома. В начале 1919 года под натиском белоэстонских войск красные войска отступили к Мариенбургу. Прадед создал эвакуационный отряд из 60 человек и, забрав всё, что можно было вывезти (главное, лошадей), переправился в Мариенбург, где стоял 3-й коммунистический Уст. Стрелковый полк. Одновременно он эвакуировал из Эстонии семью: мать, отца и сестру, Сальму Яновну Падусеп — на станцию Дно Псковской губернии. В годы лихолетья Гражданской войны, в 1920 году, родители Юлиана умерли от тифа.

Будучи гражданином РСФСР с 1919 года, Юлиан Иванович Падусеп работал в различных Советских учреждениях. Женился прадед на крестьянке-беднячке Клавдии Сергеевне (урождённой Дядькиной). Она родилась в 1899 году в Псковской губернии Новоржевского уезда Кудеверской волости в селе Купино. В этой семье были дети: сын Юлиан (1925 г.), о котором я говорила выше, и дочь Генриетта (1927—2003).

Мои предки по материнской линии: Семён Семёнов и Михаил Михайлов (5-е колено от меня) — жили во второй половине XIX века. Михаил — в деревне Кувизино Валдайского уезда Новгородской губернии (в 138 км от Новгорода), а Семён — в деревне Холопье (от слова «холоп»), которая находится в трёх километрах от деревни Кувизино (см. *схему 2*).

После реформы 1861 года они стали вольными крестьянами и по выкупным сделкам с помещиком обладали значительными земельными наделами в крестьянской общине. Свою землю обрабатывали собственными силами, без наёмного труда и обеспечивали этим безбедное существование своё и своих семей.

В семье Михаила Михайлова было 15 детей (тринадцать из них умерли ещё в младенческом возрасте). В живых остались только первый и пятнадцатый братья: Никита и Матвей.

Матвей Михайлович Михайлов (4-е колено) родился в 1890 году. Получил образование в Яжелбицкой церковно-приходской школе. Моя бабушка рассказывала мне, что Матвей был способным человеком и проявлял интерес к арифметике. В 1914—1918 годах он участвовал в Первой мировой войне. Незадолго до войны, в 1913 году, он женился на Ольге, которая в семье крестьянина Семёна Семёнова была пятым ребенком (из шести детей). С детства она была приучена к труду, умела шить, прясть, ткать. В зрелые годы, уже при советской власти, была передовой телятницей и трудилась до семидесятилетнего возраста (до 1958 года).

Супруги Михайловы (мой прадед и прабабушка) содержали большое крестьянское хозяйство, в котором были лошадь, три коровы, овцы, куры, свиньи. Через десять лет после свадьбы в семье с разницей в три года родились дочери: Александра (17.05.1923), Евдокия (06.03.1926) и Капиталина (23.10.1929). Матвей Михайлович и Ольга Семёновна были крестьянами-сред-

няками: по имущественному положению стояли между бедняками и кулаками (согласно классификации 30-х годов XX века). В 1928—1929 годах в деревнях была проведена «сплошная коллективизация». Общинное пользование землёй упразднилось. Вместо общины создавался колхоз, где пахотная земля, скот и т.д. становились «общими». Почти весь урожай забирало государство. Колхозникам разрешалось иметь при доме небольшой участок под сад и огород, на котором семья выращивала овощи и фрукты. За содержание в домашнем хозяйстве коровы, птицы, мелкого скота взимались большие налоги.

В деревню для создания колхоза были присланы городские активисты. Сначала в колхоз записывали местную бедноту, затем требовали, чтобы в него вступили и остальные (зажиточные) крестьяне. Когда в деревне Кувизино организовали колхоз «Красная звезда», прадед Матвей вступил в него. Аналитический склад ума и знание арифметики позволили ему быть избранным «хозяйственным» этого колхоза, т.е. руководителем, который согласовывал с районными властями и исполнял поставки колхоза государству.

Семён Семёнов

Ольга Михайлова
и Толя Васильев

Матвей Михайлов (крайний справа)

Осенью 1932 года по стране был принят явно завышенный план хлебозаготовок. Требовалось сдать государству больше зерна, чем его собрали. Прадеду Матвею приходилось вместе с представителем чрезвычайной комиссии выполнять этот план, несмотря на то, что большинство колхозников были недовольны этим, т.к. у людей забирали последнее. И в один из рабочих дней 1935 года, когда он поехал в уездный город Валдай по хозяйственным делам колхоза, лошадь привезла его убитым. За отсутствием доказательств и свидетелей дело было закрыто.

Несмотря на то, что семья осталась без кормильца, все три сестры успешно закончили семилетнюю школу: Евдокия и Александра — Кувизинскую, Капиталина — Лутовенскую. После этого старшую дочь Александру взяла к себе в г. Касимов сестра прабабушки Ольги — Мария Семёновна Глухова (урожденная Семёнова), у которой не было своих детей, и удочерила её. Следует отметить, что Мария Семёновна Глухова в юности вместе с сестрой Парасковьей была отдана своим отцом Семёном Семёновым в услужение барской семье Завалишиных в Петербург. В Петербурге Мария вышла замуж за Никандра Авдеевича Глухова. Когда они брали к себе Александру, Никандр Авдеевич был высокообразованным специалистом, работал инженером-механиком и хорошо зарабатывал. Поэтому эта семья смогла дать Александре хорошее образование — она закончила Рязанский педагогический институт.

Там же, в Касимове, Александра вышла замуж за выпускника Рязанского военного училища Валентина Яковлевича Какушкина. Как семье военного им приходилось неоднократно менять место жительства: жить в г. Чебаркуле Челябинской области, находиться в составе группы советских войск в Германии, где Валентин Яковлевич служил замполитом в одной из частей Советской армии (там они прожили девять лет), затем, по разнарядке, оказались в г. Туле. Там Валентин Яковлевич вышел в отставку в звании полковника. В этой семье в 1948 году родилась дочь Людмила.

Капиталина же после окончания школы в августе 1946 года поступила в Ленинградский авиационный техникум. Закончив его в 1950 году, она была направлена по распределению молодых специалистов на работу в город Каменск-Уральский Свердловской области, на завод (п/я 33) авиационной промышленности, где и проработала до 1984 года (до выхода на пенсию по возрасту). В 1956 году она вышла замуж за своего сокурсника Виктора Алексеевича Парамонова. В 1966 году у них родился сын Александр.

В то время, как Александра воспитывалась в Касимове, её сестра Евдокия (моя бабушка) — училась в Боровичской фельдшерско-акушерской школе. Закончив её в годы ВОВ, работала в госпитале деревни Ватолино Демянского района медсестрой. После войны Евдокия вернулась в деревню Кувизино к матери и устроилась в Яжелбицкую участковую больницу медсестрой. В больницу ей приходилось ходить пешком по восемь километров в одну сторону. Дорога была трудной: проходила через лес и таила много неприятных и опасных сюрпризов. Так, однажды в пути на неё напали волки, от которых она чудом спаслась.

В 1948 году Евдокия Матвеевна (урожденная Михайлова) вышла замуж за своего сверстника и односельчанина

Василия Викторовича Васильева. Он после окончания Кувизинской средней школы уехал в Ленинград. Там Василий закончил училище ФЗО и работал на Кировском заводе. Оттуда ушёл на фронт. Принимал участие в обороне Ленинграда, воевал на Тартусском направлении. Дошёл до Берлина. Награждён медалями «За оборону Ленинграда», «За отвагу», орденом Отечественной войны I степени. На войну был мобилизован и его отец Виктор Васильевич Васильев. Однако он пропал без вести на одном из её

Анатолий Васильев (крайний справа)

фронтов. Виктор Васильевич Васильев был женат на Екатерине (1894—1967) из семьи Никиты Михайловича Михайлова (Никита — старший брат Матвея, о котором упоминалось выше).

Однако продолжим рассказ о Василии Викторовиче Васильеве. После Великой Отечественной войны он вернулся в родное Кувизино, где его избрали председателем колхоза. Во вновь образованной семье родился сын Анатолий. Когда ребёнок закончил четыре класса сельской школы и встал вопрос о его дальнейшей учебе, Василий Викторович и Евдокия Матвеевна Васильевы в 1960 году купили дом и переехали на постоянное место жительства в село Яжелбицы. Через год (в 1961 году) у них родилась дочь Ольга — моя мама, названная так в честь своей бабушки.

Мой дед Василий Викторович заочно закончил Валдайский сельскохозяйственный техникум и работал в птицеводстве «Валдайский» зоотехником. Сын Анатолий (мой дядя), закончив Яжелбицкую среднюю школу, уехал в город Каменск-Уральский к своей тёте Капиталине. Там он поступил в Каменск-Уральский индустриальный техникум на отделение технологии и конструирования радиоаппаратуры, которое закончил в 1968 году. После службы в армии в 1973 году женился на своей однокурснице Василисе Самигуловне Шокировой (1949 г.р.). От их брака родились две дочери (мои двоюродные сёстры): Юлия (1975 г.р.) и Анна (1980 г.р.).

Я надеюсь, что сумела заинтересовать всех своих родственников из сопряжённых фамилий и они с должным интересом продолжат начатое мной исследование. С их помощью не составит труда представить родословную по нисходящей от них с тем, чтобы всем потомкам в данной родословной было в будущем определено своё колено.

Ж.С. Леонтьева

Долговечны ли семейные легенды о предках?

Любовь к своему конкретному корню — это любовь к корню личности, истории, бытия. Это знание семьи и рода для каждого, кто хочет осознать своё место на земле. Только при этом родовом самопознании возможно сознательное отношение к жизни своего народа и к истории человечества, но обычно не понимают этого и родовым самопознанием пренебрегают, почитая его в худшем случае — за предмет пустого тщеславия, а в лучшем — за законный исторически заработанный повод к гордости.

О. Павел Флоренский

Не припомню, когда в моём сознании впервые появилось понятие «генеалогия». Точно не в школе. Скорее всего, «генеалогическое разыскание» я впервые услышала от мамы, которая ненавязчиво передёрёт мне информацию о фамилии и семье отца. Его, Сергея Борисовича Леонтьева (1961—2004), не стало, когда я училась в восьмом классе гимназии «Квант». Мне не забыть тех лет, когда мы были вместе: как не хватает сейчас его отцовской заботы, внимания, присутствия, мужской культуры. Практически в нашей семье хранительницей памяти о светлой памяти отца является моя мама, Ольга Владимировна Леонтьева (урождённая Пурина). Я тоже Леонтьева: в год моего рождения, в 1990 году, счастливые родители нарекли меня Жанной. Они оба выпускники Новгородского политехнического института. И я, соблюдая семейную традицию, учусь сейчас в Колледже экономики и права НовГУ.

Приглашение принять участие в Год семьи — 2008 в конкурсе университета по исследованию семейных историй явилось для меня тем импульсом к действию, чтобы целенаправленно обратиться к этой важной для меня теме. Из разрозненных источников стало понятно, что генеалогия в истории Отечества — одна из сфер деятельности, где активно взаимодействуют наука и массовое сознание. Всё больше людей хотят знать о своих предках, их участии в исторических событиях. Это понятно: ведь людей объединяет общее прошлое. Человеку свойственно формировать своё будущее, в которое индивид плавно переходит из настоящего. Но настоящее образуется из прошлого. Сейчас мне особенно стала понятна мысль о том, что строить будущее, не зная прошлого, безнравственно. Память о предках должна быть в душе ныне живущих, и её с любовью надо передавать потомкам. В этом, на мой взгляд, и заключается основной принцип генеалогической культуры человека.

ИСТОРИЯ МОЕЙ СЕМЬИ. ЧТО ЭТО ТАКОЕ?

Ответить на этот вопрос и легко, и сложно. Написать очерк о ком-нибудь из предков? Это эпизод из жизни семьи, о конкретном известном человеке. Да и написать биографический очерк о ком-либо без собранной о нём информации — занятие не из лёгких. История же семьи — это совокупность истории кровных и свойственных родственников. Это история породнённых фамилий. Прежде чем написать её, надо составить генеалогический документ — родословную схему своей семьи. Есть ли такая генеалогическая схема в семье, составленная кем-либо из предков? В нашей семье такого документа не оказалось. Вот и пришлось мне взять на себя миссию посредника между предками и потомками. Посредник — это исследователь

истории своей семьи. От себя в глубь веков, шаг за шагом, разыскивая самые невероятные документы, собирая устные рассказы старших в семье, мне удалось добраться до истоков своей и некоторых других породнённых фамилий.

После тщательной и кропотливой обработки собранной информации у меня получилось несколько родословных схем. Одна из них — родословная Жанны Сергеевны Леонтьевой и породнённой с этой фамилией в колоне отца семьи Пуриных. Приобщение к генеалогическим ценностям, изучение и познание их является настолько увлекательным, что вырабатывается непреодолимой силы мотивированный интерес собрать информацию и о свойственных родственниках. Мне

удалось представить кровные и свойственные связи в микроистории семьи с породнёнными фамилиями на протяжении более 150 лет.

Составить же родословную схему для конкретного человека, например, для себя — исследователя — задача непростая: здесь нужны конкретные знания и навыки из практической генеалогии. Стоило бы провести для студентов вводный курс по истории семьи, чтобы приобщить их к элементарной генеалогической культуре.

МОЖНО ЛИ ВЕРИТЬ СЕМЕЙНОЙ ЛЕГЕНДЕ?

Мой дед Борис Егорович Леонтьев (1929—2000) родился в деревне Верешино Окуловского района Новгородской области. Это малая родина его предков. Школу он окончил (1936—1947) в посёлке Кулотино. Было невероятно трудное военное время, ощущалась близость фронта, но государство находило средства на поддержание учебного процесса в образовательных школах. Я не обладаю сейчас информацией, чем занимался Борис Егорович в период с 1947 по 1955 годы. Скорее всего, служил в армии и работал в колхозе в родной деревне. Но с 1955 по 1959 он продолжил учёбу в филиале Новгородского техникума механизации и электрификации сельского хозяйства в том же посёлке Кулотино. Будучи дипломированным специалистом, получил назначение в техническое училище посёлка Парахино Окуловского района, где до 1963 года преподавал специальность «Электрификация сельского хозяйства». В стенах кулотинского техникума в 1961 году образовалась молодая семья: избранницей студента Бориса Леонтьева стала его однокурсница из Кировской области Лидия Михайловна (урождённая Плюснина, 1936 г.р.), моя бабушка. В семье молодожёнов в 1961 году в посёлке Кулотино появился первенец — Сергей (1961—2004).

Семья деда Бориса Егоровича Леонтьева обосновалась в Новгороде в 1963 году. Это было время, когда город уже

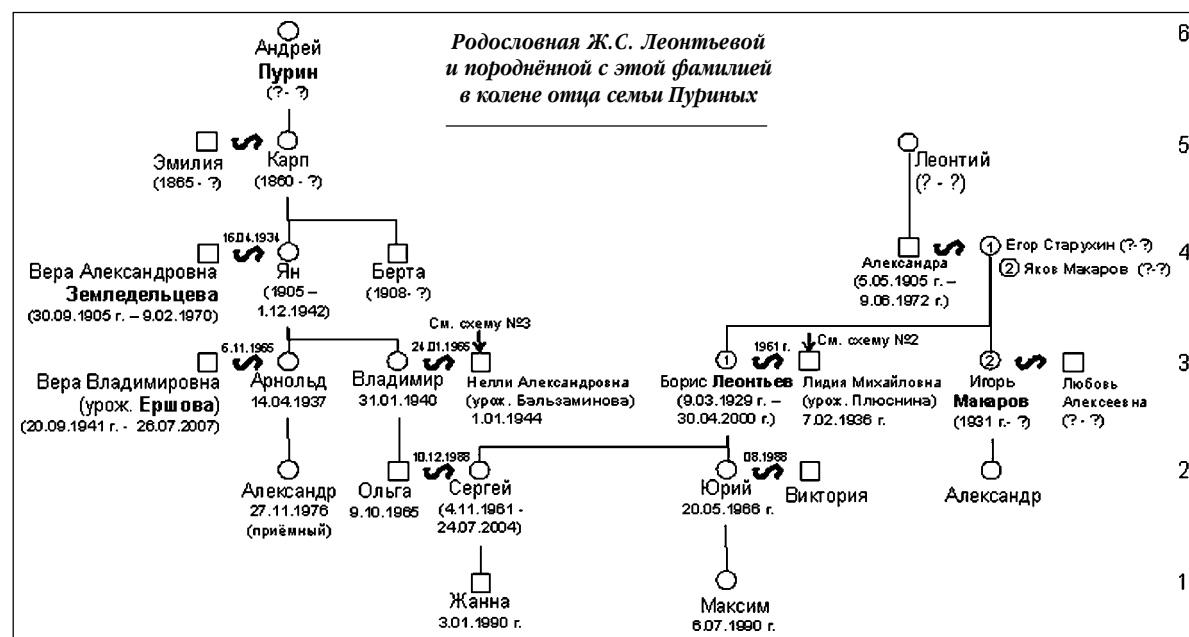
практически восстал из руин после освобождения и в нём бурно развивались промышленные, строительные, бытовые предприятия и учебные заведения. Городу требовались

Моя семья

квалифицированные специалисты. Борис Егорович в свои 34 года виртуозно владел специальностью техника-электрика. Он оказался востребованным специалистом на известных предприятиях Новгорода: сначала на ТЭЦ № 20, а с 1967 года в СУ-87, где проработал до выхода на пенсию в 1990 году. В 1966 году в новгородской семье Леонтьевых родился второй сын Юрий. Родители приложили немало усилий, чтобы сыновья достойно окончили учёбу в городских школах и получили высшее образование. В 2000 году деда не стало. Его похоронили на Рождественском кладбище Великого Новгорода.

Собирать и систематизировать информацию о дедушке пришлось уже после его смерти. Историю жизненного пути деда рассказала мне бабушка Лидия Михайловна, и все даты в ней подтверждаются документами, которые теперь систематизированы в домашнем архиве нашей семьи. Жаль, что не удалось услышать повествования о своей жизни от самого деда. В его истории меня интересуют

истоки образования фамилии Леонтьевы. Из рассказов бабушки следует, что её муж, Борис Егорович, до 1944 года имел фамилию своего отца Старухин. В этот трудный военный год, когда ему было 15 лет, он с друзьями отправился в освобождённую Прибалтику на заработки. Для него это затея оказалась печальной: при невыясненных сейчас обстоятельствах он потерял своё метрическое свидетельство, и незадачливого путешественника вернули в посёлок Кулотино Окуловского района для выяснения личности. Здесь ему выписали дубликат о рождении, в который по настоянию его матери записали не фамилию его отца Старухина Егора Васильевича, а фамилию Леонтьев, девичью фамилию матери.

Эту домашнюю легенду необходимо было проверить. Я попросила бабушку написать в отдел ЗАГС Окуловского района Новгородской области запрос на предоставление документа о рождении её умершего мужа. Из этого учреждения пришёл ответ 12 марта 2008 года, в котором сообщалось: *«В архиве отдела ЗАГС Окуловского района Новгородской области по Подберезскому сельсовету имеется запись акта о рождении Леонтьева Бориса Егоровича № 15 от 09 марта 1929 года. Место рождения д. Верешино Окуловского района Новгородской области. Родители: отец Старухин Егор Васильевич; мать Леонтьева Александра Леонтьевна».*

Согласно полученному документу оказалось, что мой дед при рождении был записан по фамилии Леонтьев. Трудно комментировать справку из архива, но, тем не менее, историческая справка ведливость установлена. Однако для нас и потомков факт образования фамилии Леонтьев в истории семьи будет чётко обозначен событием 1929 года. Я попробую найти предков с фамилией Старухины. Ясно одно, что по кровной линии деда и прадеда я из рода Старухиных из Новгородчины.

ДВА БРАТА

В семье Бориса Егоровича и Лидии Михайловны Леонтьевых, как уже сказано выше, родились два сына: Сергей и Юрий.

Мой папа, Леонтьев Сергей Борисович, родился 4 ноября 1961 года в посёлке Кулотино Окуловского района Новгородской области. С 1969 по 1979 год учился и окончил среднюю школу №18 города Новгорода. Активно занимался спортом: кандидат в мастера спорта по спортивному ориентированию, занимал призовые места в городских и областных соревнованиях. Служил в Вооружённых силах СССР с 1981 по 1983 год. 1983—1988 — учился в Новгородском политехническом институте на специальности «Конструирование и производство радиоаппаратуры». По окончании получил диплом с отличием. В институте он познакомился с Пуриной Ольгой Владимировной, с которой учился в одной группе. В 1988 году они поженились. В 1990 году родилась я. Папа, с согласия мамы, назвал меня Жанной. По окончании института папа остался работать, а затем учился в аспирантуре Новгородского политехнического института. С 1994 по 1996 год по приглашению администрации города Новгорода работал главным специалистом комитета по организационной работе и кадровой политике. В 1996—2004 гг. он был руководителем Центра региональных и муниципальных исследований в Муниципальном научно-образовательном

учреждении «Диалог». 24 июля 2004 года Сергей Борисович Леонтьев умер и похоронен на Западном кладбище Великого Новгорода.

Мой дядя Юрий Борисович Леонтьев родился в Новгороде в 1966 году. После окончания средней школы № 18 города Новгорода он поступил в военное училище на морское отделение. Затем семь лет служил в Североморске на военном корабле, а в 1994 году поступил в военную Академию, где и остался работать после её окончания. Сейчас он в звании подполковника. В 1988 году Юрий Борисович женился. В семье — сын Максим (1990 г.р.). Всей семьёй они проживают в Санкт-Петербурге.

Сергей и Юрий Леонтьевы

В юности братья проводили много времени вместе, занимаясь спортивным ориентированием. Позже, повзрослев, стали работать в одной и той же профессиональной сфере. Высокий уровень профессиональных навыков в программировании ПК отмечался всеми их сослуживцами.

Хочется выразить благодарность родителям, моим бабушке и дедушке — Лидии Михайловне и Борису Егоровичу — за воспитание достойных сыновей.

МОЯ БЛИЖАЙШАЯ

ПОРОДНЁННАЯ ФАМИЛИЯ: ПУРИНЫ

Девичья фамилия моей матери Пурина является для меня породнённой. Так как эту фамилию носят мои дедушка и бабушка, я решила подробнее узнать историю семьи со стороны матери, обратившись к документам, хранящимся у дедушки и бабушки. Так же в сети Интернет мне удалось найти документ «Книга памяти жертв политических репрессий Новгородской области» Т. 1—9. (Ряд справок уточнён по архивным и печатным данным в Центре «Возвращённые имена» при Российской национальной библиотеке), в котором упоминались мои предки IV и V колена. Этот документ ценен для нашей семьи тем, что из него мы узнали имена предков, место их жительства, а также годы жизни. Оказалось, что родители моего прадедушки — Карп Андреевич Пурин (1860 г.р.) и Эмилия Пурина (1865 г.р.) — проживали в деревне Долгово Новгородского района Новгородской области. Из документа ясно, что Карп Андреевич являлся служителем религиозного культа, из-за чего вся семья в 1933 году была лишена избирательных прав.

У Эмили и Карпа было двое детей: Ян (1905 г.р.) и Берта (1908 г.р.).

Документы моего прадедушки Пурина Яна Карповича и прабабушки Земледельцевой Веры Александровны сохранились. С 1931 по 1937 год Пурин Ян Карпович учился в Ленинградском государственном университете по специальности «Физическая география» и ему присвоена квалификация физико-географа. В 1934 году он женился на Земледельцевой Вере Александровне, а в 1937 году у них родился первый сын, Арнольд. В 1938 году они переехали в Новгород, и в 1940 году родился второй сын, Владимир. С 1938 г. по август 1941 г. прадедушка работал в средней школе № 38 Октябрьской железной дороги (позднее школа № 14 Ленинградской железной дороги) учителем географии. Адрес школы: ст. Новгород, пл. 9 Января, 10 (современный — Великий Новгород, Людогоса ул., 4). В 1941 году, когда началась война, прадедушка перевёз семью в село Лажи Лебяжского района Кировской области. С октября 1941 года он служил в рядах Р.К.К.А. (Рабоче-крестьянская Красная Армия). От прадедушки сохранились два письма, которые он прислал с фронта. Последнее из них написано за два дня до смерти: «28/XI-42 г. Вера! Вот уже несколько дней как тебе не писал и от тебя не получал письма. Здесь на переднем крае иначе чем в тылу<...>учие (написано неразборчиво — Ж.Л.) двоим не повезло. Вообще дело здесь развивается бурно. Пока жив и здоров. Погода довольно холодная, но до сего времени все устраивалось и особенно не мерз. Основное — это ночами холодно. Как у тебя, Верочка,

с ребятами, все ли вы сыты и здоровы, и как с дровами? Буду жив и здоров — при первой возможности опять напишу. Все не опишешь. Хотелось бы чтобы и ты со своими мыслями была бы со мной и делом то что просил при расставании. Целуй Нолечку и Вовочку. Привет няне. Пока, всего доброго. Ян». Вера Александровна Земледельцева в село Лажи Лебяжского района Кировской области пришла похоронка: «1 декабря 1942 г. Гвардии Лейтенант Пурин Ян Карпович Заместитель командира 4 Стрелковой Роты 125 Гвардейского Стрелкового полка в бою за социалистическую Родину, верный воинской присяге, проявив героизм и мужество, был убит. Похоронен в районе деревни Стрелицы Половекло<...> (написано неразборчиво — Ж.Л.) района Ленинградской области».

Моя прабабушка, Земледельцева Вера Александровна, родилась 16 (30) сентября 1905 г. в городе Валдай Новгородской области. С 1 сентября 1920 года по 1 июня 1924 года она «обучалась и окончила полный курс Новгородской третьей Советской Школы второй ступени,

обнаружив достаточные познания и необходимое общее развитие». Поступила в Новгородский медицинский техникум в сентябре 1924 году и окончила его 27 июня 1927 года по акушерскому отделению. В 1932 году поступила и в 1937 году окончила полный курс Второго ленинградского медицинского института по специальности «Лечебное дело», и решением Государственной экзаменационной комиссии от 1-го декабря 1937 года ей присвоена квалификация врача. В 1934 году, как уже описывалось ранее, она вышла замуж за Пурина Яна Карповича, и у них родились двое сыновей. Моя прабабушка работала врачом акушером-гинекологом в Новгородском родильном доме № 1. 9 февраля 1970 года она умерла и похоронена на Петровском кладбище города Новгорода.

**Вера Александровна Земледельцева
с сыном Володи**

Мой дедушка, Владимир Янович Пурин, родился 31 января 1940 года в г. Новгороде. С 1948 по 1958 год учился в школе № 10 на ул. Большевиков в Новгороде. Служил в Вооружённых силах СССР с 1959 по 1962 год. В 1965 году женился на Нелли Александровне Пуриной (урождённой Бальзаминовой, 1944 г.р.), и в том же году родилась моя мама, Пурин Ольга Владимировна. Дедушка всю свою трудовую жизнь (с 1963 по 2004 год) проработал на Новгородском заводе полупроводниковых приборов имени Ленинского Комсомола (НЗЛК): в цехе № 10 — наладчиком; в цехе № 1 — старшим инженером-метрологом; в АСУП (автоматизированная система управления производством) — начальником бюро эксплуатации вычислительной техники. В 1973 по 1979 год учился на вечернем отделении Новгородского политехнического института по специальности «Конструирование и производство радиоаппаратуры». Сейчас он на пенсии.

Сейчас он на пенсии.

Когда-нибудь и мы станем родителями, бабушками и дедушками, и наши потомки будут оглядываться на нашу жизнь, стремясь узнать, какими были мы и наши предки. Поэтому я ощутила необходимость составления своей родословной и архива, чтобы передать их своим потомкам.

Изучая архивные документы, я перевела все доступные в нашей семье документы в цифровой вид (отсканировала). Это упростило мою дальнейшую работу с ними, т.к. документы находятся у разных членов семьи и не всегда есть возможность их использовать. В дальнейшем я планирую разместить свою родословную в Интернете, чтобы родственники, живущие в других городах и странах, могли ознакомиться с данной информацией.

Хочется выразить благодарность всем родным за активное участие в этой работе и за помощь мне в поиске нужной информации.

И.А. Мельников

200 лет роду Мельниковых

Для того чтобы глубже осознать включённость каждого отдельного человека в исторический процесс, в развитие России и мира, стоит обратиться к своим корням, вспомнить своих предков и осознать всю важность исторической памяти, которая подчас помогает ориентироваться в настоящем, опираясь на опыт прошлого. Нация как политическое образование не является чем-то абстрактным и оторванным от жизни, но, напротив, она формируется из отдельных людей, чьи судьбы тесно переплетены между собой.

Изучение истории своего рода является также и своеобразным процессом более глубокого ознакомления с историей своей страны, благодаря которому появляется возможность узнать многие исторические перипетии, не столь значимые по отношению к более крупным событиям, но, тем не менее, очень серьёзно повлиявшие на судьбы конкретных людей.

Важно отметить, что любое генеалогическое изыскание должно быть по возможности подкреплено документами либо письменными, устными свидетельствами минувших дней. Безусловно, письменные документы являются более достоверными источниками информации. Однако не только они способны помочь нам в сложном деле изучения истории своего рода. Устные свидетельства также могут дать важную информацию о жизни наших предков, но для подтверждения необходимо обязательно сверять их с теми или иными историческими фактами, могущими подтвердить или опровергнуть подлинность подобных рассказов.

Принимая во внимание все вышеназванные особенности проведения исследовательской работы, я предпринял попытку осуществить исследование истории своего рода, своей семьи. В этой работе я использовал как письменные источники и материалы, хранящиеся в домашнем архиве и архивах г. Новгорода, так и устные свидетельства своих родственников, которые были очевидцами рассказываемых событий или сами в своё время восприняли эти рассказы от своих близких. В данной исследовательской работе прослежена история только по прямому родству, а именно — род Мельниковых. К сожалению, объём работы не позволил проследить всех многочисленных родственников по боковым линиям.

Фамилия Мельниковы появилась благодаря основной специализации моего далёкого предка, Разорёнова Антона, который занимался помолом муки в д. Белая Гора. Его дети получили прозвища Мельниковы.

Сам Разорёнов, его сын Иван Мельников и внук Иван жили в деревне Белая Гора, которая располагается на живописном берегу реки Мсты. Когда возникла эта деревня, точно сказать невозможно, однако к XIX веку она уже считалась довольно старой. В 1859 году в деревне было 62 двора и 165 душ мужского пола. К 1914 году её население разрослось почти вдвое и в это время в ней насчитывалось 117 дворов и 651 человек всех жителей*. Белая Гора входила в Холыньскую волость. 24 сентября 1817 года она была передана в военное управление для претворения в жизнь идеи печально известных военных поселений Аракчеева. Жители Холыньской волости неоднократно посылали прошения на имя императрицы, чтобы их освободили от обязанностей пахотных

солдат, но безуспешно. На все прошения власти отвечали совершенно неадекватными репрессивными мерами. Это вызвало волнения и бунт поселян против подобной неразумной затеи царского правительства, произошедшие в 1818 году при официальном оглашении приказа о переводе в военные поселения жителей деревень Холынья, Новоселицы, Белая Гора и др. Зачинщики волнения были жестоко наказаны высылкой в штрафные батальоны. Окончательно военные поселения были расформированы в 1856—1857 годах, после смерти царя Николая I.

Вероятно, и семья Разорёнова была в своё время приписана к этому военному поселению, но точных сведений об этом нет. Эта версия подтверждается рассказами стариков (прадеда и прабабки) о том, что Разорёновы — Мельниковы были «пахотными солдатами».

Сам Антон имел в Белой Горе дом и мельницу. Также был и свой большой дом у его младшего сына, Ивана. После коллективизации и войны он был утерян.

Антон Разорёнов, как уже говорилось выше, был мельником. От его брака с Пелагеей (отчество неизвестно) у него

* Л.А. Секретарь, Л.А. Филиппова. По Приильменью. Л., 1991. С.190.

родилось двое сыновей: Никита и Иван. Когда возникла потребность в отделе, Антон поставил мельницу своему старшему сыну, Никите. Младший же сын, Иван, не пошёл по стопам деда: стал работать печником и кровельщиком.

Мельников Иван Антонович служил в царской армии унтер-офицером с 1896 по 1899 годы. После возвращения из армии он один год, с 1905 по 1906, служил в полиции.

Благодаря напряжённому труду он сколотил крепкое крестьянское хозяйство, так что его семья считалась весьма зажиточной. Помимо возделывания земли Иван Антонович после революции занимался ещё сепарированием молока и продажей масла. Именно поэтому его семья попала под удар во время тяжёлой, но необходимой в то время нашей стране коллективизации. Согласно архивной справке, полученной в Государственном архиве Новгородской области в 1995 году, Мельников Иван Антонович был лишён права голоса в 1929 году как бывший служащий полиции, а также за использование сепаратора и применение наёмного труда. В 1932 году его как единоличника обложили налогом. В 1935 же году им было подано ходатайство о восстановлении в правах в президиум Леноблисполкома. В своём заявлении он писал: *«В 1932 году отобрали у меня... 1 дом, 1 двор, 1 корову, 1 я сдал на мясозаготовки, 1 телегу на железном ходу, 1 плуг, 1 самовар, 1 шкаф плательный...»*.

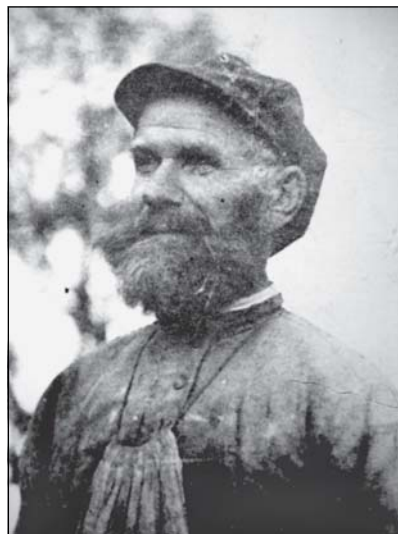
В 1935 году Иван Антонович решением Леноблисполкома в правах был восстановлен, было принято решение вернуть ему отобранное имущество.

Эти тяжёлые годы вспоминал позднее его сын, Мельников Иван Иванович: *«В 1929 году отца лишили голоса. Он не придал значения, буду тише, говорит. Но через некоторое время предъявили творозадание на госпоставки, норма двойная молока, мяса, яиц, шерсть, зерно и прочее... Все тянулось до 1932-го»*.

*Я в то время работал на торфопереработки в Болотники и жил в общежитии. Подошел в доме — ворота забиты поперек доской. Суседи мне показали, где отец и мать и сеутренка 12 лет. Оне были в пустом развалившем доме, сидели по полу вокруг чегунка, в котором была сварена картошка в мундире. Все боялись пустить в дом раскулаченова, не нажить бы беды. На отца очень тяжело подействовало такое притеснение...»***.

** Из письменных воспоминаний Мельникова И.И., хранящихся в семейном архиве. Сохранена орфография оригинала.

После восстановления в правах Иван Антонович вступил в колхоз. Однако позже его младший сын Иван предлагал ему переехать в Ленинград, дабы этим избежать опасности ареста. Но Иван Антонович, бывший в то время семидесятилетним стариком, не захотел менять насиженного места и остался в Белой Горе, за что в дальнейшем и поплатился своей жизнью. Его расстреляли за «контрреволюционную вредительскую деятельность» в 1937 году. Основанием послужило всего три надуманных эпизода следственного дела, хранящегося в архиве ФСБ НО за № 1а/10736. В качестве основного «преступления» ему вменялось то, что он два раза, во время посевной и во время молотбы хлеба, пригласил крестьян крыть крыши казарм в Новоселицах, а в 1937 году, якобы с вредительской целью, сложил печи в колхозной риге так, что во время их топки рига загорелась, а также то, что он и его сыновья «вели контрреволюционную агитацию» среди членов колхоза (см. Приложение 2). Припомнили ему и его бывшую службу в царской

Иван Антонович Мельников.
Фото начала 1930-х гг. Запечатлён в момент работы, в рабочей одежде

армии, и поражение в правах в 1929 году. Не обошлось и без курьёзов, если в данном случае применимо такое слово. В протоколе допроса одного из двух «свидетелей» на листе дела 80б. сказано, что *«Мельников И.А. имел тесную связь с командиром кавполка, который был арестован после суда банды итионов Тухачевского»*. Таким образом, простой сельский печник косвенно связывался с командармом Тухачевским.

Мельников Иван Антонович имел пять детей от брака с Пасковей Тимофеевной: Василия, Дмитрия, Ивана (много прадеда), Михаила и Анастасию (см. Приложение 1). Двое из них, Михаил и Дмитрий, воевали, погибли на Ленинградском фронте. До войны Михаил Иванович работал лесником и кузнецом в колхозе. Воевал он в составе Второй Ударной армии и сейчас погребён в районе Мясного бора.

Мельников Иван Иванович, мой прадед, родился в Белой Горе. Там же он получил и начальное образование в церковно-приходской школе. По его воспоминаниям, записанным мною в 1997 году: *«Учились мы при лучине. Книжки были большие, церковные, с полметра. Библии, наверное. На одной стороне — картинка, а на другой написано, что изображено»*.

До войны Иван Иванович помогал отцу в торговле и сельском хозяйстве, а также периодически уезжал на заработки в Ленинград. В конце 30-х он вернулся в Белую Гору, где работал заведующим сливным пунктом молокозавода. Но в 1942 году был выслан из прифронтовой территории во внеуровневые пункты в Сибири, в Кемеровскую

Иван Иванович Мельников,
его жена Александра Александровна и сын Виктор. 1936 год.

область, как сын «врага народа» (см. **Приложение 3**). В ссылку он уехал вместе с семьёй — женой Александрой Александровной и шестилетним сыном Виктором. Пробыв в ссылке до 1947 года, он снова вернулся в Белую Гору и вместе с семьёй переехал жить в соседнее село Бронница. «Поближе к дороге», — говорил Иван Иванович. Село Бронница располагалось на старой дороге Санкт-Петербург—Москва. Там он работал на фарфоровом заводе «Возрождение», имел свой деревянный дом.

Когда же старший сын Виктор в 1958 году женился на Любви Ивановне (в девичестве Жариновой), родители начали строить для него каменный дом на ул. Садовой.

После этого прадеда вызвали в сельский совет и объявили, что иметь два дома одной семье не положено. В 1962 г. он, вместе с прабабушкой Александрой Александровной, переехал в новый дом — первый каменный дом на ул. Садовой, где и прожил до самой своей смерти в 1999 году.

Кроме работы на фарфоровом заводе «Возрождение», заработком для прадеда Ивана Ивановича также было соление и продажа огурцов. Это отчасти обуславливалось местными традициями восточного Приильмения: было весьма распространено выращивание и соление огурцов, которые в больших бочках могли храниться в погребках или колодцах значительное время. Свежие и солёные огурцы возили на продажу в Петербург. В этом деле Ивану Ивановичу активно помогал его сын, Виктор. Большую часть огорода засевали огурцами, укропом, чесноком и луком, которые специально бережно выращивались, как необходимая приправа к солению.

В 1997 году Мельникову Ивану Ивановичу присвоили звание почётного жителя села Бронница.

Мне ещё удалось пообщаться со своим прадедом — старшим представителем рода Мельниковых.

В 1936 году Иван Иванович женился на Александре Александровне Галкиной, которая родилась в деревне Бараниха, что расположена в 20-ти километрах от Белой Горы также на живописном берегу Мсты. От этого брака у них родились двое сыновей: Виктор (мой дед) и Владимир.

Виктор короткое время жил в Новгороде, работал киномехаником, но в 1958 году обосновался у родителей в Броннице. Он перенёс на себе все тяготы поколения, родившегося перед войной. Однако жизнь продолжалась и после военного разорения. Виктор очень увлекался техникой, заработанные средства позволили ему уже в то время приобрести в личную собственность один из первых мотоциклов отечественного производства — «ИЖ». На нём он периодически участвовал в гонках, которые проводились в Броннице и устраивались на «городке». Так называют жители села гору, возвышающуюся в центре Бронницы, на вершине которой стоит старинная Введенская церковь. На этой горе устраивали трассы для гонок на мотоциклах. Во время соревнований Виктор Иванович несколько раз был победителем.

Он сменил совершенно различные профессии — работал и каменщиком, и киномехаником. В конце концов Виктор Иванович устроил-

ся на фарфоровый завод.

От брака Мельникова Виктора Ивановича и Любви Ивановны Жариновой, также проживавшей в Броннице, в 1959 году родился мой отец, Андрей Викторович.

В 1987 году он женился на Татьяне Ивановне Долдо, моей матери, которая по распределению после окончания университета приехала работать в Новгород.

Родилась она в г. Почеп Брянской области. Происходит из казаков Стародубского полка.

От их брака 25 октября 1988 года родился я, Илья Андреевич Мельников.

Таким образом, историю рода Мельниковых можно проследить более или менее документировано вглубь до 1815 года, т.е. можно говорить о почти

двухсотлетней его истории. За это время он пережил важнейшие исторические вехи русского государства — и арачеевщину, и освобождение крестьян, и революцию, и коллективизацию, репрессии 1937 года, и Великую Отечественную войну, а также все события новейшей истории России. На этом история его не обрывается, как и не обрывается история нашей страны.

Виктор Иванович Мельников. 1950-е гг.

Иван Иванович и Александра Александровна Мельниковы

ПРИЛОЖЕНИЕ 1. РОДОСЛОВНОЕ ДРЕВО РОДА МЕЛЬНИКОВЫХ

1) Разорёнов Антон. О нём сохранились лишь устные воспоминания его внука, Мельникова Ивана Ивановича. От его брака родились два сына (см. далее). По национальности русский. Известно, что он проживал в д. Белая Гора и имел свою мельницу. Когда возникла потребность в разделе, он построил ещё одну мельницу старшему сыну Никите, но она у того сгорела. В дальнейшем он жил в доме своего младшего сына Мельникова Ивана и умер в глубокой старости в 1911 году.

2) Пелагея, жена Разорёнова Антона. Точных сведений о ней не сохранилось.

3) Мельников Никита Антонович, старший сын Антона Разорёнова. Получил от него мельницу, а сам был наделён прозвищем «Мельников», так как у его отца была мельница.

4) Мельников Иван Антонович, младший сын Антона Разорёнова. Обширный материал, связанный с его личностью, содержится в архивных документах ФСБ НО (Следственное дело № 89945) и в Новгородском областном архиве, а также в письменном воспоминании его сына, Мельникова Ивана Ивановича. Служил в царской армии с 1896 по 1899 год, где дослужился до звания унтер-офицера. В дальнейшем он вернулся в д. Белая Гора, где стал заниматься крестьянским трудом, продавал масло и молоко. Также работал печником и кровельщиком. В 1934 году вступил в колхоз. В 1937 году был расстрелян. Реабилитирован в соответствии Указом Президиума ВС СССР от 16 января 1989 года.

5) Мельникова Прасковия Тимофеевна, жена Ивана Антоновича. Точных сведений о месте её рождения нет. Жила с мужем в Белой Горе. После его расстрела вскоре умерла.

6) Мельников Василий Иванович. Воевал в Финскую войну. После войны работал заведующим фермой.

7) Мельников Дмитрий Иванович. До войны был бригадиром в колхозе. В ВОВ был ранен, скончался по дороге в госпиталь.

8) Мельников Иван Иванович. До войны, в 1932 году, работал на торфоразработках в Болотниках, потом — в Ленинграде. Перед войной вернулся в Белую Гору и был в начале войны выслан во внеуровневые пункты в Сибирь как сын репрессированного. По возвращении оттуда после войны переехал в с. Бронница, где работал на фарфоровом заводе. Был профессиональным печником.

9) Мельников Михаил Иванович. Был кузнецом в колхозной кузне. В 1941 призван на фронт. Воевал в составе 2-й Ударной Армии. Погиб во время Великой Отечественной войны.

10) Мельникова Анастасия Ивановна. Проживала в д. Белая Гора.

11) Мельникова (урожд. Галкина) Александра Ивановна, жена Мельникова И.И. Родилась в д. Бараниха. Вместе с мужем и трёхгодовалым сыном Виктором поехала в ссылку в Кемеровскую область.

12) Мельников Виктор Иванович. Родился в Белой Горе. Работал каменщиком. В конце 1950-х гг. переехал в Новгород. Работал киномехаником в кинотеатре «Родина». В последние годы жизни работал на фаянсовом заводе «Возрождение» в селе Бронница.

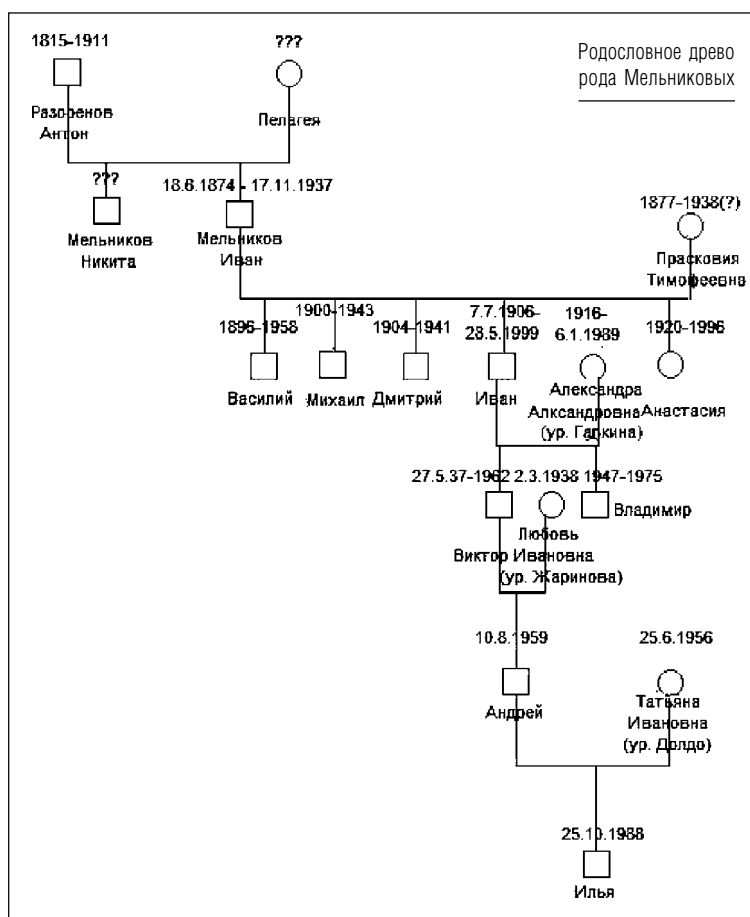
13) Мельникова (урожд. Жаринова) Любовь Ивановна. Родилась в Броннице. Закончила заочно финансовый техникум в Ленинграде. Работала бухгалтером, главным бухгалтером строительного треста № 48 в Новгороде до выхода на пенсию. Сейчас живет в Новгороде.

14) Мельников Владимир Иванович. Младший сын Мельникова И.И. Родился в Броннице.

15) Мельников Андрей Викторович. Родился в пос. Пролетарий в трёх километрах от села Бронница.

16) Мельникова (урожд. Долдо) Татьяна Ивановна (1956). Родилась в г. Почеп Брянской области. После окончания юридического факультета по распределению переехала в Новгород в 1981 году.

17) Мельников Илья Андреевич. Родился в Новгороде. В настоящее время — студент НовГУ им. Ярослава Мудрого.

Пётр Хрисанфович Оболянинов

На окраине посёлка Батецкий, одного из районных центров Новгородской области, до сих пор сохранились остатки старинного усадебного парка: многовековые дубы, большой прямоугольный пруд, аллея двухсотлетних лип, протянувшаяся вдоль длинной стороны пруда. И хотя не сохранились постройки и только фундаменты говорят о местах их прежнего размещения, чудится, что усадьба жива и слышатся отголоски её прежней неспешной жизни. И как триста лет назад, начавшаяся у усадьбы, убегает на восток деревня Дубцы, превратившаяся теперь в поселковую улицу. Владельцами деревни и усадьбы Дубцы были представители одной из ветвей древнего небогатого дворянского рода — Оболяниновы. Все они несли царскую службу, высоких чинов не достигали, и потомкам их фамилия ничего не говорила бы, если бы в их роду не было Петра Хрисанфовича, человека, пользовавшегося большим расположением Павла Петровича и в короткое его царствование сделавшего головокружительную карьеру. Правда, и его имя известно только людям, интересующимся русской историей и, в частности, личностью Павла I, его царствованием и цареубийством 11 марта 1801 года.

Во всех биографических справочниках XIX — начала XX веков непременно приводятся о нём сведения, имеющие часто оттенок недоброжелательности. Современники не могли простить ему, человеку небогатому и незнатному, доверительной близости к императору и вознесения на высший государственный пост. Они преувеличивали его недостатки — необразованность, называя её безграмотностью; несдержанность и грубость, называя их «бешеным нравом», но вынуждены были признавать его честность и преданность государю. В некоторых изданиях и на Интернет-ресурсах сегодня приводятся слова фельдмаршала Каменского, публично обозвавшего Оболянинова «государственным вором, взяточником, дураком набитым», хотя эта характеристика совершенно не отражает действительности.

Любой человек неоднозначен по своей природе, и Пётр Хрисанфович Оболянинов не был исключением. Нарисуем, по возможности, объективный образ этого достаточно обыкновенного человека, поставленного волею судьбы в необыкновенные жизненные обстоятельства.

Усадьба Дубцы принадлежала деду Петра Хрисанфовича — Ефиму Васильевичу. Здесь родился и вырос его отец — Хрисанф, отсюда он ушёл служить в армию, а выйдя в отставку в чине полковника, поселился в Новоржевском уезде Псковской губернии в имении, полученном от отца.

Пётр родился в 1752 году и до 16-летнего возраста жил в поместье отца. В статье о нём, помещённой в «Русском биографическом словаре», говорится, что то ли из-за ограниченности средств родителей, то ли из-за невысокого уровня их собственной образованности, он обучен был дома только чтению и письму. В 1768 году его записали кадетом в армию, и в том же году он начал службу. Хотя его базовое образование было более чем скромное, он стал успешно продвигаться по службе благодаря усердию, исполнительности и дисциплинированности. Через десять лет службы он был секунд-майором, а через два года, в 1780 году, в чине премьер-майора ушёл в отставку. После трёх лет бездействия, в 1783 году, Оболянинов поступил в гражданскую службу губернским стряпчим в Псковское наместническое правление. Его честность, исполнительность и точность довольно быстро двигали его по служебной лестнице. Вскоре он был назначен советником в гражданскую палату наместничества, а в 1792 году с чином надворного советника переведён на ту же должность в казённую палату. В 1793 году Оболянинов в чине подполковника возвращается на военную службу по адмиралтейскому ведомству, а через два года его переводят в Гатчинский полк и производят в полковники.

На этом заканчивается первый период его жизни, вполне заурядный, ничего не суливший ему в будущем, и начинается второй — с 1795 г. по март 1801 г. — феерический карьерный

взлёт от армейского полковника до генерала от инфантерии и генерал-прокурора, второго лица в государстве.

Гатчина (Хотчина), древнее поселение на Новгородской земле, при Петре I принадлежала его сестре Наталье, потом Екатерина II подарила её Григорию Орлову, а после его смерти выкупила её у его наследников и в 1783 году предоставила в собственность цесаревича Павла Петровича. В это время он только что вернулся из Европы, где в течение двух лет путешествовал с Марией Фёдоровной инкогнито под именем князей Северных. Во время путешествия они посетили ряд королевских дворов, где Павел всех очаровал своими манерами, образованностью и остроумием. В Берлине он познакомился с прусской армией. Её организация, выучка и даже форма произвели на него неизгладимое впечатление. И вот, получив Гатчину, он решает создать в ней армию по прусскому образцу.

Ещё в юности Павел был пожалован генерал-адмиралом Российского флота и шефом Кирасирского полка. Теперь он потребовал батальон морских солдат с артиллерией и эскадрон кирасир. Разделив их на мелкие отряды, каждый из которых соответствовал полку, он сформировал гатчинскую армию, нечто вроде потешных полков, с прусской организацией, муштрой и формой. Дворяне служить в этой армии отказывались, и офицерские должности в ней занимали люди низкого происхождения, преимущественно малороссы.

Вот в эту армию и вступил в 1795 году П.Х. Оболянинов. Очень скоро Павел обратил внимание на дисциплинированного, пунктуального полковника, безукоризненно выполняющего все приказы и добывающегося того же от подчинённых. Прошло немного времени, и Пётр Хрисанфович вошёл в очень небольшой круг людей, с которыми Павел Петрович

и его супруга коротали вечера: Кутайсов, бывший брадобрей, адмирал П.Г. Кушелев, полковники-артиллеристы Аракчеев и Кутлубицкий, барон Николай, один из образованнейших людей своего времени, бывший в юности Павла его преподавателем, баронесса Ливен, воспитательница дочерей Павла. Саблуков, давая краткую характеристику этим людям, об Оболянинове пишет — честный, услужливый, благочестивый, и повторяет в другом месте — добрый, честный. В короткое время Оболянинов приобрёл доверие и дружбу Павла, которые не претерпели изменения до кончины последнего. В этот период времени Пётр Хрисанфович женился на Анне Александровне Ермолаевой, в первом браке Ордын-Нащёкиной. «Была она очень добрая и приветливая женщина, собою красавица, но очень простовата и безо всякого образования», — вспоминала о ней Е.П. Янькова.

6 ноября 1797 года в 9 ч. 45 мин. от апоплексического удара внезапно скончалась Екатерина II. Известие об этом доставил в Гатчину прискакавший срочно из Петербурга Николай Zubov. (По иронии судьбы в роковую ночь 11 марта первый удар императору был нанесён им же.) Павел немедленно отправился в Петербург. В 12 часов ночи в придворной церкви высшим духовенством, всеми сановниками и придворными чинами совершена была присяга на верность императору Павлу Петровичу. Вместе с тем, согласно кабинетному предначертанию Павла, впервые со времени Петра Великого принесена была присяга как наследнику престола старшему сыну воцарившегося государя великому князю Александру Павловичу. (Сам закон о престолонаследии был принят во время коронации Павла.)

Павел взшёл на престол как законный монарх, однако атмосферу в Зимнем дворце этого времени современники описывают, пользуясь революционной терминологией: «Дворец взят штурмом». «Защумели шарфы, ботфорты, тесаки и, будто по завоеванию города, ворвались в покои везде военные люди с великим шумом» (Державин). «Началась ужасная суматоха, появились новые люди, новые сановники» (Саблуков). Отставка, опала, конфискация, высылка в деревни, изъятие подаренных Екатериной земель и одновременно — новые назначения, новые дарения.

Уже 7 ноября Оболянинов производится в генерал-майоры, получает орден св. Екатерины I ст. и вскоре назначается генерал-провиантмейстером. О деятельности Оболянинова в этой должности подробно описано в «Воспоминаниях» Д.Б. Мертваго, служившего под его началом с осени 1797 года вплоть до отставки Петра Хрисанфовича. Оболянинов, по-видимому, не представлял себе, как наладить дела в запущенном провиантском ведомстве, где всё шло само по себе: без планов, отчётов, какой-либо системы. А задача была серьёзнейшая — надо было знать размещение войск на всём пространстве государства, их численность, рассчитывать нужные объёмы продовольствия для людей и лошадей, определять места заготовки продовольствия и способы его доставки. Оболянинов бранился, подчинённые его жаловались, что он «не печётся о их счастье», а «дела были недвижимы». Но следует отдать должное Оболянинову, не умея сделать сам, он умел разглядеть людей, способных сделать, и привлечь их. Он проявил большую

настойчивость, добиваясь согласия Мертваго поступить на службу в провиантское ведомство. В своих воспоминаниях Мертваго объясняет свой первоначальный отказ тем, что «не имел охоты служить под началом человека, к которому ему трудно было иметь чувство повиновения», так как за два года до этого они были в одном звании.

Ознакомившись с состоянием дел, Мертваго изложил свои соображения по исправлению положения, и Оболянинов создал ему все возможные условия для работы. Во-первых, он «прислал карту соединения Балтийского моря с Каспийским, взятую им из кабинета государя, позволил купить атлас Российской империи и приступил к сочинению карты о судоходных реках». Был разработан план перевозки провианта по рекам для всех подразделений ведомства, составлены для них инструкции, определены их взаимные права и обязанности и введена систематическая отчётность в делах и финансах. Оболянинов вошёл в курс дел и, «имея

много здравого ума и досадливости, говоря о делах, изъяснял часто мнение, которое не ожидали от него услышать».

Департамент со времени его существования не давал финансовых отчётов. В середине 1798 года впервые был составлен отчёт за предыдущий год, и в нём была выявлена экономия в 1 700 000 рублей из ассигнованной суммы. Павел пожаловал Оболянинову бриллиантовые знаки ордена св. Александра Невского, а Мертваго — орден св. Анны 2 ст.

Здесь стоит сказать, что Павел редко награждал просто из расположения. Про Оболянинова писали, что на него «посыпались награды», но каждый раз для награды было основание, хотя, может быть, и не заслуживающее столь высокой оценки. Действительно, ему были пожалованы четыре из шести Российских орденов: все, кроме женского св. Екатерины и св. Георгия, дающего за военные заслуги. Один из этих четырёх — св. Вла-

димира — он получил уже от Николая I за успешную деятельность на посту Московского губернского предводителя дворянства.

Кроме Российских орденов Павел пожаловал ему Мальтийский крест, богато осыпанный бриллиантами. Этот крест, как и орден св. Александра Невского, был получен им за успешную работу провиантского ведомства, а вот орден Андрея Первозванного по торжественному случаю коронации Павла. Кроме орденов в разные моменты своей службы Пётр Хрисанфович получил две тысячи душ в Саратовской губернии и на 100 тысяч рублей подарков, в том числе серебряные и фарфоровые сервизы.

Павел внимательно следил за деятельностью всех военных департаментов, видел их недостатки и успехи и реагировал на них решительно и быстро. Так, он отправил в отставку Аракчеева, деловые качества которого очень ценил, за беспорядки в роченсальских артиллерийских ротах и дошедшие до Павла жалобы на проявленную им там жестокость по отношению к младшим чинам. Несмотря на уважение и доверие Павла к Оболянинову, служебная жизнь последнего была не безоблачна, не раз он впадал в немилость, часто по каким-то придворным проискам. В 1799 году не отпущены были провиантскому ведомству большие суммы, ему необходимые. Записка, составленная Мертваго, и личные объяснения Оболянинова

П.Х. Оболянинов.

Рис. А. Скино. Лит. К. Эргот

убедили Павла, что сокращение финансирования приведёт к тяжёлым последствиям снабжения армии, находящейся в непрерывном передвижении. Деньги были выделены и «даже более, чем следовало, и начальник мой стал сильнее прежнего. Государь, увидя его невиновность и зная о несправедливом на него гонении, пожаловал ему богатую табакерку с портретом. Я был произведён в генерал-майоры. Мы были опять в милости и славе, но завистников нажили много», — вспоминал Мертваго.

Отчёт за 1798 год показал экономии на 1 200 000 руб. Оболянинов получил Большой Мальтийский крест и дом в городе на углу Мойки и Почтамтского переулка. В следующем году провиантское ведомство перерасходовало ассигнованных средств на 1 700 000 руб., но Павел сказал, что при обстоятельствах этого года — перемещении войск, подорожании хлеба и сена и прочее, он ожидал, что перерасход будет больше, и наградил Мертваго и других провиантских чиновников землями, недавно отобранными в Саратовской и других губерниях от помещиков и переданными в казну.

С конца 1799 года Оболянинову стало известно о намерении государя назначить его генерал-прокурором. Учитывая переменчивый нрав Павла, уверенности в осуществлении такого назначения не было, но тем не менее. Оболянинов и Мертваго, с которым у него были очень доверительные отношения, стали обсуждать проекты устройства некоторых государственных дел и размышлять, как доводить их до сведения государя, не вызывая его раздражения и не оскорбляя самолюбия. Скорее всего, мысли эти возникали в голове у Мертваго, но вот что он тогда писал в своём дневнике: «...в это время я убедился, что Оболянинов честен, смел, умен и готов быть полезным, несмотря на то, что может тем причинить вред себе».

В декабре 1799 года Пётр Хрисанфович получил чин генерала от инфантерии (к тому времени он уже был генерал-лейтенантом) и был назначен сенатором в 1-е отделение с предписанием присутствовать на всех заседаниях Сената. С этого времени он только формально возглавлял Провиантский департамент, а всеми делами в нём ведал Мертваго.

2 февраля 1800 года был назначен на должность генерал-прокурора Сената, сменив на этом посту А.А. Беклемешева, занимавшего его, по мнению современников, «по праву» как человек умный, знающий, честный.

Царствование Павла было временем перемен в людях и делах. Он хотел воплотить в жизнь планы, выношенные в течение многих лет ожидания престола, воплотить сразу, стремительно, как будто предчувствуя, что ему отведено мало времени. Расчищая «тяжёлую старушечью, удушливую атмосферу позднего екатерининского времени», Павел одновременно подкладывал мину под своё царствование. Опыты, ссылки, конфискации, возвращение телесных наказаний, отмена права заочного «прохождения службы» дворянскими отроками — с одной стороны; щедрая раздача земель и крепостных, награждения титулами, высокими чинами и должностями, которые, однако, вскоре могли быть отобраны — с другой. Всё это рождало чувство неуверенности и униженности дворянства, того социального слоя, который был опорой самодержавия.

Смещение и перемещение стали приметой времени. При Екатерине II князь Вяземский был на посту генерал-прокурора 29 лет. За четырёхлетнее царствование Павла сменилось четыре генерал-прокурора: князь А.Б. Куракин, князь П.В. Лопухин, Л.А. Беклемешев. Последним был П.Х. Оболянинов: «...имел всех их менее способностей — и всё ему с рук

сходило». Ещё при Екатерине II Сенат стал утрачивать правительственные функции и приобретать судейский характер, зато генерал-прокурор, по идее власть наблюдающая, совместил в своём лице обязанности министров юстиции, внутренних дел и финансов.

Оболянинов вошёл в большую силу. У его дома на углу Мойки и Почтамтского переулка собиралось карет не менее, чем перед дворцом в дни приёмов, его аудиенции ожидали высшие военные и статские чины и сам военный губернатор Пален. Внешне всё было хорошо, но с исполнением новых обязанностей у Оболянинова возникло много трудностей, с которыми достойно справиться он не мог, несмотря на всю свою преданность государю и желание оправдать его доверие. Дело в том, что своей предыдущей службой он не был подготовлен к этой работе, а возможно, что и по складу своего ума, он не мог представить себе всю картину предстоящего дела и определить, в каком порядке

Дом Оболянинова. Угол Почтамтского переулка и набережной р. Мойки (Б. Морская). Фото автора, 2008 г.

следует решать заключённые в нём задачи. Он судил о деле, «как комиссионер, а не как человек государственный», писал о нём Мертваго. Вполне возможно, что Павел сам не обольщался государственными способностями Петра Хрисанфовича, недаром на пожалованном ему личном гербе повелел начертать девиз — «Твёрдостью и усердием». Однако дефицит преданных людей был так велик, что, выбирая между деловыми качествами и преданностью, он выбрал последнее.

Конечно, Оболянинов не был безграмотным в буквальном смысле этого слова и приобрёл какие-то познания будучи губернским стряпчим, но основательных знаний «даже в пределах того времени» у него не было. Не было и соответствующего его теперешнему положению в обществе и служебной иерархии воспитания. Незнание французского языка отделяло его невидимой, но вполне ощутимой стеной от общества, в котором он теперь жил и которое, в силу обстоятельств, заискивало перед ним, но внутренне не принимало и презирало, ибо он был «человек случайный и временщик», как говорил Янькова, при этом хорошо к нему расположенная.

И не было доброжелательного, более знающего и опытного человека рядом с ним, как Мертваго в провиантском ведомстве. По-видимому, Оболянинов рассчитывал, что таким человеком в сенатской канцелярии для него станет Сперанский, который служил при всех предшествующих павловских

генерал-прокурорах и был, по словам самого Сперанского, «если не по имени, то по самой вещи, правителем их канцелярии». Отставив Беклемешева, Павел приказал Оболянинову тотчас уволить всех прежних чиновников. «Сам государь предостерегал против меня его преемника, полагая меня в связях с Куракиным и Беклемешевым и им преданным: но генерал-прокурор (Оболянинов — Л.А.) горю за меня стоял и находил необходимым иметь при себе».

В итоге остался только один Сперанский. Понятно, что Оболянинов оставляет Сперанского, как ценного чиновника, но последний не идёт на деловые контакты с новым начальником. При первом представлении Оболянинову он разыгрывает странную маскарадную сцену, которую с его слов записывает Корф и в «Опыте биографий генерал-прокуроров и министров юстиции» перепечатывает Иванов: «Сперанский много наслушался о грубом нраве своего нового начальника...

В поздние годы своей жизни Сперанский любил сам рассказывать, что после милостей и особенного отличия, которыми он пользовался от прежних начальников, ему естественно не хотелось стать в общий ряд. Но как и чем выказать, что он не то, что другие? Наш экспедитор понимал, что многое должно решиться первым свиданием, первым впечатлением: и вот в назначенный день и час он является в переднюю грозного своего начальника. О нём докладывают. Оболянинов, когда Сперанский вошёл, сидел за письменным столом, спиной к двери. Через минуту он оборотился и, так сказать, остолбенел. Вместо неуклюжего, раболепного, трепещущего подьячего, какого он, вероятно, думал увидеть, перед ним стоял молодой человек, очень приличной наружности, в положении почтительном, но без всякого признака робости или за-

мешательства, и при том, что, кажется, его более всего поразило, не в обычном мундире, а во французском кафтане, в чулках и башмаках, в жабо и манжетах, в завитках и нудре, словом, в самом изысканном наряде того времени. Сперанский угадал чем взять над этой грубою натурою. Оболянинов обошёлся с ним так вежливо, как только умел. Впрочем, несмотря на первое благосклонное впечатление, служба Сперанского при новом начальнике была нелегка. В порывах необузданной вспыльчивости, Оболянинов не только беспрестанно бранился, но и щедро расточал угрозы кандалами, крепостью, каторгою, хотя всё это, при его доброй натуре, ограничивалось более только словами». Сперанский обижался, даже плакал, жаловался друзьям. Страдало его самолюбие, тем более обострённое, что он, будучи человеком образованным, способным, честолюбивым, не принадлежал к дворянскому сословию.

Итак, делового сотрудничества со Сперанским у Оболянинова не получилось. Помимо дел, постоянно направляемых в Сенат, было там ещё, по словам Лопухина, одиннадцать тысяч, скопившихся ко времени вступления в должность Оболянинова. Как реагировал Павел на ход дел в Сенате, свидетельств нет, но Мертвого в своих «Записках» упоминает о «неосмотрительных его докладах по сенатским делам».

Инертная канцелярия не способствовала быстрому продвижению дел, Пётр Хрисанфович раздражался, расточал ругательства и угрозы, которые никого не пугали, но оскорбляли. А к канцеляристам надо было иметь подход, чтобы они исполняли то, что обязаны были исполнять.

Ещё Екатерина II говорила о трудностях управления генерал-прокурорской канцелярией, давая наставления назначаемому на эту должность князю Вяземскому, и приводила в пример французского кардинала Ришелье, утверждавшего, что ему менее труда составляет управлять государством и «вводить в свои виды Европу, чем править королевского антикоморою».

При Сенате был карательный орган — Тайная экспедиция, и формально во главе её стоял генерал-прокурор, «однако главными вершителями политических дел были специальные чиновники — Макаров и Николаев». Николаеву постоянно поручались дела, связанные с высокими персонами — Зубовыми,

Зоричем, Куракиными, Разумовскими. Именно Николаев был главным мучителем Суворова в период его опалы.

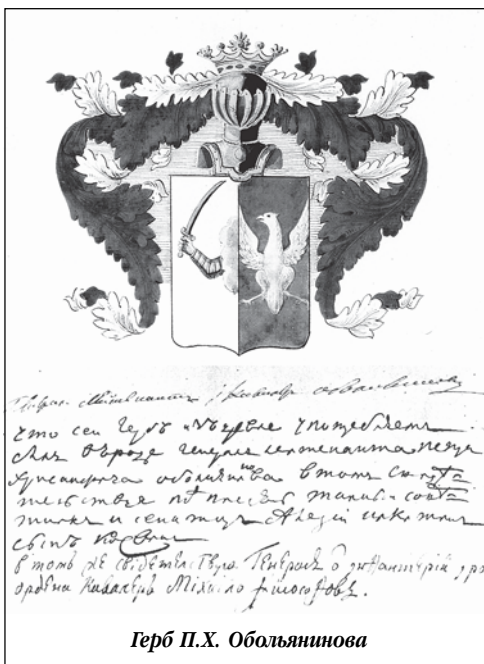
Шильдер, историк царствования Павла I и Александра I, при всём своём негативном отношении к деятельности и личности Оболянинова пишет, что он не был подстрекателем, а только бесприкословным исполнителем приказаний, а Саблуков, полковник Конного полка, человек чести и долга, утверждает, что Оболянинов много сделал, чтобы смягчить последствия вспыльчивости и строгости Павла I, будучи генерал-прокурором, «много старался о том, чтобы восстановить беспристрастие в судах».

Деятельность Тайной канцелярии в царствование Павла возросла по сравнению с Екатерининским в среднем с 25 дел в месяц до 180. Особенно зловещими были первые два месяца 1801 года, когда в Тай-

ную экспедицию было взято 68 человек. При таких темпах за год могло бы быть уже не 180 дел, а — 400. Естественно, что в глазах общества Оболянинов превращался в «инквизитора», хотя не был причастен ни к арестам, ни к следствию.

По мере возвышения Оболянинова росло и его тщеславие: из человека «доброго и честного он превращался в обыкновенного боярина». Проявлением такового были благодеяния, оказанные Зубовым. По воцелении Павла Зубовы были отправлены в свои деревни. Пожалованные императрицей имения были отобраны, оставлены только родовые, обременённые долгами. Оболянинов, по-видимому, желая показать свою силу, отсоветовал Павлу дарить эти имения герцогу Вюртембергскому, привёл их в порядок, исходатайствовал Зубовым прощение и, возвратив имения, сделал их богаче прежнего. Они стали своими людьми в его доме. Павел безоговорочно доверял Оболянинову и, соответственно, близким ему людям, а Пётр Хрисанфович, будучи человеком бесхитростным и простодушным, не заметил, как Зубовы превратили его дом в место встречи заговорщиков, в узкий круг которых они входили.

И в отношении Мертвого он принимает часто начальнический тон, делает несправедливые замечания «при многих», хотя все дела провиантского ведомства с конца 1799 года идут

под руководством Мертвого, и при распределении царских наград служащим департамента уравнивает его с прочими.

1 февраля царь и двор переезжают в Михайловский замок. С начала марта обстановка в замке крайне напряжена. Заговор уже готов к исполнению. Павел не знает о нём, но в тревоге, подозревает всех, кроме Оболянинова, действительно преданного, и Палена, военного генерал-губернатора — творца и главу заговора. Оболянинов что-то узнаёт, но, подозревая императрицу, он идёт по неправильному пути, или его искусно по этому пути направляют. Он предупреждает императора, но Пален рассеивает подозрения Павла. Заговорщики подготавливают несколько приказов на арест людей, преданных императору, среди них Оболянинов. Утром 11 марта Павел поручает Оболянинову привести к присяге великих князей Александра и Константина, что он и исполняет в церкви Михайловского замка. В 9 вечера Оболянинов уезжает из дворца домой. Павел по совету Палена приказывает заколотить дверь, ведущую в апартаменты Марии Фёдоровны, и удаляет конно-гвардейский караул верного ему полковника Саблукова, охранявший вход в его спальню.

В 12.30 по полуночи заговорщики проникают в спальню Павла.

В час ночи, когда Оболянинов ещё не заснул, к нему является плац-майор с командой с приказом об аресте. Пётр Хрисанфович отдаёт ему шпагу и его препровождают в ордонанс-гауз. Он не понимает причины такой внезапной немилости, но, не зная за собой вины, ложится в ордонанс-гаузе на канапе и засыпает. Когда рассвело, ему объявляют о кончине императора и разрешают вернуться домой, где к нему был приставлен караул. Приехавший к Оболянинову Мертвый по его просьбе отправился во дворец, где князь Зубов сказал ему, что Государь не имеет доверенности к Петру Хрисанфовичу и потому он не может быть генерал-прокурором. Оболянинов написал прошение об отставке, его не удерживали. 16 марта он уехал в Москву. По словам Е.П. Яньковой, он впоследствии любил во всеуслышание повторять: *«Я всею душою был предан покойному государю и чувствую, что служить опять так другому я не могу: и он легко остался бы не доволен, а, главное, и я сам, а потому лучше с честью идти на покой»*.

Последний — московский период жизни Петра Хрисанфовича — продолжался сорок лет, до его смерти в 1841 году. Москва его встретила не просто неприветливо, а враждебно. Ему было запрещено появляться в дворянском собрании, о нелицеприятном мнении фельдмаршала Каминского, высказанного публично, было написано выше. Московское родовитое дворянство не знало его и знать не хотело, он — «временщик», до обидного высоко поднявшийся при непопулярном императоре, и древний дворянский род его их с ним не примирял, так как он, род этот, был бедным, а похвальные качества Оболянинова их тем более не интересовали.

Однако Пётр Хрисанфович зажил в Москве широко и независимо, в собственном доме на углу Тверской и Садовой в сторону Тверской-Ямской. Дом был большой, с двумя флигелями, двором и садом, настоящая городская усадьба. Во время пожара 1812 года основное здание и один из флигелей сгорели, но Оболянинов с семьёй продолжал жить в сохранившемся флигеле.

Брак Петра Хрисанфовича с Анной Александровной был бездетным, но родственные чувства у него были очень выражены. У него были сестра и брат. *«Сестра Мария была замужем за полковником Симоновым, после смерти мужа осталась с очень скромным состоянием, и по ходатайству Петра Хрисанфовича ей было пожаловано имение в триста душ.*

У неё было два сына, Фёдор и Александр, и дочь Наталья, в девицах».

Брат Михаил вышел в отставку в чине подполковника, был псковским помещиком, женат был на Евфимии Евфимовне, умер в 1790 году. После его смерти остались его воспитанники — Александр и Михаил, скорее всего, внебрачные дети. Уже 13 ноября 1796 года Пётр Хрисанфович обращается с прошением к императору Павлу I разрешить воспитанникам умершего брата его Михаила Хрисанфовича — Александру и Михаилу принять фамилию Оболяниновых и вступить во все права законных детей. 26 ноября такой указ вышел, а в дальнейшем открыл путь к продвижению по службе. Встречается упоминание, что оба они были приняты в Пажеский корпус, но в списках воспитанников Пажеского корпуса есть только Михаил Оболянинов, в 1806 году он был камер-пажем, в 1808 г. — прапорщиком лейб-гвардии Преображенского полка. В Бородинском сражении ему снарядом оторвало ногу. После этого он ходил на деревянном протезе, но ещё до 1817 года продолжал службу в Пажеском корпусе. В отставку ушёл в чине полковника.

Продолжая разговор об отношении к родственникам, можно предположить с большой долей вероятности, что назначение его двоюродного брата Степана Фёдоровича Оболянинова в конце 1800 года Новгородским гражданским губернатором произошло не без участия Петра Хрисанфовича. Предуказная деятельность Степана Фёдоровича в качестве капитан-урядника Новгородского уезда никак не предполагала столь значительного возвышения. После событий 11 марта и отставки Петра Хрисанфовича губернаторство Степана Фёдоровича продолжалось недолго — до конца 1801 года.

В течение семнадцати лет Пётр Хрисанфович ведёт в Москве жизнь частного лица. Отношение московского общества к нему постепенно меняется. Высказывается мнение, что он расположил к себе «прежирными ободами», но если его гостеприимство действительно сыграло такую роль, то это бросает тень на общество, а не на него. В «Русском биографическом словаре» написано: *«...несмотря на опалу, он держался гордо и независимо, а редкая по тому времени честность и прямой характер снискали ему расположение лучшей части московского дворянства. В 1819 году он был избран губернским предводителем дворянства»*.

Должность предводителей дворянства была введена по острейшему образцу Екатериной II. Дворянство избирает двух кандидатов, из которых один утверждается государем. Губернский предводитель — первое лицо после губернатора, он имеет право по всем вопросам, касающимся дворянства, обращаться непосредственно к губернатору. На него возложено *«попечение о пользах дворянства и охрании в этом сословии благоустройства и порядка»* и, в том числе, хранение и употребление дворянской казны. Члены губернского присутствия избираются на совещаниях губернатора с предводителем дворянства.

Пётр Хрисанфович избирался на эту должность четырежды. В 1828 году избранный московским дворянством в четвёртый раз он решительно отказался.

В 1825 году в связи с событиями на Сенатской площади Оболянинов проявил незаурядное гражданское мужество. Он поднял голос в защиту князя Евгения Петровича Оболенского прошением о помиловании его или, по крайней мере, смягчении наказания. Смертная казнь Оболенскому — одному из трёх руководителей Северного общества — была заменена на пожизненную каторгу с лишением чинов и дворянства. Сыграло ли прошение Оболянинова роль в принятии этого решения или нет, в любом случае, его поступок вызывает уважение.

У Петра Хрисанфовича было имение Толожня в Новоторжском уезде Тверской губернии и ещё одно вблизи Москвы — Никольское-Горушки. Он очень любил в Горушках заниматься садом и разводил в нём множество цветов, которые никому не разрешалось рвать. Янькова рассказывает, как однажды к нему в гости приехала дама с сыном лет 10–12. Мальчик попросил разрешения погулять в саду, Пётр Хрисанфович разрешил, но строго наказал цветов не срывать:

— Ежели сорвёшь цветок — заставлю его съесть, слышишь, уговор дороже денег.

Когда мальчик вернулся, Оболянинов поинтересовался: «Нагулялся, натешился? Цветов не рвал?»

— Нет-с...

После обеда гости пошли в сад, и Пётр Хрисанфович углядел в кустах пучок сорванных цветов. Мальчик признался. Оболянинов заставил его съесть все сорванные цветы, несмотря на уговоры и извинения матери. Внук Яньковой — Д. Благово, который записал и издал рассказы своей бабушки, — вспоминал, что в детстве, когда ездил со старшими в Горушки, он всегда с ужасом смотрел на Оболянинова и мысли у него не возникало посягать на его цветы.

В доме у Оболяниновых было полно собак. Уже в передней чувствовалось, что в доме собаки — «так и охватит запах», если на колени вскочит, согнать нельзя — хозяйка обидится. Собаки были хозяевами в доме: спали на кровати, по ночам Пётр Хрисанфович по несколько раз вставал, чтобы выпустить какую-нибудь собачонку из комнаты, то выпустить обратно.

В 1822 году умерла Анна Александровна. Пётр Хрисанфович был неутешен. До конца жизни он спал на её кровати и укрывался одеялом, под которым она умерла. Племянник Михаил, выйдя в отставку, жил с дядей. Он, по словам Яньковой, был добрый и очень умный, и был бы красив, если бы лицо его не было сильно попорчено оспой. Он очень боялся своего дядю и в его присутствии всё больше молчал. Ни деревянная нога, ни испорченное оспой лицо не помешали ему жениться на княжне Елизавете Михайловне Горчаковой, сестре Александра Михайловича Горчакова, будущего канцлера, сокурсника Пушкина по лицей. Была она прекрасно образована и воспитана в немецких традициях, так как выросла в Ревеле, где жил её отец. Когда она хвалила что-нибудь немецкое, Пётр Хрисанфович очень сердился, ибо он любил всё только русское, да другого он и не знал. Однако когда она преждевременно умерла, он плакал и очень горевал: «Я лишился не племянницы, а дочери, и она оставила трёх сирот — двух дочерей и меня».

У Михаила Михайловича и Елизаветы Михайловны были три дочери: Анна, Елена и Екатерина, которые умерли от скарлатины. Потом у них родились ещё две дочери — Анна в 1835 году и Елена в 1837 году. В 1840 году Елизавета Михайловна умерла в родах.

Пётр Хрисанфович умер 1841 году на 90-м году жизни и был похоронен в своём поместье Толожня в Тверской губернии в церкви рядом с женой. Наследником его стал племянник Михаил Михайлович, а потом — его дочери. Они получили хорошее воспитание и образование, были фрейлинами Высочайшего двора. Анна вышла замуж за графа Адама Васильевича Олсуфьева. Двое её сыновей — Михаил и Дмитрий сочетали фундаментальное университетское образование с придворной и государственной службой. Дочь Елизавета окончила Высшие математические курсы. В семейном архиве хранится письмо Л.Н. Толстого, дающего прекрасную ей характеристику, несмотря на коренное различие их религиозного созерцания. Анна Михайловна умерла в 1899 году,

захоронена в селе Никольском Дмитровского уезда Московской губернии.

Елена Михайловна была второй женой Владимира Александровича Всеволожского, статского советника, ведущего свой род от Рюрика. У них были дочь Софья и сын Михаил. Умерла она в 1884 году, захоронена в селе Толожня Тверской губернии.

Михаил Михайлович не имел сыновей, и после его смерти в 1856 году эта ветвь родословного древа Оболяниновых прервалась. Захоронен он в Донском монастыре в Москве рядом с женой.

Всю свою долгую жизнь Пётр Хрисанфович прожил в согласии со своей совестью. Он был честен и некорыстолюбив и превыше всего ставил преданность государю и исполнение долга. При нём провиантское ведомство обрело целесообразную упорядоченность в планах, делах и финансах. Деятельность его в качестве генерал-прокурора была менее успешна. Одного усердия здесь было мало, так что ощутимой пользы он не принёс, но и вреда не причинил.

На эти должности он был назначаем государем, который переоценивал его возможности. А вот избрание, и тем более переизбрание в губернские предводители свидетельствовали об уважении и доверии к нему московского дворянства, которые он заслужил.

ИСТОЧНИКИ

- Герцен Л.И. Собрание сочинений. М., 1954—1965.
Записки Д.Б. Мертваго. М., 1867.
Опыт биографий генеральных-прокуроров и министров юстиции / Под ред. Иванова. М., 1864.
Провинциальный некрополь. Великий князь Николай Михайлович. М., 1914.
Рассказы бабушки. Из воспоминаний пяти поколений. Записанные и собранные ее внуком Д. Благово. СПб., 1885. Тип. А.С. Суворина.
РГИА. Ф. 1374. Оп. 1. Д. 347. Л. 1, 3. 1796 г. О пожаловании ген.-майору П. Оболянинову 2000 крестьян.
РГИА. Ф. 1374. Оп. 1. Д. 218. Л. 44. 1797 г. О пожаловании ген.-майору П.Х. Оболянинову 2000 крестьян в Саратовской губернии.
РГИА. Ф. 1374. Оп. 7. Д. 156. Л. 2. 1799 г. Об утверждении П.Х. Оболянинову герба.
РГИА. Ф. 796. Оп. 77. Ед. хр. 570. 1796 г. О разрешении воспитанникам умершего Михаила Хрисанфовича Оболянинова — Александру и Михаилу принять его фамилию и герб.
Руммель В.В. и Голубцов В.В. Родословный сборник русских дворянских фамилий. Т. 2. СПб., 1887. Изд. Суворина А.С.
Русский биографический словарь. В 20 томах на основе Энциклопедического словаря Эфрона и Брокгауза. Москва. 1998.
Русский биографический словарь, изданный под наблюдением председателя Императорского Русского Исторического общества А.А. Половцова. Статья «Оболянинов П.Х.» Составитель Е. Ястебцев. СПб., 1905.
Столетие города Гатчина 1796—1896 гг. Гатчина, 1896. Т. 1. Издание Дворцового управления.
Федорченко В. Дворянские роды. Российская империя в лицах. Красноярск; Москва, 2001.
Шильдер Н.К. Император Павел I. СПб., 1888 г. Воспоминания Лопухина. Т. 1.
Эйдельман Н.Я. Грань веков. М., 1982.
Эйдельман Н.Я. Мгновение славы настает. Л., 1989.
Энциклопедический словарь. Ф.А. Брокгауз и И.А. Ефрон. Л., 1991.

ЗДРАВЫЙ СМЫСЛ И МОРАЛЬНЫЕ ЦЕННОСТИ

О проблемах распределения молодых специалистов

Жизнь в демократическом государстве предполагает сосуществование свободных людей, отдающих отчёт в своих действиях и поступках. Каждый из них может выбирать собственный жизненный путь, осуществлять намеченные цели, проявлять свободу воли. Государство должно способствовать процветанию своих граждан, создавая условия для этого и поддерживая их соответствующими социальными гарантиями.

В основе сознательного самоопределения человека, движущегося к своей цели, лежат аксиологические и моральные ценности, имеющие положительное и перспективное значение для него. Эти ценности опираются на здравый смысл, *sensus communis* — порождение общественного сознания. *«Здравый смысл — это суждение без какой-либо рефлексии, чувствуемое сообща всем сословием, всем народом, всей нацией или всем Родом Человеческим»*¹. Он представляет *«Единообразные Идеи, зародившиеся у целых народов, не знающих друг о друге, должны иметь общее основание истины»*². Такие истины мы встречаем в Евангелических заповедях. Подобными здоровыми истинами мы руководствуемся в наших социальных действиях, они составляют праматику наших действий.

Здравый смысл образуется на основе практического опыта социума, синтезируя позитивные стороны этого опыта. Здравый смысл ментально, морально и духовно объединяет общество. Благодаря этому члены общества ориентируются в своём социальном пространстве. Здравый смысл — *«это чувство правильности и общего блага»*³. Я поступаю в соответствии со здоровым смыслом, тем самым, правильно. А если правильно — значит, полезно и продуктивно для меня, как и для всех членов сообщества. Тем самым, не навреди себе — и будь полезен для окружающих, для своих близких и общества в целом.

Сила здорового смысла заключается в том, что в нём органично объединены опыт, знания и вера. Пожалуй, только язык, совмещающий в своих единицах эти три «столпа» сознания, можно сопоставить с феноменом здорового смысла.

Здравый смысл опирается на коллективный опыт прошлого, но каждый раз он обращён в индивидуальное будущее. Молодой человек, выстраивающий перспективу своей жизни, неизбежно учитывает опыт предшествующих поколений, который воплощён в здоровом смысле. При этом он не может сомневаться в истинности предполагаемых, планируемых событий.

Выражение в цели сознательного отношения молодого человека к своей будущей деятельности, её средствам и результатам вносит существенные изменения в структуру его мотивационной сферы, как и в его нравственные переживания. Результатом целесообразной деятельности, воплощающей субъективный смысл бытия в его объективных изменениях, является способность сознания отсчитывать нравственно-психологический эквивалент объективно-реального времени. В индивидуальном моральном сознании мысленное конструирование и переживание будущего имеет все ценностные признаки реальных событий. Последовательность жизненных событий «школа — вуз — работа — семья и т.д.» (с соответствующими дополнениями или корректировкой, например: «армия» до «вуза» или после него) принята к исполнению практически всеми членами нашего общества, включая, естественно, молодежь.

Очевидно, что устремленность в будущее является важным фактором нравственного развития молодой личности. *«Сфера истинного развития личности — это сфера её выхода за пределы себя»*⁴. Молодой человек не может оставаться неизменным, он находится в постоянном становлении, даже если и не осознаёт этого, поскольку мир, его окружающий, постоянно изменяется, как и сам человек, в его биопсихологическом бытии.

Экстраполяция себя в своё будущее, желание этого будущего несомненно составляют важнейшую движущую силу развития личности. Однако подобное желание присуще не человеку вообще, а человеку исторически конкретного общества, класса, социальной группы, руководствующегося здоровым смыслом. Самоэкстраполяция в будущее свойственна и определённому возрасту,

поскольку каждый возраст характеризуется особым строением сознания в целом и морального сознания, в частности.

Ориентация личности как на приобретённые с детства знания о здравом смысле, так и на внутреннюю, автономную систему моральных ценностей начинается в юности, когда особенно заметен прогресс понятийного абстрактного мышления, складывающегося на основе расширяющейся практики, включения индивида в новые формы деятельности. В этом возрасте происходит формирование устойчивой системы ценностей при перспективной направленности личности. Прошлый собственный жизненный опыт не имеет для молодёжи значения абсолютной ценности. В любом случае важную роль играет здравый смысл. Он лежит в основе идеалов, к которым обычно стремится молодёжь. Именно этим объясняется огромная сознательная жажда идеалов у молодёжи: идеалы способны наполнить смыслом и социально ценным содержанием её деятельность, внести целеустремленность в её существование.

Например, получение высшего образования в соответствии со здравым смыслом престижно и предполагает следующее: престижную работу; много полезных знаний; приемлемую зарплату; успешную карьеру; высокий социальный статус; перспективу социального роста; широкий круг значительных и важных знакомых; благополучие семьи; разнообразную и интересную жизнь.

При выборе специальности ориентируются прежде всего на ту, которая приносит успех и деньги, способствует быстрому карьерному росту, удовлетворяет ментальным и духовным потребностям. Но в силу разных причин выбор специальности может быть и случайным. Тем не менее, и тогда получение высшего образования не утрачивает своего привлекательного ореола престижности.

Что же в соответствии со здравым смыслом предполагается иметь после получения диплома? Престижное место работы. Приличную зарплату. Устроенный быт, включая, прежде всего, жильё. Семью. Быстрый карьерный рост с перспективой выхода «в высшие слои общества». Соответствующий круг общения. Каждый молодой человек выбирает собственный приоритетный ориентир и строит своё будущее в соответствии с ним.

Для многих молодых людей наиболее привлекательными могут быть деньги, поэтому они выбирают профессии стоматолога, гинеколога, фармацевта и т.п. Если человека интересуют в основном деньги, а не устроенный быт или карьера, то он выбирает, например, профессию нефтяника или газовика.

Но чаще мы сталкиваемся, особенно в больших городах, с амбициозными людьми, стремящимися прежде всего к карьерному успеху, который, в принципе, предполагает благополучное обладание всеми прочими положительными атрибутами жизни. В связи с этим становится понятным, почему в настоящее время среди молодёжи популярными являются специальности юриста,

экономиста, журналиста, психолога, а инженерные специальности, например, никого не привлекают.

Популярные специальности могут принести быструю и успешную карьеру, деньги, высокое положение в обществе. Причём выбор этих специальностей подразумевает двухсторонний интерес — личный и государственный, но всё-таки в большей степени он предполагает личную жизненную инициативу. В настоящее время личный фактор приобретает ещё большее значение, поскольку рынок специалистов в этих областях быстро насыщается. Государству же необходимо создавать благоприятные условия для выбора молодыми людьми новых специальностей, котирующихся в свете известных критериев здравого смысла и, тем самым, представляющих привлекательность для них.

Если выбор специальности неудачен, нет рынка труда и условий трудиться при наличии мест, то возникает масса проблем личного и государственного масштаба. Например, при трудоустройстве дипломированных учителей и агрономов. За редким исключением они соглашались работать по специальности в сельской местности.

Очевидно, что здесь мы сталкиваемся с расхождением, даже противоречием общепринятых здравых мыслей и интересов государственных функционеров, личными здоровыми мотивами молодых людей, составляющих разные слои общества, в общем плане — народ, и государственными представлениями, носителями которых является особый класс — чиновники. Получается, что народ и чиновники руководствуются разным здравым смыслом. Духовное единство, единство целей и задач, направленных в будущее, у представителей одной страны, таким образом, пока отсутствует.

Чиновники, когда-то отказавшиеся от распределения молодых специалистов, не имеют открытого и прямого права делать то же самое в наше время. Но они требуют от преподавателей вузов осуществлять маркетинг на региональном рынке труда, устанавливать тесные контакты со стратегическими партнёрами на этом рынке, проводить анализ востребованности выпускников и отчётность об устройстве их выпускников. Чиновники негодуют, когда узнают, что специалисты, например, в области сельского хозяйства избегают работы по профилю образования. Но может ли государство удовлетворить запросы выпускников в соответствии с общепринятым здравым смыслом? Понятно, что нет. Поэтому, опираясь на здравый смысл народа, государству необходимо создавать оптимальные, привлекательные условия труда для молодых специалистов по известной схеме: зарплата — жильё — быт. Но это по каким-то причинам не представляет интереса для представителей государственного класса, поэтому они пытаются бороться с дипломированными «отступниками» привычными большевистскими методами.

Таким образом, ответить с учётом здравого смысла на вопрос: почему молодые люди не горят желанием работать в сельской местности — нет проблем. Кто же будет

себя лишать будущего сознательно и жить в постоянном негативном социальном окружении? Но, может быть, государство до сих пор молчаливо надеется на комсомольский энтузиазм, зазор молодых людей и минимальное напряжение собственных сил.

Важно отметить, что отсутствие перспективы работы по специальности у многих студентов снижает моральную мотивацию к процессу обучения. В результате мы видим молодых людей с дипломами, не планирующих свою деятельность в области полученной квалификации и не имеющих в ней полноценных знаний. Как правило, они занимают свои позиции в сфере обслуживания или торговли. Морально-мотивационный тонус в этом случае снижается, а отношение к будущему становится неустойчивым, зависящим от внешних, обычно случайных обстоятельств. Вместе с тем понижается и качество образования.

Ясно, что только город, и чем больше он — тем лучше, способен удовлетворить в наших условиях элементарные запросы такого молодого специалиста, дать ему какие-то надежды на будущее, предпослать ему условия для самоутверждения и развития.

Если бы молодой специалист, оказавшись на работе в сельской местности, мог себя почувствовать членом мегаполиса со всеми его перспективами, а не в изоляции, как обычно это бывает, то никогда бы не было проблем с появлением молодых специалистов в деревне. Государства с развитой инфраструктурой не могут испытывать подобных проблем. Там, наоборот, наблюдаются центробежные тенденции: молодые люди стремятся обустроить жизнь в экологически чистых местах, на лоне природы — по-нашему, в деревнях и сёлах. Условия позволяют жить и работать в контакте со всем миром без каких-либо затруднений. Желание быть ближе к природе есть и у нашей молодежи. Но даже элементарных бытовых оснований для этого просто нет!

Иногда слышатся высказывания ретивых чиновников относительно закрытия тех специальностей в вузах, выпускники которых не стремятся работать на селе. Кто виноват — понятно. Но самое печальное в этом отношении случится тогда, когда какой-нибудь недалёкий функционер решит, что нашему государству не нужны в большом количестве учителя, агрономы, философы и т.д., и сократит набор или... закроет данные специальности. Хуже ничего не придумать. Во-первых, рынок специалистов должен быть всегда. Во-вторых, любой из них может получить при необходимости второе высшее образование за свой счёт. В-третьих, — и это, пожалуй, самое важное — сокращение подобных специальностей лишает нас будущего. Представьте через некоторое время школу без учителей, а село без агрономов.

Было бы вообще идеальным, если бы абитуриенты в соответствии со своими интересами сначала выбирали сферу или направление своей будущей деятельности:

политику, торговлю, экономику, образование, медицину, сферу обслуживания или коммунального хозяйства. Затем, получая базовую специальность, они бы могли дополнить её в соответствии с конъюнктурой рынка и по своему выбору в рамках бакалавриата и магистратуры дисциплинами другого направления. Например, инженерную специальность сочетать с углублённым изучением философии, психологии или иностранного языка.

Есть и другая сторона этой проблемы. Многие выпускники Новгородского университета, как, думается, и других периферийных вузов, стремятся найти работу в Москве, Петербурге, за пределами родной области. Во всех случаях, как нам представляется, они руководствуются здравым смыслом. Если область не может предоставить соответствующие условия, то необходимо найти такое место, где хоть какая-то часть их присутствует. У чиновников может возникнуть искушение в этой ситуации прикрыть те специальности, приобретя которые, выпускники чаще всего обращаются к работодателям за пределами области. Но тогда нужно прикрыть больше половины вузов Москвы и Петербурга, ведь многие их выпускники разъезжаются по городам и весям всей страны, включая и нашу область (если им предоставляются соответствующие условия), и даже отбывают «на вечное поселение» за границу.

Надо бы гордиться тем, что наши специалисты ценятся в других уголках нашей родины!

В дополнение к сказанному необходимо помнить о том, что есть такие специальности творческого и духовного плана, регламентация которых бессмысленна и вредна. Существование и применение их в общественной практике имеет национальную значимость и способствует национальному самосознанию. К ним относятся разнообразные художественные, творческие, филологические и философские специальности. Попробуйте лишить наше общество специалистов подобных направлений — тотчас появятся предложения из-за границы с соответствующими сертификатами об образовании. Гуманитарная основа, составляющая гордость нашего отечественного просвещения, не сможет быть восстановлена в силу естественного ухода специалистов.

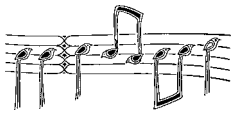
ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Вико Джамбаттиста. Основания Новой науки об общей природе наций. М.; К., 1994. С. 76.

² Там же.

³ Гадамер Х.-Г. Истина и метод: Основы философской герменевтики. М., 1988. С. 64.

⁴ Анцыферова Л.И. К психологии личности как развивающейся системы // Психология формирования и развития личности. М., 1981. С. 5.

У ИСТОКОВ НОВГОРОДСКИХ ПЕСЕННЫХ ТРАДИЦИЙ

Новгородская земля — своеобразный заповедник, в котором сохранились глубинные пласты духовной культуры — древнейшие памятники архитектуры, изобразительного искусства (мозаика, иконопись), архаические формы фольклора. Формирование культуры Древнего Новгорода происходило на протяжении нескольких столетий в тесной связи с начальной историей России.

Новгород (и сопряжённые с ним земли) представляет одну из первых территорий заселения славянами Восточно-Европейской равнины. Первоначальными зонами расселения славян этого региона стали берега рек, входящих в бассейн Ильмень-озера. Границы Новгородской земли сформировались в период становления Новгородской феодальной республики.

По данным археологии, «первое появление славян на территориях бассейнов Ильменского и Чудского озёр, занятых ранее достаточно редким финно-угорским населением, относится к третьей четверти I тыс. н.э. и фиксируется распространением многочисленных могильников культуры длинных курганов»¹. По летописным источникам первые свидетельства о славянах на этой территории также соотносятся с событиями этого периода².

История края оживает для нас не только в памятниках архитектуры, предметах старины, но и в преданиях, сказках, песнях, передающихся из поколения в поколение, рассказах, традиционных обрядах, звучании музыкальных инструментов. Природное богатство Новгородской земли вкупе с насыщенной исторической жизнью не могло не сказаться на формировании своеобразной духовной культуры, одним из проявлений которой является фольклор.

Любовь к истории, желание приобщиться к духовным ценностям, возникшим в далёком прошлом, но продолжающим и сейчас волновать людей, приводит к собиранию фольклора Новгородской земли уже в XIX веке. В ходе собирательской работы, которая продолжается и в настоящее время, сделаны многочисленные этнографические описания, записано большое количество поэтических текстов, опубликовано немало напевов.

Фольклорные традиции этой территории обладают особым значением в контексте специфики Северо-Западного региона России в целом, а также его

отдельных локальных зон. Исследователями-фольклористами и этномузыкологами обнаруживаются историко-культурные связи новгородской культуры с традициями Архангельской, Вологодской, Тверской, Псковской земель.

В настоящей статье* рассматриваются архаические образцы песенных традиций Новгородской земли, которые представляют две области народной музыкальной культуры: обрядовый фольклор и сфера лирических песен. Публикуемые материалы были получены в результате экспедиций Ленинградской (Петербургской) Государственной консерватории, проходивших на территории Новгородской области. Особый интерес представляют записи одной из первых экспедиций, возглавляемой А.М. Мехнецовым, в ходе которой (в 1968 году) были зафиксированы образцы раннего пласта лирических песен, хоровые причитания и многое другое. Полевая работа во второй половине 80-х — начале 90-х годов XX века представляла собой начало планомерного исследования традиционной культуры Новгородской области. Полученные сведения стали основой для ряда исследовательских работ³.

В рамках настоящей статьи представлены образцы ранневесеннего календаря, в который входят: масленичный обрядовый комплекс, обычай «проводить лёд» во время вскрытия рек ото льда, празднично-обрядовый комплекс Пасхальной недели. Наиболее яркие записи, характеризующие этот период, связаны с традициями восточных районов Новгородской области (Хвойнинский, Пестовский). Кроме того, описаны фрагменты свадебного обряда Поддорского района и лирические песни Пестовского района. Также привлечены отдельные образцы из Волотовского (хоровое причитание «Мы востанимте красны девицы») и Валдайского (лирическая песня «Горы Валдайские») районов.

* Статья основывается на материалах программы Государственного экзамена по классу фольклорного ансамбля студентки 5 курса Санкт-Петербургской Государственной консерватории им. Н.А. Римского-Корсакова, музыковедческого факультета, кафедры этномузыкологии О.И. Москвиной, который состоялся в феврале 2008 г.

В ряду годовых календарных праздников и обрядов **Масленица** занимает особое место. Этот праздник характеризуют как специфически русский, который не имеет прямых аналогов с праздниками других славянских народов⁴. Повсеместное распространение по территории России; общие составляющие: обилие еды, главное блюдо — блины, катание с гор и на лошадях, чествование молодожёнов и проводы Масленицы (костры), представленные большим количеством локальных вариантов; способность к адаптации в различных исторически складывающихся условиях (христианизация Руси, непростые коллизии и трагические катаклизмы XX века) — всё это говорит об особой значимости масленичного обрядового комплекса, наиболее ярко проявляющегося в его атрибутике.

Особенности празднования Масленицы в Новгородской области заключаются в ритуальных играх ряженных, обрядовых действиях у костра (специфика изготовления чучела), музыкально-поэтических формах.

Рядились на Новгородчине в покойника, старика со старухой, нищим, попрошайкой, медведем, козой, лошастью и др. Для достижения того или иного образа использовалась старая одежда, вывороченные шубы, солома. Лица ряженных закрывались масками из бумаги и тряпок, могли быть измазаны сажей или краской. Ноги могли быть выпачканы углём или заголены: **«Перво едут срядчики. Жабински срядютца бабы, запрягут лошадь, обуют её в отопки, на лошадь чучело с саломы посадют. [...] Сноп саломы возмут, руки свяжут, раскорачут, сделают шапку, наденут, посодют верхом на лошадь»**⁵.

В ряде форм ряжения прослеживается семантика обновления мира. К таким действиям относятся, например, обычай ездить по деревне и разбрасывать горячую картошку из чугуна по народу, **«чтобы зерно родилось»**, а также женщина могла разбрасывать соломенных кукол как пожелание потомства⁶.

Музыкально-поэтические формы масленичной обрядности Новгородской области включают в себя собственно масленичные обрядовые напевы, зафиксированные на территории восточных районов, масленичные припевки, встречающиеся на всей территории и приуроченные к последнему дню Масленицы, а также масленичные выкрики, которые демонстрируют один из наиболее архаичных пластов традиционной культуры.

Исполнение масленичных песен было тесно связано с шествием по деревне, всевозможными видами катаний (по деревне на лошадях, с гор на санях), что отражается в содержании поэтических текстов:

Дарагáя-та, ой, да нáша Мáс (ы)лен (ы)ка,
Дарагáя-та, ой нáша харóшая,
Дарагáя-та, ой нáша пригожая,
Пакатáйтесь, ой да красны дéвушки,
Пакатáйтесь, нáши харóшие,
Пакатáйтесь, нáши пригóжие,
Пока вóля, вóля батюшкина,
А другая-то, ой да вóля матушкина.

(д. Погорелово, Пестовский р-н)⁷.

Кульминационный момент праздничной недели — ритуальное сожжение чучела, происходившее за пределами деревни (**«за околицей», «в поле», «на горúшке»**). Проводы Масленицы сопровождались наибольшим эмоциональным накалом. Здесь звучали не только собственно масленичные песни, но и различные виды выкриков.

Да дарагáя-та нáша, нáша Мáсленка,
Да дарагáя-та нáша, нáша харóшая,
Да ты прошáй-ка, прошáй-ка, нáша харóшая

Да да-ра - га-я-та на - ша, на-ша Мас - лен - ка

(д. Ягайлово, Хвойнинский р-н)⁸.

Курва Мáслиница, обманíла нас,
На Великáй пост дáла рéдьки хвост!
А мы рéдьку не берём,
Курву за уши дерём!

(д. Барские Кулики, Поддорский р-н)⁹.

Прóшай, прóшай, Мáслен (ы)ка-Ерзóвка!
Мáслинка б... не дáла нам погулять,
Ерзану́ла-обману́ла,
На Великой Пост, дала рéдьки хвост!

(д. Заделье, Хвойнинский р-н)¹⁰.

Одной из неотъемлемых составляющих уличных гуляний являются частушки — **«корóткие пéсни»**. Своеобразие новгородских частушек ощутимо в содержании поэтических текстов, в которых прослеживаются образно-смысловые связи с лирическими песнями-жалобами:

Всё бы пéла, всё бы пéла,
Всё бы веси́лилася
Кабы прéжняя любовь,
Назад бы варати́лася

Мы не будем горевáть,
Саму себя растрáивать.
Будем вéсело гулять,
Сердéчко успока́ивать.

Запивáй моя подругá,
Запивáй — тебе́ легко.
Только мнé не запева́ется,
Залётка далеко́.

Одна из специфических форм исполнения новгородских частушек — пение «под язык», когда партия инструмента имитируется голосом одного из исполнителей. Частушки, записанные в д. Голубиха Хвойнинского района Новгородской области, исполнялись во время праздничного шествия-гуляния по деревне.

Запивáй, моя подругá,
Запивáй и запоёшь.
Отбивáй, кавó те náдо,
Отбивáй и отобёшь.

Люди думают, нам весело,
Нам горóшко большó.

Мы споём, подруга, пёсенек,
Тихо́нько хорошó.

Ты сыграй повиселее,
Ниужели тебе́ лень?
Ниужели ты байшься
Ухажёрачки сваей?

Мы не будём горевать,
Саму себя растрáивать.
Будем вёсело гулять,
Сердечко успокаивать.

Запíвай, моя падруга,
С гóлоса вы́сокова.
Ниужели не вернётся
Друг с пути далёкова.

Запíвай, моя падруга,
Запíвай – тебе лёгкó.
Только мнѐ не запева́ется,
Залётка далекó.

Ниужели ты ни пóнял,
Неужели не поймѐшь.
С васкрисѐнья мальчик бѐлинький,
Опять к другой пойдѐшь.

(д. Голубиха, Хвойнинский р-н)¹¹.

Следующим по значимости моментом ранневесеннего календарного периода являются **обряды встречи весны**, которые в традиционной культуре часто бывают соотнесены с церковными праздниками¹². Традиционные формы весенних закличек на территории Новгородской области зафиксированы не были, но отдельные поэтические мотивы обращения к весне встречаются в образцах поминальных причитаний, причитаний на кукушку и детских игр:

Подошла к нам весна́ красная,
Весна́ красная, лѐтичко тёплое.
Прилятели все залѣтнии, малыи пташечки,
Прилятели сѣрыи кукушечки¹³.

Как побежали ручьи бы́стрые,
Откры́лася ма́тушка сыра-земля,
Откры́лася лѐто тёплое,
Пришла ма́тушка весна,
Зашумѐли ручьи бы́стрые,
Розли́лись рѣки ширóкии¹⁴.

Весна, весна красная!
Приди весна, с радостью.
С радостью, с огромною милостью:
Со льном большим,
С корнем глубоким,
С хлебом великим.
Весна, весна, на чём подошла?
На чём подошла-подъехала?
На чём подошла-подъехала?
– На сошечке, на бороночке, на веничке¹⁵.

Один из своеобразных обычаев ранневесеннего календаря был зафиксирован на территории Поддорского района Новгородской области — во время ледохода дети и взрослые выходят на берег «провождать лёд», выкрикивая:

Прошáй, мой ледóчик!
Пошѐл мой ледóчик
В Пíтер — городóчик!
Спасибо, ледóчик,
Что послужил нам годóчик!

(д. Перегино, Поддорский р-н)¹⁶.

Ниужели ты утóнишь,
Утачка на óзири.
Ниужели ты забудишь
Дрóличка да óсини.

Было время запивáла,
Запíвать хотѐлася.
А теперь куда у дѣвушки
Висѐлье делася

Всѐ бы пела, всѐ бы пела,
Всѐ бы весили́лася
Как бы прѣжная любовь,
Назад бы варати́лася

Лядóк, прости́,
Яшшó гости́.
Стáрому и малóму,
Поклóн скажи́!

(д. Холстинка, Поддорский р-н)¹⁷.

В это же время могли звучать и лирические песни, содержащие поэтические мотивы жалобы, горестного обращения к родителям, разлуки девицы и молодца.

Ну пóлна тибѐ, сóлнышка, ой, да што из-за лесу ли да светит́ь.
Ой, да как ис-за лѣсику ли да свети... ой, да
Пóлна тибѐ, крáсная ой, да в саду я́блыньку ли да сушítь.
Ой, в саду зелѐную ли да сушить, ой, да
Пóлна тибѐ, дѣвушка, ой, да па малóдчику плакать-тужит́ь.
Ой, как па малóдчику плакать-тужит́ь, ой, да
Гóречка жа мне, ой, да мне та ни плакать, па ём ни тужит́ь.
Ой, как мне-та ни плакать, па ём ни тужит́ь, ой, да
М(ы)нѐ такова-та, ой, да дружка во вѣк(ы) будѣт ни нажит́ь.
Ой, дружѣчка во век-та будѣт ни нажит́ь, ой, да
Мнѐ-та ни рóсточком, ой, как мне пригож-то всею красотой.
Ой, как мне пригож-то всею красотой,
Да всей-то ухвátочкой молодецкой,
Ой, как молодецкой-то всею чистотой¹⁹.

(д. Иваньково, Пестовский р-н)¹⁸.

Светлое Христово Воскресение стало отмечаться на Руси после её крещения, в конце X века. Пасха по старому стилю приходилась на период с 22 марта по 25 апреля. Пасхой завершался семинедельный Великий пост, в течение которого верующие готовились к должной встрече праздника. В последнюю — Страстную — неделю поста проводилась тщательная уборка в домах и в хозяйственных дворах. Столы покрывались нарядными скатертями, иконы украшались богато вышитыми полотенцами, радовали глаз сверкающие белизной нарядные занавески на окнах, побеленная печка, каждая половица выскобленного пола. Шли приготовления к пасхальной трапезе. Женщины пекли куличи, делали пасху, красили и расписывали яйца. Пасхальные блюда обязательно накануне праздника освящали в церкви. Подготовившись к празднику, люди в субботу вечером спешили в храм. Главным событием, кульминацией празднества было торжественное богослужение.

В том, как Пасха отмечалась в народе, наиболее полно и ярко воплотилось традиционное представление о празднике как об особенно большом, общинном. В этот период запрещалась трудовая деятельность, становились обязательными праздничные нормы поведения — поздравление и приветствие каждого, обильное и длительное столование, нарядная одежда, обмен подарками, участие в традиционных увеселениях, согласно полу и возрасту (хороводы, песни, игры, гуляние на открытом воздухе — «на людях»). Пасха объединялась в народном сознании с весенним возрождением природы.

На территории восточных районов Новгородской области в Пасхальную неделю был обязательным обычай «**пения Христа**», который заключался в исполнении пасхального тропаря «Христос воскрес из мертвых» во время пасхальных молебнов, крестных ходов, а также во время гуляний. Одной из форм бытования

пасхального тропаря были «встречи Христа», когда девушки и женщины прогуливались по деревне в праздники и воскресные дни в период от Пасхи до Вознесения.

С пением «Христос воскрес» на пасхальной неделе или в одно из воскресений от Пасхи до Вознесения совершался обход деревни. Девушки и женщины (все вместе или группами по возрасту) собирались за деревней и обходили её вокруг (с иконами и свечами в руках) или ходили по деревенской улице, иногда по домам односельчан, в последнем случае за пение им полагалось угощение от хозяев. По народным представлениям, «пение Христа» уберегало деревню от различных несчастий: «**Чтобы всё благополучно было, Христа поём**»²⁰. Также «Христа пели» во время обхода скота пастухом в Егорьев день.

Хрис (ы)тос (ы) вай... васкрёсё,
И вайстина й васкрёсё,
Как хадила да мать Марія,
Что па чістымі полямі,
Па зялёнымі лугамі,
Что іскала да мать Марія,
Сваево Христа васкрёсё,
Зараді Госпади хлеба,
Еравово да па доле,
А ржанова да (й) па боле.

♩ = 60

(д. Боровское, Хвойнинский р-н).

Кроме народной версии пасхального тропаря в восточных районах Новгородской области были зафиксированы уникальные музыкально-поэтические формы с зачином «Христос воскрес», представляющие собой так называемые «христосовки». Особенности «христосовок» заключаются в видоизменениях текста («христосовки» опираются не только на текст церковного тропаря, но и включают мотивы заклинаний на урожай или «На многое лето») и напева, в котором проявляется опора на интонационно-ладовую систему, свойственную обрядовым весенним формам. Последнее обстоятельство ставит «христосовки» в один ряд с весенними формами, бытующими в других традициях, связанными с заклинанием на урожай и окликанием в поле предков.

♩ = 68

(д. Погорелово, Пестовский р-н)²¹.

Свадебные песни сохранились в Новгородской области лучше многих других жанров фольклора. Они известны во всех её районах. Свадьба, как известно, в прошлом длилась долго (считая от сватовства), имела в своём составе целый ряд эпизодов, сопровождавшихся песнями, причитаниями: стговор («**рукобитье**», «**образование**»), когда свершалась договорённость о предстоящем браке на глазах у родственников; шитьё приданого, продолжавшееся несколько недель; предсвадебный день, когда подружки водили невесту в баню, а вечером начинался девичник; свадебный день, в центре которого — выезд свадебного поезда из дома жениха, прибытие поезжан в дом невесты, венчание и возвращение в дом молодого, где новобрачных ожидал пир; через два-три дня — пир в доме тестя («**хлебнины**», «**отводины**»)²².

Продemonстрируем наиболее значимые моменты свадебного обряда Новгородской области (девичник, свадебный пир в доме жениха), основой для реконструкции которых стали материалы из Волотовского и Поддорского районов Новгородской области.

На девичнике особое значение придавалось **моменту передачи «красной красоты**», который отмечался пением хорового причитания, представляющего собой «специфическую музыкально-поэтическую форму, входящую в свадебный обрядовый комплекс и имеющую специальный термин-название „Воля“»²³. Традиция исполнения «Воли» входит в ареал группового свадебного голошения, выявленный В.А. Лапиным в бассейнах верхней Луты и Шелони, таким образом ареал бытования «Воли» соотносится с территорией наиболее раннего расселения «ильменских словен». Одна из ранних записей хорового причитания «Воля» была сделана в д. Учно Волотовского района Новгородской области в ходе экспедиции Ленинградской Государственной консерватории в 1968 году.

«Воля» — не только название хорового причитания подруг невесты, но и название последней вечеринки в доме невесты, а также это второе название «красоты». Традиция исполнения «Воли» связана с периодом от просватания до момента расплетения косы на девичнике: «Пели эту песню сразу после просватания. А также в вечеринку-девичник. Пели её и жениху, называли „Воля“. На вечеринке её пели в момент прощания с „красной красотой“ перед песней „Ковёр“»²⁴.

Мы востанімте, мы востанімте, краснаі дэвушка.
Во ядынай круг, во ядынай круг, на зелёный луг.
На шірокую, на шірокую, да на улочку
Против месяца, против месяца, против ясного
Против звёздочек, против звёздочек, против частых.
Против ба́тюшки, против ба́тюшки, на подворыицо.
Мы восклі́нимте, мы восклі́нимте, волю вольнаю.

♩ = 60

(д. Учно, Волотовский р-н)²⁵.

Следующий момент девичника — это **обряд «закрывания, накрывания невесты»**, сопровождавшийся звучанием «специальной» песни — «Из-за лесу, лесу тёмного». Особенностью этого типа свадебной обрядовой песни

является его распространение на территории Северо-Запада и Севера России, что подчёркивает обрядовую значимость данного напева. Плачево-повествовательная семантика напева раскрывается ладоинтонационными характеристиками, размеренностью ритма слогопроизнесения, замедленным темпом. Торжественность и подчёркнутая обособленность ситуации исполнения песни придаёт ей особый статус и назначение, заключающееся в выявлении особого смысла происходящего действия.

♩ = 140

(д. Поддорье, Поддорский р-н)²⁷.

Основными этапами «свадебного стола» в доме жениха стали: встреча молодых, приглашение за стол, **«раскрывание молодой»**, обычай **«выкрикивания молодых»**, величание молодых и гостей.

Пока молодые находятся в церкви, в доме жениха готовится стол. Родители жениха ждут приезда свадебного поезда: **«Радители (атец с матирью) были в нас наряжена. Стаяли атец с матирью, а мыладыи идут с пад винца. <...> Ну, а радители встричают дома. Атец и мать стоят с хлебом с солью. Ну, вот адная-та заходит-та, ну и, вбижала-та так в квартеру-та и кричит: „Свадьба, свадьба. Маладые с под винца приехали!“ И заходят, мыладыи впирёд, тут атец, мать стаит. Мать раскланиваицца, гыварит: „Пажалуйти, дочинька, пажалуйти, кармилицца!“ Стол накрыта, уже всё, эта для мыладых-та приготовлена»**²⁸.

Свекровь рассаживала молодых с приговорами. «Ну, вот. Ну, йаня вот мыладых-та и эта. Мыладые-та приходят, када подходят, аня: „Садитесь, садитесь, пажалуйста!“ Ани саяцця». Затем свёкор приглашал за стол гостей:

(д. Поддорье, Поддорский р-н)²⁹.

Пока гости рассаживались за столы, звучала «первая песня»:

Ни дубовыи сталы застучали, застучали.
 Ни сирёбринна пасуда забринчала, забринчала.
 Гости, кушайти ни стыдйтись, ни стыдйтись.
 А как Маню душу ни тамити, ни тамити.
 А как Маня душа истамилась, истамилась.
 Ей галовушка забалела, забалела.
 Белы рученьки ат падноса, ат падноса.
 Скоры ноженьки ат падстоа, ат падстоа.
 А галовушка ат паклона, ат паклона.

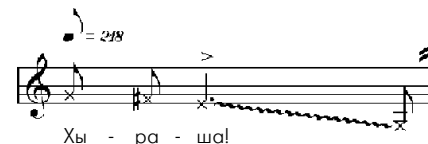
♩ = 136

(д. Поддорье, Поддорский р-н)³⁰.

Следующим важным моментом был обряд **«раскрывания молодой»**. Молодую раскрывала крёстная мать или подружка. «Ну, а кагда вот так вот раскроицца-та, маладая-та, ну, и вот аня, кагда уже вот раскроит, тут аня уже раскроит всё, ну, и кричит-та тагда: „Хыраша ли мылада?“».

Ну, вот ане кричат: „Хыраша!“.

А сьвидетель стаит коло жениха, он гыварит: „А наш лучши!“.

А еты апять нивестины кричат: „Наша лучши!“

Ну, и патом все хором кричат: „Оба хыраши!“»

(д. Поддорье, Поддорский р-н)³¹.

Затем молодых величали. В качестве величальной в Поддорском районе исполнялась песня «У нас Сашинька хорош» на напев Камаринского. После песни одна из исполнительниц подходит к молодому и говорит: «„С пёсинкай, Сашинька!“». <...> Он эта, канфёт дарят или падарки... этим кидает канфёт суды этим женщинам-та или што там. Мне так плат накрыли на плечи красивый».

А у нас Сашинька хоро́ш, хоро́ш, хоро́ш.
Зылатым кудрям ны барина пыхо́ж.
Ох, слуги май ве́рны кучира,
Зыпригайти тройку коней в удела.
Я поеду свою сужину искать,
Свою сужину — ряжиную,
Ни билёную ни мазынюю,
Вам, рибятушки, пыка́зынюю.
Ско́лька мальчик я гуляний абашёл,
Висиле́я тибя, Маня, ни нашёл.

(д. Поддорье, Поддорский р-н)³².

После величания молодых величали всех гостей по очереди: «<...> ба́бы-та пе́сни паю́т, а ка́ждому песню, ну-ка, за столом мо́жа тридцать человек. Ка́ждому песню спаю́т и все́ денег давали, да́к кучу де́нег за-раба́тывали». А затем начиналось собственно свадебное гуляние: «Ну, тут а́пять пе́сни пашли́. — [А какие?] — И плиса́выи. Тут а́пять паю́т, висиле́ца...»³³.

В контексте фольклорных традиций Новгородской земли не менее интересны женские **лирические песни**, особенностью которых являются обстоятельства их исполнения, связанные с уличными гуляниями. Особого внимания заслуживает их приуроченность к обрядам календарно-обрядового цикла. Их связь с обрядовыми ситуациями обуславливала особенности исполнения песен данного жанра, которое приближало звучание лирики к обрядовым формам фольклора.

Для исполнения песен вне дома характерна обрядовая, «уличная» манера звукоизвлечения. Она достигается посредством пения в высокой тесситуре, напряжённым тембром, опирающимся на мощный звуковой поток, а также наличием особых исполнительских приёмов, таких как протяжённые кадансовые тоны, озвученные сбросы дыхания и др. Эти особенности отражены и в народной терминологии: «Е́та песня поётце — адне́ броса́ют, а дру́гие же подхва́тывают. Одне́ начина́ют, а как вроде конча́ют — а е́ти подхва́тывают. Ишь, а́нэ ка́ка-то с та-ким, с отрывком. На два хора. Собира́ютце старин-ные, а голоса-то ка́кии — да́к пря́м на разли́в, хоро-шо» (о песне «Заболит моя головушка»: д. Устюжское, Пестовский р-н, 2873-08).

Заболит моя голо́вушка,
Заноёт серде́чушко, право у дру́жка, ой, да
По судáрушке любóушке сво́ей.

Ой, да г (ы)де́ живёт судáрушка,
Где живёт хоро́шая любóушка да моя, ой, да
По ту сторо́ну ли да реки.

Реки, да...
Чёсал милой кудри, эй, да
Чёсал милой русыи свои вáласа, ой, да
Частым но́вы (и)м (ы), новым гребешком.

Гребешком, да...
Расчёсавши кудри, да
Расчёсавши русыи свай во́лоса,
Распухо́вую шля́пушку надёл.

Одел, да
Ш (и)ля́пушка пухо́вая

Шлепею́шка новая нова зелена, ой, да
Самолу́чшово она сукна.

Жале́точка отла́сная право у дру́жка, ой, да
Шёлка́в но́винькой, новой поесок.

♩ = 70

(д. Беззубцево, Пестовский р-н)³⁴.

Русская лирическая песня протяжной формы сложилась в течение нескольких последних столетий. Образцы протяжной формы, зафиксированные на территории Новгородской области, показательны во многих отношениях. Это, прежде всего, лирическая песня «Эх, го́ры да го́рочки», представляющая интересный по распеву вариант общерусской песни «Горы Воробьёвские», которые предстают в исполняемом варианте с местной атрибуцией как горы Валдайские, горы Зимогорские.

Ой, горы-го́рочки,
(й)Эх (ы), горы да вы, вы Валда́... вы,
Вы Вал (ы)да... вы Валда́йские.

Горы Валда́йские,
Па пражва́нницу го... го́рочки
Эх (ы), горы да Зи... Зимаго́... Зи...
Зимаго́... Зимаго́рские.

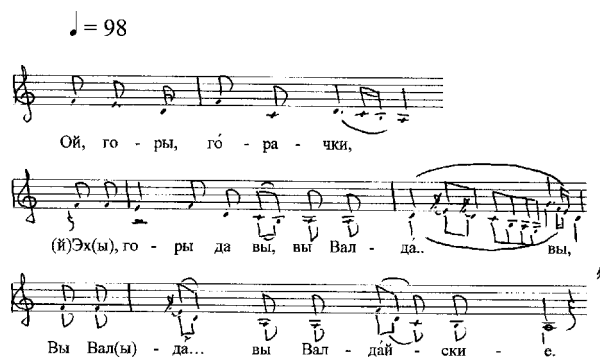
Горы Зимаго́рские,
И на што же вы го... го́рочки,
Эх (ы), горы да вы, вы спаро́... вы,
Вы спаро́... вы спаро́жены.

Горы испаро́жены
Спарадили вас, го... го́рочки,
Эх (ы), горы-та бе́л (ы) бел-га́рю (о)... бел,
Бел-га́рю... бел-га́рюч каме́нь.

Бе́линький ка́мышник,
Из пад э́тава ка... ка́мышка
Эх (ы), течёт (ы) ре... речка бы (э)... ре...
Речка бы (й) ... речка бы́страя

Ре́чинька бы́страя,
Штё на э́тай (и) бы́ла на реке
Эх (ы), вы́рас (ы) ку... куст ка́ли (э)... ку...
Куст ка́ли... куст ка́лиनावый.

Кусти́к ка́лиनावый,
И на э́там (ы) бы́ла на кусту,
Эх (ы), сиде́л (ы) ма... маладо́... ма...
Маладо́й, маладо́й сиде́л арёл.

(д. Едрово, Валдайский р-н)

Традиционная культура Новгородской области (в частности, её музыкально-поэтические формы) обладает ярко выраженным своеобразием, черты которого проявляются в специфике жанрового состава, в особенностях репертуара, образной системе, музыкальном стиле.

Вместе с тем, новгородские песенные традиции выходят далеко за узкие границы Новгородской области и обнаруживают связь с Русским Севером. Сформировавшись на Новгородчине, они стали основой для развития культуры Русского Севера, что придаёт им особую значимость в становлении русской культуры в целом.

Орфография и стиль документов сохранены

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Носов Е.Н. Проблемы изучения погребальных памятников Новгородской земли (к вопросу о славянском расселении) // Новгородский исторический сборник. Вып. 1(11). Л., 1982. С. 77.

² См.: Древнерусская литература. Повесть временных лет. Легенда о посещении апостолом Андреем Киева и Новгорода // Древнерусская культура: литература и искусство. Т. 26. Мультимедийное собрание классических произведений древнерусской литературы и изображений произведений искусства. CD-ROM, 2004 г.

³ См.: Теплова И.Б. Свадебные песни северо-западных областей России. СПб, 1993; Попова И.С. Типология фольклорных форм в системе масленичных обрядов Новгородской области. Диссертация на соискание учёной степени кандидата искусствоведения. СПб., 1998; Королькова И.В. Лирические песни новгородской традиции: проблемы жанра и музыкального стиля. СПб, 2002.

⁴ Некрылова А.Ф. Русский традиционный календарь на каждый день и для каждого дома. СПб., 2007. С. 638.

⁵ Цит. по: Попова И.С. Типология фольклорных форм... С. 60–61.

⁶ Подробнее см.: Попова И.С. Типология фольклорных форм...

⁷ Исп.: Никитина Александра Петровна, 1915 г.р., Капитонова Лукерья Михайловна, 1914 г.р., Боброва Елизавета Кузьминична, 1918 г.р., Вишнякова Праскева Кирилловна, 1908 г.р., Матвеева Анастасия Ильинична, 1911 г.р. Зап.: Третьякова А.А., Чирков Ю.Е. 04.02.1989. Архив ФЭЦ СПбГК, № 2721-07, 08. Расш.: Москвина О.И.

⁸ Исп.: Муравьёва Александра Ивановна, 1905 г.р. Зап.: Теплова И.Б., Дмитриев И.В. 28.01.1986. Архив ФЭЦ СПбГК, № 1907-02. Расш.: Москвина О.И.

⁹ Исп.: Муравьёва Александра Ивановна, 1905 г.р. Зап.: Теплова И.Б., Дмитриев И.В. 28.01.1986. Архив ФЭЦ СПбГК, № 1907-02. Расш.: Москвина О.И.

¹⁰ Исп.: Семёнова Екатерина Петровна, 1901 г.р., Екимова Мария Яковлевна, 1920 г.р., Павлова Мария Михайловна, 1920 г.р. Зап.: Шишкова О.В., Демидова Ю. 09.08.1988. Архив ФЭЦ СПбГК, № 2548-27, 30. Расш.: Москвина О.И.

¹¹ Исп.: Матвеева Евдокия Ивановна, 1933 г.р., Афанасьева Татьяна Владимировна, 1936 г.р. Зап.: Мехнецов А.М., Лобкова Г.В., Паненкова Л.И., Михай И.А. 23.04.1988. Архив ФЭЦ СПбГК, № 2396-02, 03, 05, 16. Расш.: Москвина О.И.

¹² Наиболее часто обряды встречи весны связаны со следующими датами: Евдокия-Плющиха (1/14 марта), Герасим-Грачевник

(4/17 марта), Сёроки(9/22 марта), Благовещение (25 марта/7 апреля).

¹³ Исп.: Денисова Пелагея Михайловна, 1918 г.р. Зап.: Теплова И.Б., Дмитриев И.В. Новгородская обл., Поддорский р-н, Перегинский с/с, д. Коломно, 27.01.1986 г. Архив ФЭЦ СПбГК, № 1905-16. Расш.: Москвина О.И.

¹⁴ Исп.: Денисова Пелагея Михайловна, 1918 г.р. Зап.: Теплова И.Б., Дмитриев И.В. Новгородская обл., Поддорский р-н, Перегинский с/с, д. Коломно, 27.01.1986 г. Архив ФЭЦ СПбГК, № 1906-01, 02. Расш.: Москвина О.И. Комм.: плакала по сыну первые годы дома и на кладбище, весной так «приплякивали» на кукушку.

¹⁵ Цит. по: Традиционный фольклор Новгородской области (по записям 1963–1976 гг.) Песни. Причитания / Изд. подг. В.И. Жекулина, В.В. Коргузалов, М.А. Лобанов, В.В. Митрофанова. Л., 1979. С. 139. [д. Большая Вишера, Маловишерский р-н, 19.01.1974 г. Исп.: Петрова О.Г. Комм.: Бытует как детская игра.]

¹⁶ Исп.: Кольцова Екатерина Яковлевна, 1920 г.р. Зап.: Теплова И.Б., Дмитриев И.В. 29.01.1986. Архив ФЭЦ СПбГК, № 1909-08. Расш.: Москвина О.И.

¹⁷ Исп.: Тихонова Анна Васильевна, 1916 г.р., Васильева Екатерина Петровна, 1927 г.р., Фёдорова Клавдия Фёдоровна, 1911 г.р., Моисеева Ксения Николаевна, 1913 г.р. Зап.: Теплова И.Б., Дмитриев И.В. 02.02.1986. Архив ФЭЦ СПбГК, № 1917-03. Расш.: Москвина О.И.

¹⁸ Исп.: Смирнова А.Б., Белокурова П.Г., Туманова Л.С. Зап.: Гонтаренко Г., Янчук А. 15.07.1968. Архив ФЭЦ СПбГК, № 2396-02, 03, 05, 16. Расш.: Москвина О.И.

¹⁹ Последняя строка дана по сборнику: Традиционный фольклор Новгородской области... С. 37. [№ 42. д. Ивановское. Пестовский р-н.]

²⁰ Русский праздник: Праздники и обряды народного земледельческого календаря. Иллюстрированная энциклопедия / О.Г. Баранова, Т.А. Зимина и др. СПб., 2001. С. 389–390.

²¹ Исп.: Никитина Александра Петровна, 1915 г.р., Капитонова Лукерья Михайловна, 1914 г.р., Боброва Елизавета Кузьминична, 1918 г.р., Вишнякова Праскева Кирилловна, 1908 г.р., Матвеева Анастасия Ильинична, 1911 г.р. Зап.: Третьякова А.А., Чирков Ю.Е. 04.02.1989. Архив ФЭЦ СПбГК, № 2721-07, 08. Расш.: Москвина О.И.

²² В связи с сокращением этого длительного обряда, переходом инициативы пения свадебных песен от девушек к пожилым

женщинам, помнящим традиционный обрядовый репертуар, несколько изменилась картина бытования последнего. По сообщениям последних лет, пением сопровождается лишь свадебный день. В этом случае песни исполнялись в доме жениха перед выездом свадебного поезда, затем – в доме невесты перед прибытием поезжан, а также во время застолья в её доме. Прибытие свадебного поезда в дом молодого также могло сопровождаться песней. Специальная песня звучала при «раскрывании» молодой (дружка или сваха поднимает шаль, которой закрыто лицо молодой). Затем следовали «величания» сидящим за столами.

²³ Лапин В. Русский музыкальный фольклор и история (к феноменологии локальных традиций). Очерки и этюды. М., 1995. С. 153.

²⁴ Традиционный фольклор Новгородской области... С. 331. [№ 315. Новгородская обл., Солецкий р-н, д. Селище. Исп.: Сергеева Т.В., 78 лет.]

²⁵ Исп.: Михайлова Варвара Ефимовна, Пехотина Татьяна Яковлевна. Зап.: Знаменская Т.Г., Сапожников И., Габидулина Л., 1968 г., лето. Архив ФЭЦ СПбГК, № 165-02. Расш.: Москвина О.И.

²⁶ Реконструкция текста по сборнику: Традиционный фольклор Новгородской области... С. 331. [№ 315. Новгородская обл., Солецкий р-н, д. Селище. Исп.: Сергеева Т.В., 78 лет.]

²⁷ Исп.: Твердова Мария Фёдоровна, 1929 г. (родом из д. Селеево,

Люблинского с/с), Твердова А.И., 1906 г. Зап.: НДНТ. 15.01.1984. Архив ФЭЦ СПбГК, копии № 501-08. Расш.: Москвина О.И.

²⁸ Исп.: Твердова Мария Фёдоровна, 1929 г. (родом из д. Селеево, Люблинского с/с). Зап.: Теплова И.Б., Дмитриев И.В. 26.01.1986. Архив ФЭЦ СПбГК, № 1904-01. Расш.: Москвина О.И.

²⁹ Исп.: Твердова Мария Фёдоровна, 1929 г. (родом из д. Селеево, Люблинского с/с). Зап.: Теплова И.Б., Дмитриев И.В. 26.01.1986. Архив ФЭЦ СПбГК, № 1904-01. Расш.: Москвина О.И.

³⁰ Исп.: Твердова Мария Фёдоровна, 1929 г. (родом из д. Селеево, Люблинского с/с). Зап.: Теплова И.Б., Дмитриев И.В. 26.01.1986. Архив ФЭЦ СПбГК, № 1904-02. Расш.: Москвина О.И.

³¹ Исп.: Твердова Мария Фёдоровна, 1929 г. (родом из д. Селеево, Люблинского с/с). Зап.: Теплова И.Б., Дмитриев И.В. 26.01.1986. Архив ФЭЦ СПбГК, № 1904-13. Расш.: Москвина О.И.

³² Исп.: Твердова Мария Фёдоровна, 1929 г. (родом из д. Селеево, Люблинского с/с). Зап.: Теплова И.Б., Дмитриев И.В. 26.01.1986. Архив ФЭЦ СПбГК, № 1904-11. Расш.: Москвина О.И.

³³ Исп.: Твердова Мария Фёдоровна, 1929 г. (родом из д. Селеево, Люблинского с/с). Зап.: Теплова И.Б., Дмитриев И.В. 26.01.1986. Архив ФЭЦ СПбГК, № 1904-14. Расш.: Москвина О.И.

³⁴ Исп.: Каменева Ульяна Егоровна (остальные не установлены). Зап.: Гонтаренко Г., Янчук А. 04.07.1968. Архив ФЭЦ СПбГК, № 168-02. Расш.: Москвина О.И.

Автор статьи выражает свою признательность за предоставленные материалы Фольклорно-этнографическому центру (г. Санкт-Петербург), всему педагогическому составу кафедры этномузыкологии, студентам 1–5 курсов музыкального факультета отделения этномузыкологии Санкт-Петербургской Государственной консерватории им. Н.А. Римского-Корсакова, а также отдельную благодарность кандидату искусствоведения И.В. КОРОЛЬКОВОЙ

ВЕЛИГОРОДСКОЙ СТАРИНЫ РИСОВАЛЬЩИК

К 55-летию Николая Ивановича Дунина

Его прадед Григорий был сивобород, ростом высок, правая рука раздавлена лодками, пальцы скрючены; носил плюшевую папаху, овечий тулуп с каракулевым воротом, а в церковь надевал красную молчановскую рубаху под красный кушак с кистями; сорок лет его избирали сельским ватаманом, всем миром у него справлялись, когда идти в озеро на лов; он даже ильменским ветрам сам давал названия: западному — мокряк, южному — холостяк (всю ночь гуляет), северному — женатик (к ночи утихомирится); семья прадеда имела две избы: летнюю переднюю и зимнюю заднюю, ещё баню, амбар, а в подворье держали коров, овец, свиней, гусей, кур, двух лошадей и рыбацкие сети...

Уникальный живописец Николай Иванович Дунин родился в деревне Савино, откуда до Новгорода рукой подать. Возможно, это от матушки, мастерицы по крестецкой строчке, перешла к нему привычка терпеливо и вдумчиво относиться к искусству утончённой красоты как к главному делу рукотворных образов. Ибо рисует Николай Иванович, сколько себя помнит, и, как все истинные коренники, по крови перенял и мудрость просветлённо-тихой пейзажной прелести, и многовековое благородство крестьянского уклада, и самобытное озорство традиционных славянских праздников. Нитка к нитке, стежок за стежком, вплетает время новые сюжеты в канву отечественной истории, а сам мастер, насколько способен видеть и понимать смысл кажущейся повседневности, только помогает народу сохранить в памяти реальные вещественные доказательства его неповторимой культуры.

Семья даже не сомневалась, кем Николаша станет. Он рисовал всегда и везде: на подвернувшихся под руку ключках мятой бумаги, на обоях, на белёной печке деревенского дома, а ещё прутиком — на песке и по снегу. Но странное дело! Обострённо чувствуя филигрань каждой человеческой личности, наблюдательный пацанёнок интуитивно улавливал глубокую связь между людьми, крутящимися в совместном бытийном водовороте. Умиротворённая северная природа хороша и сама по себе, не тронутая нами, в своей первозданности, зато суетливые люди-человеки хороши, интересны, занимательны как раз на миру, в делах и забавах, в непосредственном между собой общении по разным поводам.

Верить нашим древним летописям — так всю жизнь предки только тем и баловались, что войной да торгашеством. Как-то между делом женились, плодились и умножались. Главным образом вширь, от Прибалтики до Урала. Часовыми поясами увязывая пространство со временем. Когда в Детинце царёва челядь ещё только пировать садилась, на Югре третьими петухами уже день встречали. А на что другое разве ни сил ни времени уже не оставалось? С набегам да моровыми язвами жизнь и вовсе коротенька — одним плевком богатырю пре-

одолеть запросто. А ведь ремесла вокруг Новгорода да и в его пределах водилось на все случаи всякого. Как ни крути, а боярская власть привыкла купаться в роскоши. Соответственно и обслуга первостатейная. Уж золотчиков, литейщиков, оружейников, ковщиков да обувщиков со скорняками на каждом углу, как собак нерезаных. Чего говорить о гончарах, кожевниках, плотниках, да иных людях? Этими целые концы Великого Новгорода застраивались. Дорогущую землю уш-

МЯСНОЙ ОБОЗ. Бумага, акварель. 1996 г.

лая посадская братия кромсала, как сладкий пирог, полновесными ломтями от Софии до ближайших монастырей.

А всё одно оставалось место для праздника. Зря что ль археологи тянут помаленьку из культурного слоя то гудочки, то гусельки, то бубенцы, то грамотки, а то вон ещё зарубёжные шахматкишки? Стало быть, умел наш Господин Великий культурно отдохнуть, набраться ума да книжности. Что от варяг, что от тех же византийных греков. Даже в самое лютое лихолетье красота новгородцев не покидала. Просто говорить о ней было не в заводе. Духовным чином проявленные мирского таланта в обыденной жизни не жаловались.

Ложки, плошки, посконная одёжка — вот и всё, что народу надобно. Иное дело — богоугодное — на украшение храмов. Или хотя бы вон княжеских теремов.

Но дворцы с церквями ставили не каждый день. А иконки строга́ли в тиши монастырских келий. Согласно канону, уставу, вековой традиции. Отступить на полшага, и то — святотатство! Какое там самовыражение мастера? Какие такие мыслечувства? Какой полёт души в запердельные выси? Вот помрёт мастер с голодухи, тогда и пускай себе парит в горних сферах. А покуда не ослеп, покуда дети кормёжки просят да скотина во дворе млеет, всяк мастер обязан думать о своих насущных житийных потребностях. Позвольте! Так ведь у наших пращуров было вполне современное, сугубо потребительское отношение к высокому искусству? Увы, за весь истёкший отчётный период в тысячу с лишним лет мало кто догадался, чем дышит самобытный художник. Да и чего говорить о воздухе, который у всех один? А воды, хоть залейся! Сиди, богема, разводи акварельки, сморкайся в тряпочку, не кашляй. Чем бы дитё ни тешилось, лишь бы не вякало...

Что проку рассуждать о красоте вещей, когда за красоту не платят? Ни почётом, ни тугриками. Красота — понятие, ускользающее от понимания. Как речная водица с невидимым золотым песком, она сочится сквозь поколения, ничего не оставляя современникам мастера, не говоря уже о прямых наследниках. В крупночешистых фильтрах народной памяти застревают только масштабные, судьбоносные явления, вроде войн да жутких чумных эпидемий. Иное дело, когда сам художник становится летописцем своего народа. Силой таланта он создаёт, вочеловечивает, одушевляет образы, то привычные до всеузнаваемости, то далёкие от понимания настолько, что подчас кажутся инопланетными. Спустя века, даже при полной этнографической аутентичности костюмов, обрядов и фольклора, жизнь предков видится нам лишь иллюстрацией к эпохе её возникновения. Поразительное свойство всякого истинного художника заключается в личной способности убедить зрителей достоверностью порождаемых автором иллюзий. Такое по плечу лишь чрезвычайно тонко и глубоко чувствующему мастеру.

В графических, живописных, скульптурных работах художник Николай Дунин пытается отразить великое многообразие исторических, а также бытовых сюжетов, яркую, сочную фактуру и колорит наших былинных преданий, удал древнерусских народных игрищ, празднеств, вековое богатство традиционных для Новгородской земли ремёсел. Жанровая стилистика этих работ позволяет создавать удивительные по обаянию персонажи. Светлые, наивные, странноватые герои дунинских сюжетов в чём-то сродни и шаламовским чудилам, и платоновским сокровенным людям. У каждого свой уютный мирок под сердцем, своя сермяжная правда, своя одарённость божьей искрой. Они настолько добродушны, знакомы и незатейливы, что каждого хочется взять себе предком, вести от него родословную и передавать потомкам, как когда-то передавались лары — фигурки домашних божков-оберегов, хранивших семейный очаг.

Но сам-то Дунин как раз великий затейник и кроме лирики пишет ещё динамичные, живые сценки из средних веков: семейные, массовые и сугубо частные. Для него всякий гражданин неотделим от места своего рождения, силён своей особиной, непохожестью на усреднённую стаю овец. Толпы лихих велигородцев на его картинах представляются буйной, свободолюбивой стихией.

КОЗЬМОДЕМЬЯН. Холст, масло. 1996 г.

ГУСЛЯР И ДЕВУШКА. Холст, масло. 2008 г.

ЗАКОВАНИЕ РЕК. Холст, масло. 2004 г.

Что в принципе вполне согласуется с нашей исторической традицией. Шумливо колоритное жизнелюбие ухватистых горожан покоряет своим оптимизмом и будит естественный интерес к их жизни. Великий Новгород в преддверии своего юбилея вполне может гордиться деятельным соучастием удивительного мастера, чьё искусство золотыми крупницами возвращает нашу драгоценную историческую память в сокровищницу российской культуры.

...его прапрадед Яков в год рождения сыновей посадил два дуба; один дуб после пожара усох, а другой стоит по сей день; род Яковлев был силён; прадеды Григорий с Филиппом на строительстве храма Василия Великого в поозерском селе Васильевском лепили и обжигали кирпичи...

Великий Новгород, июль 2008 г.

БИОГРАФИЧЕСКАЯ СПРАВКА

Николай Иванович Дунин родился в 1953 г. в деревне Савино Новгородского района, в крестьянской семье. В школьные годы занимался рисованием в Боровичской студии ИЗО у И.Н. Горбачёва и Е.В. Гренфельдт. Армейскую службу проходил под Ленинградом, имея редкую возможность все свои увольнительные тратить на посещения Русского Музея и Эрмитажа. В 1976—1980 гг. Николай Дунин прошёл курс обучения живописи и графике в Тверском художественном училище им. А.Г. Венецианова, затем работал художником-бутафором в драматическом театре Вышневолочка. С 1981 г. по сегодняшний день проживая в Великом Новгороде, трудился художником-оформителем в тепличном и домостроительном комбинатах, на телевизионном заводе, а кроме того преподавал в Клубе юных моряков, для которого написал серию работ, посвящённых истории новгородского кораблестроения и мореходства.

Одним из самых насыщенных периодов творческой жизни Н.И. Дунин считает работу в объединении Новгород-лестром, где он успешно разрабатывал эскизы сувениров и занимался шелкографией, в свободное время создавая серии живописных этюдов о природе русского севера, традиционных ремёслах, крестьянском быте. основополагающей темой его творчества стала древняя историография Великого Новгорода.

В перестроечное время профессиональному художнику пришлось поработать и дворником, и плотником, и маляром, при этом он постоянно искал деятельного применения своим творческим возможностям. Личная дружба с известным новгородским бизнесменом В.Д. Некрасовым в 1995 г. предоставила Дунину возможность выполнить крупный, сложный и весьма интересный в творческом отношении заказ. Полотна мастера украсили офисы и предприятия новгородского и старорусского «Мясного Двора», а вскоре Н.И. Дунин создал по своим эскизам серию жанровых этюдов и картин об истории мясного производства в России для мясопромышленного холдинга «Черкизовский».

Исследовательская работа в запасниках Новгородского Государственного музея-заповедника и в новгородском Центре музыкальных древностей В.И. Поветкина помогла мастеру глубоко осмыслить этнографические особенности, специфику менталитета и быта жителей древнего центра русской государственности. Тематический диапазон работ Н.И. Дунина охватывает крестьянский, городской уклады, исконно народные промыслы с ремёслами, торговлю и политические контакты с Европой, архитектуру, музыкальное искусство, славянские обряды, игрища, православные праздники.

Обладая редким даром вдумчивого повествователя, Николай Дунин фактически воссоздаёт в живописных сериях отечественную историю. Заимствовав многие жанровые приёмы у народного лубка и средневековой миниатюры, он с глубокой нежностью и поразительным чутьём пишет самобытную, обаятельную, яркую, полную былинно-фольклорных реминисценций и колоритных откровений летопись обыденной жизни посадских детей Господина Великого Новгорода. При этом нередко избирая реально существовавших и поимённо известных персонажей в качестве основных действующих лиц.

Многометровый культурный слой новгородской почвы предоставил археологам и лингвистам неиссякаемый запасник документальных свидетельств почти поголовной грамотности населения в вечевом центре гражданского самоуправления, княжеской и церковной власти Северной Руси, а ежедневное бытовое общение горожан посредством берестяных грамот в XI—XV вв. даёт возможность высоко оценить духовный потенциал столычского полиса. Особый колорит дунинских полотен и почти-сказочность героев создают некую временную дымку, подчас скрывающую от нас жестокую правду средних веков. Чумные эпидемии, военные походы и внутренние междоусобицы, монгольское иго, пожары, наводнения, голод — всё то, чем заполнены наши исторические хроники — в летописном искусстве Дунина всегда остаются где-то за горизонтом. Жестокость суровой реальности отступает перед благодарной памятью русского славянина по отношению к своим многочисленным жизнелюбивым предкам.

Мягкие, тёплые, задушевные работы Николая Ивановича Дунина, украшающие интерьеры новгородских офисов и кафе, создают ощущение бесконечного праздника жизни и нашего к нему приобщения. Картины Дунина экспонировались в залах Москвы, Санкт-Петербурга, Вышневолочка. По его эскизам готовятся иллюстрации печатных изданий. Как прикладник Н.И. Дунин принимал участие в художественной выставке «Краски Русского Севера» в Вологде. С его многообразным творчеством можно было познакомиться и в новгородском Центре музыкальных древностей, и в Детском музейном центре новгородского кремля, и в выставочном центре НовГУ им. Ярослава Мудрого. Картины, а также прикладные изделия художника находятся в частных собраниях Англии, Германии, Италии, Латвии, Польши, США, Франции.

ГАНЗЕЙСКИЕ МОРЕХОДЫ. Бумага, темпера. 2008 г.

НОВГОРОДСКИЕ МОРЕХОДЫ. Бумага, темпера. 2008 г.

С.Н. Левандовский

СВЕЧЕНИЕ ДУХА

Заметки о десятой межрегиональной выставке «Российский Север»

Светить всегда, светить везде...

В. Маяковский

В качестве эпиграфа к этой большой и представительной экспозиции произведений современных художников Северо-Запада можно было бы с полным основанием взять названия таких работ, как «Живи и свети» Б.Л. Непомнящего (иллюстрации к стихам М. Груммана) или же «Особый свет» А.С. Григорьева. В этих словах — самая суть творчества, озаряющего и высвечивающего сокровенный смысл жизни, что у каждого художника происходит глубоко индивидуально, в соответствии с особенностями его личности и неповторимого жизненного и профессионального опыта.

ЖИВИ И СВЕТИ. Б.Л. Непомнящий.
Бумага, офорт

Выставка производит удивительно цельное впечатление слаженной и вдумчивой работы художников, воспевающих родные края и людей своей земли, что уже само по себе неординарно для наших дней, когда во многих сферах жизни, фигурально выражаясь, возобладало не «собрание», а «разбрасывание» камней, идёт наступление не гармонии, а хаоса и энтропии, неоспоримым свидетельством чего явился мировой финансово-экономический кризис.

Но, вопреки всему, невзирая на внешние обстоятельства, художники и сегодня с достоинством несут в мир те высокие нравственные основания, о которых так ярко писал в дни блокады Ленинграда Борис Асафьев (Игорь Глебов), посвятивший русской живописи книгу «Былое и думы». В ней много говорится об этосе русского искусства, что отличает его от художественного творчества других стран и народов.

Попадая на выставку, сразу же погружаешься в необыкновенный мир — новый и в то же время узнаваемый, красочный, жизнеутверждающий, в основе своей мажорный, а если и встречаются печальные ноты, как в картине Д.Т. Тутунджан «Печаль в июле», то и этот минор окрашен не безысходностью, а лиризмом — «Печаль моя светла...».

Здесь, на древней Новгородской земле, в преддверии знаменательной даты — 1150-летия Великого Новгорода, витает дух республиканской вечевой воляницы, осязаемый, например,

в картине И.П. Баева «Новгородские ушкуйники», и встают в памяти вереницей грозные и героические события былого, начиная от подвигов святого благоверного князя Александра Невского, а также свершения замечательных древнерусских мастеров: зодчих, иконописцев, кузнецов — и множества безымянных, и таких знаменитых, как великий Феофан Грек или

МАРТ (из серии «Особый свет»). А.С. Григорьев. Бумага, темпера

создатель «Автопортрета» на Корсунских вратах Святой Софии Аврам, — одно из первых имён в богатом талантами словаре русских художников.

И сегодня живописцы, графики, скульпторы, представители декоративно-прикладного и народного искусства продолжают спокойно и уверенно заниматься своим делом, тем, что считают нужным и стоящим. Они следуют в русле развития живой традиции, обогащая её новыми находками и открытиями. Никакого бесплодного, бесцельного экспериментаторства, переливания из пустого в порожнее, что так заметно на столличных выставках.

Новгородцы и псковичи, архангелогородцы и вологжане, вятичи и череповчане, жители Карелии и Коми, Кольского полуострова, Калининградской области не потеряли непосредственной связи с землёй, с корнями, с народом, питаются живыми соками, которые не заменить никакими абстрактными теориями и беспочвенными, мертворожденными новациями, перепевами формальных достижений так называемого «авангарда». В лучших из представленных произведений чувствуется основательность работы, целеустремленность и взыскательность, стремление к совершенствованию языка.

Налицо внимательное, подчас самозабвенное изучение природы, матери-природы, что и даёт глубину её понимания и порождает разнообразие форм искусства, служит первопричиной индивидуальной, самостоятельной, глубоко личностной трактовки избранных тем, мотивов и сюжетов, наделяет произведения неповторимым своеобразием.

Представляются вполне справедливыми прозвучавшие в речи секретаря Союза художников России В.П. Сысоева, и особенно из уст руководителей региональных организаций Союза художников, суждения о том, что данная выставка успешно противостоит бесплодному и скандальному, проповедующему

сочно написан первый план — крепостные башни, за которыми возвышается громада собора (см. цветную вклейку).

Север — край зимы, мороза и снега, недаром так часто художники обращаются к этим сюжетам, претворение которых в достоверном пластическом образе представляется весьма сложной задачей. (К.П. Брюллов утверждал в середине XIX века, что снег написать невозможно, но его опровергли и А.К. Саврасов, и В.И. Суриков, и многие мастера Союза русских художников).

По-своему тонко интерпретирован зимний пейзаж в работах В.С. Сахаровой «Дворик у Лавры в Сергиевом Посаде», «Вид на Спасо-Преображенский собор (Старая Русса)», О.Н. Саулова «Десятиный монастырь зимой», А.И. Веприкова «Идут белые снеги».

Остро, но в то же время просто и естественно подана зимняя сцена на набережной Волхова с отражением в полынье в картине Г.Г. Филипповой «День в январе»: цветные шары реют в небе, люди gazeют на них, задрав головы. С седым Волховом связаны и гуаши Филипповой «В феврале», «Ледоход».

Светятся стены старого храма на солнце, играющем на снегу, который выпал ранней зимой, когда ещё не облетела багряная листва, в картине Д.В. Журавлёва «Никола на Липне».

В последовательно выработанной с годами, узнаваемой манере, «рельефно», плотно и увесисто, фактурно-изобретательно решает Дмитрий Журавлёв свои полотна. В картине «У рыбаков Ильмень-озера», где трое мужиков после ловли едят уху, видится продолжение темы П.П. Кончаловского, и сделано это тоже весьма внушительными средствами.

Одно из достоинств портрета Дмитрия Власовича Журавлёва «Ветеран» в том, что в нём акцентируются не внешние атрибуты (нет ни гимнастерки, ни орденов на груди, что стало уже достаточно расхожим приёмом), а внутреннее содержание образа: всё внимание сосредоточено на характеристике пожилого косаря, точащего косу, человека, много повидавшего и пережившего, со спокойным лицом и мудрым взглядом.

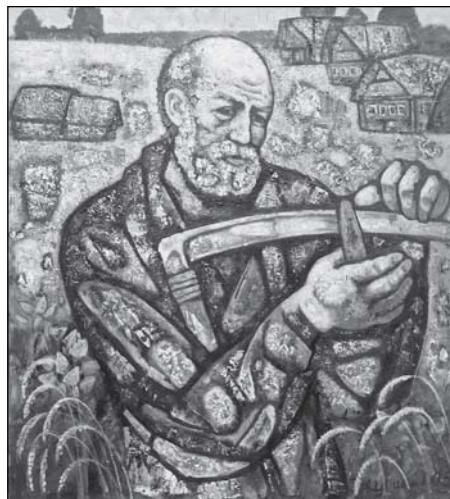
Д.Т. Тутунджан, опытейшая из портретистов, автор многих завоевавших признание и получивших известность произведений обобщающего характера, доказывает своими новыми работами, что находится в постоянном движении, в развитии, избавляется от свойственной ей в прошлом некоторой ригористичности, крайней лаконичности. В портрете внука («Сын сына»), при сохранении в целом декоративности ранних работ, налицо более тонкая в оттенках живопись.

Живо скомпонован групповой портрет Г.Г. Филипповой «Художники-реставраторы Знаменского собора в Великом Новгороде» с непринуждённо держащимися фигурами, метко охарактеризованными человеческими индивидуальностями.

Противоречивое к себе отношение вызывает «Встреча» А.В. Копотина: обнимаются давно не видевшиеся старики-приятель, на их лицах читается волнение, даже умиление. Чувство,

У РЫБАКОВ ИЛЬМЕНЬ-ОЗЕРА. Д.В. Журавлёв. Холст, масло

ВЕТЕРАН. Д.В. Журавлёв. Холст, масло

вседозволенность, порою искусственно насаждаемому «актуальному» искусству, и по сути сама является примером действительно насыщенного, действенного, а потому и подлинно актуального, нужного и даже необходимого людям искусства.

В связи с этим вспоминаются слова нашего выдающегося историка и мыслителя В.О. Ключевского, преподававшего, кстати, в Московском училище живописи, ваяния и зодчества. Он говорил, что в России, в отличие от других стран, центр находится не в столице, а на периферии. Во всяком случае, зачастую именно с мест, из глубинки, из самой толщи народных масс приходят такие таланты и даже гении, как М.В. Ломоносов, И.Е. Репин, В.И. Суриков, А.А. Пластов.

Говоря о наиболее значительном разделе выставки, живописном, отметим, что в экспозиции соседствуют и постоянно переплетаются темы прошлого и нашей современности, которые нередко сказываются в чертах самой среды нашего бытия.

В жанре подзабытого уже «исторического пейзажа» создал многие свои вещи замечательный художник В.Ю. Попов (1948—2008). Его кончина представляется большой утратой для нашего искусства: жизнь его оборвалась на самом взлёте мастерства. Как торжественный гимн мужеству поморов звучит картина «Северная окраина России. Студёное море» — вытянутый холст (более двух квадратов в ширину!) с крестом на берегу; проникнуто мощным эпическим духом полотно «Северный форпост России. Соловки».

Торжественно и мощно звучит фактурная живопись картины Ю.П. Ерышева «Лёд Ильменя пошёл», в которой формы ледохода соотнесены с монументальными формами древней новгородской Софии, звонницы, кремлёвских стен. Впечатляет «Псковский кремль» В.В. Лысюка — зима, быют лучи солнца,

несколько сентиментальное, определённо присутствует, но удручает раздражённое, несобранное письмо.

Чрезвычайно самобытны отмеченные единством колорита полотна Н.И. Дунина: «Мост в Новгороде» — очень симпатичная вещь, есть в ней какая-то доподлинность проникновения в былое. В самых разных аспектах, от событий и лиц давно минувшего до дня сегодняшнего, раскрывается художниками тема русского Православия, которое неотделимо от нашего образа жизни, склада мыслей, идеалов, даже привычек и способа выразиться.

НА ВЕТРУ. М.В. Харлов. Холст, масло

Свою собственную, непривычно экспрессивную, порою формализованную чуть ли не до степени абстракции трактовку связанных с церковью сюжетов предлагает Д.С. Кондратьев (1928—2008) в холстах «Колоколенка», «Слепцы». Нелёгкий, тернистый путь к храму, стоящему на высокой горе, запечатлён в картине «Дорога». Струящийся с высоких небес свет господствует в картине В.П. Скляренко «Строитель древнего Новгорода владыка Василий (1331 год)». В полотне Ю.П. Ерышева «Венчание» у иконостаса, за раскрытыми царскими вратами свершается обряд таинства. Удачно вписаны в интерьер фигуры, хорошо переданы сами иконы, с пониманием их торжественного и строгого строя.

Тему прошлого и настоящего сопрягает С.А. Торлопов в работе «Вайгач. В Бухте Покоя». В «Светлом воскресении» Н.А. Жолобова показан праздник Пасхи, гуляние с отражением в воде на набережной. Весёлая по колориту, праздничная картина.

На выставке много произведений, посвящённых церковной архитектуре — замечательным памятникам русского зодчества: «Церковь Покрова» работы А.Н. Шаманина, «Церковь Власия» А. Савченко — декоративно, мажорно преподанный зрителю белый храм с золотыми куполами на красном фоне. Чрезвычайно живая, непосредственная вещь — «На ветру» М.В. Харлова — внушительно, непоколебимо возносится к небу храм на горе, поистине как твердыня русского духа.

В жанре натюрморта выделяются свежо написанное «Цветущее окно» Д.Т. Тутунджан, тонкие вещи К.В. Байдакова. Широко и в то же время точно, уверенно переданы деревенские натюрморты А.М. Широкова. Нет ни доли «этнографического» подхода, ни примеси ностальгической ноты по «уходящей деревне» — всё это живые вещи, предметы быта сельского жителя, столь знакомые русскому человеку.

Пикантно, в духе некогда модного направления «новой вещественности» да ещё с сюрреалистическим оттенком, подан экзотический цветок в работе «Hippiastrum» К.В. Шорина.

Привлекает многих художников светлый и притягательный мир детства, юности.

В картине В.Н. Бубенцова «Сиреневое утро» молодёжь спит вповалку на веранде. Недочитанная книга, в изголовье постели сирень в кувшине, гроздь сирени — и в саду за открытым окном. Работа, хотя и несколько описательная, всё же в целом решена поэтично, мечтательно и нежно по отношению к своим героям.

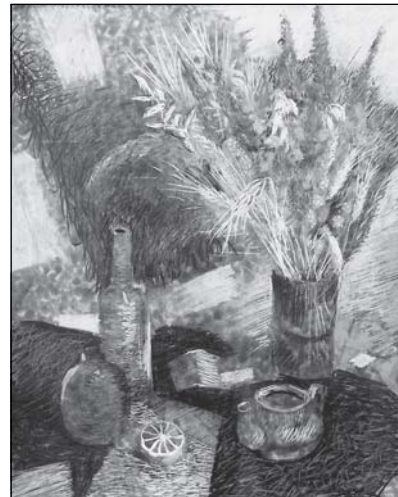
Целый ряд картин о беззаботном мальчишеском детстве представил Б.М. Яманов: «Ловись, рыбка», «Пацаны» — в них подчёркнута оживлённая мимика и жестикация персонажей, что в какой-то мере выдаёт отголоски жанровой картины 1950—1960-х годов, «Хочу летать». Авторская интонация исполнена доброго, заинтересованного отношения к маленьким людям, что заставляет извинить несколько небрежную, размашистую манеру письма. Неподдельно искренним отношением отмечена и картина «Светлая память»: у раскрытого, напоенного солнцем окна бабка тужит о муже, от которого остался выдавший виды баян.

Постоянные герои И.А. Широковой — милые ребята, но показаны они без всякого сюсюканья: «Мальчик, рисующий на стене», «Мои друзья», «Перед фотографом».

По контрасту с этими работами воспринимается её картина «Зима». Здесь — своя нелёгкая правда о наступившей старости. Пожилая продавщица цветов и ковриков курит зимой на улице, задумавшись на минуту. Не хватает женщине общения, сочувствия, простого человеческого тепла...

Приём «монтажного» построения использовал А.Г. Феофилакт в картине «Город мечты». На полотне совмещены яркое, цветастое изображение города — и старая, выцветшая фотография молодого моряка с помеченной датой «1946 г.», — юнги, мечтающего о мирном счастливом будущем.

Хороший образчик «примитива», органичного «наива» представляют собой картина Г.И. Попова «Заготовка коря (Воспоминание о детстве)» и деревенский зимний пейзаж «Вечер». Декоративны вещи А.А. Сергиенко, по-своему «примитивные», но насыщенные, не пустые, с настроением: «Большой улов», «Вечер в тундре», «Семья».

НАТЮРМОРТ ПРИ ВЕЧЕРНЕМ ОСВЕЩЕНИИ. К.В. Байдаков. Сепия, пастель

СВЕТЛАЯ ПАМЯТЬ. Б.М. Яманов. Холст, масло

Особую группу работ составляют те, что раскрывают тёплый образ отчего дома, родного семейного очага. Это пастели С.Г. Гарбар «Добрый дом», «Дом-корабль». В графическом разделе выставки эта же тема уютного жилья,

пейзаж «Полом. Меженский угор», «Проталины в кружевах». Чёрные избы, стога, рябины, сороки в ветреном небе («Тает первый снег»), простор у реки, над которым буйный ветер гонит тучи, и дымок, веющий из труб деревенских изб («Холода идут») — всё складывается в единую живописно-лирическую поэму о русской деревне.

Светозарны работы В.Г. Харлова «Утро в Русинове», где всё пронизано лучами жгучего солнца; «Речка Рябовка» — мотив, столь частый у А.А. Рылова, но решённый совершенно по-своему, да и сама живопись своя, незаёмная по приёмам, свои собственные — харловские — жёлто-зелёные мохнатые ветвистые ели... «Апрель в деревне» с избушкой, берёзами, по-весеннему рваными облаками, где хорошо передано взволнованное состояние переходного времени. В чём-то близки названным вещам по подходу к природе, передаче света и общего состояния пейзаж В.И. Вострикова «Кардяжские берега. Бата-

риха», с индивидуальным, приглушённым колоритом.

Конечно, многие пейзажи не перерастают значения этюдов, как, например, работа Б.А. Студенцова «Память веков. Феррапонтово». И всё же значение работы на пленэре, непосредственно на природе, невозможно недооценивать, именно она составляет незаменимый багаж художника-реалиста, позволяя ему успешно работать в избранном жанре. Об этом можно судить по таким полотнам, как «Над Сысолой» В.Р. Ермолина, «Верховажье. Распутица» Н.П. Сажина, «Торжок» И.В. Ключкина, работы В.В. Попова «Верховья Кожима» и «Прощальный вечер».

Что касается графического раздела, то в нём целый ряд очень внушительных работ 1980—1990-х годов.

В тончайших ксилографиях, сравнительно небольшого размера, А.М. Колчанова во всей красе встаёт наша Родина, в них ощущимы её раздолье, полёт, широта, воля!

Есть на выставке и работы последователей стиля, выработанного этим классиком современной графики. В качестве примера можно упомянуть чёткие, строгие и сдержанные гравюры на пластике А.В. Шершнева (1954—2008) с изображением псковских церквей Козьмы и Дамиана, Николы на Усохе, Никольской церкви Печёрского монастыря.

Творчество Олега Юнтунена (1948—2005) отличается соединением тонкости отделки с широтой общего взгляда: то взор художника пристален, сконцентрирован на детали, то устремлён в глубокую даль. Возле его «безлюдных» листов, населённых гранитными валунами, деревьями с ломаными ветвями, остро торчащими сучьями сразу же возникает ощущение сурового, неласкового Севера.

Привлекают внимание многие рисунки, выполненные карандашом, сангиной, пастелью. Они представляют собой не эскизы или случайные зарисовки, а вполне законченные произведения самостоятельного значения.

Очень внушительна уверенно выполненная углём работа М.В. Харлова «Дом в Лосенках».

Замечательны исполненные А.Г. Алентьевым портреты художников Д.С. Кондратьева и В.И. Стукова: вот это — «наш современник» — настоящий, невыдуманный, люди, со своим характером каждый. Хорошо, тонко введён цвет. Не уступает им

СЕЛО ПОЛОМ. Н.И. Поликарпов.
Холст, масло

ПЕЧЁРСКИЙ МОНАСТЫРЬ. А.В. Шершнев.
Бумага, гравюра на пластике

КАРДЯЖСКИЕ БЕРЕГА. БАТАРИХА. В.И. Востриков. Холст, масло

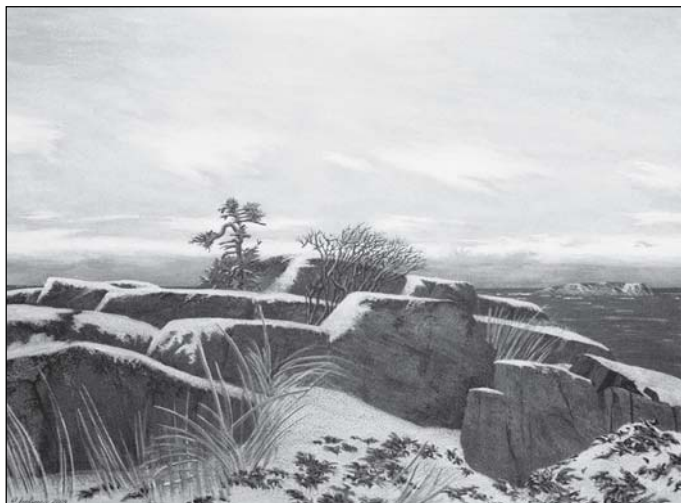

ВЕРХОВАЖЬЕ. РАСПУТИЦА. Н.П. Сажин. Холст, масло

человеческого обиталища сквозит в офортах Е.Н. Новиковой «Старый дом», «Улочка».

Искреннее, задушевное повествование о родной земле присутствует в картинах Н.И. Поликарпова: солнечный

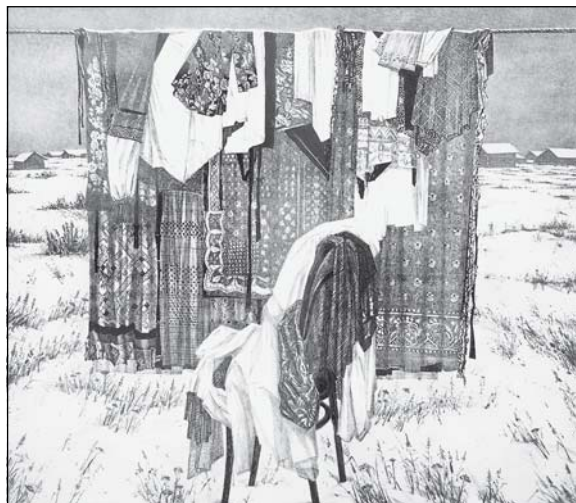
серия рисованных портретов А.С. Мищенко: автопортрет, художники П.И. Городецкий и А.Г. Алентьев, «Лена» (художница Е.А. Васильева). Лёгкой подцветкой даны губы, глаза. Всё это блестящие портреты, прекрасно передающие натуру,

СЕВЕРНЫЙ ВЕТЕР. О.С. Юнтунен. Бумага, акрил

листов Г.А. Елфимова «Святые врата Новгородской Софии».

Серия карандашных рисунков Г.А. Елфимова «Ностальгия о будущем» — своего рода изобразительная «антиутопия» о предстоящем «конце света», напряжённые раздумья

ПОКРОВ. Л.В. Елфимова. Бумага, литография

АВТОПОРТРЕТ. А.С. Костюков. Цветная бумага, уголь, мел

характеры, повадки и взоры людей. Построены они крепко, интересно. Необычен и сам штрих, дающий обрывистый след карандаша.

Умелое сочетание угля с тонированной бумагой, служащей общим фоном, характерно для работ А.С. Костюкова «Автопортрет» и «Поедем, красотка, кататься».

Запоминаются бережно исполненные серии карандашных рисунков О.Н. Цветкова: «Воспоминание о Карелии», «Горки». Кое-кто использует и цветные карандаши, добиваясь сложной игры переплетения точно положенных тонких штрихов: Г.А. Дмитриева «Дачники», «Двое».

Иногда эта излишняя истончённость штриха, вызванная применением очень твёрдого карандаша, приводит к ненужной сухости: А.В. Подберезский. «Марьино. Старый мостик». «Перекрёсток» того же автора — уже почти что чертёж, а не живой рисунок. Чрезмерно схематична и К.И. Шереметева-Благовестная в своих условных композициях с деревьями, изогнутыми сучьями.

Впрочем, не только об этих претенциозных творениях, но и многом-многом другом забываешь, оказавшись возле

о бесчеловечных временах (нашей эпохе) и о времени вообще. Это по-настоящему философичные работы, в которых мысль рождается во взаимодействии с пластическим образом, а не привносится как нечто постороннее.

Серия литографий Л.В. Елфимовой «Зима» («Покров», «Рождество») — изумительно тонко исполненные работы, запечатлевшие пронзительные переживания автора. Интересна также серия «Забавы ангелов» («Сон», «Игра», «Подарок»).

В редкой ныне технике монотипии исполнены работы Н.И. Мишусты «Полнолуние в Тотье» и «Осенний день в Ферапонтово», а также триптих Д.Ф. Павлова «Кирилло-Белозерский монастырь». Пластичны, монументальны выполненные в технике гроттажа листы И.В. Ситдиковой «Лосиный остров», «Медвежий угол».

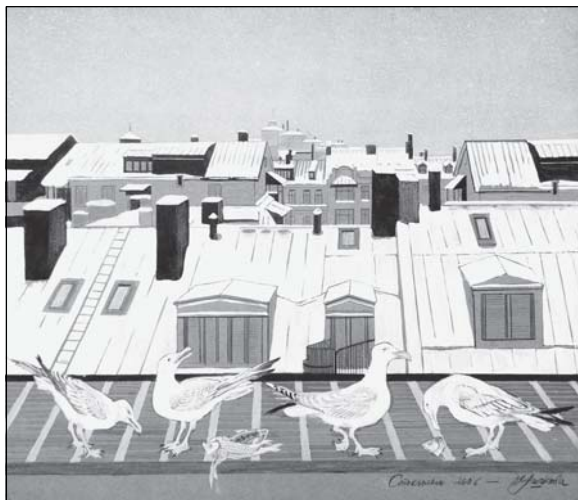
Среди акварелей в первую очередь отметим замечательные работы трагически скончавшегося накануне открытия выставки В.В. Паскина (1954—2008). Они представляют собой своеобразные графические новеллы, наполненные подлинно поэтическим восприятием действительности, что ощутимо и в самих названиях работ: «Мать уснёт без улыбки...», «Грустные птицы кричали в конце сентября». (См. цветную вклейку.)

Если одни авторы воспринимают акварельную технику в традиционном плане как лёгкую и прозрачную живопись водяными красками на просвечивающей белизне бумаги (нежные акварели Г.В. Кижаккиной «Вид с Торговой стороны», «Кремль весенний»; или воздушные пейзажные «миниатюры» А.В. Скрыбина «Горный лес», «Осенний парк», «Южный дворик», необычная игра света в листах А.И. Каштанова «В Заонежье», «Вечер в Гридино»), то другие добиваются предельной интенсивности цвета за счёт длительной многослойной работы.

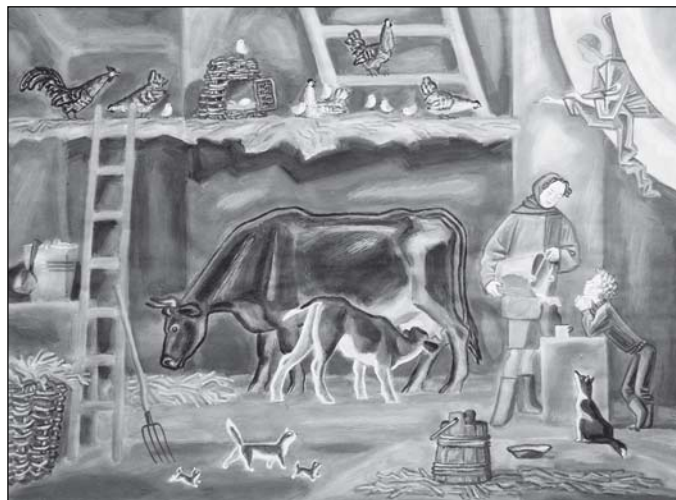
Свободно исполненным, живописно нарисованным кистью с применением размытого штриха пейзажам А.Н. Васильева «Вечер в Петербурге», «Ночной парк» близка по манере серия Л.А. Борисовой «Петербургские каналы», выполненная

ещё в большей степени эскизно, даже «репортажно», хотя и мастеровито.

Л.А. Пестова-Целищева использует акварель для тонкой иллюминации своих эстампов — будь то офорт («Одуванчики») или же гравюра на картоне («Рябина и яблоки»).

ЧАЙКИ НА КРЫШЕ. СТОКГОЛЬМ. В.И. Ушакова.
Цветной картон, пастель, гуашь

АНГЕЛЬ-ХРАНИТЕЛЬ. В.Н. Чиненова, С.Л. Чиненов.
Бумага, акварель, темпера

Разнообразием использования всевозможных приёмов и техник отличается творчество В.И. Ушаковой, прибегающей то к пастели, то к акварели, иногда сочетая их в одной работе («Паломница»). По сравнению с широко и размахисто написанным пейзажем «Осень» работа «Чайки на крыше. Стокгольм» выполнена совершенно иначе: сухо, жёстко, «графично».

Живописны пастели работы П.И. Городецкого «Воскресенская слобода», «Сумерки» с замершими до утра баркасами на берегу реки; «Зимний вечер» и «Утро» О.П. Гусевой.

ПАНОРАМА НИКОЛАЕВСКОЙ УЛИЦЫ. Е.А. Авинова.
Бумага, тушь

ЗАПИСКИ ИЗ МЁРТВОГО ДОМА. СУМАСШЕДШИЙ.
Б.Л. Непомнящий. Бумага, карандаш

Заинтриговывает стилизованная, с изрядной долей гротеска «Панорама Николаевской улицы» Е.А. Авиновой. В ней много необычного, начиная с вытянутого в длину формата листа (примерно 4 квадрата). Постепенно глядяваясь, улавливаешь переключку эпох — старины и современности.

Ряд значительных работ присутствует в разделе книжной графики.

Обращает на себя внимание серия линогравюр Д. Шелковниковой по мотивам саамских сказок. Интересно, что в иллюстрациях Е.В. Клауцан к сказке Ш. Перро «Красная Шапочка» совершенно отсутствует цвет, — автором была избрана техника чёрно-белой гравюры. Сделаны они тонко, со вкусом, причём удачно использован рисованный шрифт, стилизованный под старину.

Оригинальна серия О.А. Колчановой «Эзоп. Басни» — большие чёрные листы и красные рисунки на крупном,

во весь лист, фоне (вместо паспарту) — вполне уместная стилизация под античную керамику.

Иллюстрации к книге В.Ф. Одоевского «Городок в табакерке» великолепно исполнены Н.Л. Селезнёвой в виде «разрезных складней». Они изобретательно придуманы и тонко

исполнены, умело сохранено ощущение ценности белого листа бумаги — он не перегружен, как это теперь часто бывает, а сомасштабен изображению.

История Петрозаводска, заложенного Петром Великим одновременно с Петербургом, оживает в оформленной и иллюстрированной В.Н. и С.Л. Чиненовыми книге «Ровесник Северной Пальмиры».

В оформлении Е.В. Молчановой к изданию «Пепси — длинный чулок» А. Линдгрен видится достаточно неожиданное, но вполне органичное усвоение футуристических находок в книге.

Серию листов по мотивам «Записок из мёртвого дома» Ф.М. Достоевского дал Б.Л. Непомнящий: «Спор», «Плац-майор», «Наказание палками». В них запечатлено нервное, чрезвычайно напряжённое искание истины, жажда «воскрешения», хотя сами образы не лишены оттенка патологичности, что не удивительно, принимая во внимание источник, которым вдохновлялся художник.

Е.А. Мартышев в целом ряде разнообразных по сюжетике экслибрисов пытается использовать возможности компьютерной печати, что, впрочем, не ощущается как некое техническое открытие в его книжных знаках, которые остаются вполне традиционными.

Переходя к скульптуре, хочется сразу же отметить замечательные своей острой пластикой и смелыми композиционными приёмами работы талантливого молодого скульптора В.А. Смирнова. Его композиция «Новгород» (металл, камень) представляет собой ажурную, сквозную фигуру старца, внутри которой поместились и звонница, и мост, и прочие символы древней Северной столицы.

Возникает лишь одно желание: быть может, стоило и голову сделать тоже «прозрачной» для большей цельности работы?

В анималистических бронзах С.М. Гаева («Бык», «Кабан») присутствует хорошее чувство пластики, энергии объёма, наполненности формы. Даже в небольших, миниатюрных его вещах — внушительность, массивность «литой» формы. «Натурщица», «Женская голова», маска Бетховена — мастерски исполненные работы, свидетельствующие об уверенном владении средствами своего вида искусства как трёхмерной вещи в пространстве.

Блестящее понимание пластики, объёма и специфики самого материала (дерево, резьба) демонстрирует также З.Т. Бушкова: «Крестьянка с граблями», «Птицы», «Скоро зима». Это прекрасные вещи, сделанные с большим настроением. В ряде случаев в них присутствует деликатная подцветка.

Бросается в глаза причудливая анималистика Л.Д. Леденцовой: изображение только что вытупившегося птенца («Родился»).

Интересен замысел работы Н.А. Леденцова «Росток». Из глубокой расщелины расколотого шара (гранит) возникает завязь, завиток растения (бронза). Впрочем, тема эта не новая, и ещё более органичное решение идея всепобеждающей силы жизни нашла, например, в керамике известного петербургского мастера М.А. Копылкова.

Очень удачно найден художественный приём, соответствующий самой теме, в работе В.А. Рохина «Купание» — как из кольчуги созданной, сквозной, просвечивающей фигуре матери с ребёнком.

А.М. Шабунин показал серию медалей «Великие земляки»: художник-баталист В.В. Верещагин, адмирал Н.Г. Кузнецов, министр речного флота СССР З.А. Шашков — скульптурные миниатюры сделаны крепко, основательно, в них присутствует особая монументальность, чёткая, глубокая «врезка» портретного изображения на плоскости.

В особенно нарядном, красочном разделе декоративно-прикладного искусства представлены великолепные образцы керамики, текстиля, а также работы, выполненные в стекле, металле и в самых разнообразных смешанных техниках.

Заметное место занимает в экспозиции

Дымковская игрушка: гуляющие парочки, чинно шествующие дамы, выступающие, словно павы; лошадки, козлы, петики с роскошными хвостами и пр.

Богато представлена художественная керамика.

Занимательны работы в шамоте Г.Н. Булганиной: «Благая весть» — перевод иконописных форм приёмов в пластические, объёмные; «Творческий процесс», решённая забавно, изобретательно, но несколько в духе шутки, — ею всё и кончается. В скульптуре «Пауза» за основу взят восточный мотив «горянки».

Ясность, чистота восприятия отличают работы Н.Н. Ковалёвой «Зима», «Новгород», Е.В. Чепель «Белая ночь», «Тишина».

Автором сложных рельефных композиций Т.А. Чистяковой придуман свой собственный ход: она изобретательно показывает архитектуру в рельефе, с фигурами и деревьями. «Церковь Покрова на Торгу» со сценой гуляния, «Ворота детства», «Играй, гармонь» — их очень увлекательно рассматривать, но подчас они чересчур дробны.

В отличие от этих измельченных вещей очень лаконичны и глубоко содержательны керамические пласти Ю.Б. Шабасовой (шамот, ангобы, глазури). Ей принадлежат также интересные, выразительные фигуры в рост — персонажи из XIX века: «Большой человек» и «Офицеры» в треугольниках.

НОВГОРОД. В.А. Смирнов.
Металл, камень

КУПАНИЕ. В.А. Рохин.
Металл

БЛАГАЯ ВЕСТЬ. Г.Н. Булганина.
Шамот, глазурь

В разделе текстиля особенно широко представлено творчество мастеров из Череповца: батники «Король и шут», «Мужчина и женщина» И.П. Божко, триптих И.А. Браулова «Красный дом», роспись по шёлку Т.И. Капустиной «Миражи».

Несколько симпатичных, изящных работ создано из шерсти в технике ручного ткачества: панно Е.Ю. Громиной «Глубина поздней осени», натюрморт С.И. Синяевой «День угасший». Хочется также отметить «солнечное» панно О.Г. Жаренковой «Жёлтый квадрат», вышивку «Зимний день» В.М. Ивановой, батик В.В. Бердышева «Фантазия на тему Минотавромахии П. Пикассо».

Красиво, просто и благородно смотрятся костюмы И. Порошиной из коллекции «Калевала», — в них хорошо ощутима сама стать фигур героев карело-финского эпоса. Мастерски исполнены также мужские и женские костюмы Р.С. Чебатуриной для спектакля «Сказки Лапландии», куклы архангельских мастериц Н.В. Гончаровой и Е.И. Диковой.

Чрезвычайно выразителен, полон экспрессии текстиль в исполнении Н.И. Дзюба: это мини-гобелены «Русская песня», «Первый снег», «Иней», «Метель», панно «Праздничный салют».

Декоративные панно, исполненные в самых разных техниках, нередко причудливо смешанных, украшают многие

ОБРАЗ БОЖЬЕЙ МАТЕРИ «УМИЛЕНИЕ» (ЯРОСЛАВСКАЯ). Е.В. Горбунова-Гребенникова. Дерево, левкас, темпера, золочение

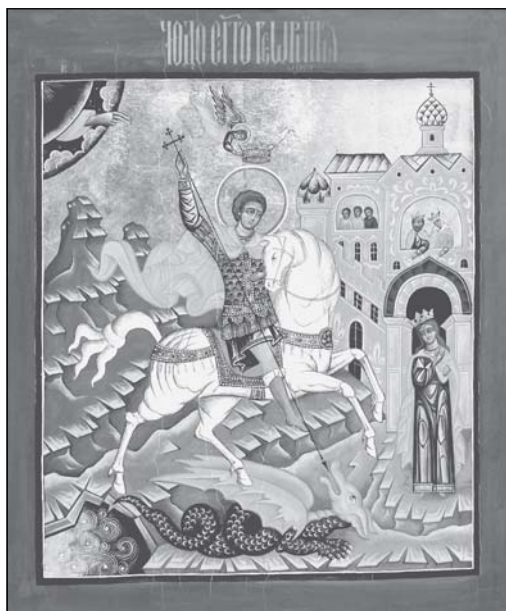
Нарядна и торжественна инсталляция Н.В. и В.В. Маркиных «Великому Новгороду — 1150 лет», в которой скупыми средствами создан впечатляющий образ старой русской деревянной архитектуры.

На выставке был представлен также небольшой, но очень качественный раздел новых икон и лицевого шитья. Несомненно, увиденного достаточно, чтобы подчеркнуть, что реалистическое направление в искусстве не только живо, но и даёт великолепные плоды, свидетельствуя о больших потенциальных возможностях дальнейшего развития. Мастерство художников растёт не только вместе с постижением чисто профессиональных секретов ремесла, но и, самое главное, в результате постановки ими перед собой и успешного разрешения больших задач образно-содержательного толка. Ощущение причастности к важному и чрезвычайно серьёзному общему делу, по крупному счёту — ни с чем не сравнимое чувство соборности дарит радость и оптимизм, рождает надежду и веру в будущее.

Пусть на этой выставке почти нет примеров открытой публицистичности, заострённой гражданственности, — но и без всякой лобовой плакатности и митинговой лозунговости, всем своим строем и духом представленные произведения противостоят упорно насаждаемым ныне стандартам индивидуализма, торгашества, неумённого потребительства, культу наживы, чистогана и подспудно стоящему за ними циничному, восходящему к нищезаимству, культу силы.

Подобно тому, как в прошлом Северо-Запад России стойко выдерживал натиск тевтонских, шведских и польских захватчиков, так и сегодня он встаёт твердыней русского национального духа, для которого истина не в силе, а в правде и справедливости, не в низменном, корыстно-гедонистическом, не в туманно-мистическом, а в простом, ясном и человеческом, в прекрасном и гармоничном, в доброте и согласии...

П о д о б н о тому, как в прошлом Северо-Запад России стойко выдерживал натиск тевтонских, шведских и польских захватчиков, так и сегодня он встаёт твердыней русского национального духа, для которого истина не в силе, а в правде и справедливости, не в низменном, корыстно-гедонистическом, не в туманно-мистическом, а в простом, ясном и человеческом, в прекрасном и гармоничном, в доброте и согласии...

ЧУДО СВ. ГЕОРГИЯ О ЗМИЕ. Е.В. Коротаева. Дерево, левкас, темпера

ные летающие корабли. Три панно В.П. Кордюкова на вечную тему Дон-Кихота Ламанчского решены именно в плане темы «Рыцаря Печального Образа»: грустный «Идальго», «Санчо» и «Завтрак».

АРХАНГЕЛ МИХАИЛ ВОЕВОДА. Л.Н. Зиминов. Дерево, поволока, левкас, темпера, золочение

ПЕРВОЕ МАЯ 1920 ГОДА

Как снесли решётку у Зимнего дворца

Октябрьская годовщина была главным праздником нового, Красного календаря, но кроме неё в послереволюционные годы отмечалось ещё много других дат: Кровавое Воскресенье — 9 января, День Красной Армии — 23 февраля, День Парижской Коммуны — 18 марта, День международной солидарности пролетариата — 1 мая, День взятия Бастилии — 14 июля, Память Июльских дней — 3–16 июля.

В 1918 г. ещё шла война, и весёлых гуляний по случаю годовщины Октября не устраивалось, ограничились шествием всех районов города под траурный марш Шопена на Марсово поле. У могил жертв революции устроили митинг, а потом двинулись к Смольному на торжественное заседание, где после каждой речи весь зал пел Интернационал.

С утра 9 ноября начался специальный праздник для пролетарских детей на Дворцовой площади, а потом он продолжился в самом дворце, где для них был приготовлен «театр и кинематограф». Напоследок каждый получил сайку и яблоко, что в голодном 1918 г. было неслыханной роскошью¹.

В 1919 г. отпраздновать революционную дату с размахом также не удалось — на этот раз помешало наступление армии генерала Юденича, — и опять были только митинги и траурные шествия на Марсово поле.

Зато в 1920-м не только 7 ноября, но и все остальные праздники отмечали пышно и шумно, а празднование Первой вообще должно было изменить сам внешний вид бывшей царской резиденции, превратившейся в музей истории победившей революции, недавно открывшийся во

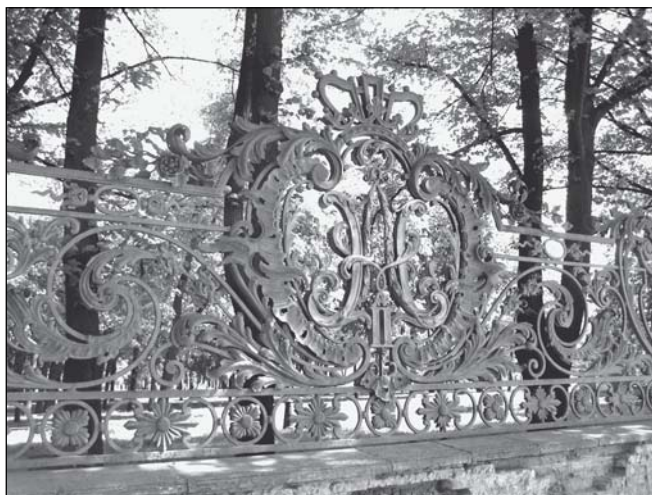
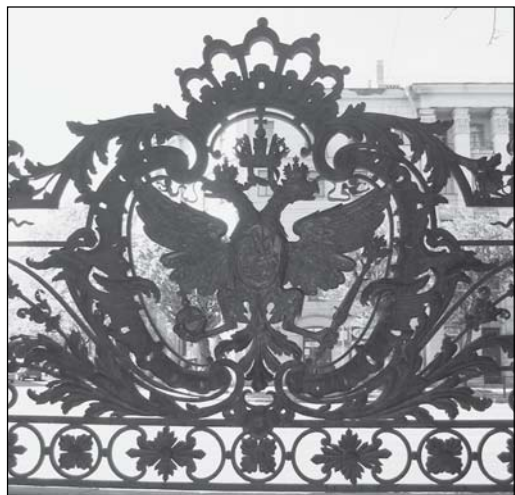
Дворце Искусств, как теперь называли Зимний². Вход в музей был с Салтыковского подъезда, выходившего в Собственный садик, обнесённый массивной оградой. Её выстроили в 1901 г., чтобы отгородиться от шума проходившей по Адмиралтейскому проезду конки.

Каменный цоколь высотой почти в два человеческих роста, на нём прекрасной работы решётка. Каждый её фрагмент украшал золочёный двуглавый орёл или изящный вензель под императорской короной — переплетённые буквы «Н» и «А», — Николай и Александра. Фрагменты решётки разделялись небольшими колоннами³. Высокие ажурные ворота — со стороны площади и со стороны набережной, в царское время обычно закрытые, теперь стояли настежь, и в них то и дело входили группы экскурсантов, желавших ознакомиться с историей революции, которой на тот момент не исполнилось ещё и трёх лет.

Обычных массовых Первомайских гуляний на этот раз показалось мало, решено было отметить этот день по-особенному.

Кому-то в голову пришло устроить грандиозный субботник, который отличался бы от обычных и частых в те годы субботников, когда граждане чистили дворы от мусора или разгружали баржи с дровами. По замыслу организаторов он должен был стать настоящим праздником труда, который символизировал бы торжество победившего класса, до основания разрушившего старый мир и теперь расчищавшего дорогу к светлому будущему.

Для осуществления этого замысла решено было снести ограду у Зимнего дворца — оплот царизма, свергнутого

Фрагменты решётки: с двуглавым орлом и вензелем «Н» и «А» под императорской короной. Фото автора

Октябрём, и превратить в цветущий сад бывший плац перед казармами лейб-гвардии Павловского полка на Марсовом поле, в центре которого в 1917-м были похоронены жертвы революционных событий. До дня празднования трёхлетия революции решили не ждать, тем более, что в начале ноября в Петрограде стоит не самая благоприятная для такого дела погода, и отпраздновали трудовыми подвигами Международный день солидарности пролетариата.

Здесь надо сказать, что решётку у Зимнего начали снимать в начале 1920 г., а орлов и царские вензеля выломали ещё раньше, сразу после революции, тогда же сбили и украсившие ограду короны. Так что весной 1920 г. всей решётки на цоколе уже не было — некоторые её части лежали неподальше от дворца — на набережной 9 января (Дворцовой).

Субботник 1 мая 1920 г. ЦАКФФД. Фонд «Субботники. Воскресники». Пр 2738

Ограда была разрушена заранее и, по сценарию, после праздника от неё ничего не должно было остаться. Задача была не из лёгких, если учесть размеры ограды и высоту каменного цоколя. Для осуществления задуманного к субботнику изрядно подготовились.

Накануне по Адмиралтейскому проезду проложили узкоколейку, идущую вдоль ограды к набережной, и подогнали 100 вагонеток. Туда же с раннего утра 1 мая прибыли 150 ломовых подвод и десять грузовиков, на набережной установили огромный подъёмный кран, а на Неве уже наготове стояли баржи, чтобы вывозить кирпич и битый камень.

Перед самым началом субботника ко дворцу привезли несколько больших баков с кипятком, к каждому был приставлен человек в белом переднике, готовый наливать всем желающим по кружке горячего чая.

И вот *«наступил день радости, день именин Труда. Тысячи трудармейцев, моряков, рабочих пришли к огромной куче кирпичи и камня около бывшего Зимнего дворца. Они покрыли её собой, как муравьи. С радостными улыбками, с шутками, со смехом, кое-где с песнями приложили они свои мозолистые руки к этой горе камня, и закипела дружная работа... С Александровской колонны светлый плакат радостно кричал: „1 мая 1920 года мы празднуем не только с плакатом, но и с молотом и лопатой в руках!“*⁴

С 10 часов под музыку военных оркестров семитысячная толпа начала разбирать завалы, а в полдень с Петропавловки

раздались три залпа — это был сигнал к движению демонстрантов всех районов города, собравшихся у площади. Под звуки Интернационала праздничные колонны во главе с Губкомпартом, Губпрофсоветом, Реввоенсоветом 7-й армии и Ревбалтфлота двинулись по городу, приветствуя «трудовую дружину», которая продолжала грузить вагонетки и растаскивать то, что осталось от ограды. В то время как тысячи человек орудовали ломом и лопатами, толкали вагонетки с кирпичом и грузили его на баржи, а громадный паровой кран стаскивал неподъёмные цокольные камни на набережную, многотысячная демонстрация под звуки нескольких оркестров двинулась от площади Урицкого к площади Жертв Революции (Марсову полю), огибая Александровскую колонну, украшенную наверху четырьмя красными флагами. Кружащий в воздухе аэроплан разбрасывал листовки с приветствиями пролетариату, с лозунгами о труде, о революционном фронте и о борьбе с мировым империализмом. Довершал всю эту праздничную картину плывущий над площадью цепелин с гигантским красным флагом и красной звездой.

Пока у Зимнего доламывали и убирали ограду, на площади Жертв Революции также кипела работа. 16 тысяч участников субботника — рабочие петроградских заводов, совучреждений и просто сознательные граждане, под музыку оркестров, играющих в углах поля, высаживали привезённые накануне 600 000 кустов акаций и вербы, украшая саженцы красными революционными бантиками. Работники фабрики «Скороход», например, не забывшие запечатлеться на память в этот радостный день, прибыли на место на разукрашенном плакатами трамвае и взялись за посадку тоненьких саженцев вдоль края поля. Пока шла работа, несколько театральных трупп подбадривали трудящихся, разыгрывая сценки на злобу дня.

В центре поля, около украшенных цветами могил жертв революции поэты пролеткульта читали стихи. Рядом группа петроградских рабочих приветствовала делегацию шведских товарищей, приехавших на празднование дня солидарности. Приглашённый фотограф запечатлел и эту трогательную сцену. Работа продолжалась целый день, и только в 17 часов прогремел с крепости сигнальный выстрел, — субботник закончился, и его участники стали присоединяться к тем, кто уже прошёл в колоннах демонстрантов по городу, а теперь веселился в Летнем саду и у Инженерного замка. Именно туда *«была брошена целая армия профессиональных артистов всех родов искусства, заполнивших каждый удобный и неудобный кусок земли»*. И действительно, там творилось нечто неопишемое.

На верхней террасе замка выстроились трубачи с фанфарами, под террасой, на площадке главной лестницы давали Еврипидовского «Ипполита», разыгранного силами профгруппы военного комиссариата.

В Кофейном домике Летнего сада публику развлекал Кукольный театр, у Малого павильона — Театр Петрушки, а у Лебяжьей канавки, на площадке Психеи артисты бывшего Марининского театра под два рояля исполняли «Королеву Мая» Глюка.

На центральной дорожке сада давали представление драматические артисты, в аллеях играло несколько оркестров, рядом заводили граммофоны, а на набережной Невы выступала Певческая капелла.

Даже водное пространство было задействовано: по Фонтанке, Мойке и по Канавке плавали лодки с певцами и гитаристами, а на пруду сада «*был сооружён плот, на котором подвизался хор Архангельского*».

Нечто подобное, но, естественно, с меньшим размахом, происходило и в других садах города, куда заранее завозили рояли, которые, по признанию очевидцев, потом неделями стояли забытыми среди аллей.

**На улицу тащите рояли,
барабан из окна багром.
Барабан, рояль раскроя ли,
но чтоб грохот был,
чтоб гром.**

(В. Маяковский. «Приказ
по армии искусства», 1918 г.)

Чтобы представить всю полноту картины этой «изумительной маёвки» (именно так она именовалась в последующих отчётах), следует сказать ещё об одном новшестве, использованном в тот день на празднике — о театрах на трамваях. (Здесь опять же воплотились мечты Маяковского, ратовавшего за то, чтобы пролетарское искусство было повсюду: на улицах, на фабриках, в трамваях, а не в мёртвых храмах-музеях.) Несмотря на то, что транспорта в городе катастрофически не хватало и трамваи ходили плохо, с самого утра 1 мая двенадцать вагонов с прицепленными к ним грузовыми площадками, на которых были выстроены фанерные балаганы, собрались на Михайловском кольце (площадь Искусств), а к вечеру, когда уже заканчивались субботники на Марсовом поле и у Зимнего, эти трамваи под руководством комендантов двинулись по городу, каждый своим маршрутом, делая остановки в заранее намеченных местах, где их уже ждали зрители, чтобы посмотреть специально подготовленные к празднику представления. По свидетельству обозревателя, «художественный уровень их был не особенно высок, дело не шло дальше аллегорических сцен и наивных шуток, но зрители с гиком и криками провожали трамвай, и так неслись эти пёстрые, размазанные театры на колёсах вдоль облезших, полуразрушенных улиц 1920 года».

В полночь начался фейерверк на Неве. Празднование дня международной солидарности пролетариата продолжалось до поздней ночи.

На следующий день люди, пришедшие на набережную 9-го января и на площадь Урицкого, увидели, что дворцовая ограда исчезла.

«На месте решётки, где была безобразная груда камней, осталось чистое и ровное место... Матросы, рабочие и ломовики на пл. Урицкого совершили чудеса производительности труда... Всего было перетащено 127 000 пудов тяжестей. Мелкие камни предположено употребить в качестве щебня на постройку шоссе, цокольные же камни и самую решётку решено отвезти на Волково кладбище, где огородить место, называемое литераторскими мостками», — писал корреспондент «Правды» 4 мая 1920 г.⁵

Сколько энергии и сил нужно было затратить, чтобы за полдня уничтожить одну из самых красивых оград в городе, где ещё на каждом углу были видны следы разрушений, оставленные войной!

Меж тем и камни ограды, и части решётки ещё долго продолжали лежать на набережной, на Литераторские мостки их так и не перевезли. Праздничный энтузиазм кончился, появились более насущные и неотложные дела. Только в 1924 г. по просьбе рабочих Краснопутиловского завода дворцовую решётку установили на проспекте Стачек, у Сада 9 января, но на низком постаменте и без золочёных деталей выглядела она совсем по-другому.

А посаженный 1 мая на Марсовом поле сад к середине лета почти весь завял, ведь под тонким слоем земли на бывшем плацу был сплошной кирпич, и следующей весной площади Жертв Революции нашли более практическое применение — её засадили картофелем и капустой.

Субботник 1 мая 1920 г. Паровой кран на Дворцовой набережной. ЦГАКФД. Фонд «Субботники. Воскресники». Гр 2737

Итог празднику 1 Мая подвела «Петроградская правда»: «То, что несёт с собой победа трудящихся, в тысячу крат искупает великие жертвы, принесённые во имя её».

Автор, у которого, по его собственному признанию, не хватило красок описать грандиозное первомайское действо, заканчивал свою статью призывом: «Товарищи! Пишите! Кто может да не сделает этого, тот обворует историю нашей великой революции»⁶, — и, как выясняется, он в чём-то оказался прав: сейчас мало кто знает, когда и при каких обстоятельствах исчезла решётка у Зимнего, не простоявшая на своём месте и двадцати лет.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Петроградская правда. № 243. 10 ноября 1918 г.

² 11 января 1920 г.

³ В конце 1890-х годов на месте плаца перед Салтыковским подъездом разбили сад с фонтаном. В 1901 г. архитектор Р.Ф. Мельцер, ещё в 1886 г. установивший ворота в большой двор Зимнего со стороны площади, построил ограду. После возведения ограды дворец перекрасили в красно-коричневый цвет, в тон тёмно-розовому песчанику цоколя.

⁴ Петроградская правда. № 95. 1 мая 1920 г.

⁵ Петроградская правда. № 98. 4 мая 1920 г.

⁶ Там же.

Фотографии из фондов ЦГАКФД (Центрального Государственного архива кинофотофонодокументов г. Санкт-Петербурга) публикуются впервые (см. вклейку)

НОВГОРОД В ДНЕВНИКЕ ЖИЛЬБЕРА РОММА

«Voyage de St. Pétersbourg à Moscou» (1781 г.)

Среди отзывов иностранцев, посетивших Новгород на протяжении всей его многовековой истории, дневнику Жильбера Ромма «Voyage de St. Pétersbourg à Moscou» принадлежит совершенно особое место. Пожалуй, за всю почти тысячелетнюю историю древнего города едва ли найдётся ещё одно сочинение, в котором запись о его посещении являлась бы свидетельством отражения традиционного противостояния культур Франции и Англии.

Жильбер Ромм вошёл в историю прежде всего как участник Французской революции, деятельнейший член якобинского клуба, «цареубийца», «последний монтаньяр», отправивший на эшафот Людовика XVI, а также как создатель республиканского календаря. Но для российского читателя Жильбер Ромм интересен прежде всего тем, что почти одиннадцать лет он был воспитателем Павла Строганова, или Попо, как называли его в строгановском семействе. Для Попо Ромм был не просто французским гувернёром, каких в изобилии можно было встретить в аристократических семействах того времени. «Наш сын» — так Строганов-отец, покинутый супругой, именовал Попо в письмах к воспитателю, как бы признавая тем самым, что разделяет с Роммом права отцовства. Французскому наставнику было суждено сыграть необыкновенную роль в судьбе своего воспитанника: Ромм чуть было не перевернул вверх дном всю жизнь русского юноши, единственного наследника своего отца.

Ромм вместе с Попо совершал путешествие по России в учебных целях. Свои наблюдения путешественники записывали в дневники и пересылали их Строганову-отцу. В 1784 г. они совершили путешествие к Белому морю, в 1786 г. — к Чёрному, в Крым. В 1781 г. путешественники побывали в Нижнем Новгороде и Казани, в 1783 г. ездили из Петербурга в Выборг и на Иматру.

С 11 по 20 июля 1781 г. Ромм и Попо совершили вояж из Петербурга в Москву. Путь их, естественно, пролегал через Новгород. С ними ехал известный учёный и путешественник П.С. Паллас. Он заставил своих спутников забыть о неудобствах монотонной дороги. Ромм внимательно слушал всё, что рассказывал их спутник. Вести подробный дневник путешествия было некогда. Поэтому в него попали лишь отдельные

наблюдения. В них невозможно распознать будущего революционера-якобинца. При чтении дневника сразу бросается в глаза, что он составлен естествоиспытателем, натуралистом, минерологом. Прежде его интересуют необыкновенные явления природы, инженерные сооружения, встречающиеся по дороге минералы. На 403 версте от Петербурга в 27 шагах от

моста путешественники обнаружили залежи прекрасного гранита, а на 399-й, прямо посреди дороги, — чёрного роговика. В Вышнем Волочке они наблюдали канал, соединяющий Тверцу с Мстой, одноарочный мост, шлюз. В восьми верстах от Выдропуска на скале остались три груды яшмы, вполне пригодной для ювелирных работ. В Твери путешественники узнали, что из 13 тысяч жителей едва ли найдётся 30 больных: трудно сыскать более благоприятное для здоровья место с таким же целительным воздухом и столь же чистой водой. По предсказаниям Палласа в Медном в середине лета под травяным покровом должен был лежать лёд. Но его там не оказалось. Обыватели объяснили, что такое необыч-

ное явление случилось всего один раз и было вызвано капризами погоды. При выезде из Торжка путешественники обнаружили много кремня, наполненного окаменевшими раковинами, и кусок вулканического туфа весьма необычного состава. 20 июля они прибыли в Москву. Судя по всему, Ромма мало интересовали достопримечательности древней столицы. Хотя Ромм отметил, что этот огромный город, насчитывающий почти 1600 церквей и около 500 000 жителей, содержит много любопытного для иностранца. Француз не стал уделять им внимания, несмотря на довольно долгое пребывание в Москве. Из всех её достопримечательностей он видел только царь-колокол, да и то только потому, что его интересовали размеры этой диковинки: 1200 пудов веса, 640 по* — в окружности, 20 — в диаметре.

Искусство как таковое совершенно не интересовало Жильбера. Когда Ромм впервые посетил Версаль, то его внимание привлекла лишь организация института глухонемых, в Марли — только устройство гидравлических сооружений. В истории он не видел никакого толка: как

Жильбер Ромм. С миниатюры князя П.П. Голицына в Марьине

* По — французская средневековая мера длины.

отрасль человеческих знаний он считал её совершенно бесполезной. Она наводила на него скуку и вызывала отвращение. *«L'histoire est la branche qui me déplaît le plus»*, — писал Ромм. Нельзя сказать, что в то время, когда он совершал свой вояж в Москву, ему были совершенно чужды социальные вопросы. Оценки Ромма озадачивали его биографов.

В Новгороде Ромм оказался 12 или 13 июля и оставил об этом краткую запись. Простое перечисление знакомых эпизодов биографии Ромма даёт основание ожидать, что посещение Новгорода, являвшегося символом борьбы против деспотизма, ярким свидетельством исконности демократических институтов, должно было породить отзыв, окрашенный в яркие политические тона, пропитанный антисамодержавным пафосом. Таким Новгород изображался дворянскими революционерами-декабристами. Таким он предстал и на страницах знаменитой книги А.Н. Радищева «Путешествие из Петербурга в Москву». Но, увы! Ничего подобного в бумагах Ромма нет. Однако никто не задавался вопросом, насколько оправданно отождествлять написанное Роммом с его внутренними убеждениями, без учёта того, как, в каких обстоятельствах и с какими целями губернёру пришлось высказываться о крепостничестве. Никто из учёных не соотносил высказывания Ромма с позицией его патрона А.С. Строганова в решении крестьянского вопроса, а в этом кроется ключ к верному пониманию его позиции.

Учёные не учитывали такого важного факта, что Ромм пересылал дневники путешествий Строганову-отцу и, следовательно, все оценки крепостного состояния предназначались для глаз русского вельможи, владельца 12 тысяч крепостных душ, и были тщательно согласованы со взглядами патрона. Невозможно поверить, чтобы Ромм был настолько ослеплён, что умудрился не заметить вопиющие факты крепостнического произвола в России. Хотя французский губернёр не интересовался политическими вопросами, но даже простой наблюдательности пытливого учёного было достаточно для того, чтобы не пожелать Франции такого рабства, какое существовало в России. Невозможно поверить, что столь внимательный в Версале глаз Ромма обрёл иное зрение в Петербурге. Несом-

ненно, речь должна идти о пере французского губернёра. В данный момент оно выражало взгляды того крута, настроения которого Ромм, призванный служить ему, не мог не учитывать. Если такое предположение верно, то можно быть уверенным, что бы ни рассказывали Ромму о Новгороде, как бы там ни сокрушались об утраченном прошлом, никаких реминисценций, а тем более республиканских симпатий, если они и были кем-либо высказаны в этом историческом месте, в дневник путешествия попасть не могло. В своей записи о Новгороде Ромм ограничился буквально следующим:

«В Новгороде помнят об одном проявлении английского сумасбродства, которое достойно войти в летописи этого

*нелепого народа. Один англичанин поспорил на весьма малую сумму, что три раза пройдёт между языком колокола и колоколом, когда тот будет звонить. Прошёл раз, прошёл другой, на третий раз язык колокола раскрыл ему голову о колокол. Он проиграл пари и потерял жизнь. Но этот нелепый случай не стал ещё одним уроком, как и прочие, столь же сумасбродные и трагические».**

Это написал не будущий революционер, не якобинец, а просто француз. Для него Новгород оказался интересен прежде всего тем, что этот древний русский город представил ему ещё одно яркое доказательство неприемлемости всего английского, будь то страсть к пари или личное бесстрашие. Как бы то ни было, но

Ромм зафиксировал в своём дневнике курьёз, который едва ли сохранили новгородские источники. Правда, осталось неизвестным, не подыгрывал ли Ромм и в этом своему патрону, впитавшему в себя за долгое время пребывания в Париже дух французской культуры, как это он делал, рассуждая о крепостном праве в России.

Граф Павел Александрович Строганов мальчиком. С миниатюры, принадлежавшей Ромму

* «À Novgorod on conserva la mémoire d'un trait de folie anglaise bien digne de figurer dans les annales grotesques de cette nation bizarre, il paria une fort modique somme qu'il passerait trois fois entre le battant de la cloche pendant qu'il sonnerait, il a fut bien passé la première et la seconde fois mais à la troisième le battant lui a cassé la tête sur la cloche, il a perdu sa vie avec sa gageuse sans que ce trait serve de leçon plus que tout d'autres aussi extravagante et aussi tragique que celui-ci». (РГАДА. Ф. 1278. Оп. 3. № 19. Л. 2.) Перевод автора.

ЛИТЕРАТУРА

Galante Garrone A. Gilbert Romme. Storia di un rivoluzionario. Torino, 1959.

Galante Garrone A. Gilbert Romme. Histoire d'un révolutionnaire. (1750—1795). Paris, 1971.

Haltsonen S. Gilbert Romme et son récit de voyage en Finlande // *Mélanges de philologie offerts à Tauno Nummela*. Turku, 1967.

Roucerdin Ph. Romme dans l'historiographie de la Révolution française // *Romme G. Correspondence (1774—1776)*. Vol. 1. T. 1. Clermont Ferrand, 2006.

Tchodinov A. Les papiers de Gilbert Romme aux archives Russes // *Actes du Colloque de Riom* (19 et mai 1995).

Бартенев П.И. Жильбер Ромм (1750—1795). К истории образованности нового времени // *Русский архив*. 1887. № 1.

Вел. кн. Николай Михайлович. Граф П.А. Строганов (1774—1817). Т. 1—3. СПб., 1903.

Далин В.М. Жильбер Ромм, Павел Строганов и Санкт-Петербургский двор // *Вопросы истории*. 1966. № 6.

Радищев А.Н. Путешествие из Петербурга в Москву. СПб., 1992.

Раткевич К.И. К биографии Жильбера Ромма (Его рукописное наследство в архивах СССР) // *Учёные записки ЛГУ. Сер. ист. наук*. Вып. 6. Л., 1940.

Раткевич К.И. Путешествие Жильбера

Ромма в Крым в 1786 г. // *Ромм Жильбер. Путешествие в Крым*. Л., 1941.

РГАДА. Ф. 1278. Оп. 3, 16, 19.

Сафонов М.М. Жильбер Ромм, Александр Радищев, или Два «Путешествия из Петербурга в Москву» // *Великая французская революция, империя Наполеона и Европа*. Материалы международной научной конференции. СПб., 2006.

Сафонов М.М. История одной рукописи: Радищев и Ромм // *Русская литература*. 2004. № 4.

Шаркова И.С. Фонд Жильбера Ромма // *Рукописные источники по истории Западной Европы в архиве ЛОИИ СССР*. Л., 1982.

Мария-Каролина-Лорелея...

...И обмер рыбак запоздалый,
И, песню заслышавши ту,
Забыл про подводные скалы
И смотрит туда — в высоту...
Мне кажется: так вот и канет
Челнок: ведь рыбак без ума,
Ведь песней призывною манит
Его Лорелея сама.

Г. Гейне. Лорелея.

В петроградской квартире, в Лесном, некогда висел портрет Марии Ливеровской. Художник Пасхин изобразил её в виде Лорелеи, с золотыми распущенными волосами и обнаженными плечами. Портрет был сделан за несколько лет до смерти. Она умерла от рака, в 1923 году. Её молодой супруг, Николай Семёнов, учёный-физик, будущий лауреат Нобелевской премии, признавался в письме другу: *«Я убеждён, что такой женщины, как та, что ушла, нет. Мне жаль, что ты не знал её. Это была удивительная, редкая женщина, это была царица. Слушай, она была старше меня на 15 лет, у неё было четверо детей, из которых старший на три года младше меня. Все родные и близкие и мои, и её бесконечно осуждали нас и давали часто это чувствовать. Через месяц после того, как мы поженились, она заболела тяжёлой изнурительной болезнью, которая так и не оставляла её до конца. Приложи сюда трудные материальные условия, и ты увидишь, что судьба мобилизовала всё, чтобы сделать нас несчастными. И вот теперь пойми, что я говорю без всякого эффекта, что это чистая правда, и те, кто видел нас вместе, подтвердят тебе это — все эти два года я был безгранично счастлив, наперекор всем обстоятельствам. Я ни разу не ощущал разницы в возрасте — так она была молода, горяча, нежна, весела, так она бесконечно любила меня, и так я её любил. Это были какие-то вершины счастья, и только предчувствие конца и болезнь покрывали всё флёром нежной грусти».*

Это письмо мне почему-то навевает имя Каролины Шеллинг, жены немецкого философа и музу немецких романтиков, очерк о которой был опубликован в «Русской мысли» в 1914 г. Автором его была Мария Ливеровская, женщина с трагической и яркой судьбой, вошедшая в историю литературы как переводчица «Новой жизни» Данте.

М.И. Ливеровская

Мария Исидоровна Борейша родилась 28 января 1879 г. в Петербурге. Её отец занимал должность правителя канцелярии Петербургского учебного округа. Будучи пятым ребёнком в семье, Мария росла в окружении старших сестёр (Вера, 1872 г.р., Екатерина, 1873 г.р., Наталия, 1875 г.р., и Надежда, 1877 г.р.) и маленьких братьев (Всеволод, 1883 г.р., и Пётр, 1885 г.р.). Последней, в 1887 г., снова родилась девочка — Любовь.

В 1890 г. Мария поступила в 5-й класс Императорского Воспитательного Общества благородных девиц (Смольный институт), как это было принято, «на казённое содержание». Вскоре после окончания института молодая смолянка девятнадцати лет сделала первый шаг в новую, «взрослую» жизнь — вышла замуж. Её избранником стал младший лекарь Кронштадтского госпиталя, Алексей Васильевич Ливеровский. Через год после свадьбы у них родился сын Юрий, потом — дочь Мария и сын Алексей. Ольга Алексеевна Воинова-Ливеровская в очерке «История одной семьи» писала, что её дед «родился 18 сентября 1870 года, из потомственных дворян Санкт-Петербургской губернии... окончил с отличием Императорскую Военно-медицинскую академию... плавал в качестве младшего врача на многих кораблях», во время русско-японской войны «находился в Японском море в должности флагман-врача на крейсере „Орел“, «всемилоостивейше пожалован» орденами Св. Анны 2-й и 3-й степеней и Св. Станислава, «произведён в статские советники». О семье Алексея Васильевича она пишет: «Отец был счастлив детьми, горд красавицей женой. У него была хорошая работа, дом, где по временам собирались интересные люди, проходили музыкальные и литературные вечера. Но Мария не была до конца удовлетворена своей жизнью. Ей хотелось учиться и реализовать себя не только как жену и мать».

И такая возможность ей представилась. В 1907 г. Ливеровская стала «сторонним» слушателем Романо-германского отделения историко-филологического факультета Петербургского университета. Академик Б.М. Эйхенбаум, некогда учившийся на этом отделении, вспоминал: *«Среди нас была одна женщина, не только умственно, но и душевно богато одарённая. Она переводила песни провансальских трубадуров, „Новую жизнь“ Данте. С большим музыкальным и словесным изяществом пела старинные французские романсы»*. Ливеровская прослушала весь курс четырёхлетней программы и в январе 1912 г. защитила диссертацию на соискание степени магистра романо-германской филологии. Сохранились воспоминания об этой необычной защите: *«В актовом зале, в присутствии оппонентов и гостей, она пела под свой аккомпанемент на рояле песни провансальских трубадуров в своём переводе и излагала теорию провансальско-стихосложения...»*.

В марте 1913 года на одном из собраний нео-филологического общества, образованного при Петербургском университете в 1885 г. академиком А.Н. Веселовским, Ливеровская представила свой перевод старо-французской песни-сказки «Окассен и Николет». Её друг, Виктор Жирмунский в своей рецензии писал: *«Г-жа Ливеровская построила стилистическое единство русского „Окассена“ на детской наивности, нежной простоте, синтаксической незамысловатости средневекового памятника. Её перевод очень точен и с удивительной художественной чуткостью передаёт оттенки старо-французского текста»*.

Молодой переводчице случалось и самой делать рецензии на переводы своих коллег. Так, например, в «Записках нео-филологического общества» был опубликован её отзыв на перевод «Гристана и Изольды» Ж. Бедье, выполненный Е.С. Урениус в 1912 г. Но особенно её волновали судьбы выдающихся женщин, таких как немецкая поэтесса Рикарда Гух или Каролина Шеллинг... Своей старшей подруге, Л.Я. Гуревич, она писала: *«Дорогая Любовь Яковлевна, наша беседа так хорошо и бодро на меня повлияла, явилось желание победить судьбу и добиться своего... Я теперь вся живу Каролиной. Читаю её письма, проникаюсь ею всем своим существом. Напишу статью скоро и с замиранием сердца Вам её передам»*. Даже из этого фрагмента видно, что Каролина была для неё не просто объектом для изучения. Скорее, это был её своеобразный «двойник», судьбу которой Марии предстояло не только прочувствовать, но и повторить...

Урожденная Михаэлис, по первому мужу — Бёмер, по второму Шлегель, по третьему — Шеллинг, она вошла в историю под именем Каролины. Она родилась в 1763 году в семье профессора-ориенталиста. Первый её брак был непродуктивным. Оставшись вдовой с двумя детьми, Каролина скиталась по Германии: Геттинген, Марбург, Майнц... Её романы и злоключения на какое-то мгновение были прерваны новым замужеством в 1796 году.

Её избранником стал теоретик немецкого романтизма Август Вильгельм Шлегель. В своём очерке Мария Ливеровская писала об этом «блестящем периоде» жизни Каролины: *«Мужу она помогает во всех научных работах. Его критические статьи вдохновлены ею, это всюду её острый ум, её проникновенная наблюдательность. Самая лучшая статья Шлегеля, разбор „Ромео и Джульетты“, по словам некоторых, написана и, во всяком случае, продиктована ею...»*. И далее: *«Фридрих Шлегель тоже каждую мысль повторяет Каролине, без неё он ни на что не решается. Он весь проникнут благоговением к её уму, чуткости и женственности»*.

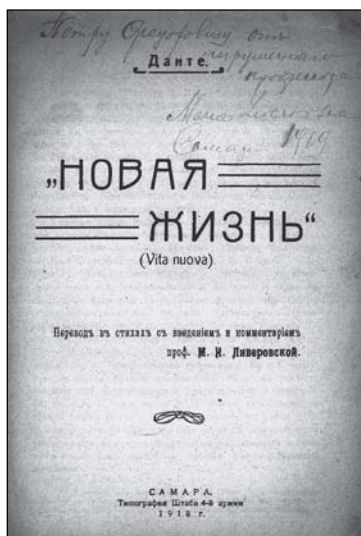
Брат Августа, Фридрих Шлегель, также влюблённый в Каролину, в своём фантастическом романе «Люцинда» оставил её словесный портрет: *«В её натуре было всё то высокое и грациозное, что только может быть свойственно женщине: всё божественное и всё*

непослушное, отмеченное печатью утонченности, культуры, женственности. Свободно и мощно развивалась и проявляла себя каждая особая черта, как если бы была единственной, и тем не менее это богатое дерзкое смешение столь различных качеств в целом не являлось простой сумятицей, ибо его одушевляло вдохновение, живое дыхание гармонии и любви. Она могла в течение одного и того же часа изображать какую-нибудь комическую сценку с выразительностью и тонкостью заправской актрисы и читать возвышенные стихи с чарующим достоинством безыскусного напева. То ей хотелось блистать и развлекаться в обществе, то она вся превращалась во вдохновение, то помогала советом и делом серьёзно, скромно и дружески, как самая нежная мать. Ничтожный эпизод благодаря её манере рассказывать становился очаровательным, как красивая сказка...».

Из поэтов-романтиков Каролине был ближе всех Новалис. Его «философия любви» была созвучна этой мечтательнице, не нашедшей в муже своего «единственного». У Новалиса читаем: *«Всякое усовершенствование нашего несовершенного существа сводится к тому, что мы становимся более способными к любви. В этом смысле любовь — конечная цель мировой эволюции, аминь вселенной...»*.

Душа Каролины ждала «избранника», и он пришёл. Это был молодой философ Фридрих-Иосиф Шеллинг. К 24-м годам он уже создал свою «Натурфилософию», «грандиозную поэму о мироздании, торжествующий гимн вселенной, примирение всего мира в стремлении и достижении абсолюта». И он был моложе Каролины на 12 лет. Поначалу Шеллинг ухаживал за её дочерью, пятнадцатилетней Августой. Но случилась трагедия: Августа заболела дизентерией, которую тогда не умели лечить, и после нескольких мучительных дней умерла. Шеллинг, немного сведущий в медицине, ухаживал за девочкой и даже пробовал лечить... Позднее его обвиняли в том, что он «убил Августу своим неумелым лечением».

Ливеровская писала: *«Со смертью Августы порвалась последняя связь Каролины с иенскими романтиками»*.

Обложка книги Данте
«Новая жизнь», 1918 г.
Перевод М.И. Ливеровской

Пока её душа не знала любви, она была открыта для всех и всем ровно изливала свой свет, но она замкнулась в одном чувстве, свет погас, и сразу стало темно. Кружок распался, а с ним вместе кончился блестящий период романтизма». И далее: «Кажется, когда читаешь письма того времени, что она отделилась от земли и с глазами, устремлёнными к нему, летит к пределам здешней жизни». И Ливеровская приводит выдержки из писем Каролины:

«Или вся вселенная просто вздор, или мы узнали друг друга навеки... Ты знаешь, я поеду за тобою, куда ты хочешь, потому что твоя жизнь и твоё дело для меня святы, а ведь служить в святости, Божьей святости, значит на земле господствовать».

Как какую-то волшебную, грустную, но красивую сказку рассказывает Ливеровская о последних годах жизни Каролины: «Она полюбила его, поверила в его дело, и её женская душа ручьём влилась в широкое море его духа. Она растворилась в нём целиком, и здесь кончается история её души... На вершине земного счастья, в самом расцвете исключительной любви, рядом с человеком, перед которым она мысленно становилась на колени, она умерла. Душа Каролины „излилась в вечность”».

Шеллинг, осиротевший супруг Каролины, в письме к Луизе Готтер писал: «Она уснула утром... тихо, без борьбы, сохранив даже в смерти своё очарование; мёртвая она лежала, слегка повернув голову с выражением света и сердечного умиротворения на лице. Пока она так лежала, и я мог покрывать слезами её останки, я не был ещё совсем несчастлив; взглянув на неё, я успокаивался, таким ясным было её лицо. Но и с этим последним мне пришлось расстаться, я проводил её к могиле... Таков был конец вашей-моей Каролины. Я поражён, убит, я не могу измерить величину моего горя... Бог дал её мне, смерть не в силах её похитить». Эту последнюю фразу, по сути — дантовскую, он высечет на её надгробии.

Участница этих собраний Н.И. Гаген-Торн вспоминала: «У Ливеровских в Лебяжьем была небольшая усадьба. Там, у Марии Исидоровны — центр дачной молодежи. Неподалёку от жилого дома устраивалась сцена, где все домашние, дети и гости разыгрывали пьесы под руководством хозяйки. Со сцены звучали стихи А. Блока и А. Ахматовой, переводы зарубежных поэтов... Частыми гостями Лебяжьего были будущие профессора, а тогда молодые филологи, Виктор Жирмунский и Константин Мочульский. В письме к другу Мочульский вспоминал:

«Я ярко представляю себе лебяжинскую идиллию на переливчатом фоне моря, с румяным Тедди и свеженькими „дубками” на авансцене. Жаль, что Мар. Исид. печальна; когда встретишь, постарайся её рассмешить от моего имени» (Одесса. 1912 г.).

И в другом: «От Марии Исидоровны получил письмо из Котин; она пишет, что здорова и весела, шлёт несколько беглых утёков моим кошачьим ухваткам и нраву, сообщает, что собирается в Юстилу. Вероятно, в то время, когда я пишу эти строки, вы все собрались над холодным озером и рассматываете свой звонкий смех под низкими финскими тучами» (1912 г.).

В ряде писем молодой человек приоткрывает нам неизвестный образ «туманной» Ливеровской: «Первые дни после твоего отъезда мы все вздыхали по тебе — был я у Марии Исидоровны, и она говорила мне, как ей жаль, что ты уехал; у ней теперь почти не осталось друзей

(горькую иронию понимаешь?); я, конечно, тоже вздохнул и поспешил с ней согласиться. В тот же вечер Мария Исид<оровна> жаловалась на полное отсутствие впечатлений в её теперешней жизни и выражала желание пойти на днях в театр на „Натали Пушкину”. Когда же оказалось, что „Натали” идёт именно сегодня, то я со свойственной всем одесситам экспансивностью предложил отправиться в театр немедленно. Испуг у Мар<ии> Исид<оровны> сменился удивлением, удивление — раздумьем, раздумье вздохами, а вздохи — твёрдым решением, и мы провели очень милый вечер, после кот<орого> Мар<ия> Ис<идоровна> сразу почувствовала значительное облегчение, как физическое, так и моральное» (Петербург. 1912 г.).

Будущий учёный, славный своими книгами о Гоголе, Владимире Соловьёве, Достоевском и символистах, в полуплутовском тоне сохранил в письмах неловимый образ души Ливеровской, то надломленной, то возвышенной, то тревожной:

«Мар<ия> Исид<оровна> чувствует себя недурно — на днях даже была у меня, и мы очень долго вполне мирно беседовали с ней. Вспоминали прошлое, вздыхали о настоящем и улыбались будущему. То есть собственно я улыбался, а Мар<ия> Исид<оровна>, как всегда, полна печальных предчувствий и грустных мыслей, которые я старался прогнать. Какая богатая, яркая и странная жизнь у неё. Не знаю, завидная ли, но во всяком случае необыкновенная...» (Петербург. 22 октября 1912 г.).

«Мар<ия> Исид<оровна> — такая нежная мать, такая добродетельная и строгая теперь, что я называю её не иначе, как Mater gloriosa. Говорим мы с ней только о святых вещах, хотя я иногда своим легкомыслием сбиваю её со „стиля” и она становится прежней жизнерадостной студенткой». (Петербург. Февраль 1913 г.).

«М<ария> Исид<оровна> блещет, как всегда, и путь её триумфальной колесницы усыпан розами и лавром». (Петроград. 10 февраля 1915 г.).

Продолжая участвовать в заседаниях нео-филологического общества, в 1912 году Ливеровская становится преподавателем зарубежной литературы на высших историко-литературных курсах Раева и в женской гимназии Таганцевой. Как писал Е.Б. Белодубровский, «педагогическая деятельность увлекала её, а легкость и простота изложения располагали слушательниц к серьёзным занятиям и вызывали у них желание во всём подражать своей обаятельной преподавательнице». С одной из её учениц была знакома Елена Витальевна Бианки, дочь детского писателя, супруга А.А. Ливеровского. В книге о муже она вспоминала: «Как-то, в начале 70-х годов, приехала из Москвы к Алексею Алексеевичу Ливеровскому давняя знакомая — Наталия Мишевна Аничкова. В 20-х годах она была студенткой, любимой ученицей его матери, профессора романо-германского отделения Петроградского университета». И далее: «Наталия Мишевна рассказала, что реабилитирована, живёт в Москве на Пироговской вдвоём с приятельницей. С удовольствием вспоминала молодую свою профессоршу и как возила она её под Боровичи к своему дяде, старому холостяку и жено-ненавистнику. А Мария Исидоровна пением и одной ей присущим обаянием сумела растопить его сердце».

В действительности, Н.М. Аничкова (1896—1975), учившаяся в 1917—1920-х гг. на романо-германском отделении

филологического факультета Петроградского университета, познакомилась с Ливеровской ещё в гимназии Таганцевой, которую окончила в 1915 году. И именно в те довоенные годы она возила Марию Исидоровну в Березицы, что в 15-ти километрах от Боровичей. Об этой поездке сохранились воспоминания, которые находятся у Надежды Григорьевны Левитской. Приведу документ полностью:

«Рождественские каникулы.

На рождественские каникулы в 1913—1914 гг. я собиралась на две недели в свои новгородские Березицы, чтобы подышать свежим воздухом, походить на лыжах, покататься на тройке и, главное, ублажить своим присутствием маму, проводившую ту зиму в деревне.

И вдруг Мария Исидоровна сказала мне, что она не прочь проехаться со мной вместе.

Восторг мой был безграничен!

Мой отец дал маме телеграмму, чтобы она за нами выслала лошадей в Боровичи. На вокзал папа приехал нас провожать. Он был в высокой бобровой шапке и в шубе с бобровым воротником. Этот декор очень шёл ему.

Ведя шутиливый разговор (оба они были на него мастера), М.И. явно папой любовалась, а когда поезд тронулся, она сказала:

— Ваш отец очарователен и настоящий барин.

По тем временам это был комплимент.

От станции в Боровичах мы ехали на тройке, и М.И. радовалась этой езде по-детски.

В Березицах мы отсыпались, долго сидели за чаем у самовара, мама, по всем признакам, изучала Марию Исидоровну, и она ей нравилась, но всё же она ревновала меня к ней. Я давала М.И. уроки ходьбы на лыжах, но ученицей она оказалась неважной, и мы это дело бросили.

Ездили кататься. М.И. и мама сидели в санях, я ехала на лыжах на длинной бечеве, привязанной к спинке саней. В поле кучер лошадей гнал, и я мчалась сзади. Мама и М.И. охали! В лесу, где было трудно лавировать между деревьями, я подтягивалась к саням и валилась в ноги своим мамам прямо сверху полости.

Дома после обеда М.И. подолгу сидела у рояля, играла, пела, подготавливала новую программу для Зои Лодий.

Угощала нас мама всякого рода деревенскими кушаньями: М.И. её об этом попросила. Свеже-вытопленное молоко с пенками, рассычатая каша из русской печки, квас, грибы всех видов заготовки, брусника мочёная с яблоками, морошка, душистый свежий ржаной хлеб, настойки и кисели из разных ягод... и самовары, самовары без конца, целый день.

Как-то мы с мамой рассказали М.И. о наших дальних родственниках, чьё красивое родовое имение находилось в десяти верстах от Березиц, а хозяева любопытные люди. М.И. загорелась с ними познакомиться.

Владели этим большим имением со странным названием Зализень три брата Аничковы. Один из них, Иван Иванович, бывший камер-юнкер, после слишком весёлой жизни доживал свой век в Зализень и им управлял; у него были парализованы ноги, и он передвигался в кресле-каталке. Другой брат, Дмитрий Иванович, военный в больших чинах, жил в Петербурге, изредка наезжая, вернее, налетая, в Зализень по большей части за деньгами — он играл на бегах и своих лошадей выставлял. Семьи обоих братьев жили в Петербурге, приезжая в деревню на летние и зимние каникулы. Третий брат, Александр

Иванович, был холостяк средних лет и терпеть не мог женщин.

Александр Иванович окончил университет и консерваторию, знал и хорошо владел всеми европейскими языками и был широко образован в области гуманитарной. Друг его — художник Браз, — часто гостивший в Зализень, открыл в дяденьке способности к живописи, стал его учить владеть кистью и сделал А.И. вполне грамотным художником. Жил А.И. отдельно — в большом доме было для него слишком шумно. Он построил на краю парка свой дом в три комнаты. Оба дома были в стиле ампира.

Почти ежегодно А.И. уезжал на несколько месяцев в Европу — Францию и Англию чаще всего. Один или два раза его картины удостоились быть выставленными в парижском Салоне, а в конце 20-х годов, доживая жизнь в Лондоне, А.И. ежегодно выставлял свои картины на лондонской рождественской выставке Christmas exhibition, и его зимние пейзажи родного Зализенья, которые он писал по памяти, пользовались успехом, раскупались и давали средства к существованию.

Была у А.И. библиотека в три тысячи томов, главным образом по искусству.

Услышав наш рассказ, Мария Исидоровна загорелась желанием с А.И. познакомиться.

— Это невозможно, — в один голос с мамой уверяли её мы. — Он женщин ненавидит и в дом к себе не пускает.

Но М.И. настаивала на своём, брала на себя всю ответственность, и мы поехали.

Стояли дни с сильными снегопадами, и снегу навалило столько, что тройку пришлось запрячь цугом. Такая езда очень позабавила М.И. По дороге она несколько раз просила нашего Ивана хлестнуть кнутом головную лошадь — ей нравилось, как ловко он, согнувшись и нагнувшись слегка вправо, длиннющим кнутом попадал под брюхо первой лошади.

В Зализень мы, отсидев час в большом доме с паралитиком и его невестками, отправились в малый дом к дяденьке Александру Ивановичу в сопровождении той невестки, к которой он благоволил. У калитки я остановилась и издали смотрела, как их впускают в дом. Сама я не пошла, чтоб было поменьше народа.

Илья (лакей) открыл дверь на крыльцо, и вскоре за ним вышел дяденька, вероятно, увидев в окно шедших к нему трёх дам.

— Ci che bella casa! — воскликнула М.И., поворачиваясь во все стороны. Возможно, этим восклицанием она сразу обрела доверие А.И., п. ч. он сразу поблагодарил её тоже по-итальянски:

— Grazie, signore! Siete molto gentile.

А дальше всё пошло, как по маслу. По словам мамы, М.И. очень умело преподносила себя дяденьке: она и пела, и играла на рояле, и декламировала, и своё и чужое, и сыпала цитатами из многих писателей и поэтов запада, конечно, всё на подлинном языке. Дяденька не остался в долгу и много играл. Видно было, что он в восторге, если только можно так выразиться о таком корректном и подтянутом господине, каким он был. Визит затянулся до вечернего чая, когда они вместе явились к самовару в большой дом.

За столом М.И., обращаясь к другому брату — Ивану Ивановичу, — которого выкатили в его кресле, расхваливала ему дом, библиотеку, и вообще, вкус его брата. А.И. сидел смущённый, И.И. скептически хохотал.

Вскоре после этой чудесной поездки мы вернулись в Петербург. Знакомство Марии Исидоровны с А.И. не порвалось: когда он появлялся в Петербурге, они вместе ходили слушать Зою Лодий и по каким-то выставкам.

Весной я по всем зачётам и экзаменам получила „отлично“. Мария Исидоровна торжествовала в учительской, тем более, что кроме меня, она ещё двух отпетых учениц заставила учиться».

Во время Первой мировой войны нео-филологическое общество прекратило свою деятельность. В сентябре 1917 г. в Петроградский университет обратились представители Самарского земства с просьбой организовать историко-филологический факультет в Педагогическом институте. Академику В.Н. Перетцу было предложено набрать группу педагогов для организации факультета, среди которых оказалась и Мария Исидоровна.

О Ливеровской тех дней Константин Мочульский писал: «Мария Исидоровна уехала 13-го; до этого дня я большую часть времени проводил у неё и старался вселить в её измученную душу бодрость. Она уехала в очень тяжёлом состоянии — физически и морально больная. В день отъезда я был у неё, и мы с большой нежностью и печалью с ней расстались. Было условлено, что перед самым отъездом на вокзал она мне позвонит. Я никогда не забуду этого отчаянного, взволнованного голоса по телефону: „Котик, я уезжаю, прощайте“, — я хотел сказать что-то, но её голос оборвался, мне показалось, что она разрыдалась, и трубка была повешена. Бедная Мария Исидоровна, как бесконечно мне её жаль и как её мне не достаёт».

В ноябре 1917 г. в Самаре состоялось открытие института, где Ливеровская стала доцентом на кафедре романогерманской филологии и новых языков. По примеру неофилологического общества в Петербурге, ею, вместе с другими преподавателями, было организовано историко-филологическое общество. Мария Исидоровна была также организатором и председателем городского музыкально-художественного кружка, где ею было проведено несколько музыкально-поэтических вечеров.

Но главным делом её «самарского» периода был, конечно, перевод и издание «Новой жизни» Данте Алигьери. Первый русский перевод «Новой жизни» (1895) принадлежит А.П. Фёдорову. Он же — автор одного из первых русских переводов «Божественной комедии» (1893—1894). Известно, также, что за эти опыты переводчик получил немало нареканий. Чего стоят, например, его вольные сокращения в «Новой жизни»? В предисловии к своему переводу Фёдоров даёт этому такое, например, объяснение: «Во второй строфе канцоны „Donne che avete“ выпущено

десять строк, в которых автор приписывает Беатриче столь божественные свойства, что мы сочли необходимым вычеркнуть эту поэтическую вольность, считая её оскорбительной для религиозного чувства истинного христианина». Справедливости ради, следует отметить, что так поступали и первые издатели «Новой жизни».

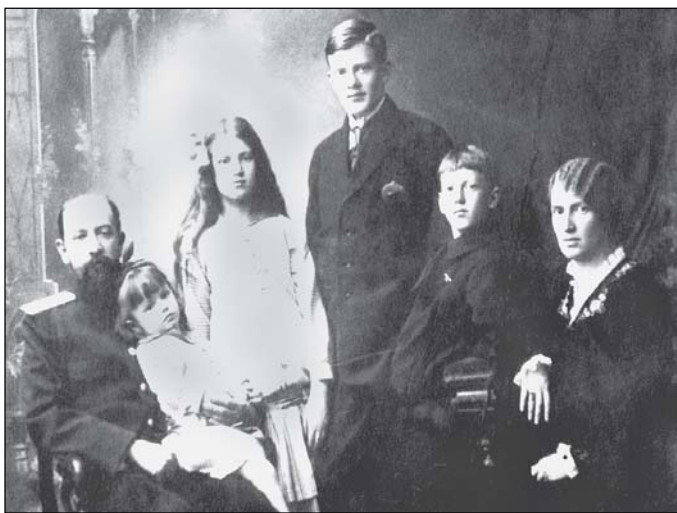
Впервые юношеская поэма Данте была напечатана в 1576 г. Издание это не обошлось без необходимой в то время церковной цензуры. Как писал в своей монографии Голенищев-Кутузов, «главный инквизитор Флоренции фра Франческо да Пиза вычеркнул или заменил другими выражениями всё, что могло ввести в соблазн читателей.

Совершенно недопустимыми оказались инквизитору сравнения Беатриче с ангелами, праведниками и Мадонной, поэтому „осанну в вышних“ в XXIII главе он заменил точками. Поскольку нежное земных женщин уподоблять святым, была выпущена игра значений, связанных с именем прекрасной Джованны в гл. XXIV, прилагательное „преславная“ всюду заменено на „грациозная“ или „прелестная“ и т.д.».

Перевод «Новой жизни» Ливеровской был первым «подлин-

ным» русским переводом юношеского произведения Данте, где просветлённая и возвышенная любовь поэта была представлена в своём истинном величии. Многим представляется не случайным, что перевод «книги о любви» она посвятила своему учителю, профессору Ф.А. Брауну, которого, по всей видимости, любила...

Крупнейший советский дантовед, И.Н. Голенищев-Кутузов писал: «В 1918 г., на самом рубеже великих перемен, в Самаре, в типографии штаба 4-й армии М.И. Ливеровская издала книгу, первые строки которой гласят: „Начинается новая жизнь“ (Incipit Vita Nova). Переводчица „Новой Жизни“ говорит о больших трудностях, которые ей пришлось преодолевать, об отсутствии необходимых книг. Пусть попытка эта (вторая в русской литературе) далека от совершенства, она свидетельствует о неослабеваемом интересе к произведениям Данте в послереволюционной России. Работой проф. М.И. Ливеровской, ученицы Ф.А. Брауна (принадлежавшего к старшему поколению учеников академика Веселовского), открывается советский период русской дантологии». В «Дантовских чтениях» за 1976 была помещена статья Е.Б. Белодубровского, посвящённая Ливеровской и её переводу. В ней говорилось: «Книга вышла в свет в самом конце 1918 г. Тираж её не обозначен. Но, судя по обстоятельству времени, большим он быть не мог. Вероятно, некоторую часть тиража переводчица взяла с собой в Петроград в 1920 г. И, таким образом, несколько экземпляров попало в государственные собрания

Семья Ливеровских. 1915 г. Алексей Васильевич с маленькой Татьяной, Мария, Юрий, Алексей и Мария Исидоровна

в составах библиотек тех учёных, которым Мария Исидоровна отдала свой перевод в дар. Самым интересным из известных нам экземпляров является тот, который она подарила Александру Александровичу Блоку с надписью *„Onorate l' altissimo poeta“* 19/X.1920».

Для сближения имён Блока и Данте материала предостаточно. Известно, например, что в 1918 году он решил по-новому издать книгу «Стихов о Прекрасной Даме», дописав её *«такими простыми словами, которые помогли бы понять её единственно нужное содержание другим»*. В записной книжке Блок писал: *«Я чувствовал себя заблудившимся в лесу собственного прошлого, — пока мне не пришло в голову воспользоваться приёмом Данте, который он избрал, когда писал „Новую жизнь“»*. И далее: *«Я задумал, как некогда Данте, заполнить пробелы между строками „Стихов о Прекрасной Даме“ простым объяснением событий»*. Этот замысел оказался неисполненным. В дневниках сохранились только наброски этого «дантовского» комментария.

В августе 1921 г. Александра Блока не стало. Это был «Год Данте», когда весь мир широко отметил 600-летие со дня смерти великого поэта. Р. Хлодовский писал: *«14 сентября Studio italiano, где ещё совсем недавно звучал глухой и трагический голос автора „Песни Ада“, устроил торжественное заседание, посвящённое памяти Данте. На нём выступили близко знавшие Блока люди: Г.И. Чулков, Б.К. Зайцев, М.А. Петровский, П.П. Муратов... Говорившие о Данте вспоминали Блока»*. Была среди них и Ливеровская... В те дни она переживала свою «новую жизнь»...

Ещё в Самаре, на одном из литературных вечеров она познакомилась с молодым учёным-физиком, Николаем Николаевичем Семёновым. И снова — трагическая разница в возрасте, как у Каролины и Шеллинга, и снова — тяжёлый разрыв с мужем... Подобно Каролине Шеллинг, ей предстояло стать подругой, наставницей и вдохновительницей не только одного «великого человека», но целого сообщества...

По словам академика В.Н. Кондратьева, Ливеровская *«сыграла большую роль в объединении физиков, расширяя их кругозор, повышая культурный уровень»*. Её квартира

на Политехнической стала чем-то вроде литературного салона, который посещали В.Н. Кондратьев, Ю.Б. Харитон, И.В. Обреимов, молодые физики, ученики А.Ф. Иоффе, который в то время занимался созданием Физико-технического института. Для этого ему нужно было сплотить вокруг себя молодых талантливых учёных... В этом ему во многом помогла Мария Исидоровна. Абрам Фёдорович очень ценил её и даже посещал музыкально-поэтические вечера, которые она организовывала в институте «Живого Слова». В эти переломные для страны годы Ливеровская стала в среде учёных-физиков, романтиков нового времени, тем же, кем была на рубеже XVIII—XIX вв. для йенских романтиков Каролина Шеллинг. Совпадение это или судьба? Сохранились воспоминания тех, кто знал её в эти годы: *«Это был замечательный вечер. Мария Исидоровна рассказывала о волжских песнях, частушках, и тут же пела их, аккомпанируя себе на фортепиано... Затем она читала наизусть „Двенадцать“ Блока, тогда ещё совсем новое произведение»* (И.В. Обреимов); *«Это была выдающаяся*

СОН ДАНТЕ. Д.-Г. Россетти. Иллюстрация к «Новой жизни»

женщина, её невозможно забыть» (В.Н. Кондратьев).

Счастье молодых супругов длилось совсем недолго. У Ливеровской обнаружился рак. От операции она отказалась, и ей был предложен новый тогда метод — облучение... О последних днях Марии Исидоровны мы узнаём из тех же воспоминаний В.Н. Кондратьева: *«Как-то незадолго до смерти М.И. я зашёл в её комнату. За роялем сидела Наталья Мильевна Аничкова и пела ей. Кажется, это были „Две гитары“ М.И. лежала и плакала. Когда она умерла, Н.Н. боялся войти в ту комнату, где она лежала. Он попросил меня достать гвозди и заколотить гроб. М.И. просила похоронить её в закрытом гробу»*. Сохранились предсмертные стихи Марии Ливеровской:

*В чём грех мой? Или, слишком смелая,
Рвала заржавленную цепь?
И в опьянении, неумелая,
Крепила жизненную крепь?
За что же я теперь наказана?
Держающих возлюбил Бог!
Но сказка... Сказка не досказана...*

Тамара Сигалова

На электричке еду в Дюссельдорф,
А дождь за мною гонится вослед,
Его сегодня видела во сне,
Он приходил в
 мой чужестранный дом.

Он говорил, что уезжать пора,
На подоконнике блокнот
 мой ворошил,
Всю ночь мы говорили до утра,
А утром он догнать меня решил.

Мой дождь, примчался ты
 издалека,
С тех мест, где на горушке Спас,
Над Юрьевым повисли облака,
Взглянуть бы мне на них
 ещё хоть раз.

Ты не гонись за мной,
 приятель-дождь,
Оставь меня с тоской наедине,
С тобою мне тоскливее вдвойне...

Не горит свеча, не горит
Гаснет пламя её в ночи,
Не зови меня, не кричи,
Это память со мной говорит.

Это прошлое смотрит в окно,
Неотступно смотрит и ждёт,
Что ещё пройдёт и уйдёт?
Только мне это всё равно.

За окном барабанит дождь,
Собирая в капли любовь,
Унося с облаками боль,
Он сегодня — владыка и вождь.

Он прощает и гневно клеймит,
Он безжалостен и велик,
Разметал по планете свой лик,
Он поймёт. Поймёт и простит.

Ушедшие... вновь обретают речь,
Слова простые говорят,
События выстраивают в ряд
И от беды хотят сберечь.

Здравствуйте! В который раз я желаю вам этого, дорогие мои читатели! А ещё я желаю вам добра и счастья, любви, понимания, оптимизма. Сейчас, вдали от Родины, так уж сложилась моя судьба, я сопереживаю ваши трудности, дай Бог, временные, и желаю вам достойно выйти из всех невзгод, которые обрушились на Россию.

Ваша Тамара Сигалова

Ну, что им нужно от меня?
Я не хотела этой встречи,
Не зажигала к ночи свечи,
И не дарила им огня.

Они хотят мне сообщить,
Что общепринято — не вечно,
Что жизнь прекрасно-бесконечна,
И не прервётся её нить.

Их тени тают в небесах
Расплывчатыми облаками,
Им очень хочется быть с нами
И приходиться хотя бы в снах.

Огни, огни,
Мгновенья фонарей,
И визави светильников домашних,
Мне прошлое рукою машет,
Ссутулившись у запертых дверей.

Всепоглощающей любви,
Пришедшей к нам
 из будущего лета,
Оставлена неведомая мета
Её предвестьем назови.

И позови...
Ту самую минуту,
Когда весь мир становится иным,
Сомнения развеются, как дым,
И после ночи — будет утро.

Осень шальная бродит,
По улочкам Дюссельдорфа,
Рыжих волос смятенье,
На платанах рыжие тени.

И, как всегда, прекрасна,
И, как всегда, — загадка,
Была здесь она неоднократно,
Откуда пришла — неважно.

Ей лето открыло двери,
Вручило ключи от Вселенной,
Она теперь здесь хозяйка,
Плечами поводит зябко.

В оранжевом хороводе
Осень шальная бродит...

ЦАПЛЯ НА КАМНЕ

Всегда одна... И на одной ноге,
На камне цапля изваяньем,
Несостоявшимся свиданьем
Трагедией на медленной реке.

Комочек нервов: шорох и полёт
С надеждой
 на малюсенькое счастье,
И пусть оно исчезнет в одночасье,
Как музыка сгоревших нот.

О, как изящен взмах крыла,
Как много сказки в оперенье,
Прекрасная в одном мгновенье,
Она урок преподавала:

Не бойся одиночества, мой друг,
Оно в тебе разорванною нитью,
Ищи себе дорогу по наитью,
И, может быть, найдешь её не вдруг.

Не бойся. Подними крыло,
С достоинством
 взмахни им смело,
Пусть это будет неумело,
Но навсегда разрушит зло.

Алёна Олейникова

Я родилась 1 марта, в первый день Весны, и, возможно, это определило всю мою жизнь. Во всяком случае, я склонна верить в то, что нас с весной связывают некие узы, и в то, что именно от неё мне достался жизнерадостный, свободолюбивый характер, а также умение любить Жизнь и всё прекрасное в ней.

В начальной школе меня мучило непреодолимое желание написать роман (лучше в нескольких томах). Главной темой выступали бродячие коты и... динозавры. Конечно, из этой затеи ничего не вышло, но стремление осталось.

Первое стихотворение родилось в период отчаянного увлечения экологией, называлось оно «Олень». Я всерьёз увлеклась стихами, которые строчила в основном по ночам, никому не показывая. Первым читателем стал мой старший брат Андрей, настроенный доброжелательно, но с изрядной долей скептицизма. Думаю, его критика пошла мне на пользу. Во всяком случае, чьи угодно восторженные отзывы я не променяла бы на вердикт «неплохо», вынесенный братом. Незаметно для себя дошла до того, что уже не могу не откликнуться строками на какое-нибудь значимое событие в своей жизни. Это просто мой способ видеть мир и осознавать его. И ещё — единственная возможность выразить всё то, что я никогда не решусь сказать вслух.

Мой внутренний мир — замок с секретом, а мои стихи — своеобразный ключ к нему и моей душе...

ГОРЬКИЙ СНЕГ

Небо плакало горьким снегом —
Он блестел и почти не таял,
Под бездушным холодным небом
Ты когда-то меня оставил;
Ты когда-то сказал: «Не бойся,
Встреча будет ещё с тобою,
Мы однажды ещё вернёмся...» —
Помахал ты в окно рукою.

Снег спешил замести всю землю,
Грязь и слякоть дворовых будней.
Ты неслышною, лёгкой тенью
Принимался за подвиг трудный —
Ты опять говорил: «Останься,
Видишь, я живу лишь тобою...»
Мне хотелось к тебе прижаться,
Мне хотелось тепла зимою.

Горький снег — злые слёзы неба —
Пропитался моей печалью...
Жаль, с тобою всё это время
Мы иллюзий не замечали.

ПЕЧАЛЬНЫЙ ГОРОД

Над печальным, холодным городом
Нависает опять зима...
Пустотой и могильным пологом,
Убивая всё то, что дорого,
Лезет в душу мою она.

Как в плену, как в блокаде заперты —
До друзей не доходят письма.
В моих снах — только ты, и снова ты...
Подо льдом догнивают листья.

МЕНЯЮ СЕБЯ НА ЗАКАТ НАД НЕВОЙ

Меняю себя на закат над Невой,
Меняю слова на дыхание птиц;
И чтобы не быть больше
жизни рабой —
Меняю любовь на дрожанье ресниц.

Меняю умение слышать на шум
Солёной воды над моей головой;
За шорох колёс отдаю тишину,
За пенье дороги — тревожный покой.

Меняют реальность
на страшные сны;
Не глядя, меняю друзей голоса
На исповедь раненной ложью весны,
Вернув её Солнце назад небесам.

Тебе отдаю просто так, ни за что,
Моё понимание жизни страниц;
Мне больше не нужно оно —

и потом —
Я слишком запуталась
в сетях границ.

Я слишком устала от этой борьбы,
И душу меняю на память о ней;
Меняю улыбку на шёпот мольбы,
За смерть отдаю след твоих кораблей.

УШЕДШИЙ ДЕНЬ

Жёлтый круг настольной лампы.
Стопка скучных книг.
День ушедший грустью лапал
Личный мой дневник.

Три бокала, пара чашек,
Ваза для конфет.
В этом мире всё не наше,
И меня в нём нет.

Разливается по небу
Тёмная печаль.
Мне не важно, с кем ты, где ты,
Мне тебя не жаль.

НАРИСУЙ МЕНЯ

Я забыла уже, как пахнут
На деревьях тугие листья...
Верю я, что воскреснет прах мой,
Лишь коснёшься бумаги кистью —

Набросай мой несмелый профиль;
И тобой позабытый образ
Воссоздай! Помнишь, как неплохо
Написал ты когда-то повесть

О мечте, о любви красивой
Без задоринки, без измены —
Верил ты в то, что дух мой сильный
Не сломается от потери.

Только кончилась сказка грустно...
Нарисуй моих глаз сиянье!
Пусть в душе твоей будет пусто,
Но отыщешь себе оправдания!

Я не стану просить о мщенье
И спокойствия пути рвать;
Об одном лишь скорблю: прощенья
Не смогу тебе больше дать...

Новгород и новгородцы на развилке истории. Между Москвой и Стокгольмом

Селин А.А. Новгородское общество в эпоху Смуты. СПб.: «Блиц», 2008. — 751 с.

Человек — существо не только биологическое, но и историческое, он живёт историческими ассоциациями, и оценка событий прошлого во многом определяет наше отношение к настоящему, поэтому массовый интерес к тем или иным историческим периодам зависит от реалий эпохи, в которой живут исследователи и читатели. В своё время В.О. Ключевский заметил, что *«любимой эпохой 1860—1870-х годов было Смутное время»*. Тогда интерес к нему объяснялся глубокими социальными противоречиями в русском обществе и острой идейной борьбой вокруг таких вопросов, как пути развития России, роль народных масс в истории, отношение крестьянства к самодержавию, а главное — растущим ощущением непрочности монархии.

Возрождение интереса к этой эпохе весьма заметно в наше время. По меткому замечанию историка русского зарубежья Александра Янова, «Смутное время стало нашей нормальной средой обитания». Действительно, конец XX века чем-то напоминает конец XVI столетия, и, может быть, именно этим объясняется авторский и читательский интерес к русской истории рубежа XVI и XVII столетий. Сложность и противоречивость переживаемого момента заставляет нас обращать взгляд в прошлое в поисках аналогий, исторических параллелей и ответов на вопросы современности. При всей разноплановости двух периодов, между которыми 400 лет, определённая логика в таком сопоставлении есть. Весьма показательно, что термин «смута» вернулся в отечественную историографию, поскольку он не только соответствует словупотреблению той далёкой эпохи, но и довольно точно отражает историческую действительность, обозначая общее неповиновение, раздор между народом и властью, а также размытость контуров событий и поступков людей, что было характерно для того времени.

Говоря о том, что изучение и понимание событий конца XVI — начала XVII века определяет наше отношение к настоящему, мы должны также отметить, что изучать историю Смуты, отталкиваясь от реалий нашей эпохи, весьма продуктивно. Говоря словами В.О. Ключевского, *«мы гораздо более научаемся истории, наблюдая настоящее, чем понимаем настоящее, изучая историю»*.

До недавнего времени история Новгорода в отечественной историографии Смуты занимала довольно скромное место. Считалось, что в 1611—1617 гг. местная элита сотрудничала с оккупантами и пыталась навязать русскому народу царя шведа, подобно тому, как «седмочисленные бояре» пытались посадить на московский престол царя поляка. Не случайно

эту страницу новгородской истории старалась перелистнуть не только дореволюционная, но и советская историография. Такой взгляд на историю Новгорода начала XVII в. не изжит до сих пор. Об этом свидетельствует хотя бы тот факт, что в вышедшей в 2008 г. книге В. Каравашкина «Кто предавал Россию?» есть раздел «Новгородская измена начала XVII в.». Пре-

одолению такой концепции этого переломного этапа истории Новгорода может способствовать фундаментальное исследование петербургского историка Адриана Александровича Селина «Новгородское общество в эпоху Смуты», первая презентация которого состоялась 25 февраля в Гуманитарном институте НовГУ и Новгородском обществе любителей древности.

Исследование А.А. Селина отличает, прежде всего, фундаментальная источниковая база, подробно охарактеризованная им в первой главе. Её основу составляет так называемый Новгородский оккупационный архив — уникальное собрание документов по истории Новгорода и Новгородской земли, хранящихся в Государственном архиве Швеции. Он представляет собой материалы делопроиз-

водства Новгородской приказной избы за время шведской оккупации Новгорода 1611—1617 гг. Это крупнейшее собрание документов по русской дореволюционной истории в зарубежных архивах.

Изучением документов этого архива А.А. Селин занимался почти десять лет. В результате комплексного исследования источников ему удалось сделать срез новгородского общества за сравнительно небольшой, но вместе с тем очень яркий и судьбоносный исторический период.

Следует отметить, что этому периоду посвящены очерки Г.А. Замятина, написанные в первой половине XX в. и вышедшие под общим названием «Россия и Швеция в начале XVII века» (СПб., 2008), а также монография Е.И. Кобзаревой «Шведская оккупация Новгорода в период Смуты XVII века» (М., 2005). В них исследованы проблемы военно-политической и социально-политической истории Новгородской земли.

В монографии А.А. Селина впервые* предпринята попытка реконструкции повседневной жизни новгородского общества в условиях гражданской войны и шведского военного присутствия, которое было уникальным явлением

* Несколько статей по этой проблеме, написанных шведской исследовательницей Элизабет Лёфстранд, были опубликованы в альманахе «Чело» (№ 1. 2003 г.; № 1. 2005 г.; № 2. 2008 г.).

в истории Московской Руси. Несколько лет иностранные войска находились на её территории, принимая активное участие во внутриполитической борьбе. Тогда перед населением страны, пожалуй, впервые стал вопрос о том, как строить свои отношения с оккупантами.

Исследование А.А. Селина выгодно отличается от работ некоторых современных историков тем, что он не отыскивает в источниках те факты, которые подходят под заранее выстроенную нужную или удобную концепцию, а идёт от досконального изучения источников к фактам, на основании которых выстраивает свою концепцию.

Пытаясь понять прошлое на его собственном языке, автор применяет просопографический и герменевтический методы, суть которых состоит в сочетании биографического, социологического и демографического подходов, использовании понимающей психологии, предполагающей «вживание» в источники, когда исследователь пытается жить изучаемой эпохой, думать и действовать так, как думали и действовали населявшие её люди. Анализируя полученные им массовые данные, он изучает различные стороны их жизни — карьеры, matrimональные, дружеские и экономические связи и отношения, их связи и зависимости.

Повседневная жизнь новгородцев в начале XVII века, так же, как и в наше время, не была одинаковой для различных слоёв общества. Поэтому автор посвящает характеристике различных общественных групп Новгорода отдельную главу. Поскольку новгородское общество в исследовании представлено всем населением Новгородской земли, а не только жителями Новгорода, он даёт исчерпывающую характеристику территории, на которой разворачивалась история повседневности. Жизнь новгородцев определялась развитием внутриполитической ситуации в стране, определявшейся влиянием шведского военного присутствия. Поэтому отдельная глава посвящена политической истории и хронологии.

Однако все эти разделы являются лишь фоном для основной главы, в которой исследована стратегия поведения и все стороны повседневной жизни и быта новгородцев: жизнь и смерть, семья и брак, взаимоотношения поколений и соседей, религиозность, слухи, девиантное поведение, отношение к шведам, взаимодействие с которыми вызывало серьёзные изменения в обыденной жизни новгородцев.

В годы оккупации многие представители новгородской элиты служили шведским властям или сотрудничали с ними. Как отметил шведский исследователь Александр Пересветов-Мурат, *«решение служить шведам могло быть вызвано несколькими мотивами: принуждение, отторгнутость и самая простая алчность, но также и убеждение... Вопрос этот очень сложный ввиду того, что в дискуссии слишком легко исходить из поздних постромантических концепций о родине и национальности и из представлений о старой Руси как об исконно однородном государстве с закономерной, конечной станцией» — Москвой. К этому надо добавить трудность четко различать службу Новгородскому государству при шведском режиме и службу шведскому королю».*

Служивших шведам или сотрудничавших с ними новгородцев часто характеризуют как предателей или, в лучшем случае, «шведскую партию». Между тем это была, скорее, партия порядка. До тех пор, пока шведские власти в Новгороде не перешли к политике присоединения новгородских земель к Шведской короне, их интересы совпадали. Поэтому на этом этапе сотрудничество со шведами вряд ли можно поставить им в вину. За исключением нескольких человек, перешедших на шведскую службу (Фёдор Аминов,

Никита Калигин, Михаил Клементьев, Мурат Пересветов), никто из них не присягнул шведской короне, несмотря на многочисленные попытки заставить их сделать это.

По мнению А.А. Селина, оккупационный режим был основан на компромиссе между шведами и той частью новгородцев, которые предпочли оккупацию анархии. Рассматривая проблему возникновения и функционирования новгородско-шведского альянса, он делает вывод о том, что *«в условиях фактического распада Московской державы для новгородцев обращение к шведской (а для псковичей и московского дворянства — к литовской), пусть иллюзорно, но всё же сильной власти было вполне естественно и не создавало неразрешимого конфликта»* (с. 11). *«Кризис альянса наступил, когда, с одной стороны, шведы почувствовали, что они не могут имеющимися силами удержать Новгород и Северо-Запад России, и увеличили количество войск, которые нужно было кормить новгородцам, а с другой стороны, новгородцы поняли, что ни шведский принц Карл Филипп не собирается принимать православие, ни в Москве не согласны с выбором этого принца на Московское великое княжество, предложенное в 1611 г. Проктоием Ляпуновым и поддержанным тогда же новгородцами... Итогом новгородско-шведского альянса стал Столбовский мир 1617 г., по которому Новгород, Порхов, Ладога и Старая Русса возвращались под власть московских царей»* (с. 694—695).

Б.Н. Флоря в вышедшей в 2005 году монографии «Польско-литовская интервенция в России и русское общество» исследовал взаимодействие внешней силы (Речи Посполитой) с различными слоями русского общества. Он считает, что с избранием Владислава связывались надежды на возвращение монарху его традиционной для русского общества роли верховного арбитра, стоявшего над столкновением отдельных группировок, что должно было способствовать установлению порядка. Находившиеся в Москве чины русского общества связывали с избранием польского принца надежды на прекращение вмешательства Речи Посполитой в русские дела.

Аналогичную картину мы наблюдаем и в Новгороде. Кандидатуру Карла Филиппа поддержали те новгородцы, которые надеялись в его лице обрести не только твёрдую власть, но и гарантию от территориальных притязаний со стороны Густава II Адольфа. Как москвичи, так и новгородцы в условиях глубокого социально-экономического и политического кризиса Русского государства, поставившего его на грань национальной катастрофы, пытались использовать иноплеменный фактор для сохранения национального суверенитета.

Можно предположить, что правительство Романовых в какой-то мере осознало мотивы поведения новгородцев и отнеслось к ним более снисходительно, чем некоторые современные исследователи, оценивающие их отношения со шведами не как компромисс, а как измену. В этой связи особенно важным представляется вывод А.А. Селина о том, что *«процесс возвращения Новгорода был политически продуман, Москва объявила полную амнистию всем служившим при шведах и воевавшим против москвичей в 1614—1616 гг., а также зачёт всех служб и пожалований. Объявление социального мира в Новгороде было своевременным мудрым поступком московских правителей»* (с. 695).

Следует отметить, что монография А.А. Селина является важным вкладом в историографию Смуты, убедительно аргументированная, написанная хорошим языком она представляет интерес не только для специалистов, но и всех тех, кто интересуется историей Смуты и Новгородского края.

Священник Александр Панкратов

«Лавинка» к «остальцам благочестия»

Воскресенская Т.А. Новгородские старообрядцы-беспоповцы во второй половине XIX — начале XX века: мировоззрение, быт, культура. Великий Новгород, 2008. — 163 с.

Великий Новгород, в прошлом, — центр епархии, одной из важнейших не только в отечественной истории в целом, но и в судьбах старообрядчества, «самого значительного религиозного движения в истории русского народа» (С.А. Зеньковский), сегодня, увы, не является лидером в области научного изучения «древлеправославия». Исследования, посвященные староверию, в том числе и новгородскому, выходят из печати в основном в Москве, Санкт-Петербурге, Новосибирске и других городах, причём не только в нашей стране. Тем более отрадным является факт выпуска издательством Новгородского университета монографии Татьяны Александровны Воскресенской. Эта книга написана на основе кандидатской диссертации автора, защищённой недавно на философском факультете НовГУ. Молодая исследовательница является в настоящее время одним из его сотрудников.

Основа её изысканий, без преувеличения, ценнейшая их часть — материалы, собранные за последние полтора десятилетия в экспедициях в те сёла и деревни нынешней Новгородчины, где, несмотря на гонения, начавшиеся для староверов задолго до 1917 г., ещё сохранилось (к сожалению, немногочисленное и постепенно исчезающее) старообрядческое население. Поэтому вряд ли можно признать вполне точным название книги — тематически она не ограничивается лишь *началом* минувшего столетия. Беседы автора (и некоторых других современных новгородских учёных) с живыми носителями культуры «древлеправославия», выводы и обобщения, сделанные на их базе, наконец, цитаты из сочинений, значимых как в науке об истории и культуре старообрядчества, так и в философии и культурологии вообще, —

такова структура нового издания. Иными словами, ему присуща направленность «от конкретного человека («информанта», по терминологии культурологов) к научной концепции». Присутствует здесь и историографический обзор как печатных работ, так и архивных материалов по теме исследования. Весьма примечательно и то, что некоторые принципы старообрядческих воззрений, культуры и быта практически одновременно иллюстрируются материалами как более чем столетней давности, так и современными. Что позволяет оценить степень реальной сохранности (а иногда и изменения) тех или иных традиций.

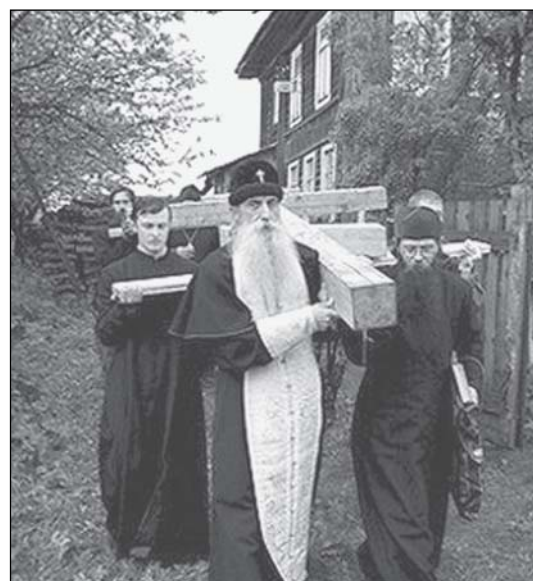
Книга Т.А. Воскресенской является, таким образом, ценным комплексным трудом, справочным пособием и о староверии в целом, и о его местных конкретно-исторических проявлениях. Или, выражаясь языком упомянутых выше «информантов», сей труд есть «лавинка» (в новгородском сельском диалекте так называются мостки, лёгкий деревянный переход через овраг или водоём), «перекинутая» из современного научного сообщества в особый мир «остальцев» („последних могилок“) благочестия», хранителей православных устоев Древней Руси. Хочется надеяться, что этой своеобразной «переправой» с благодарностью воспользуются все неравнодушные к нашему духовному наследию, его непростым зачастую судьбам в истории и современности России.

В журнале «Чело» № 3, 2007 (с. 56–62) был помещён очерк «Святой из Зимогорья», посвящённый 200-летию со дня рождения преподобного Павла (Великодворского), почитаемого старообрядцами. 19 мая 2008 года его память была увековечена в родном валдайском селе.

Здесь побывал с визитом предстоятель Русской Православной Старообрядческой Церкви митрополит Московский и всея Руси Корнилий. По его словам, произнесённым во время открытия мемориальной доски на историческом доме Великодворских (Советский пр., 110), вклад святого в развитие старообрядчества сложно переоценить. Как известно, в прежние времена в Валдае была заметная старообрядческая община, до 1937 г. тут существовала моленная. Теперь об этом напоминают две памятные доски (вторая — на бывшем молитвенном доме; тот же пр., 103), открытые и освящённые во время визита владыки.

Ещё один символ — большой восьмиконечный крест, решили установить на въезде в Зимогорье с трассы Москва—Петербург, чтобы подчеркнуть духовное значение села. Деревянную четырёхметровую машину изготовили и передали в дар старообрядцам Новгородчины староверы-казаки, живущие в Москве. Этот крест они срубили за три дня, причём от дома Великодворских до места установки его несли на руках, с пением молебна святой Пасхе и преподобному Павлу. Затем кипела работа по воздвижению — нашлись и цемент, и песок, и камни. Спустя полчаса памятный знак занял своё постоянное место.

А на месте разорённого в советские времена старообрядческого кладбища на окраине Зимогорья, на берегу Валдайского озера, митрополит совершил заупокойную литию «за всех, иже zde лежащих православных христиан».

Владыка Корнилий возглавил несение Креста

Н.И. Морылёва

«И, пыль веков от хартий отряхнув, правдивые сказанья перепишет...»

В преддверии 1150-летнего юбилея Великого Новгорода эти строки А.С. Пушкина как нельзя лучше характеризуют издательскую политику как Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого, так и всех научных, историко-культурных организаций Новгорода, Санкт-Петербурга, Москвы, профессиональных историков, любителей старины, заинтересованных в публикации источников и исследований, воссоздающих неповторимую атмосферу ушедших столетий.

Сказания Новгорода Великого (IX—XIV вв.) / сост., пер., коммент., вступ. ст. Ю.К. Бегунова. — СПб.: Политехника, 2004.

Историк и филолог Юрий Константинович Бегунов, автор десятка книг по истории и истории литературы России, объединил в сборнике древнейшие летописные тексты сказаний, повестей, житий Новгорода Великого. Труд этот

создан по благословению архиепископа Новгородского и Старорусского Льва и открывается вступительной статьёй «Золотые словеса вольного Новгорода» — кратким обзором исторического и культурного развития Новгородской земли от начала прихода славянских племён на берега рек Ловать, Пола и Полисть (VII—VIII вв.), основания Новгорода (859 г.) до конца его шестивековой вольной истории (XV в.). Особое место уделено истории новгородской книжности.

На одном развороте перед нами предстают древнерусский текст и его перевод на современный русский язык. Отрывки из различных

древнерусских и Новгородских летописей: Уваровской, Иоакимовской, Ипатьевской, Никоновской, Софийской 1-й, Новгородской 3-й, летописи Николо-Дворищенского собора — повествуют о начальной истории словен в Новгороде, призвании варяжских князей, восстании новгородцев под руководством Вадима, Крещении Руси и Новгорода, о епископах и архиепископах новгородских, Ярославе Мудром и новгородцах...

Читаешь сказания, предания, повести древнерусских книжников и до тебя словно доносятся шум новгородского веча, эхо отдалённых сражений, вопли и плачи страждущих от болезней и голода, стихийных бедствий и жестокого врага, мужественные речи воителей-князей, произнесённые на поле брани.

Мало имён книжников сохранила история, среди них авторы житий новгородских святых: Антония Римлянина — иноки Андрей и Нифонт; святых Нифонта и Никиты — инок Василий — Варлаам; Варлаама Хутынского — Пахомий Серб. О начале Русской земли и создании Новгорода повествует Тимофей Камневиц-Рвовский, ему же принадлежит сказание о холопье войне. Религиозный философ и духовный поэт Зиновий Оттенский задаётся вопросом: «Что есть София Премудрость?». Добрыня Ядревкович, автор одного из первых «хожений» знакомит нас с «Книгой Паломника» и повествует о взятии Царьграда крестоносцами в 1204 году.

О чём бы ни шла речь в сказаниях, преданиях, повестях новгородских: основании церквей и монастырей, чудесах, походах, битвах, восстаниях — во всём запечатлена реальная историческая сложность бытия, выраженная мощно, ярко, лаконично, с определённой долей наивной непосредственности и проникнутая глубоким религиозным смыслом и чувством.

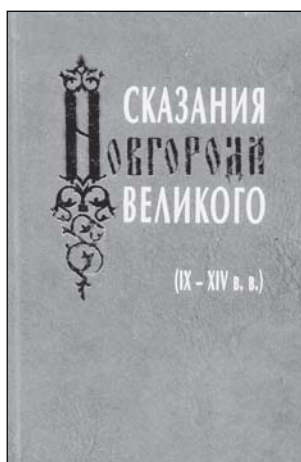
Обширные комментарии, именной и географический указатели позволяют читателям легко пользоваться этой новгородской антологией древних текстов.

Серия «Новгородская историческая библиотека» пополнилась ещё тремя книгами. С отзывом о книге Т.А. Воскресенской вы можете познакомиться в статье «Лавинка» к «Остаткам благочестия» священника Александра Панкратова, напечатанной в этом же номере журнала. Две другие — это публикация мемуаров и исследований на основе архивных источников, охватывающих разные периоды истории Новгорода **Бессуднова М.Б. Великий Новгород в конце XV — нач. XVI века по ливонским источникам / М.Б. Бессуднова; под ред. Г.М. Коваленко; Федеральное агентство по образованию, Новгород. гос. ун-т им. Ярослава Мудрого. — Великий Новгород, 2009.**

Марина Борисовна Бессуднова, специалист по истории русско-ливонских отношений рубежа XV—XVI веков и истории Ливонского ордена уже знакома нашим читателям по публикациям в журнале*. В своей книге она демонстрирует взгляд «извне» на историю Новгорода. Обширная источниковедческая база представлена сохранившимися официальными ливонскими и ганзейскими документами, рассредоточенными по многим зарубежным архивам и опубликованными благодаря стараниям немецко-прибалтийских историков в XIX—XX вв., а также иностранными историческими хрониками.

Хронологические рамки исследования определяются двумя важными событиями истории Великого Новгорода: подписанием в 1478 году торгового договора с Ганзой и завершением в 1503 году русско-ливонской войны, в ходе которой новое положение города в качестве административного центра Московского государства было апробировано и окончательно утвердилось.

* Альманах «Чело» (№1. 2008. С. 6–11; №1. 2006. С. 8–13; № 3. 2006. С. 26–30).

Торговля, в том числе с Западом, являлась жизненным нервом всей хозяйственной жизни Новгорода. Пока Новгород был самостоятельным государством, все военные конфликты, пограничные, религиозные, культурно-бытовые, правовые споры быстро разрешались, отступая перед самым главным стабилизирующим фактором — взаимовыгодной торговлей. Немецкое подворье в нашем городе никогда не пустовало. В первой половине XV века там одновременно проживало не менее 150—200 иноземных купцов, не считая их приказчиков и служащих конторы. В Риге, Ревеле, Дерпте возникали целые кварталы с русским населением. «Русская деревня» в Ревеле, где проживали новгородцы, обладала выбором самоуправлением и рядом других привилегий.

Всё изменилось, когда Новгород попал под власть Московского государства. В своей внешней политике Иван III руководствовался отнюдь не заботой об экономике города: желание уподобить Новгород прочим русским землям — вот что составляло мотивацию его «антиганзейских» мероприятий. Короткий период благоприятных условий торговли ганзейских купцов в Новгороде совпал с периодом активных переговоров о союзе с императорами «Священной Римской империи германской нации», а за фактическим прекращением переговоров наступало ужесточение условий торговли с последующим закрытием Немецкого подворья в 1494 году. Ответным действием ганзейских городов стало взятие под стражу русских купцов, находившихся в Риге и Ревеле, и запрет на торговлю с русскими землями. Конфликт, усугубляющийся пограничными столкновениями, строительством Ивангорода, в 1501 году перерос в войну, которая длилась два года и привела Ливонию в состояние глубокого политического и экономического кризиса.

Новгород в этих событиях играл заметную роль, выступая в качестве полноправного политического субъекта. Это несмотря на то, что реально как самостоятельное государство он не существовал и шёл в фарватере воли Ивана III, который передоверил полномочия, касающиеся отношений Новгорода с Ливонским орденом и ливонскими городами своему наместнику в городе.

Основная задача, поставленная автором этого издания, состояла не просто в том, чтобы донести до нас событийную канву русско-ливонских отношений этого периода, но и составить представление о характере русско-ливонских противоречий на рубеже XV—XVI веков. К сожалению, в работах очень многих историков, обращавшихся к этим событиям, как в немецкой, так и в русской, советской историографии «идейная направленность» откровенно доминирует над исторической достоверностью.

Официальные документы — письма, запросы, донесения, с которыми нас знакомит Бессуднова, выгодно отличаются от повествовательных памятников, заставляют серьёзно относиться к содержащимся в них сведениям, позволяют прийти к выводу, что истоки и природа русско-ливонского конфликта состояли в разрушении традиционного порядка общения представителей русского (православного) и западноевропейского (католического) миров. На протяжении многих столетий оно осуществлялось через своеобразный «адаптер», русско-европейскую контактную зону, в роли которой выступали ливонские города и Великий Новгород. Присоединение последнего к Москве, приведшее к пространственной близости столь различных систем, как Московское государство и Ливония, да к тому же осуществлённое в очень короткий срок, способствовало разрушению этой органичной композиции, породило многочисленные «сбои» в области экономики и политики, которые по мере их накопления привели к кризису и войне.

Новгород и Новгородская земля в русской мемуаристике XIX — нач. XX в. / сост. Г.М. Коваленко, С.А. Коварская, Н.И. Морылёва, Е.В. Откидач, Е.В. Прокофьев, Т.В. Шмелёва; Федеральное агентство по образованию, Новгород, гос. ун-т им. Ярослава Мудрого. — Великий Новгород, 2008.

Девятнадцать свидетелей прошедших эпох: историки, журналисты, писатели, художники, чиновники, местные землевладельцы, их свежий взгляд на повседневную жизнь провинциального города, непосредственные эмоциональные впечатления от религиозных святынь и новгородских древностей, исторические сведения, полученные в результате посещения Новгорода, — вот то, что воссоздаёт неповторимую атмосферу ушедшего времени.

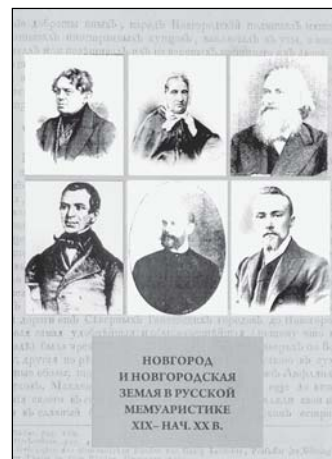
Все они дают возможность познакомиться с самыми разными впечатлениями о Новгороде — от очарования первой встречи до наблюдения в течение долгих лет, от восхищения историческим величием прошлого Новгорода до восприятия современной его жизни как времени глубокого упадка. Расположенные в хронологическом порядке, представленные мемуары восполняют недостаток источников по истории Новгорода XIX века, особенно заметный на фоне углублённого изучения истории средневекового города, и позволяют преодолеть сложившийся в исторической науке взгляд на этот период, как на время деградации всего провинциального общества. Повествовательные, нарративные источники, к которым относятся мемуары, более других отличаются крайней субъективностью и тенденциозностью, и достоверность воссоздаваемого ими прошлого для историка-исследователя должна подтверждаться свидетельствами из других источников. Для широкого круга читателей эти воспоминания, созданные на основе личных впечатлений, насыщенные интересными фактами, яркими деталями, наполненные особым духом, с языковой стихией далёкой от нас эпохи дадут ключ к пониманию атмосферы ушедшего времени, позволят почувствовать дух времени, вкус и аромат старины.

Издание дополнено краткими биографическими справками и открытками из коллекции Ю.А. Маркитанова с видами Новгорода описываемой эпохи, позволяющими современным читателям увидеть старый Новгород таким, каким видели его авторы мемуаров.

Янин В.Л. Очерки истории средневекового Новгорода / акад. В.Л. Янин. — М.: Языки славянских культур, 2008.

Это издание явилось результатом многолетнего комплексного исследования, основанного на изучении летописных материалов и письменных источников, подкреплённого результатами изысканий в области так называемых «вспомогательных исторических дисциплин»: нумизматики, сфрагистики, генеалогии, исторической географии и прочих. Конечно, основным источником новой информации по истории Новгорода являются материалы археологической экспедиции, основанной в 1932 г. А.В. Ардиховским.

В истории средневековой Руси трудно отыскать город с более яркой и своеобразной судьбой, чем Новгород. В последние десятилетия наука накопила факты о наличии важных

различий, существовавших в политическом устройстве, организации административного управления, языке, денежно-весовой системе между Новгородом и другими древнерусскими городами, что позволило утверждать: на заре формирования феодальных отношений в Древней Руси существовали два главных ядра российской государственности, возникшие независимо одно от другого: «Русская земля», политическим центром которой стал Киев, и Северо-Западная Русь с центром в Новгороде.

В предисловии к книге очерков, которая по сути своей

является итогом более чем полувекового служения истории нашего города, ознаменовавшегося многими звёздными открытиями, Валентин Лаврентьевич высказывает мнение, что ещё не пришло время для воссоздания полноценной истории Новгорода, раскрывающей все стороны его многообразного существования, наполненного реалиями общественно-политической, религиозно-духовной, культурно-художественной, бытовой жизни. Слишком много неясных моментов, загадок, «белых пятен» всё ещё таит его прошлое, но представленные на суд публики очерки помогают осветить многие аспекты политической жизни средневекового Новгорода.

Они уточняют роль приглашаемого в Новгород князя, разъясняют механизм возникновения новгородского боярства и боярского землевладения; прослеживают многовековую историю представительного органа боярства — посадничества; выясняют этапы формирования республиканских органов управления государством; делают понятным кризис вечевоего строя, наступивший во второй половине XV века.

Культура Новгорода на общерусском фоне, его роль в системе европейских торговых и культурных связей — ещё одна важная составляющая издания. Валентин Лаврентьевич Янин выражает особую благодарность Елене Александровне Рыбиной, принявшей авторское участие в написании этого раздела книги, редактировании всего издания и подборе иллюстраций. Немаловажным дополнением выступает и хронология важнейших дат истории Новгорода.

«Последняя война (1941—1945 гг.) фактически стёрла Новгород с лица земли, превратив в руины десятки его памятников. И всякий раз понимание его культурного значения для России и Европы в целом поднимало Новгород из руин, делая его сказочным фениксом, возрождающимся из пепла. И само его имя — „Новый город“ — кажется не просто названием, но и символом молодости и бессмертия».

1941—1945 годы — несомненно, одна из самых трагических страниц в истории Новгородской земли. Поэтому ничего удивительного, в том, что сотрудники Государственного архива новейшей истории Новгородской области (ГАНИНО), продолжая издание документов, раскрывающих историю советского периода, обратились к этой эпохе, «сокрушившей наш город, но не сокрушившей человека».

Новгородская земля в эпоху социальных потрясений 1941—1945 гг. Сборник документов. Книга третья / авт. вступ.ст. и сост. С.В. Яров; подготовка текста к публ. Т.М. Воронина, С.А. Коварская, А.Н. Чистяков, С.В. Яров;

Комитет культуры, туризма и архивного дела Новгород. обл., Гос. архив новейшей истории Новгород. обл., Санкт-Петербург. ин-т истории РАН, Новгород гос. ун-т им. Ярослава Мудрого. — СПб.: Нестор-История, 2008.

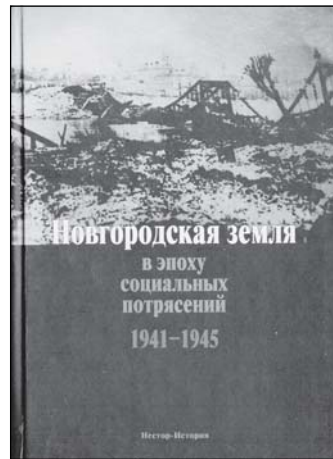
Как и в предыдущих книгах, весь массив документов — 182 единицы, опубликован в хронологическом порядке и собран по двум разделам: «Общество» и «Власть». Первый из них содержит документы, отражающие отношение различных групп населения к советской власти, мероприятиям военного времени, оценку ими военных действий, хода эвакуации, распределения материальных благ, а также же внешнеполитических событий. Во второй части сборника помещены документы, характеризующие настроения, быт и поведение представителей различных структур политической элиты общества, членов политических и общественных организаций. Наряду с патристическим подъёмом фиксировались и пораженческие настроения, и случаи дезертирства, предательства, однако говорить об этом как о массовом явлении документы не позволяют.

По Новгородской земле каток войны прошёл в полной мере. Часть её была оккупирована, здесь проходила фронтовая полоса, сравнявшая многие населённые пункты с землёй, десятки тысяч людей погибли или были угнаны на чужбину. Документы полномасштабно показывают, как трудно было налаживать жизнь после освобождения. За их строками — горькими и обжигающими, порой скупыми, через оптимистический глянец проступает подлинное величие тех, кто своими безмерными страданиями проложил путь к победе — одной на всех.

Не менее трагичными для Новгорода были события Смутного времени. Об этом периоде повествует сборник научных работ Германа Андреевича Замятина (1882—1953), никогда ранее не публиковавшихся.

Замятин Г.А. Россия и Швеция в начале XVII века. Очерки политической и военной истории / авт. вступ. ст., сост. Г.М. Коваленко; Санкт-Петербург. ин-т истории РАН, Новгород. гос. ун-т им. Ярослава Мудрого, Ин-т языка, лит. и истории Карельского науч. центра РАН. — СПб.: Европейский Дом, 2008.

Сборник по сути своей является капитальным научным трудом, создававшимся в течение всей жизни историка в русле главной темы его исследований — русско-шведские отношения в начале XVII века. В его основе семейный архив Делагарди, а также материал из архивохранилищ и библиотек России и Швеции. Работе с источниками и литературой способствовали обширные лингвистические познания Замятина, владевшего латынью, польским, немецким, шведским, французским, итальянским и английскими языками.

В сборнике представлены три работы:

1. Из истории борьбы Швеции и Польши за московский престол в начале XVII века. Падение кандидатуры Карла Филиппа и воцарение Михаила Романова.

2. Борьба за Псков между Московским государством и Швецией в начале XVII века.

3. Борьба за Корелу между Московским государством и Швецией в конце XVI — начале XVII вв.

В заключительной части книги помещены две статьи современных историков: В.А. Аракчеева и Ю.А. Жукова. Первый высвечивает проблему соотношения современных знаний о Пскове начала XVII века со сведениями, которыми оперировал Замятин, и анализирует его методы исследовательской деятельности; Ю.А. Жуков рассматривает «Борьбу за Корелу» в контексте борьбы за создание «Истории Карелии» — обобщающего научного труда, посвящённого истории этого региона, и отмечает чрезвычайно внимательный подход к источникам со скрупулёзным их анализом как характерный приём исследовательского метода Замятина.

Новгород, Новгородская земля и сопредельные им земли находятся в центре исследования, посвящённого военно-политической истории России начала XVII века. Не случайно в Новгородском историческом сборнике, издаваемом Новгородской секцией Института истории Академии наук, Герман Андреевич хотел опубликовать свои труды. Об этом свидетельствует его переписка с редколлегией сборника, сохранившаяся в Отделе письменных источников Новгородского государственного объединённого музея-заповедника. (Кстати, Замятин с 1913 года был членом Новгородского общества любителей древностей). Были запланированы несколько публикаций: велась редакционная работа с текстами, был подготовлен к печати сборник документов «Материалы по освобождению Новгорода из-под власти шведов в начале XVII века», куда вошли статьи Замятина. Но по ряду причин на рубеже 1939—1940 гг. ни одна из работ историка так и не была издана.

Публикуя труды Г.А. Замятина сегодня, историческое сообщество воздаёт дань уважения этому видному учёному, в научном наследии которого Новгород и Новгородская земля занимают важное место.

Северная Россия Озерная, или Новгородская область / Под. общ. ред. П.П. Семёнова. — М.: Белый город, 2007.

Эта книга — переиздание одного из томов знаменитой

20-томной серии «Живописная Россия — Отечество наше в его земельном, историческом, племенном, экономическом и бытовом значении» под редакцией П.П. Семёнова, вице-председателя Императорского Русского Географического Общества, сенатора, впоследствии члена Государственного совета.

Серия начала выходить в 1882 году в знаменитом петербургском издательстве М. Вольфа и опередила своё время. До сегодняшнего дня нет более полного и объёмного труда, посвящённого описанию Российской империи и народов, её населяющих. К участию в этом издании были приглашены лучшие

научные и литературные силы, и на страницах «Живописной России» появились оригинальные, специально написанные для этого издания очерки, нигде ранее не опубликованные. Многие сведения, изложенные в «Живописной России», устарели, а облик страны сильно изменился, но тем ценнее стало это издание, которое содержит в себе массу интересного и уникального материала. В мае 1900 года во время пожара на книжных складах сгорел почти весь запас уже готовых томов и листов. Перепечатка сгоревших томов оказалась невозможной по ряду причин. Таким образом «Живописная Россия» стала библиографической редкостью.

При подготовке данного тома к изданию текст был приведён в соответствие с современными нормами русского языка. Там, где необходимо, географические названия уточнены. Особое внимание уделено иллюстративным материалам, в книге сохранены лучшие иллюстрации оригинального издания и добавлены сотни новых. Включены в издание картины русских и советских художников, цветные фотографии Н. Прокудина-Горского, созданные в начале XX века, фотографии археологических находок, карты из Большого всемирного настольного атласа Маркса, изданного в Санкт-Петербурге в 1909 году.

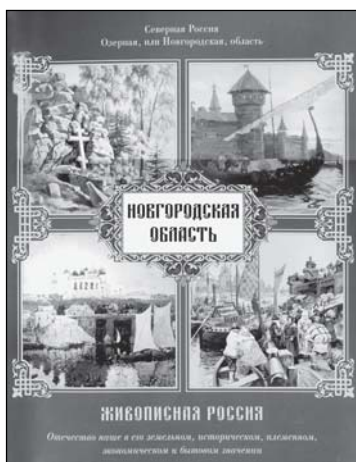
Н.И. Костомаров, известный историк, изучавший новгородский вечевой строй, подготовил две статьи для этого издания: «Северорусские народоправства» и «Древнейшие монастыри Новгородской и Псковской земли». С помощью исторических живописцев К. Лебедева, Н. Некрасова, В. Нагорного мы можем увидеть картины жизни средневекового Новгорода. Миниатюры из Радзивилловской летописи, древние планы Новгорода, артефакты: монеты, берестяные грамоты, изделия ремесленников; виды монастырей. Все эти иллюстрации вводят нас в образный и предметный мир многовековой истории нашего региона.

О «Городах Озерной области» и «Островных монастырях» написал С.В. Максимов, — писатель и этнограф, неутомимый путешественник, исходивший пешком почти всю Россию и оставивший замечательные этнографические очерки быта и жизни простолюдов, зарисовки иноческих подвигов монастырской братии. Старинные фотографии литографии, гравюры и картины показывают нам облик сильно изменившихся или вовсе стёртых с лица земли монастырей, некогда выросших из скитов, основанных на островах.

Это роскошное, многоцветное, действительно живописное издание — плод усилий людей, разделённых веками. Лучшие умы дореволюционной России и издатели современной едины в своих взглядах на ценность и важность исторических знаний. Недаром издание открывается эпиграфом:

*Ещё одно последнее сказанье —
И летопись окончена моя,
Исполнен долг, завещанный от Бога
Мне грешному. Недаром многих лет
Свидетелем Господь меня поставил
И книжному искусству вразумил;
Когда-нибудь монах трудолюбивый
Найдёт мой труд усердный, безымянный;
Засветит он, как я, свою лампаду
И, пыль веков от хартий отряхнув,
Правдивые сказанья перепишет,
Да ведают потомки православных
Земли родной минувшую судьбу..*

А.С. Пушкин «Борис Годунов»

Vladimir Yarish, Flo Hoppe, Jim Widess. Plaited Basketry with Birch Bark. New York/London: «Sterling», 2009. — 280 p.

В одном из крупнейших издательств США — «Стерлинг» ("Sterling") — вышла книга известного новгородского мастера Владимира Ивановича Ярыша «Плетение корзин из бересты», в соавторстве с двумя американскими специалистами. Пять глав книги, написанные В.И. Ярышем, посвящены берестяному творчеству, древненовгородским берестяным изделиям, заготовке материала, инструментам и изготовлению тусов.

Книга основана на многолетней практике обучения взрослых в студии «Новгородская береста» Новгородского городского Дворца культуры. Большая часть книги посвящена технологическим картам по изготовлению 18 традиционных новгородских изделий из бересты. Выбор данных изделий был осуществлён таким образом, чтобы как можно шире представить двухлетнюю Программу обучения мастеров в Великом Новгороде. Раздел книги «Галерея» представляет как избранные работы В.И. Ярыша, так и ряд работ американских мастеров в различных техниках плетения.

Издание красочно, информативно с точки зрения истории ремесла и продуктивно с точки зрения изготовления конкретных изделий из этого удивительного материала. Основанное полностью на новгородском материале и многолетнем опыте мастера, оно отражает современный уровень подхода к справочно-обучающим изданиям и может стать настольным пособием даже для людей, не владеющих английским языком.

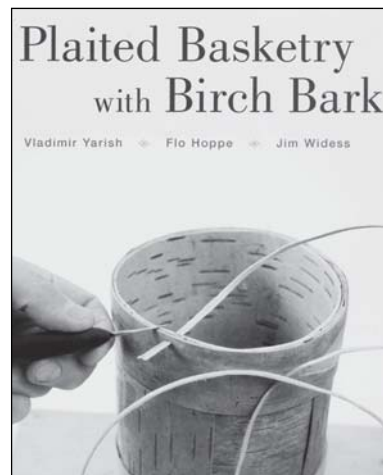
Проект был задуман в 1999 году в городе Гранд Рапидсе (Grand Rapids) штата Мичиган во время Фестиваля мастеров по плетению корзин, в котором новгородский мастер принимал участие в качестве преподавателя. Один из соавторов, Джим Вайдес, книготорговец и владелец мастерской по ремонту плетёной мебели, предложил В.И. Ярышу написать эту книгу — пособие по плетению из бересты. Дефицит подобной литературы ощущается во всех странах, где люди занимаются этим ремеслом. В.И. Ярыш принял предложение,

и работа началась... Джим взялся за осуществление общего руководства проектом, за подготовку необходимой фотопродукции. Позже для написания технологических карт 18 изделий в проект была приглашена известная американская мастерица Фло Хоппе, которая приезжала в Великий Новгород в 2000 году и участвовала в Празднике фольклора и ремёсел в Витославицах. Знакомая со спецификой русского подхода к плетению из бересты не понаслышке, она с большим интересом и знанием дела выполнила свою часть работы.

В одной из рецензий на вышедшее издание читаем: «Эта книга — захватывающая дыхание работа. Вначале я была впечатлена планом книги и количеством фотографий, которые помещены в ней за столь маленькую её стоимость. Затем я обнаружила простор и глубину разработки темы. В ней оказалась даже глава с подробным описанием заготовки бересты, что было восхитительно. Однако для тех из нас, у кого нет русского леса на задворках нашего сада, бумага может стать достойным заменителем коры! Мой материал — бумага. Я не мастер по плетению корзин, поэтому я так хорошо оценила детальные и превосходно написанные Фло Хоппе инструкции к изготовлению изделий, а также множество иллюстраций, сопровождающих большое количество изделий, предложенных для изготовления. Как истинный новичок в деле плетения, я плету и плету эти кубики, которые образуют такие красивые бусы. Я сомневаюсь, что когда-то достигну мастерства, необходимого для изготовления некоторых из этих изделий, но вполне достойно оцениваю их художественность, законченность и глубокие исторические корни, стоящие за ними. Хотя изысканные работы Владимира Ярыша вполне достаточны, эта книга включает также исчерпывающую художественную галерею с инновационными работами многих других хорошо известных мастеров. Это не легковесная книга, фигурально выражаясь, она — ценное дополнение к библиотеке любого читателя».

В содружестве родился великолепный продукт, который уже сейчас прогнозируется как достаточно востребованный на американском рынке. Продажа книги планируется в странах, где берестяное творчество является традиционным. Написанная на английском языке и изданная в США, книга едва ли будет широко продаваться в России (тому причиной и множество других факторов), но может вполне быть проводником русской, новгородской культуры на Западе. Она, безусловно, станет популяризатором Новгородской земли — познавательного и перспективного туристического продукта. Знаменательно, что издание вышло в канун 1150-летия Великого Новгорода.

15 декабря, 2008 г. П.М. Шрадер (Ром, штат Нью Йорк)
December 15, 2008 . By P. M. Schrader (Rome, NY)

About the Authors

Vladimir Yarish, a master, award-winning basket maker, has worked with birch bark for over 24 years. Born in Qaraghandy, Kazakhstan, Vladimir moved to Novgorod province. He has been teaching birch-bark basketry at his studio in the Cultural Palace of the city Velikiy Novgorod, since 1993. Beginning in 1997, Vladimir has been invited to teach classes in various locales in the United States. He has published many articles on birch-bark and traditional basket-making for both academic journals and popular magazines. He is currently researching the history of traditional birch-bark basketry, haunting, as permitted, every relevant museum and archeological site in Russia.

His works have been featured in the Hamburg Museum of Ethnology, the Saint Petersburg Toy Museum, and the Novgorod State Museum of Architecture, History, and Fine Arts. He has participated in numerous exhibitions and won awards at home and abroad for his basket-making talents. He lives with his wife Tatiana and son George.

Информация об авторах

АНТОНОВА Любовь Вениаминовна, врач-офтальмолог, краевед, г. Санкт-Петербург.

БОТВИНИН Григорий Николаевич, студент I курса Новгородского филиала СПбГУЭФ (ФИНЭК), г. Великий Новгород.

БУЛЫГИН Василий Степанович, заведующий методическим кабинетом секции социологии СБО ИНПО, литератор с 1965 г., г. Великий Новгород.

ВАВИЛОВА Любовь Александровна, директор музея истории НовГУ им. Ярослава Мудрого, г. Великий Новгород.

ДОНЧЕНКО Анатолий Петрович, доктор философских наук, профессор, директор Гуманитарного института НовГУ им. Ярослава Мудрого, г. Великий Новгород.

ИВАНИЦКИЙ Виктор Васильевич (1948–2008)

ИГНАТЬЕВ Андрей Александрович, научный сотрудник Боровичского филиала НГОМЗ, г. Боровичи.

ИЗВЕКОВ Игорь Николаевич, кандидат педагогических наук, доцент кафедры общей и экспериментальной физики ИЭИС НовГУ им. Ярослава Мудрого, Предводитель НООО НГДС, г. Великий Новгород.

КОВАЛЕНКО Геннадий Михайлович, кандидат исторических наук, доцент НовГУ им. Ярослава Мудрого, заведующий отделом истории Новгорода Санкт-Петербургского института истории РАН, действительный член НОЛД, г. Великий Новгород.

КОВАЛЁВ Борис Николаевич, доктор исторических наук, профессор кафедры теории и истории государства и права НовГУ им. Ярослава Мудрого, г. Великий Новгород.

КИСЕЛЁВА Ирина Васильевна, заведующая отделом научно-справочного аппарата и информационных технологий ГАНУ, г. Великий Новгород.

КОЗЛОВ Сергей Александрович, заведующий литературно-драматической частью Новгородского академического театра драмы им. Ф.М. Достоевского, аспирант отделения журналистики филологического факультета НовГУ им. Ярослава Мудрого, г. Великий Новгород.

КОНИВЕЦ Анна Валентиновна, старший научный сотрудник Эрмитажа, г. Санкт-Петербург.

КУЛИК Сергей Владимирович, доктор исторических наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета, г. Санкт-Петербург.

ЛЕВАНДОВСКИЙ Сергей Николаевич, старший научный сотрудник Государственного Русского музея, доцент кафедры русского искусства Института имени И.Е. Репина, член Союза художников и Союза журналистов России, действительный член Петровской Академии наук и искусств, г. Санкт-Петербург.

ЛЕОНТЬЕВА Жанна Сергеевна, студентка IV курса Колледжа экономики и права НовГУ им. Ярослава Мудрого, г. Великий Новгород.

МЕЛЬНИКОВ Илья Андреевич, студент IV курса филологического факультета НовГУ им. Ярослава Мудрого, г. Великий Новгород.

МОСКВИНА Ольга Ивановна, этномузыколог, ведущий методист отдела художественного творчества и досуга ГУК «Новгородской областной Дом народного творчества», г. Великий Новгород.

МОРЫЛЁВА Наталья Ивановна, главный библиотекарь научной библиотеки НовГУ им. Ярослава Мудрого, г. Великий Новгород.

ОЛЕЙНИКОВА Алёна Олеговна, студентка I курса филологического факультета РГПУ им. А.И. Герцена, г. Санкт-Петербург.

о. АЛЕКСАНДР (Панкратов), иерей, настоятель общины Русской Православной Старообрядческой Церкви, преподаватель спецкурса «История старообрядчества» НовГУ им. Ярослава Мудрого, действительный член НОЛД, г. Великий Новгород.

ОТКИДАЧ Елена Валентиновна, директор научной библиотеки НовГУ им. Ярослава Мудрого, г. Великий Новгород.

ПАДУСЕП Ирина Владимировна, студентка V курса экономического факультета НовГУ им. Ярослава Мудрого, г. Великий Новгород.

РАБИНОВИЧ Яков Николаевич, историк-документалист кафедры истории России исторического факультета Саратовского государственного университета, г. Энгельс.

САФОНОВ Михаил Михайлович, старший научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории РАН, г. Санкт-Петербург.

СИГАЛОВА Тамара Наумовна, член Союза журналистов России, г. Вупперталь, Германия.

ХОХЛОВ Илья Владимирович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник НГОМЗ, г. Великий Новгород.

Перепечатка материалов и использование их в любой форме разрешается по согласованию с редакцией, ссылка на «Чело» обязательна.
Мнение редакции может не совпадать с мнениями авторов.

Адрес редакции:

173003, Россия, Великий Новгород, ул. Саши Устинова, д. 1, каб. 6507.

Телефон: (8162) 62-75-85, E-mail: chelo@list.ru

Альманах зарегистрирован в Комитете РФ по печати. Рег. номер 013934.

Подписано в печать 19.05.2009. Заказ № 538. Бумага 80 г/м².

Тираж отпечатан в ЗАО «Новгородский Технопарк». Телефон: (816-2) 73-76-76.

Над номером работали:

Главный редактор – Е.В. Барканова

Редактор отдела – Е.М. Ипатова

Ведущий программист – И.П. Смирнова

Редактор I категории – Н.Б. Пшанская

Редактор – М.К. Кулиничева

Художественное оформление В.И. Поветкина